

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 25. № 2

2026

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тема номера: / Theme

Слово и текст в диахронии и синхронии
(к 100-летию со дня рождения профессора С.П. Лопушанской)

Word and Text in Diachrony and Synchrony
(Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Professor S.P. Lopushanskaya)

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
LINGUISTICS

Volume 25. No. 2

2026

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026
Том 25. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2026
Volume 25. No. 2

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2026. Vol. 25. No. 2

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Theme:

Word and Text in Diachrony and Synchrony

(Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Professor S.P. Lopushanskaya)

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. E.M. Sheptukhina – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. E.Yu. Ilyinova – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. S.V. Ionova (Moscow)
Prof., Dr. S.S. Takhtarova (Kazan)
Cand. I.A. Safonova – Executive Secretary (Volgograd)
Cand. O.S. Volkova – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. R.S. Alikaev (Nalchik);
Prof., Dr. N.S. Bolotnova (Tomsk);
Prof., Dr. D. Voyvodich (Novi Sad, Serbia);
Prof., Dr. V.Z. Demyankov (Moscow);
Leading Researcher, Dr. N.N. Zapolskaya (Moscow);
Prof., Dr. M.V. Zelikov (Saint Petersburg);
Prof., Dr. D.Yu. Ilyin (Volgograd);
Prof., Dr. V.I. Karasik (Volgograd);
Prof., Dr. A.F. Kelletat (Mainz, Germany);

Prof., Dr. K. Koncharevich (Belgrade, Serbia);
Prof., Dr. E.I. Koriakowcewa (Siedlce, Poland);
Prof., Dr. L.P. Krysin (Moscow);
Prof., Dr. O.A. Leontovich (Volgograd);
Prof., Dr. I.P. Lysakova (Saint Petersburg);
Prof., Dr. O.A. Prokhvatilova (Moscow);
Prof., Dr. O.N. Prokhorova (Belgorod);
Prof., Dr. V.I. Terkulov (Donetsk);
Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology V.S. Tomelleri (Turin, Italy);
Assoc. Prof., Dr. E. Hoffmann (Vienna, Austria);
Prof., Dr. N.L. Shamne (Volgograd);
Prof., Dr. L. Shipelevich (Warsaw, Poland);
Dr. R. Schmitt (Mannheim, Germany);
PhD, Assoc. Prof. K. Yan (Zhuhai, China)

At the invitation of the Chief Editor,
Assoc. Prof. E.M. Sheptukhina,
Dr. Sc., Prof. O.A. Gorban (Volgograd),
Dr. Sc., Prof. M.V. Kosova (Volgograd)
take the positions of the Executive Editors
of the present issue

Editors, Proofreaders: M.V. Gayval, I.V. Smetanina
Editors of English texts: O.S. Volkova, D.A. Novak
Making up by E.S. Reshetnikova, A.A. Khabarova
Technical editing by E.S. Reshetnikova

Passed for printing on May 6, 2026.
Date of publication: Aug. 13, 2026. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 16.7. Published pages 17.9.
Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).
Order 57. «C» 14.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026. Т. 25. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера:

Слово и текст в диахронии и синхронии

(к 100-летию со дня рождения профессора С.П. Лопушанской)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *К. Янь* (г. Чжухай, Китай)

По приглашению главного редактора

доц. Е.М. Шептухиной

выпускающими редакторами номера являются

д-р филол. наук, проф. *О.А. Горбань* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Косова* (г. Волгоград)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль, И.В. Сметанина*
Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка *Е.С. Решетниковой, А.А. Хабаровой*
Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 06.05 2026 г.

Дата выхода в свет: 13.08 2026 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,7.

Уч.-изд. л. 17,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).

Заказ 57. «С» 14.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

Шептухина Е.М., Горбань О.А., Косова М.В.
К 100-летию со дня рождения профессора
Софии Петровны Лопушанской (1926–2008) 5

ГЛАГОЛ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Дмитриева О.И., Орлова Д.Г. Возможности
синхронно-диахронического исследования
словообразовательных процессов
в глагольной подсистеме русского языка 9

Тупикова Н.А., Стародубцева Н.А.
Градационные модели выражения семантики
ин-персональности русского глагола и способы
их репрезентации в речи диалектоносителей 23

Шамне Н.Л. Нетипичные способы
перемещения субъекта: особенности объективации
в немецком языке 40

Ильинова Е.Ю., Кочетова Л.А.
Коммуникативно-прагматическая манифестация
глагола в медийных заголовках
о здоровом образе жизни 54

СЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ: АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Николаева Н.Г. Семантическая и морфемная модуляция
в древнеславянских переводных текстах 69

Супрун В.И. Латинско-славянские параллели
в Киевских глаголических листках:
продолжение совместного
с профессором С.П. Лопушанской исследования 81

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ: ДИАХРОНИЯ И СИНХРОНИЯ

Горбань О.А., Косова М.В., Шептухина Е.М.
Понятие «функционирование языковой единицы»
в лингвистической концепции С.П. Лопушанской 90

Ерофеева И.В. Лексическая категоризация
представления о времени
в древнерусском летописном тексте 105

Дмитриева Е.Г., Сафонова И.А. Лексические средства
описания чудес в Житии Зосимы
и Савватия Соловецких 118

Крючкова О.Ю., Буранова А.И.
Функциональный анализ диалектной речи 137

Рацибурская Л.В., Сандакова М.В. Динамика
оценочности слова в современных медийных
и художественных текстах:
лексический и словообразовательный аспекты 151

Шарандин А.Л. Поэтика
смыслового противопоставления «ты – вы»
в любовной лирике
Е.А. Боратынского и А.С. Пушкина 166

CONTENTS

Sheptukhina E.M., Gorban O.A., Kosova M.V.
Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth
of Professor Sophia Lopushanskaya (1926–2008) 5

VERB IN LANGUAGE AND TEXT

Dmitrieva O.I., Orlova D.G. Feasibilities
of Synchronous-Diachronic Research of Word-Formation
Processes in the Verbal Subsystem
of the Russian Language 9

Tupikova N.A., Starodubtseva N.A. Gradational Models
of Expressing the Semantics of the In-Personality
of the Russian Verb and the Ways of Their Representation
in the Speech of Dialect Speakers 23

Shamne N.L. Atypical Ways of Subject Movement:
Features of Objectification
in the German Language 40

Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A. Communicative
and Pragmatic Manifestations
of the Verb in Media Headlines
on Healthy Lifestyle 54

SLAVIC TEXT: RESEARCH ASPECTS

Nikolaeva N.G. Semantic and Morphemic Modulation
in the Old Slavonic Translated Text 69

Suprun V.I. Latin-Slavic Parallels
in Kievan Glagolitic Missal:
Continuation of a Joint Study
with Professor S.P. Lopushanskaya 81

FUNCTIONING OF LANGUAGE UNITS: DIACHRONY AND SYNCHRONY

Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M.
On Phenomenon “Language Unit Functioning”
in Conception of S.P. Lopushanskaya 90

Erofeeva I.V. Lexical Categorization
of the Concept of Time
in the Old Russian Chronicle Text 105

Dmitrieva E.G., Safonova I.A. Lexical Means
of Describing Miracles in Hagiographies of Zosimas
and Sabbatius of Solovki 118

Kryuchkova O.Yu., Buranova A.I. Functional Analysis
of Dialect Speech 137

Ratsiburskaya L.V., Sandakova M.V. Dynamics
of Word Evaluation in Modern Media
and Literary Texts:
Lexical and Word-Building Aspects 151

Sharandin A.L. The Poetics
of the Semantic Contrast “ty – vy”
in the Love Lyrics
of Ye.A. Boratynsky and A.S. Pushkin 166

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА СОФИИ ПЕТРОВНЫ ЛОПУШАНСКОЙ (1926–2008)¹

DEDICATED TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PROFESSOR SOPHIA LOPUSHANSKAYA (1926–2008)¹

София Петровна Лопушанская родилась 16 марта 1926 г. в Полтаве. На Украине прошло ее детство, оттуда она во время Великой Отечественной войны была эвакуирована в Навтлугский детский дом (Грузия), воспитанницей которого была до 1945 года. В 1945 г. поступила в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Научно-исследовательские интересы Софии Петровны Лопушанской во многом сформировались под влиянием таких ученых, как В.В. Виноградов, Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов. С 1950 по 1977 г. София Петровна преподавала в Казанском педагогическом институте; в 1961 г. окончила аспирантуру Ленинградского университета, где обучалась под руководством известного историка русского языка М.А. Соколовой. В этом же году защитила кандидатскую диссертацию «Глагольные формы по памятнику XVII века “Слово и дело государевы”», а в 1975 г. – докторскую диссертацию «Эволюция простых глагольных форм прошедшего времени в древнерусском книжном языке». С 1977 г. была профессором и заведующим кафедрой в Волгоградском государственном педагогическом институте.

В Волгоградском государственном университете С.П. Лопушанская работала со дня его основания. В 1980 г. она стояла у истоков создания кафедры русской филологии, на базе которой сформировались три кафедры филологического факультета ВолГУ. Была заведующим научной лабораторией «Глагол». Являлась председателем созданного в 1994 г. диссертационного совета по русскому и германским языкам; с 1998 г. – директором НИИ истории русского языка ВолГУ.

¹ В основу статьи положен материал издания: Научная школа профессора С.П. Лопушанской «Развитие и функционирование русского глагола»: история и современные векторы : монография / авт. коллектив: Т. М. Батурина, К. А. Белоконова, Е. С. Белоус [и др.] ; [под общ. ред. О. А. Горбань] ; Волгогр. гос. ун-т. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2025. 460 с.

С.П. Лопушанская стала основателем научной лингвистической школы ВолГУ «Развитие и функционирование русского глагола». Она автор более 200 научных и учебно-методических работ, в которых рассматриваются теоретические и прикладные вопросы изучения и преподавания истории русского языка, славянского глагола, разрабатываются методы лингвокультурологического исследования языка региона. Под ее руководством защищено 10 докторских и 19 кандидатских диссертаций (в том числе гражданами Чехословакии).

Научная и преподавательская деятельность профессора С.П. Лопушанской связана с большой общественной и просветительской работой: она была членом Совета по русскому языку при Президенте, а затем при Правительстве РФ (1994–2004 гг.), членом Головного Совета «Филология» при Министерстве образования РФ (с 1980 г.). София Петровна являлась Заслуженным деятелем науки Российской Федерации (1996 г.); награждена медалями «Ветеран труда СССР» (1987 г.), международной медалью А.С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка в мире» (МАПРЯЛ, 1996 г.), медалями «За заслуги. К 20-летию ВолГУ» (2000 г.) и «25 лет ВолГУ» (2005 г.); нагрудными знаками «Отличник народного просвещения» (1968 г.), «За отличные успехи в работе. Высшая школа СССР» (1976 г.), «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2001 г.); орденом Русской Православной Церкви святителя Макария, митрополита Московского, III степени «За духовное просвещение» (2006 г.); удостоена почетного звания «Хранитель традиций» Администрации Волгоградской области (2005 г.)².

Ведущим принципом изучения языка, разрабатывавшимся в научно-исследовательской деятельности профессора С.П. Лопушанской, является комплексность, или *комплексный подход*, который осуществляется как органичное *единство системности и функциональности*. Анализ языковых единиц с учетом их формы и содержания, парадигматических и синтагматических отношений, межуровневых связей реализует системный подход как в синхронии, так и в диахронии. Изучение функционирования языковых единиц нацелено на установление их внешних связей на уровне контекста, целостного текста, внетекстовой реальности – исторических условий создания текста, изображаемых событий, целей и задач автора, его личности, мировоззрения, мировосприятия соответствующей эпохи³.

² Подробно о профессоре С.П. Лопушанской см.: Лопушанская София Петровна // Знаменитые люди Поволжья / авт. идеи, гл. ред. М. И. Фомичев. Волгоград : Кислер Компани : Фонд развития бизнеса «Золотой Дон», 2008. С. 53 ; Памяти Софии Петровны Лопушанской // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2008. № 2 (8). С. 207–209 ; Профессор С.П. Лопушанская. URL: https://volsu.ru/struct/institutes/fink/ruslang/professor_lopushanskaya.php?sphrase_id=711252 ; Система времен профессора С.П. Лопушанской // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. Юбил. вып. : Воспоминания. Мечты сбываются... С. 103–111 ; София Петровна Лопушанская // Мир Православия : сб. ст. Вып. 7. Памяти С.П. Лопушанской. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. С. 3–7 ; София Петровна Лопушанская // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2008. № 5. С. 124–127 ; Lopushanskaya Sophiya // Dictionary of International Biography: A Biographical Record of Contemporary Achievement. 25th ed. Cambridge : International Biographical Centre, 1997. P. 245 ; Who is Who в России. Биографическая энциклопедия успешных людей в России. 4-е изд. Zug : Hübners Who is Who, 2010. С. 576.

³ О комплексном подходе в трудах С.П. Лопушанской см.: Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М. Принципы комплексного подхода к анализу языковых явлений в трудах профессора С.П. Лопушанской // Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект : коллектив. моногр. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2009. С. 5–26 (2-е изд. Москва : Флинта, 2015. С. 3–24) ; Горбань О. А., Терентьева Е. В., Шептухина Е. М. Университетские труды профессора С.П. Лопушанской // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6, Университетское образование. 2011–2012. Вып. 13. С. 123–127 ; Горбань О. А., Шептухина Е. М. Лингвистические идеи профессора С.П. Лопушанской в контексте современной научной парадигмы // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 6. С. 7–15 ; Косова М. В., Шептухина Е. М. Методологические положения лингвистической концепции профессора С.П. Лопушанской: новые сферы применения // Слово и текст в синхронии и диахронии : сб. ст. к 95-летию со дня рождения С.П. Лопушанской / под общ. ред. Е. Г. Дмитриевой, И. А. Сафоновой. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2022. С. 33–55 ; Kosova M. V. Development of Theoretical Approaches to Modern Document Studies in Linguistic School of Professor Sophia P. Lopushanskaya // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22, № 6. С. 69–81. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.5>

Основы такого понимания комплексности были заложены в первых монографиях: «Очерки по истории глагольного формообразования в русском языке» и «Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке», где выявлены *закономерности развития системы времен русского глагола*; показано взаимодействие двух тенденций языкового развития – к унификации и к дифференциации глагольных форм – при доминирующей тенденции к унификации в русском языке; обоснован тезис о переосмыслении понятия времени действия от конкретно-пространственного к абстрактному и о перестройке темпоральной системы в связи с этим изменением общей семантики категории времени; разработано положение о *сложном взаимодействии конкретно-пространственного и абстрактно-пространственного восприятия мира человеком* как философской основе объяснения эволюции языка⁴.

С.П. Лопушанской были обобщены результаты анализа *глагольного формообразования в истории русского языка* и предложена классификация глаголов, учитывающая эволюцию соотношения двух формообразующих глагольных основ по признаку их равенства / неравенства и имеющая как формальные, так и семантические основания, что придает ей объяснительную силу при описании языковых процессов⁵.

В дальнейшем применение комплексного подхода для решения новых задач современной лингвистики способствовало расширению рамок исследований за счет обращения не только к глаголу, но и к единицам других частей речи и уровней, привлечения все большего материала русского и других языков, учета экстралингвистических – когнитивных, коммуникативных – факторов, применения разнообразных методов и приемов его анализа, в том числе с использованием компьютерных технологий. Объектом исследования в работах С.П. Лопушанской становится целостный текст, а одним из важнейших – положение о *текстообразующей функции глагола* и о *степени участия субъекта* в обозначаемом действии как жанрообразующем и жанродифференцирующем признаке⁶.

Существенное место в концепции С.П. Лопушанской занимает положение о *тенденциях языковых изменений в процессе речемыслительной деятельности и типах модификации глагольной лексики*. Значимость приобретает разграничение *семантической структуры слова*, сложившейся в системе языка, и *смысловой структуры словоформы*, функционирующей в контексте. С.П. Лопушанской было дано определение семантической структуры слова с позиций комплексного подхода и выдвинут тезис о двух типах семантических изменений в смысловой структуре словоформы – *семантической модуляции* и *семантической деривации*. Главным критерием различения этих процессов выступает сохранение / несохранение категориально-лексической семы при перегруппировке семантических признаков, образующих семантическую (смысловую) структуру слова. Семантическая модуляция – изменение значения слова, которое, в отличие от семантической деривации, не приводит к переосмыслению категориальной семы, к формированию нового слова и переходу его в другую лексико-семантическую группу⁷. Данная концепция была дополнена и изложена с использованием понятий «*концепт*», «*концептуальное ядро*», «*стереотипность*», «*концептосфера*»⁸.

⁴ Лопушанская С. П. Очерки по истории глагольного формообразования в русском языке. Казань : Таткнигоиздат, 1967. 173 с. ; Ее же. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1975. 342 с.

⁵ Лопушанская С. П. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград : Изд-во ВПИ, 1990. С. 22–31.

⁶ Лингвистическое описание «Устава Святослава Ольговича» // Проблемы исторического языкознания. Вып. 3. Литературный язык Древней Руси. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. С. 131–137.

⁷ Лопушанская С. П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград : Изд-во ВПИ, 1988. С. 5–19 ; Ее же. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. 1996. Вып. 1. С. 6–13.

⁸ Лопушанская С. П. Соотношение понятий *стереотипность*, *концептуальное ядро* и *концептосфера* в языкознании // Studia Rossica Posnaniensia. 2002. Vol. 30. P. 79–85.

С.П. Лопушанской определены *концептуальные основы разграничения старославянского, русского церковнославянского, древнерусского языков*, взаимодействовавших в процессе формирования русского общенародного языка ⁹.

Предложена *модель структуры общенародного русского языка*, единство которого на всей территории его распространения и во всех сферах его использования обеспечивает кодифицированный литературный язык как ядерное средство, а различия, которые обнаруживаются, например, в диалектной, профессиональной, просторечной и жаргонной лексике, проявляются в периферийных разновидностях общенародного русского языка ¹⁰.

В качестве одного из принципов комплексности С.П. Лопушанская обосновала использование *совокупности разнообразных методов исследования*, в том числе математической и корпусной лингвистики, с привлечением электронных баз данных, а также метод матричной реконструкции ¹¹.

Основные принципы и результаты научных исследований, изложенные в трудах профессора С.П. Лопушанской, определили структуру юбилейного номера журнала. В нем три раздела («Глагол в языке и тексте», «Славянский текст: аспекты исследования», «Функционирование языковых единиц: диахрония и синхрония»). В статьях авторов, принадлежащих разным лингвистическим школам, развиваются лингвистические идеи профессора С.П. Лопушанской, обосновываются новые подходы к изучению русского глагола в системе языка, функционально-семантической эволюции языковых единиц, в том числе русского (славянского) глагола, исследуются взаимодействие русского литературного языка и диалектной речи, объективация языковых и понятийных категорий в текстах разных типов и жанров, реализация языка в дискурсе. Такая проблематика публикаций отражает научную преемственность, которую С.П. Лопушанская считала важным фактором развития современной лингвистики.

Е.М. Шептухина,
главный редактор журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание»;
О.А. Горбань, М.В. Косова,
выпускающие редакторы юбилейного номера

⁹ Лопушанская С. П. Разграничение старославянского и русского староцерковнославянского языков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. 1997. Вып. 2. С. 6–17.

¹⁰ Лопушанская С. П. Общенародный русский язык // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2001. Вып. 1. С. 7–19.

¹¹ Лопушанская С. П. Взаимодействие русского литературного языка и Нижневолжских говоров по данным матричной реконструкции // Взаимодействие русского литературного языка и территориальных диалектов. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. С. 11–22.

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.2>

UDC 811.161.1'04:81'373.611

LBC 81.411.2-03

Submitted: 19.01.2026

Accepted: 20.03.2026

FEASIBILITIES OF SYNCHRONOUS-DIACHRONIC RESEARCH OF WORD-FORMATION PROCESSES IN THE VERBAL SUBSYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Olga I. Dmitrieva

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Dariya G. Orlova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of synchronous-diachronic study of linguistic subsystems, the methodology of which is being developed by representatives of the scientific school of Professor S.P. Lopushanskaya, Saratov derivatologists. The verb subsystem naturally becomes the main object of study in their research, both in lexico-grammatical and semantic-word-formation aspects, since it is one of the most functionally complex. The article outlines the possibilities of using the synchronous-diachronic method in describing various verbal semantic and word-formation subsystems (word-formation categories, word-formation clusters of verbs) and word-formation processes (intra-verbal prefixal word production, reduplication, suffixal formation of verbal neologisms). The confixal derivatives are viewed as correlative with prefixes; that these models might be in relationship of interaction and competition; that, starting from the Old Russian period of language development, a number of regular confixal models have been formed, such as *za-...-e-*, *za-...-i-*, *za-...-sja*. According to the data of dictionaries of neologisms, in the Russian language of the turn of the millennium, confixation is becoming an increasingly active and regular word-formation process in the field of verbal word production.

Key words: derivatology, synchronous-diachronic method, verb lexical subsystem, word-formation process, prefixation, confixation, neologization, Russian verbal vocabulary.

Citation. Dmitrieva O.I., Orlova D.G. Feasibilities of Synchronous-Diachronic Research of Word-Formation Processes in the Verbal Subsystem of the Russian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 9-22. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.2>

УДК 811.161.1'04:81'373.611

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 19.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ВОЗМОЖНОСТИ СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГЛАГОЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ольга Ивановна Дмитриева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

Дарья Григорьевна Орлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме синхронно-диахронического изучения языковых подсистем, разработкой методики которого занимаются представители научной школы профессора С.П. Лопушанской, саратовские дериватологи. Глагольная подсистема закономерно становится в их исследованиях основным объектом изучения как в лексико-грамматическом, так и семантико-словообразовательном аспектах, поскольку является одной из наиболее сложных в функциональном отношении. В статье обозначены возможности использования синхронно-диахронического метода при описании различных глагольных семантико-словообразовательных подсистем (словообразовательных категорий, словообразовательных гнезд глаголов) и словообразовательных процессов (внутриглагольного префиксального словопроизводства, редупликации, суффиксального образования глагольных неологизмов). Основная исследовательская задача статьи – определить связь между формированием префиксальных и конфиксальных моделей глагольного словопроизводства. Синхронно-диахронический анализ новообразований с приставкой *за-* с применением комплексной семантико-словообразовательной и функционально-семантической методики позволил установить некоторые тенденции взаимодействия суффиксальных, префиксальных и конфиксальных структур. Показано, что конфиксальные производные возникают как соотносительные с префиксальными, что эти модели могут находиться в отношениях взаимодействия и конкуренции, что, начиная со старорусского периода развития языка, формируется ряд регулярных конфиксальных моделей, таких как *за-...-е-*, *за-...-и-*, *за-...-ся*. В русском языке рубежа тысячелетий конфикация становится, судя по данным словарей неологизмов, все более активным и регулярным словообразовательным процессом в сфере глагольного словопроизводства.

Ключевые слова: дериватология, синхронно-диахронический метод, глагольная лексическая подсистема, словообразовательный процесс, префиксация, конфикация, неологизация, русская глагольная лексика.

Цитирование. Дмитриева О. И., Орлова Д. Г. Возможности синхронно-диахронического исследования словообразовательных процессов в глагольной подсистеме русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 9–22. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2026.2.2>

Введение

Определяя глагольное слово как «доминанту в системе русской лексики», Н.Ю. Шведова имела в виду не только связь его семантического потенциала с грамматическим (в самом глагольном слове заложена «способность отнесения ко времени»), не только то, что глагол обладает сильными словообразовательными возможностями и обнаруживает стремление к проникновению в сферы других классов, но и то, что строение лексического глагольного класса характеризуется большой сложностью и составляет динамическую подсистему [Шведова, 1995].

Динамический подход к исследованию языковых процессов и подсистем, восходящий к традициям Казанской лингвистической школы, предполагает, что эволюция языка – это не простая смена синхронических состояний, а непрерывный процесс [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 349]. Идеи представителей Казанской лингвистической школы о разграничении и

взаимодействии синхронии и диахронии в языке стали фундаментом разработанного С.П. Лопушанской комплексного подхода к анализу глагольного слова, позволяющего выйти за рамки частных лингвистических фактов и определить общие закономерности их развития и функционирования, связать развитие грамматической категории времени с изменением восприятия объективного времени от конкретно-пространственного к абстрактно-пространственному [Лопушанская, 1990; 1996; 1998; 2008], показать эволюцию морфологической системы глагола «как диахронический процесс изменения плана содержания и плана выражения в их диалектическом единстве» [Горбань и др., 2009, с. 10]. С.П. Лопушанская в работах, обращенных к изучению столь сложного и столь многогранного для научной интерпретации объекта, как глагол, всегда стремилась с позиций языковой динамики представить его как комплекс функционально-семантического, лексико-грамматического, семантико-словообразовательного начал,

взаимодействие которых и определяет характер языковых процессов [Дмитриева, 2011]. Разработанная С.П. Лопушанской концептуальная база стала фундаментом дальнейшего комплексного исследования закономерностей развития и функционирования русского глагола представителями созданной ей научной школы [Батурина и др., 2025].

Интерес к динамическому исследованию глагольной подсистемы языка сближает волгоградских ученых – представителей научной школы С.П. Лопушанской и саратовских дериватологов. Проблемы словообразовательной динамики и лексико-семантической динамики, разработка синхронно-диахронического анализа словообразовательных процессов определили главный вектор развития Саратовской дериватологической школы [Дмитриева, 2024а].

Следует заметить, что словообразование как научная отрасль сложилось во второй половине XX в. в системно-структурной синхронической парадигме [Николаев, 2011]. При этом стремление развести синхроническое и диахроническое словообразование при очевидном предпочтении первого привело к исключению понятия словообразовательного процесса, в то время, как само «понятие словообразование, образование слов имплицитно представляет о процессе» [Трубачёв, 1994, с. 17], и тем самым размывается граница между синхронией и диахронией. Обоснование необходимости учета факторов реального словопроизводства позволило Н.М. Шанскому обозначить синхронно-диахронический подход к фактам словообразования как наиболее соответствующий специфике языкового материала [Шанский, 1977].

В связи с формированием синхронно-диахронического метода исследования лексико-семантических и словообразовательных подсистем представляется справедливой мысль Л.И. Баранниковой о том, что не всегда новый путь анализа языкового материала связан с новым витком научной парадигмы, поэтому обозначившиеся в предшествующей парадигме идеи часто получают свое развитие и решение в парадигме более поздней, что может означать не отсутствие целостного подхода к языку, а стремление познать язык во всей его сложности и многообразии проявлений

[Баранникова, 2005, с. 18]. Л.И. Баранниковой была обоснована возможность синхронно-диахронического исследования языковых процессов как способа преодоления разрыва между синхронией и диахронией, между общей теорией и описанием отдельных фактов, а также необходимость применения системного анализа в диахронических исследованиях, которые были в основном посвящены «истории отдельных явлений, в лучшем случае ряда явлений, часто без достаточного внимания к их связи с другими явлениями и с системой в целом» [Баранникова, 1997, с. 5].

Синхронно-диахронический подход позволяет рассматривать исторические процессы исходя из системного статуса изменяющихся объектов, при этом историческая стабильность языковых фактов в тот или иной период осмысливается как этап в постоянном развитии языка [Дмитриева, 2012]. Основополагающими в исследованиях синхронно-диахронического характера стали *принцип последовательного исторического подхода* к изучаемому объекту с обязательной опорой на достаточный языковой материал; *принцип системности*, дающий возможность опираться на положения общей теории языка и использовать разные приемы анализа языкового материала; *принцип комплексного и многоаспектного анализа* семантико-словообразовательных подсистем, который определяется действием структурных, лексико-семантических, жанрово-стилистических, социокультурных, когнитивных факторов [Дмитриева, Крючкова, 2010, с. 20–22]. В ряде монографий участников научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» [Дмитриева, 2024б] отражены возможности и результаты применения синхронно-диахронического анализа к различным глагольным семантико-словообразовательным подсистемам: приставочным глаголам и глаголам-редупликантам [Дмитриева, Крючкова, 2010], глаголам одной словообразовательной категории и словообразовательным гнездам глаголов перемещения [Дмитриева, Крючкова, 2010; Кадькалова, 2007; Крючкова и др., 2021]. Синхронно-диахроническое исследование глагольных новообразований в подсистеме суффиксальных глаголов русского языка позволило определить основные тенденции

процесса неологизации русской глагольной лексики, семантическую и словообразовательную специфику этого процесса как в отдельные периоды развития русского языка, так и в широкой исторической перспективе в целом [Дмитриева, Орлова, 2021; 2023; Орлова, 2023; 2024]. Одной из важных оказывается тенденция к образованию новой глагольной лексики главным образом за счет суффиксации. Закономерно возникает вопрос о соотношении суффиксального словопроизводства и других способов образования глагольных неологизмов: приставочного, приставочно-суффиксального, постфиксального.

Выявить в процессе синхронно-диахронического анализа глагольных неологизмов специфику словообразовательных отношений между суффиксальными и префиксальными структурами, обозначить отдельные закономерности формирования конфиксальных моделей в ходе неологизации глагольной подсистемы языка – основная цель данной статьи.

Материал и методы

Применение синхронно-диахронического метода, как уже отмечалось, предполагает последовательно исторический подход к отбору языкового материала, полноту его охвата, системный характер анализа. В этой связи обращение к лексикографическим источникам материала в синхронно-диахронических исследованиях является обоснованным. Представление о динамике лексической системы русского языка в старорусский период, хронологически охватывающий время с начала XV до конца XVII вв., дает материал «Словаря русского языка XI–XVII вв.». В отличие от «Словаря русского языка XVIII в.», не только исторического, но и динамического (фиксирует новообразования с помощью особых помет), «Словарь русского языка XI–XVII вв.» не обозначает новую для старорусского периода глагольную лексику. Отбор языкового материала из этого источника производился на основе словарной фиксации первых употреблений слова, начиная с XV в., то есть с начала формирования старорусского языка. «Словарь русского языка XIX в.», как и «Словарь русского языка XVIII в.» графически фиксирует новую лексику. О неологических процессах в

современном русском языке позволяют судить специальные неологические словари десятилетий и словари-ежегодники (см. список словарей). С целью последовательного анализа развития словообразовательных отношений между суффиксальными, префиксальными и конфиксальными структурами в границах одной глагольной формации *за-* методом сплошной выборки были отобраны все глаголы с этой приставкой, которые можно рассматривать как неологизмы в рамках каждого их выделенных исторических периодов. Из «Словаря русского языка XI–XVII вв.» отобрано около 200 глагольных новообразований на *за-*, в период формирования единого национального литературного языка по данным «Словаря русского языка XVIII в.» зафиксировано около 350 слов, по материалам современных неологических словарей отобрано около 50 слов. Всего системному анализу подверглось порядка 600 глагольных неологизмов в рамках формации *за-*.

Результаты и обсуждение

При диахроническом анализе глаголов неоднократно отмечалось, что в ходе развития языка приставочное глагольное словообразование может вытесняться приставочно-суффиксальным [Аминова, 1998; Бубекова, 2014; Гунько, 2012]. Для обозначения регулярного словообразовательного форманта *префикс* + *суффикс* или *префикс* + *суффикс* + *постфикс* имеется специальный термин *конфикс*. Понятие конфиксации применительно к русскому языку разработано В.М. Марковым, который выделил ее как третий морфологический способ словопроизводства наряду с префиксацией и суффиксацией [Марков, 2001]. Под конфиксацией мы понимаем способ морфологического словообразования, при котором производящая основа осложняется аффиксальным формантом одновременно в пре- и постпозиции и модель такого образования становится регулярной. Важно понимание конфикса как единого и регулярного форманта, определяющего и регулярность словообразовательной модели.

Попытка выявить динамику взаимодействия префиксальных и конфиксальных моделей словообразования в ходе глагольной

неологизации русского языка базируется на синхронно-диахроническом исследовании большого языкового материала суффиксальных глаголов [Орлова, 2023; Дмитриева, Орлова, 2023], приставочных глаголов с приставками *по-*, *до-*, *от-* [Дмитриева, Крючкова, 2010] в соотношении с имеющимися результатами, полученными другими авторами при изучении динамики префиксальных глагольных подсистем [Кукушкина, 1996; Нефедьев, 1994; Табаченко, 2002].

Существенным является ряд положений этих исследований, относящихся к области префиксального словопроизводства.

1. Внутриглагольная префиксация, то есть образование приставочных глаголов от глаголов, – это процесс, который характеризуется однородностью производящей базы, в качестве которой рассматриваются беспрефиксные суффиксальные глаголы, способные включаться в процесс префиксального словопроизводства. В древнерусском языке основную часть производящей базы приставочных глаголов составляла глагольная лексика с семантикой положения в пространстве, перемещения, а также физического воздействия на объект, относящаяся к общеиндоевропейскому и восточнославянскому лексическому фонду.

2. Семантика базовых глаголов соотносилась с самыми ранними пространственными значениями приставок, а с формированием у них модификационных значений, характеризующих разные способы глагольного действия, качественный состав производящей базы расширялся.

3. Изменение состава производящей базы происходит за счет пополнения ее новой глагольной лексикой, образованной уже в русском языке суффиксальным способом от именных основ, что сопровождается ее семантическим расширением глаголами деятельности и поведения (агентивными), не относящимися к глаголам с пространственной семантикой или с семантикой конкретного действия, направленного на объект [Кадькалова, 2007; Дмитриева, Крючкова, 2010].

Особый научный интерес представляет проблема взаимодействия префиксальных и конфиксальных глаголов в диахронии. В исследованиях казанских дериватологов отмечается, что отдельные конфиксальные глаголы

фиксируются в памятниках письменности древнерусского языка уже с XI в., но при этом конфиксация не является исконным способом русского словообразования, и закрепление конфикса как самостоятельного средства словопроизводства относится к XIV в. [Аминова, 1998; Бубекова, 2014]. Отдельные исследования дают возможность судить о регулярности действия конфиксации уже в старорусский период, а тем более в русском языке XVIII в. [Левицкая, 2012; Дмитриева, Орлова, 2021].

Предпринятый нами синхронно-диахронический анализ позволяет предположить, что исходно конфиксальные модели проявляли неустойчивость, не всегда могли быть безоговорочно противопоставлены префиксальным, поэтому многие глаголы с приставками имели неединственную мотивацию: как, к примеру, образован глагол *замаслити* – конфиксальным способом с помощью конфикса *за-...-и-* от *масло* или приставочным – с формантом *за-* от *маслити*?

В старорусский период процесс образования новых глаголов с приставкой *за-* регулируется действием ряда тенденций.

1. Глаголы, где приставка *за-* служит средством выражения собственно пространственного значения перемещения за объект, характерного для древнерусского языка, например *зайти* ‘зайти за пределы чего-л.’: «Князи русии *зайдоша за* Калакъ рѣку» XIII в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 204), в старорусский период появляются редко и приобретают дополнительное значение «движение внутрь объекта», например *затащити* ‘затащить кого-л. куда-л.’ («Брата моего, болшево Сома, *затащил* в невод» XVII в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 313)).

2. Анализ позволяет отметить возможность использования в старорусском языке приставки *за-* в сочетании с основами, обозначающими распространение действия по поверхности, то есть объектными глаголами физического действия (*зарушити* ‘разрушить’, *запустошити* ‘опустошить’, *затѣснити* ‘оттеснить’), но такие новообразования единичны. К тому же отчетливо обнаруживается тенденция к словообразовательной синонимии приставок, с последующим вытеснением приставки *за-* другими префиксами в сочетании с этими основами: *разрушить*, *опустошить*, *оттеснить*.

3. В качестве производящих глагольных основ в старорусском языке с приставкой **за-** начинают активно взаимодействовать суффиксальные отыменные глаголы с общей семантикой покрытия объекта: *завоциити* 'покрыть воском', *задернити* 'покрыть дерном', *замаслити* 'покрыть маслом', *запылити*, *замусорити*, *засѣяти*, *забрызгати*, *запахати* и др. (СлРЯ XI–XVII, вып. 5).

4. Проведенный анализ новообразований с приставкой **за-** старорусского периода, показал, что отыменные глагольные неологизмы эволютивной семантики в этот период активно включались в процесс образования префиксальных неологизмов на **за-**. Эволютивные глаголы на **за-** могли обозначать приобретение того или иного свойства, признака как субъектом действия (*загнити* 'стать гнилым', *загустѣти* 'стать густым', *задряхлѣти* 'стать дряхлым', *заржавѣти* 'стать ржавым', *зарумянѣти* 'стать румяным', *замелѣти* 'стать мелким'), так и передачу этого признака объекту действия (*загноити* 'сгноить, сделать гнилым', *загустити* 'сделать густым', *заострити* 'сделать острым', *закривити* 'сделать кривым').

Очевидно, что только часть глагольных новообразований с формантом **за-** в XVI–XVII вв. соотносится с бесприставочными глаголами в качестве производящих основ, например *загустѣти* от *густѣти*. В большинстве случаев отадъективные суффиксальные новообразования на **за-** можно отнести к конфиксальным производным от прилагательных. Время первой фиксации приставочных глаголов на **за-** и соотносимых с ними производящих позволяет судить о том, что большинство из приставочных новообразований могло иметь именно конфиксальную структуру: *замаслити* (XVI в.) от *масло* (XI в.) при отсутствии в старорусском языке беспрефиксного глагола *маслити*; *зарумянѣти* от *румяный* (XVI в.); *заржавѣти* от *ржавый* (и глагол, и прилагательное относятся к XVI в.). А вот неологизм старорусского периода заморозити (XVI в.) может мотивироваться как существительным *мороз*, так и употреблявшимся с XII в. беспрефиксным глаголом *морозити*.

Это позволяет отметить, что в старорусском языке начинается формирование конфиксальных моделей **за-...-ѣ-** и **за-...-и-**.

5. Наиболее значимая тенденция, обнаруженная в ходе анализа новообразований на **за-**, это формирование большой группы производных глаголов с общим значением начала действия:

1) начала производства и распространения звука (*затрубити* 'начать трубить', *зашумѣти* 'начать шуметь', *захрипѣти* 'начать хрипеть', *запѣти* 'начать петь', *заревѣти*, *засвистати*, *завыти*, *заблести*, *завизжати*, *загоготати* и др.);

2) начала речевой деятельности (*заговорити* 'начать говорить', *заворчати* 'начать ворчать', *закричати* 'начать кричать');

3) начала развития состояния субъекта (*заплакати* 'начать плакать', *зацвѣсти* 'начать цвести', *завоняти* 'начать вонять');

4) начала неоднаправленного перемещения (*забѣгати* 'начать бегать', *завертѣти* 'начать вертеть').

Можно говорить об активном процессе формирования начинательного способа глагольного действия в старорусский период именно за счет образований с приставкой **за-**, произведенных от беспрефиксных глаголов префиксальным способом.

В русском языке XVIII в. в группе глаголов с приставкой **за-** абсолютное большинство составляют префиксальные новообразования с семантикой начинательности: *заалеть*, *зааукать*, *заахать*.

Группа глаголов с начинательным значением становится самой многочисленной, что отражает процесс формирования семантики начала действия у приставки **за-**. Постепенно этот префикс становится основным маркером начинательного способа глагольного действия в русском языке. Глаголы на **за-** с общей семантикой начала действия, как уже отмечалось, являются внутриглагольными приставочными производными.

Префиксальными образованиями являются и вошедшие в язык в XVIII в. глаголы на **за-** со значением результативности (*заарендовать*, *забороновать*); с пространственно-результативной семантикой (*закатить*, *забросить*); с интенсивно-результативным пространственным значением (*закидать*, *забросать*); со значением интенсивно-результативного воздействия на объект (*забодать*, *завалать*, *загонять*, *задержать*, *задрознить*).

В период формирования единого национального литературного языка глаголы результативно-эволютивной семантики (объектные), например, *забелить*, *зажелтить*, *зазеленить* и результативно-эволютивные (субъектные) глаголы (*забледнеть*, *зажиреть*, *заглубеть*, *зазеленеть*) нельзя безоговорочно рассматривать как конфиксальные, поскольку все отыменные суффиксальные глаголы (*белеть* и *белить*, *желтеть* и *желтить*, *зеленеть* и *зеленить*) фиксируются словарями и могут рассматриваться в составе производящей базы. Можно предположить, что действует тенденция к параллельному освоению языком конфиксальных и префиксальных моделей при одновременном пополнении производящей базы отыменными суффиксальными производными.

В XVIII в. регулярной становится конфиксальная модель *за-...-ся* (префиксально-постфиксальная) при образовании от глагольных основ: *загоститься*, *заглазеться*, *забалакаться* с общим словообразовательным значением «интенсивно погрузиться в действие, названное производящим глаголом».

На современном этапе развития языка возможность отследить появление новых глаголов почти «в режиме реального времени» дает обращение к словарям-ежегодникам «Новое в русской лексике», которые содержат большой материал для системного анализа закономерностей процесса взаимодействия интересующих нас префиксальных и конфиксальных моделей.

Конфиксальные глагольные новообразования в современном русском языке по частеречной принадлежности производящей базы делятся на отсубстантивные и отадъективные. Отсубстантивные глаголы образуются с помощью следующих конфиксов: 1) самая продуктивная модель на *за-* – это конфиксальная модель с *за-...-и-*: *за+куар+ить*, *за+локдаун+ить*, *за+кэнсел+ить* (осудить), *за+укол+ить* (ср. уже традиционные *заболотить*, *заземлить*, *закабалить*; *засбоить*) 2) *за-...-е-*: *за+ковид+еть*; 3) *за-...-и-+-ся*: *за+карантин+ить+ся*. Отадъективные глаголы, образованные по конфиксальной модели *за-...-и-*: *засерьезнить*, *закоротить*, *забытовить*, *закруглить*, *задобрить*, в числе новообразований новейшего времени немногочисленны.

В лексикографическом представлении глагольных новообразований регулярно обна-

руживается двойственность мотивационных характеристик, что отражает конкуренцию конфиксальных и собственно префиксальных моделей. Например: *закуарить* > *за+куарить* и *за+куар+ить*; *заковидеть* > *за+ковидеть* и *за+ковид+еть*; *заковидить* > *за+ковидить* и *за+ковид+ить* (НРЛ-2020).

Регулярно конкурируют модели, включающие постфикс *-ся*, хотя в большинстве случаев это приставочные производные от суффиксальных глаголов: *под+вакцинироваться*, *на+самоизолироваться*, *до+самоизолироваться*, *недо+изолироваться*, *про+чипироваться*, *по+зумиться* (НРЛ-2020). К конфиксальным можно отнести как отыменные (*рас+карантин+ить+ся*, *на+карантин+ить+ся*), так и отглагольные (*от+ковидеть+ся*, *об+куарить+ся*) модели.

Интересно, что даже в одном словообразовательном гнезде интерпретация отношений производности в словарной статье может варьироваться.

Это относится к описанию в словарях НРЛ слов гнезда с вершинным словом *ковид*: *об+ковид+ить*, *пере+ковидеть*, *за+ковидеть* или гнезда с вершинным словом *куар* (код): *за+куар+ить* и *за+куарить*, *об+куар+ить*, *от+куар+ить*, *от+куар-код+ить*.

Эти примеры позволяют утверждать, что для глагольных образований с приставками часто характерна неединственная мотивация, и без системного анализа больших групп новообразований трудно определить характер словопроизводственных отношений. В разные периоды развития языка префиксальные и конфиксальные глагольные структуры формируются с разной степенью интенсивности. В период развития старорусского и национального литературного языка XVIII в. новые глаголы с большей регулярностью образуются от соответствующих суффиксальных производящих с помощью префикса. В современном русском языке префиксальные глагольные модели продолжают активно функционировать, но в то же время новые глаголы регулярно образуются по устойчивым конфиксальным словообразовательным моделям: *за-...-и-*, *за-...-е-*, *за-...-и-+-ся*.

Все эти факты свидетельствуют о тенденции к активизации конфиксального глагольного словопроизводства в современном

русском языке. Особый интерес представляет изучение синонимии конфиксальных и префиксальных словообразовательных типов, которая обнаруживается уже в старорусский период [Аминова, 1998; Бубекова, 2014]. Синхронно-диахронический анализ приставочных глаголов с различными префиксами способствует выявлению случаев синонимии приставочных глаголов, образованных разными способами. Так, воссоздание истории взаимодействия префиксальных и префиксально-суффиксальных (конфиксальных) словообразовательных типов с большой степенью достоверности позволяет судить о тенденции к переходу от собственно префиксального внутриглагольного к конфиксальному способу глагольного словопроизводства: *залокдаунить* ‘закрыть вследствие локдауна’ (НРЛ-2020), *закьюарить* ‘вакцинироваться’ (*за+кьюар+и(ть)*), *зауколить* (*за+укол+и(ть)*) (НРЛ-2021), *залегендировать* ‘законсперировать’ (*за+легенд+ирова(ть)*), *запараллелить* (*за+параллел+и(ть)*), *заштабелировать* ‘сложить штабелями’ и др.

Отдельные глагольные новообразования с приставками могут оцениваться как производные с двойственной мотивацией: *отмониторить* (конфиксальное *от+монитор+и(ть)*) или префиксальное *от+мониторить*), *закошмарить*, *распиарить*.

Соотносительный беспрефиксный отыменной суффиксальный глагол может параллельно употребляется в одном и том же тексте, что и префиксальный: *Поселок не **распиарен** – не раскупаются туры. Наверное, есть и другие способы заработать, поэтому никто не собирает его **пиарить*** (КП). Это позволяет судить о префиксальном способе образования глагола *распиарить* от глагола *пиарить*, а не от существительного *пиар*. Образованию слова предшествует выстраивание в сознании носителя языка словообразовательной цепи: *пиар* > *пиарить* > *распиарить*. Можно предположить, что появление отыменного беспрефиксного

глагола в языке определяется его востребованностью и необходимостью заполнения словообразовательной лакуны.

Включение в систему синхронно-диахронического анализа глаголов словообразовательных формаций с другими приставками должно способствовать более последовательному соотнесению конфиксальных и префиксальных структур в рамках каждой из них, а, следовательно, и более последовательному описанию динамики их взаимодействия.

Заключение

Таким образом, синхронно-диахронический анализ позволяет утверждать, что количество глагольных конфиксальных словообразовательных моделей в ходе развития языка непрерывно увеличивается. С момента возникновения и до настоящего времени конфикация укрепляла свои позиции в системе русского словообразования, что подтверждается не только увеличением числа конфиксальных структур, но и изменением системного статуса глагольной конфикации как регулярного и продуктивного способа словообразования.

Правомерно предположить, что процесс образования приставочных глаголов от суффиксальных глагольных производящих основ и приставочных конфиксальных глаголов от именных основ может идти на определенном этапе развития языка параллельно, пока суффиксальный отыменный глагол не закрепляется в языковой системе как база регулярного префиксального модификационного словопроизводства, а конфиксальные образования не приобретут регулярный и системный характер. Синхронно-диахронический анализ словообразовательных подсистем позволяет не только воссоздать их историю, определить динамику их формирования, но и способствует выявлению динамических тенденций современного словопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аминова А. А., 1998. Глагольные синонимы русского языка : (Развитие глагольной синонимии в словообразовательном аспекте). Казань : Изд-во Каз. ун-та. 156 с.
- Баранникова Л. И., 1997. О соотношении системного и диахронического подхода к языку (из истории вопроса) // Язык и общество. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. Вып. 11. С. 3–6.
- Баранникова Л. И., 2005. Формирование современной научной парадигмы в лингвистике. Функциональный подход к языку // Общее и русское языкознание : избранные работы. Москва : КомКнига. С. 14–23.
- Батурина Т. М., Белоконева К. А., Белоус Е. С. и др., 2025. Научная школа профессора С.П. Лопушанской «Развитие и функционирование русского глагола»: история и современные векторы : монография / под общ. ред. О. А. Горбань. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 460 с.
- Бодуэн де Куртене И. А., 1963. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 1. Москва : Изд-во АН СССР. 384 с.
- Бубекова Л. Б., 2014. Типология и парадигматика конфикальных глаголов русского языка // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. № 3 (19). С. 37–41.
- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В. и др., 2009. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект / отв. ред. Е. М. Шептухина. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 272 с.
- Гуныко О. Г., 2012. Формирование и развитие конфикации в сфере русского субстантивного словообразования // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 63, № 5. С. 34–38.
- Дмитриева О. И., 2011. Историческая динамика глагольных словообразовательных процессов // Слово в языке и тексте : сб. ст. к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской / под общ. ред. О. А. Горбань, Е. М. Шептухиной. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. С. 56–71.
- Дмитриева О. И., 2012. Диахрония, синхрония, динамика: проблема синхронно-диахронного исследования словообразовательных подсистем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (16). С. 42–46.
- Дмитриева О. И., 2024а. Саратовская дериватологическая школа: проблематика, результаты, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 2. С. 177–187. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-12
- Дмитриева О. И., 2024б. IX Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 24, вып. 2. С. 234–237. DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-2-234-237
- Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю., 2010. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов : Науч. кн. 364 с.
- Дмитриева О. И., Орлова Д. Г., 2021. Тенденции словообразовательной динамики в ходе неологизации русской глагольной лексики // Динамические аспекты русского словообразования / О. Ю. Крючкова, Л. В. Балашова, О. И. Дмитриева [и др.]; под ред. О. И. Дмитриевой, О. Ю. Крючковой. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. С. 47–60.
- Дмитриева О.И., Орлова, Д. Г., 2023. Тенденции неологизации глагольной лексики в старорусском языке (XV–XVII вв.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 6. С. 95–105. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.7>
- Кадькалова Э. П., 2007. К изучению законов словопроизводства : Агентивные глаголы в русском языке. Саратов : Наука. 216 с.
- Крючкова О. Ю., Балашова Л. В., Дмитриева О. И. и др., 2021. Динамические аспекты русского словообразования / под ред. О. И. Дмитриевой, О. Ю. Крючковой. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. 228 с.
- Кукушкина О. В., 1996. О механизме развития непространственных значений у приставок // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. Серия: Вопросы русского языкознания. Москва : Изд-во МГУ. Т. 6. С. 135–150.
- Левицкая А. Д., 2012. Динамика словообразовательных процессов: глагольные префиксация и конфикация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (16). С. 150–153.
- Лопушанская С. П., 1990. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград : Изд-во ВПИ. 114 с.

- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 1. С. 6–13.
- Лопушанская С. П., 1998. Конкретно-пространственное и абстрактно-пространственное восприятие мира человеком как философская основа объяснения эволюции языка // Человек в современных философских концепциях : материалы Междунар. науч. конф. (Волгоград, 17–19 сент. 1998 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 337–346.
- Лопушанская С. П., 2008. Типология функционально-семантических изменений русского глагола // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Наука. С. 442–447.
- Марков В. М., 2001. Замечания о конфиксации в современном русском языке // Избранные работы по русскому языку. Казань : ДАС. С. 104–109.
- Нефедьев М. В., 1994. Семантическая эволюция глагольных приставок *на-* и *об-* в истории русского языка XI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. № 4. С. 73–83.
- Николаев Г. А., 2011. Русское и славянское словообразование: Opera selecta. Казань : Каз. ун-т. 220 с.
- Орлова Д. Г., 2023. Новые суффиксальные глаголы и формирование новых глагольных словообразовательных типов в русском языке XVIII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 23, вып. 2. С. 122–128. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-2-122-128
- Орлова Д. Г., 2024. Тенденции неологизации глагольной лексики в конце XX – начале XXI вв. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 24, вып. 3. С. 257–263. DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-3-257-263
- Табаченко Л. В., 2002. Глаголы с приставкой *над-* в истории русского языка // Предложение и слово. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. С. 673–678.
- Трубачёв О. Н., 1994. Синхрония, диахрония – und kein Ende... (маргиналии по русскому историческому словообразованию) // Исследования по русскому историческому словообразованию. Москва : Ин-т рус. яз. РАН. С. 16–28.
- Шанский Н. М., 1977. Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе. № 3. С. 9–16.
- Шведова Н. Ю., 1995. Глагол как доминанта в системе русской лексики // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). Москва : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. С. 409–415.

ИСТОЧНИК

КП – Комсомольская правда (толстушка-Россия) : газета. 2009. 3–10 сент.

СЛОВАРИ

- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2001. 1536 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2017 / отв. ред. А. Ю. Кожевников. Санкт-Петербург : Ин-т лингв. исслед. РАН, 2019. 138 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2018 / отв. ред. Н. В. Козловская. Санкт-Петербург : Ин-т лингв. исслед. РАН, 2020. 104 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2019 / сост. Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, Ю. С. Ридецкая ; отв. ред. Ю. С. Ридецкая. Санкт-Петербург : Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. 110 с.
- НРЛ-2020 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2020 / редкол. А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая. Санкт-Петербург : Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. 486 с.
- НРЛ-2021 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2021 / отв. ред. Н. В. Козловская, А. С. Павлова. Санкт-Петербург : Ин-т лингв. исслед. РАН, 2022. 318 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2022 / сост. Е. С. Громенко, А. Е. Демина, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая. Санкт-Петербург : Ин-т лингв. исслед. РАН, 2023. 254 с.

- Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009–2014. 3 т.
- Словарь русского языка XVIII в. Ленинград : Наука ; Санкт-Петербург : Наука, 1984— .
- Словарь языка интернет.ру / под ред. М. А. Кронгауза. Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с. (Словари для интеллектуальных гурманов).
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. Москва : Наука, 1975–2011; Вып. 30. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015; Вып. 31. Москва : ЛЕКСПУС, 2019.
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковой. Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. Москва : ЭКСМО, 2006. 1136 с.

REFERENCES

- Aminova A.A., 1998. *Glagolnyje sinonimy russkogo jazyka: (Razvitije glagolnoj sinonimii v slovoobrazovatel'nom aspekte)* [Verbal Synonyms of the Russian Language (Development of Verbal Synonymy in the Word-Formation Aspect)]. Kazan, Izd-vo Kaz. un-ta. 156 p.
- Barannikova L.I., 1997. O sootnoshenii sistemnogo i diakhronicheskogo podkhoda k jazyku (iz istorii voprosa) [On the Relationship Between a Systematic and a Diachronic Approach to Language (From the History of the Issue)]. *Jazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, iss. 11, pp. 3-6.
- Barannikova L.I., 2005. Formirovanije sovremennoj nauchnoj paradigmy v lingvistike. Funkcionalnyj podkhod k jazyku [Formation of a Modern Scientific Paradigm in Linguistics. A Functional Approach to Language]. Barannikova L.I. *Obshcheje i ruskoje jazykoznanije: izbrannyje raboty* [General and Russian Linguistics: Selected Works]. Moscow, KomKniga Publ., pp. 14-23.
- Baturina T.M., Belokoneva K.A., Belous Je.S. et al., 2025. *Nauchnaja shkola professora S.P. Lopushanskogo «Razvitije i funkcionirovanije russkogo glagola»: istorija i sovremennye vektory: monografija* [Scientific School of Professor S.P. Lopushanskaya "Development and Functioning of the Russian Verb": History and Modern Vectors. Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 460 p.
- Boduen de Kurtene I.A., 1963. *Izbrannyje trudy po obshchemu jazykoznaniju. V 2 t. T. 1* [Selected Works on General Linguistics. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 384 p.
- Bubekova L.B., 2014. Tipologiya i paradigmatica konfiksialnykh glagolov russkogo jazyka [Typology and Paradigmatics of Confixal Verbs of the Russian Language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta* [Bulletin of the Moscow State Humanitarian-Economic Institute], no. 3 (19), pp. 37-41.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V. et al., 2009. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskij aspekt* [Semantics of the Old Russian Verb: Synchronous-Diachronic Aspect]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo. 272 p.
- Gunko O.G., 2012. Formirovanije i razvitije konfiksatsii v sfere russkogo substantivnogo slovoobrazovanija [The Confixation Formation and Development in a Sphere of Russian Substantive Word-Formation]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], iss. 63, no. 5, pp. 34-38.
- Dmitrieva O.I., 2011. Istoricheskaja dinamika glagolnykh slovoobrazovatel'nykh protsessov [Historical Dynamics of Verbal Word-Formation Processes]. Gorban O.A., Sheptukhina E.M., eds. *Slovo v jazyke i tekste: sb. st. k 85-letiju so dnja rozhdenija Sofii Petrovny Lopushanskogo* [Word in Language and Text. Collection of Articles Dedicated to the 85th Anniversary of the Birth of Sofia Lopushanskaya]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, pp. 56-71.
- Dmitrieva O.I., 2012. Diakhronija, sinkhronija, dinamika: problema sinkhronno-diakhronnogo issledovanija slovoobrazovatel'nykh podsystem [Diachronic, Synchronic, Dynamics: The Problem of Synchronic-and-Diachronic Research of Word-Formation Subsystems]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Jazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (16), pp. 42-46.

- Dmitrieva O.I., 2024a. Saratovskaja derivatologicheskaja shkola: problematika, rezultaty, perspektivy [Saratov School of Derivatology: Problems, Results, Prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologija* [Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology], no. 2, pp. 177-187. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-12
- Dmitrieva O.I., 2024b. IX Mezhdunarodnyj nauchnyj seminar «Razvitije slovoobrazovatelnoj i leksicheskoy sistemy russkogo jazyka» [IX International Scientific Seminar “The Development of the Word-Formation and Lexical System of the Russian Language”]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], vol. 24, iss. 2, pp. 234-237. DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-2-234-237
- Dmitrieva O.I., Krjuchkova O.Ju., 2010. *Dinamika slovoobrazovatelnykh protsessov: semantiko-kognitivnyj, zhanrovo-stilisticheskij, strukturnyj aspekty* [Dynamics of Word-Formation Processes: Semantic-Cognitive, Genre-Stylistic, Structural Aspects]. Saratov, Nauch. kn. Publ. 364 p.
- Dmitrieva O.I., Orlova D.G., 2021. Tendentsii slovoobrazovatelnoj dinamiki v khode neologizatsii russkoj glagolnoj leksiki [Trends in Word-Formation Dynamics in the Course of Neologization of Russian Verbal Vocabulary]. Krjuchkova O.Ju., Balashova L.V., Dmitrieva O.I. et al. *Dinamicheskiye aspekty russkogo slovoobrazovaniya* [Dynamic Aspects of Russian Word Formation]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, pp. 47-60.
- Dmitrieva O.I., Orlova D.G., 2023. Tendentsii neologizatsii glagolnoj leksiki v starorusskom jazyke (XV–XVII vv.) [Trends in Neologization of Verbal Vocabulary in the Old Russian Language (15th – 17th Centuries)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 6, pp. 95-105. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.7>
- Kadkalova E.P., 2007. *K izucheniju zakonov slovoпроизводства: Agentivnye glagoly v russkom jazyke* [Towards the Study of the Laws of Word Production: Agentive Verbs in the Russian Language]. Saratov, Nauka Publ. 216 p.
- Krjuchkova O.Ju., Balashova L.V., Dmitrieva O.I. et al., 2021. *Dinamicheskiye aspekty russkogo slovoobrazovaniya* [Dynamic Aspects of Russian Word Formation]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 228 p.
- Kukushkina O.V., 1996. O mekhanizme razvitija neprostranstvennykh znachenij u prstavok [On the Mechanism of the Development of Non-Spatial Meanings in Prefixes]. *Aktualnyje problemy sovremennoj rusistiki. Diakhronija i sinkhronija. Seriya: Voprosy russkogo jazykoznanija* [Actual Problems of Modern Russian Studies. Diachrony and Synchrony. Series: Questions of Russian Linguistics]. Moscow, Izd-vo MGU, vol. 6, pp. 135-150.
- Levitskaya A.D., 2012. Dinamika slovoobrazovatelnykh protsessov: glagolnye prefiksatsiya i konfiksatsiya [Dynamics of Verbal Derivational Processes: Confixation and Prefixation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (16), pp. 150-153.
- Lopushanskaja S.P., 1990. *Razvitije i funkcionirovanije drevnerusskogo glagola* [The Development and Functioning of the Old Russian Verb]. Volgograd, Izd-vo VPI. 114 p.
- Lopushanskaja S.P., 1996. Semanticheskaja moduljatsiya kak rechemyslitelnyj protsess [Semantic Modulation as a Speech-Thinking Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologija*, iss. 1, pp. 6-13.
- Lopushanskaja S.P., 1998. Konkretno-prostranstvennoje i abstraktno-prostranstvennoje vosprijatije mira chelovekom kak filosofskaja osnova objasnenija evoljutsii jazyka [Concrete-Spatial and Abstract-Spatial Perception of the World by Man as a Philosophical Basis for Explaining the Evolution of Language]. *Chelovek v sovremennykh filosofskikh kontseptsijakh: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Volgograd, 17–19 sent. 1998 g.)* [Man in Modern Philosophical Concepts. Proceedings of the International Scientific Conference. (Volgograd, September 17–19, 1998)]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 337-346.
- Lopushanskaja S.P., 2008. Tipologija funktsionalno-semanticheskikh izmenenij russkogo glagola [Typology of Functional and Semantic Changes of the Russian Verb]. *Predlozhenije i slovo: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Sentence and Word. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Saratov, Nauka Publ., pp. 442-447.
- Markov V.M., 2001. Zamechanija o konfiksatsii v sovremennom russkom jazyke [Notes on Confixation in the Modern Russian Language]. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Kazan, DAS Publ., pp. 104-109.
- Nefedjev M.V., 1994. Semanticheskaja evoljutsija glagolnykh prstavok na- i ob- v istorii russkogo jazyka XI–XVIII vv. [The Semantic Evolution of the Verb Prefixes na- and ob- in the History of the Russian Language of the 11th – 18th Centuries]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 73-83.

- Nikolaev G.A., 2011. *Russkoje i slavjanskoje slovoobrazovanie: Opera selecta* [Russian and Slavic Word Formation: Opera selecta]. Kazan, Kaz. un-t. 220 p.
- Orlova D.G., 2023. Novyye suffiksialnye glagoly i formirovaniye novykh glagolnykh slovoobrazovatelnykh tipov v russkom yazyke XVIII veka [New Suffixal Verbs and the Formation of New Verbal Derivational Types in the Russian Language of the 18th Century]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], vol. 23, iss. 2, pp. 122-128. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-2-122-128
- Orlova D.G., 2024. Tendentsii neologizatsii glagolnoj leksiki v kontse XX – nachale XXI vv. [Trends in the Neologization of Verbal Vocabulary in the Late 20th – Early 21st Centuries]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], vol. 24, iss. 3, pp. 257-263. DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-3-257-263
- Tabachenko L.V., 2002. Glagoly s prstavkoj nad- v istorii russkogo yazyka [Verbs with the Prefix nad- in the History of the Russian Language]. *Predlozheniye i slovo* [A Sentence and a Word]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, pp. 673-678.
- Trubachjov O.N., 1994. Sinkhroniya, diakhroniya – und kein Ende... (marginalii po russkomu istoricheskomu slovoobrazovaniju) [Synchrony, Diachrony – und kein Ende... (Marginalia in Russian Historical Word Formation)]. *Issledovaniya po russkomu istoricheskomu slovoobrazovaniju* [Research on Russian Historical Word-Formation]. Moscow, In-t rus. yaz. RAN, pp. 16-28.
- Shanskiy N.M., 1977. Leksicheskaja derivatsiya v russkom yazyke [Russian Language Lexical Derivation in Russian]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 3, pp. 9-16.
- Shvedova N.Ju., 1995. Glagol kak dominanta v sisteme russkoj leksiki [The Verb as a Dominant in the System of Russian Vocabulary]. *Filologicheskij sbornik (k 100-letiju so dnja rozhdenija akademika V.V. Vinogradova)* [Philological Collection (Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Academician V.V. Vinogradov)]. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN, pp. 409-415.

SOURCE

Komsomolskaya pravda (tolstushka-Rossiya): gazeta. 2009. Sept. 3–10.

DICTIONARIES

- Bolshoj tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2001. 1536 p.
- Kozhevnikov A.Ju., ed. *Novoje v russkoj leksike. Slovarnyje materialy – 2017* [New in Russian Vocabulary. Vocabulary Materials – 2017]. Saint Petersburg, In-t lingv. issled. RAN, 2019. 138 p.
- Kozlovskaja N.V., ed. *Novoje v russkoj leksike. Slovarnyje materialy – 2018* [New in Russian Vocabulary. Vocabulary Materials – 2018]. Saint Petersburg, In-t lingv. issled. RAN, 2020. 104 p.
- Gromenko Je.S., Kozhevnikov A.Ju., Kozlovskaja N.V., Kozulina N.A., Levina S.D., Ridetskaja Ju.S., Ridetskaja Ju.S., eds. *Novoje v russkoj leksike. Slovarnyje materialy – 2019* [New in Russian Vocabulary. Vocabulary Materials – 2019]. Saint Petersburg, In-t lingv. issled. RAN, 2021. 110 p.
- Pavlova A.S., Prijemysheva M.N., Ridetskaja Ju.S., eds. *Novoje v russkoj leksike. Slovarnyje materialy – 2020* [New in Russian Vocabulary. Vocabulary Materials – 2020]. Saint Petersburg, In-t lingv. issled. RAN, 2021. 486 p.
- Kozlovskaja N.V., Pavlova A.S., eds. *Novoje v russkoj leksike. Slovarnyje materialy – 2021* [New in Russian Vocabulary. Vocabulary Materials – 2021]. Saint Petersburg, In-t lingv. issled. RAN, 2022. 318 p.
- Gromenko Je.S., Demina A.Je., Kozlovskaja N.V., Kozulina N.A., Levina S.D., Pavlova A.S., Prijemysheva M.N., Ridetskaja Ju.S., eds. *Novoje v russkoj leksike. Slovarnyje materialy – 2022* [New in Russian Vocabulary. Vocabulary Materials – 2022]. Saint Petersburg, In-t lingv. issled. RAN, 2023. 254 p.
- Novyye slova i znacheniya: slovar-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: v 3 t.* [New Words and Meanings. Reference Dictionary Based on the Materials of the Press and Literature of the 90s of the Twentieth Century. In 3 Vols.]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2009–2014.
- Slovar russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ.; Saint Petersburg, Nauka Publ., 1984– .

- Krongauz M.A., ed. *Slovar jazyka interneta.ru* [Dictionary of the Internet Language]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 288 p. (Slovari dlja intelektualnykh gurmanov [Dictionaries for Intellectual Gourmets]).
- Slovar russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 18th Centuries], iss. 1–29. Moscow, Nauka Publ., 1975–2011; iss. 30. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015; iss. 31. Moscow, LEKSUS Publ., 2019.
- Skljarevskaja G.N., ed. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka kontsa XX veka. Jazykovye izmenenija* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the End of the 20th Century. Language Changes]. Saint Petersburg, Folio-Press, 1998. 700 p.
- Skljarevskaja G.N., ed. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka nachala XXI veka. Aktualnaja leksika* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Beginning of the 21st Century. Current Vocabulary]. Moscow, EKSMO Publ., 2006. 1136 p.

Information About the Authors

Olga I. Dmitrieva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, oidmitrieva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3849-7502>

Dariya G. Orlova, Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor, Department of Russian Philology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, dasha.g.orlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-0068>

Информация об авторах

Ольга Ивановна Дмитриева, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, oidmitrieva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3849-7502>

Дарья Григорьевна Орлова, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской филологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, dasha.g.orlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-0068>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.3>

UDC 811.161.1'282

LBC 81.411.2-025.7

Submitted: 08.01.2026

Accepted: 20.03.2026

GRADATIONAL MODELS OF EXPRESSING THE SEMANTICS OF THE IN-PERSONALITY OF THE RUSSIAN VERB AND THE WAYS OF THEIR REPRESENTATION IN THE SPEECH OF DIALECT SPEAKERS ¹

Nataliya A. Tupikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Natalya A. Starodubtseva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. This article examines the use of means that express the functional-and-semantic category (FSC) of the in-personality of the Russian verb, the formation of which is substantiated in the works of N.A. Tupikova based on the linguistic concept of Professor Sofia Petrovna Lopushanskaya, the founder of the Volgograd school of Glagolists. The material for consideration is a set of word usages recorded during dialectological interviews with informants in the Volgograd region that reflect the specific features of the ethnolinguistic continuum that has developed in the region. From the standpoint of the methodological principles of the functional-and-semantic approach to describing multi-level means of representing categorical semantics, the features of the infinitive and impersonal verb usages are summarized. These verbs possess the status of constituents of the field structure of the FSC of in-personality, capable of conveying in context the meaning of varying degrees of participation of the person – the bearer of the predicative feature – in the described events. Parameters for the implementation of this synthesizing property of the analyzed word forms, relevant to the speech of dialect speakers, were identified within the gradation “high – medium – low – zero.” The collected data identified models for expressing the relationship between an action (state) and the subject of the action (state), which does not have the status of a subject. These models, in their specific content, can be classified as ethnolinguistic stereotypes that serve as relevant ways of denoting various aspects of traditional folk culture for representatives of the Don Cossacks.

Key words: S.P. Lopushanskaya, functional-and-semantic category, in-personality of the Russian verb, Don dialects of the Volgograd region, speech of dialect speakers, functional semantics, infinitive, impersonal verbs.

Citation. Tupikova N.A., Starodubtseva N.A. Gradational Models of Expressing the Semantics of the In-Personality of the Russian Verb and the Ways of Their Representation in the Speech of Dialect Speakers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 23-39. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.3>

УДК 811.161.1'282

ББК 81.411.2-025.7

Дата поступления статьи: 08.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ГРАДАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ИН-ПЕРСОНАЛЬНОСТИ РУССКОГО ГЛАГОЛА И СПОСОБЫ ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ ¹

Наталья Алексеевна Тупикова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Наталья Анатольевна Стародубцева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются средства выражения функционально-семантической категории ин-персональности русского глагола, формирование которой обосновано в работах Н.А. Тупиковой на базе лингвистической концепции профессора Софии Петровны Лопушанской, создателя волгоградской школы глаголистов. Материалом для изучения послужила совокупность словоупотреблений, зафиксированных во время диалектологического интервьюирования информантов в Волгоградской области и отражающих специфику сложившегося в регионе этноязыкового континуума. С позиций методологических принципов функционально-семантического подхода при характеристике разноуровневых средств репрезентации названной категориальной семантики обобщаются особенности использования инфинитива и безличных глаголов, обладающих статусом конститuentов полевой структуры функционально-семантической категории ин-персональности, способных передавать в контексте значение разной степени участия лица – носителя предикативного признака в описываемых событиях. Выявлены релевантные параметры реализации данного синтезирующего свойства анализируемых словоформ в рамках градации «высокая – средняя – низкая – нулевая степень». В массиве собранных фактов определены модели выражения отношения между действием (состоянием) и субъектом действия (состояния), не имеющим статуса подлежащего, которые в конкретном наполнении можно квалифицировать как этнолингвистические стереотипы, выступающие в речи диалектоносителей релевантными способами обозначения различных сторон традиционной народной культуры.

Ключевые слова: С.П. Лопушанская, функционально-семантическая категория, ин-персональность русского глагола, донские говоры Волгоградской области, речь диалектоносителей, функциональная семантика, инфинитив, безличные глаголы.

Цитирование. Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А. Градационные модели выражения семантики ин-персональности русского глагола и способы их репрезентации в речи диалектоносителей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 23–39. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.3>

Памяти Софии Петровны Лопушанской

Вместо введения: научные уроки

С. П. Лопушанской

Так счастливо сложилось в профессиональной карьере одного из авторов этой статьи – быть среди первых учеников Софии Петровны Лопушанской, которые поступили к ней в аспирантуру, когда она стала заведующим кафедрой русского языка Волгоградского государственного педагогического института им. А.С. Серафимовича (далее – ВГПИ). Перефразируя известные строки классика, можно сказать, что «нас было 7 на челне...» – первых волгоградских аспирантов у Софии Петровны: 3 с кафедры русского языка как иностранного (Лидия Васильевна Салазникова, Наталья Федоровна Скрипкина и Наталия Алексеевна Тупикова), 4 – из Чехословакии (Эва Кудрявцева, Мария Опелова, Гелена Ваверкова и Вавречка Моймир). Все стали дипломированными специалистами, успешными в своих странах.

Первые «Лопушанские» уроки для одного из аспирантов, Н.А. Тупиковой, начались с того, что профессор Максим Матвеевич Загорулько, в тот период ректор ВГПИ, дал

книгу Софии Петровны «Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке» и сказал идти на кафедральный научный семинар нового профессора, приехавшего из Казани, постепенно привыкая к мысли, что затем надо поступать в аспирантуру. Уроков в прямом и в переносном смыслах, которые бывают за аспирантское время и учат многому не только (и не столько!) в аудитории, было много. *Урок*, как известно, слово не только современное, но и древнее, см.: *...и жизни оуроци были...* [Успенский сборник..., 1971, 227г, с. 20–21]; *уроць* – «назначение, определение; указание; правило» (Срезн., с. 1257); *уроць* – «заданное дело; наставление, благоразумие» (Дьяченко, с. 760). Для «уроков» Софией Петровной определялись по очередности отдельные фрагменты знаний: осмысление материала конспектов, записей на семинарах, личные беседы, письменное аналитическое изложение по теме, выборка и обобщение языковых данных в таблицах, для решения «сверхзадачи» в исследовании – интерпретация, классификация материала, определение закономерностей.

Важным уроком Лопушанской для соискателя явилось обсуждение предполагаемой

научной темы. Модные термины, которыми почти все «болеют» после окончания вуза, сразу при обсуждении отменялись, поскольку по нескольким вопросам и ответам становилось ясно, что серьезно в это «модное» не вникали. Мудро и тонко София Петровна учитывала то, к чему есть склонность, на чем основывался дипломный проект, что заинтересовало ранее, в период освоения филологической специальности. Она сама сначала интересно и увлеченно рассказывала о глаголе, разных значениях и смыслах этого древнего слова, роли данной части речи в высказывании, в истории русского языка. Для Н.А. Тупиковой как-то все, о чем говорили в разное время и на разных этапах работы, соединилось в инфинитиве и в том, что с ним связано в системе языка, в тексте. Этот интерес объединяет и авторов данной статьи.

«Лопушанскими» уроками можно считать совместные научные публикации, которые по прошествии многих лет оцениваются как начальный тренинг, мастер-класс обучающего типа, позволивший усвоить азы функционально-семантического анализа словоформ инфинитива [Лопушанская, Тупикова, 1986; 1995]. Главное стало понятно: свойство данной формы при взаимодействии лексической и грамматической семантики, осложненном модальными и другими значениями в конструкции, – вступать в системные связи с другими единицами на уровне контекста, реализовать способность к комбинаторике функций в высказывании.

«Лопушанские» уроки как «наставления» послужили образцом, правилом в дальнейшей работе, а инфинитив как «заданное дело» определил главную тему научных интересов на годы вперед, затем – преемственность интереса в исследованиях единомышленников, в совместных проектах, публикациях. Серьезной теоретической базой для разработки проблемы являются труды С.П. Лопушанской, обоснованные ею термины и понятия, за которыми стоят четко сформулированные методологические положения, подходы и которые помогают по-новому подойти к решению ряда проблем, актуальных для разноаспектного осмысления фактов русского языка. Концепции ученого служат основой выдвижения и доказательства новых гипотез, связанных с фундаментальным исследованием русского

(славянского) глагола, и в частности с функционально-семантическим анализом категорий в рамках полевого подхода к структурированию материала, извлеченного из разновременных и разножанровых текстов [Стародубцева, 2008; 2022; Стародубцева, Тупикова, 2005; 2009; Тупикова, 1998]. В трактовке структурообразующих компонентов текстов актуален сформулированный С.П. Лопушанской постулат о выражении **смысловой доминанты языкового сознания**, которая определяется как воспроизводимое в процессе коммуникации восприятие человеком окружающего мира, отношение мыслящего субъекта к продуктам материальной и духовной жизни общества, представление субъекта о своем месте во Вселенной, о самом себе [Лопушанская, 1990, с. 87, 93; 1996, с. 6–7]. Тесная, порой неразрывная взаимообусловленность материального и духовного, специфично проявляемая в традиционной народной культуре, своеобразной для жителей Волгоградской области, вызвала неизменный интерес ученого с точки зрения участия регионального компонента в функционировании общенародного русского языка. С.П. Лопушанская не раз возвращалась к данной теме, требующей в том числе объяснения на языковом материале, как «реальная жизнь простого казака соприкасается с ее философским осмыслением» [Лопушанская, 2001, с. 327–328].

Основным содержательным показателем, интегрирующим элемент единиц, связанным с их использованием в высказывании и выполняющим текстообразующую функцию, может выступать **степень участия субъекта действия в описываемых событиях** – понятие, которое введено в научный оборот С.П. Лопушанской на историческом материале [Лопушанская, 1988, с. 76; 1990, с. 110], однако позволяет установить закономерности различного употребления форм и в синхронии. Разработанный в исследованиях Софии Петровны комплексный подход дает возможность не только показать различные пути совершенствования языковых подсистем, но и выявить в процессе анализа массива фактов ключевую роль глагольных словоформ в контексте (см. об этом: [Тупикова, 2000; 2001]).

Главный «Лопушанский» научный урок, остающийся важным и впредь, – при изучении

каждой темы «найти оселок», на который нанизать все то, ради чего проводишь исследование. Это значит – уметь «схватить» суть, понять за эксплицитным значением скрытый смысл, определить закономерное, выстроить нужную логику и классификацию, творчески развить свою мысль, придирчиво требуя от себя как исследователя и добываясь от своего изложения стократ содержательной и стилистической точности выражения. Если трактовать шире, то это некий стержень, свойственный любой – большой и малой – работе, когда понятно, по какому пути надо идти в освещении проблемы, каковы параметры, релевантные для анализа массива фактов, позволяющие решить поставленные задачи.

Материал и методы

В рамках изучения речи диалектоносителей на территориях бытования донских говоров Волгоградской области методологические постулаты профессора С.П. Лопушанской являются основой и важным ориентиром для характеристики способов репрезентации семантики ин-персональности, опосредованно отражающей особенности восприятия мира индивидов, их коммуникативные потребности в сложившемся речевом континууме.

Полный набор признаков разговорной речи (спонтанность, неподготовленность, диалогичность и др.), по справедливому наблюдению ученых, обеспечивает не только живость общения в диалектной среде, но и динамику речевого употребления, совмещение общедиалектных особенностей и модифицирующих элементов [Крысин, 2008, с. 18–19; Крючкова, 2024, с. 96–97; Сороколетов, Кузнецова, 2006, с. 533; Тупикова, Стародубцева, 2024, с. 94].

Названные характеристики определяют, с одной стороны, вариативность средств, используемых носителями говоров, а с другой стороны, их стереотипность, определяемую ограниченностью основных тем в повседневной жизни диалектоносителей – представителей донского казачества [Стародубцева, Тупикова, Харченко, 2024]. В понятие *диалектоноситель* нами вкладывается следующее содержание: это носитель обиходно-бытовой речи, которая отражает общие особенности функционирования языка в его

устно-разговорной непринужденной форме, включает региональные языковые черты, формируемые под влиянием местных говоров, а также объективных факторов социально- и культурно-исторического порядка, определяемых ключевой ролью русского языка как языка титульной нации, длительным использованием диалекта в полиэтнической среде общения и в условиях междиалектных (межъязыковых) контактов жителей региона позднего заселения, осуществляющих повседневную деятельность в сфере традиционной (материальной и духовной) народной культуры [Тупикова, 2024, с. 158].

Материалом анализа в данной работе является совокупность словоупотреблений, зафиксированных при опросе информантов. Записи речи во время интервьюирования в полевых экспедиционных условиях осуществлялись последние семнадцать лет (2009–2025 гг.) в населенных пунктах Иловлинского, Киквидзенского, Кумылженского, Михайловского, Новоаннинского, Урюпинского и других районов, в разных возрастных группах, с привлечением прежде всего носителей наиболее архаичной разновидности донских говоров и преимущественно на основе приемов направленной беседы и открытого опросника, что способствовало живому общению и фиксации полных рассказов, отражающих непринужденность общения сельских жителей обследуемой местности с диалектологом, расположенность к индивидуальному выражению. Основными жанрами речи являются: воспоминания мемуарного характера, рассказы-монологи; описания разной тематической направленности, раскрывающие повседневные заботы человека; повествования на обиходно-бытовые и «практико-философские» темы с элементами рассуждения «человека опытного» (о прошлых и текущих событиях, праздниках и буднях, обычаях и традициях). Расшифрованные тексты позволяют говорить о том, что речь диалектоносителей отличают общедиалектные коммуникативные черты (изобразительность, наглядность речи, совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего повествования, отказ от косвенной речи в пользу прямой и т. д.) [Гольдин, 1997].

Выборка фактов из собранного массива базируется на исследовательских процедурах

этнолингвистического и функционально-семантического методов. Элементы этнолингвистического анализа [Тупикова, Стародубцева, 2023, с. 52–53; Стародубцева, Тупикова, 2024, с. 218–219] предполагают соотнесение энциклопедической, этнокультурной, фоновой информации, заключенной в текстах, с сегментацией основных тематических областей – «материальная культура», «духовная культура», которые формируются на базе разграничения тем – выделенных на основе заданного содержания взаимосвязанных «отрезков действительности», отображаемых в предметно-логической общности языковых единиц, и микротем – семантико-смысловых единств, обозначающих отдельные звенья окружающего мира и соответствующие им лица, предметы, явления, процессы. С последующими процедурами сегментации материала от микротем к ситуациям и микроситуациям связано понятие «модели»: типовые модели употребления языковых единиц, характеризующих лица, предметы, явления, признаки, отношения, обстоятельства, обстановку, положение кого-, чего-либо где-либо (ситуации), и развертывание этих моделей в конкретном наполнении их компонентов (микроситуации).

Стержневым элементом ситуации и микроситуации выступает субъект – носитель предикативного признака, рассматриваемый с позиций функционально-семантического подхода, ориентированного на анализ категориальных единств как объединений элементов, близких по своим свойствам. Направление предпринятого исследования отвечает обозначенным в отечественной науке задачам дальнейшей проработки перспективных проблем «лингвистической функциологии» [Бондарко, 2011, с. 434].

Одним из таких объединений является функционально-семантическая категория (далее – ФСК) ин-персональности русского глагола (противопоставленная персональности), которая складывалась в процессе разрушения древних отношений в системе личных форм русского глагола (см. об этом: [Лопушанская, 1975; 1990]). Языковыми средствами иной фиксации отношений между действием (состоянием) и его субъектом (носителем предикативного признака) могли выступать словоформы независимого инфинитива и без-

личных глаголов, обнаруживающие сходство на функционально-семантическом уровне как единицы, *способные выразить отношение между действием (состоянием) и субъектом действия (состояния), не имеющим статуса подлежащего* [Тупикова, 1998, с. 51].

Результаты и обсуждение

Массив исследуемых фактов речи диалектоносителей подвергается анализу на базе объединяющего инфинитив и безличные глаголы синтезирующего свойства – способности реализовать в высказывании «степень участия субъекта в описываемых событиях». Данная особенность представляется константной, базирующейся на непрременной отнесенности действия (состояния), обозначенного глагольной словоформой, к лицу – производителю данного действия (состояния), на что обращал внимание еще А.А. Потебня. В этом свойстве заключен неизменный принцип осознания любого реального события, процесса, «положения дел», в соответствии с которым происходит взаимодействие языка и мышления: «осознание его [события, процесса] как единства существенного и являющегося» [Кацнельсон, 2001, с. 160].

Функционально-семантические исследования глагольных категорий и форм в рамках известной отечественной лингвистической школы [Бондарко, 2017; Бондарко и др., 2020] сделали хрестоматийными многие постулаты, касающиеся связи формальной и содержательной сторон языковых единиц (их сочетаний), объясняющие разноуровневую «природу» их свойств как объектов изучения смыслов, порождаемых в высказывании. В научной традиции до настоящего времени незыблемым является утверждение, что независимому инфинитиву с функционально-семантической точки зрения присуща всегда «открытая вакансия» для первого актанта, не получающего статуса подлежащего [Маслов, 2002, с. 104] и экспликация ясного модального значения [Дымарский, 2025, с. 35].

Ученые отмечают, что обнаруживается специфическое использование данных словоформ, когда субъект не уместен для восстановления в позиции первого актанта и создается эффект неявной обобщенности,

при которой соотнесенность с ним процессуального признака выражается как индивидуальное переживание, возводимое в ранг общечеловеческого [Дымарский, 2025, с. 34]. Не случайно инфинитив как особая категория в ряду глагольных продолжает оставаться до настоящего времени предметом исследовательского внимания, различных интерпретаций его потенциальных возможностей как компонента линейно-акцентных, коммуникативных, прагматилистических структур, приглушающих или, наоборот, актуализирующих определенные функционально-семантические признаки словформ в высказывании [Лёвичева, 2005; Ронько, Циммерлинг, 2015; Тарико, 2000].

В трактовке понятий «безличность», «безличные глаголы» ученые говорят об условности данных терминов. Во-первых, потому, что отношение к лицу (производителю действия, носителю состояния) непременно входит в понятие о глаголе; во-вторых, в связи с тем, что 3-е лицо или средний род (в прошедшем времени) в безличных высказываниях передает слишком отвлеченное представление о лице-субъекте, без конкретизации, вплоть до выдвигания на первый план среды как источника синкретичного носителя признака, выраженного безличным предикатом; в-третьих, по причине того, что некоторые из безличных могут употребляться как личные глаголы, что свидетельствует о совмещении признаков потенциально личных и неличных форм в русском языке, о «функциональном скольжении, сдвиге», взаимодействии семантических типов (форм с устранимым лицом, отвергаемым производителем действия, и безличных в собственном смысле) [Виноградов, 1986, с. 381; Пупынин, 1991; Guiraud-Weber, 1983]. Известно, что еще Д.Н. Овсянко-Куликовский, проследивая путь развития некоторых типов бессубъектных предложений, стремился установить градацию разных «ступеней» и оттенков относительной бессубъектности [Тупикова, 1998, с. 71–82]. На современном этапе этот вопрос считается не до конца решенным. Границы субъекта применительно к такого рода структурам в некоторых концепциях расширяются до представлений о субъекте восприятия, или субъекте-наблюдателе (в широком смысле) [Березина, 2021, с. 135].

Обобщая многочисленные научные точки зрения, подчеркнем наиболее важное для нас: существование разнообразных переходных форм от личного употребления языковых единиц к безличному, разграничение собственно безличных глаголов (с дефектной парадигмой) и личных глаголов в безличном употреблении, релевантность понятия носителя предикативного признака, обозначенного инфинитивом или безличным глаголом, в том числе как синкретичного со средой его возникновения, проявления, что важно для анализа словоупотреблений диалектоносителей в контекстах, описывающих локализованные явления, ситуации через призму степени участия лица (субъекта) в описываемых событиях.

Выражение данного синтезирующего свойства словформ инфинитива и безличных глаголов – конституирующих средств категории ин-персональности, то есть свойства «степень участия субъекта в описываемых событиях», в структурно-содержательном отношении выявляется на основе *градационных моделей* в иерархии «высокая – средняя – низкая – нулевая степень». С термином «модель» чаще всего связывают представления о схеме, образце, аналоге, структуре (конструкте) чего-либо. Применительно к названной классификации для определения модели актуально следующее понимание этого феномена в научных дефинициях: описание какого-либо предмета, явления или процесса в природе и обществе, изучаемое как их аналог (ССИС, с. 388) и присущее этому построение реально существующих предметов, явлений или процессов (ССИС, с. 388); характеристика формальной и функциональной значимости такого отображения, его «релевантных» существенных признаков (с точки зрения исследователя) (ЛЭС, с. 304–305); указание на однозначно заданные исходные элементы и связывающие их отношения, наличие составляющих, которые формируют «структурное, компактное символическое изображение» данного построения (СРЛТ, с. 159). Важнейшей ролью моделей является их объяснительная сила [Апресян, 1966]. Они призваны не только и не столько схематизировать объект, сколько генерировать новые знания о нем; полученные эмпирическим путем языковые данные, систематизированные в процессе моделирования, вносят

яность и в языковые категории, которыми оперируют исследователи [Белоусов, 2010, с. 95; Лосев, 2004, с. 52].

По отношению к предложенному описанию градационных моделей семантики ин-персональности исходными заданными положениями выступают следующие: а) носитель предикативного признака, предикативный признак и обозначенное между ними отношение являются ключевыми понятиями; б) позиции их выражения в высказывании имеют формальную и функциональную значимость, то есть существенное значение для исследования; в) свое компактное структурное и символическое изображение данные построения приобретают в характеристиках предложенной градуальной иерархии синтезирующего свойства конститuentов рассматриваемой ФСК. Объяснительная сила предпринятого моделирования состоит в выделении типовых и стереотипных способов выражения градационной семантики ин-персональности в речи носителей донских говоров.

Стержневыми характеристиками ключевых компонентов моделей являются: замещенность позиции первого актанта (в характеристиках: замещена, открыта, не может быть открыта и замещена), способ выражения субъекта действия (состояния) в высказывании (эксплицитный, имплицитный, не требующий экспликации / импликации как невозможный), способ представления субъекта действия (состояния) в высказывании (определенный, известный, ограниченной неопределенности, неограниченной неопределенности, обобщенный, нулевой, то есть непредставленный и невозможный для представления).

Примеры реализации градационных моделей выражения ин-персональности выявлены в текстах, раскрывающих содержание и материальной, и духовной культуры диалектоносителей, на основе сегментов их лексикона.

При замещении позиции первого актанта косвенным падежом имени (местоимения), то есть при эксплицитной репрезентации носителя предикативного признака, обозначается определенный субъект, что свидетельствует о реализации *высокой степени участия субъекта в описываемых событиях*. Чаще с названной характеристикой встречаются безличные структуры, к примеру, в темах «Труд на земле,

в личном и коллективном хозяйстве», «Пища. Напитки. Национальные блюда, их приготовление», «Природа в традиционной материальной культуре», «Родство. Семья. Родственные и семейные отношения, традиции» и др. Это глаголы, открывающие позицию субъекта, выраженную род. п. имени (местоимения) с количественной семантикой наличия / отсутствия, избытка / недостатка чего-либо (здесь и далее расшифрованные записи речи даются без транскрипции): *Ничего, это щас трактора пахут, а тада на коровах, быков не хватало в колхозе – на коровах* (Михайловский р-н); *Необыкновенный был хлеб, а пшеница давала пятьдесят центнер гектар. Моря, моря хлеба было́* (Киквидзенский р-н); *Их, яиц, не было́, не хватало, потому что кур, во-первых, не было́* (Киквидзенский р-н); *Бурьянов не хватало, по всем этим озёрам* (Киквидзенский р-н); *Мы верещали, какову крику было́!* (Киквидзенский р-н); физиологического состояния: *А кум мой – его тошило от этой крошки, а он вот такой был!* (Киквидзенский р-н); потенциального и предопределенного внешними обстоятельствами желания: *Вас бы и не оттянуло от такой тыквы* (Урюпинский р-н).

Безличные глаголы могут иметь субъектный актант в дат. п., в частности при глаголе межличностных отношений: *...ей доставалось. Как вспомню щас, как доставалось, и ругала её и била* (Михайловский р-н). Заметна активность в речи периферийных средств ин-персональности – личных глаголов в безличном употреблении с замещенной позицией первого актанта в тв. п., который совмещает субъектное и орудийное значения при описании стихийного, разрушительного воздействия: *Его громом убило* (Урюпинский р-н); *Её током убило – корова...* (Михайловский р-н).

Зафиксированы случаи, на которых надо остановиться отдельно. Так, в рамках темы «Народная медицина, врачевание» в сегментемикротеме 'целители, болезни, недуги в народной медицине' диалектоносители могут выражать физиологическое и физическое состояние лица окказионально, сходными лексемами, выступающими одновременно в личной и безличной формах, в контактном расположении. Например: *А с погодой у меня колени ломятся. Вот это вы верите? Хотите верить, хотите нет. У меня вчера вылома-*

ло так, что я думала, я не встану вообще (Новоаннинский р-н). У безличного глагола «ломать» отмечается разговорное переносное использование в литературном языке, с семантикой качественного (физиологического) состояния: *ломать* – перен. Разг. «Вызывать болезненное ощущение ломоты» (МАС-2, т. 2, с. 198; ТСРГ, с. 542), где ломота – «тупая боль в костях, суставах, мышцах» (МАС-2, т. 2, с. 199). Приставочный глагол *выломать* (в контексте в ср. р. ед. ч. прош. вр.) не имеет такого лексического значения, зафиксированного в словарях, а имеет конкретно-физическую семантику повреждения объекта. В речи носителя говоров в цепочке высказываний представлена ситуация физиологического состояния: обозначены субъекты (говорящий и собеседники в вопросно-ответном единстве), обстоятельства образа действия и пребывания говорящего лица в физическом недуге, событийный временной план и персонально-экспрессивный фон ситуации. Вычленяются микроситуации, компоненты которых вербализованы в лексическом и грамматическом наполнении структур стержневыми элементами: личный возвратный глагол *ломаются*, выражающий отношение между действием (состоянием) и субъектом действия (состояния), имеющим статус подлежащего (*колени*), называет процесс, совершающийся независимо от говорящего лица; глагол в безличной форме *выломало*, обозначающий отношение между действием (состоянием) и субъектом действия (состояния), не имеющим статуса подлежащего (*у меня*), представляет процесс как совершающийся под влиянием внешних, природных, неконтролируемых обстоятельств. При этом у лексемы *ломиться* / *ломаются* переносное физиологическое значение («болеть, ныть»), в отличие от *ломать*, не зафиксировано в словарях русского языка (и литературного, и диалектного), что квалифицирует этот личный глагол как контекстуальный синоним безличного – окказионального образования (*выломало*), то есть мы имеем дело с фактом простонародного индивидуально-авторского употребления языковых единиц, подчеркивающим особенности этноязыковой среды в обиходно-бытовой сфере общения диалектоносителей.

Случаи выражения рассматриваемого градуального признака при использовании независимого инфинитива немногочисленны.

Это лексика, обозначающая конкретные физические процессы – воздействие на объект, создание объекта, созидательную трудовую деятельность и др., что характерно для сферы материальной культуры, например: для темы «Домашний обиход: утварь, посуда, бытовые предметы, приспособления» в микротеме «утварь, приспособления для обработки продуктов и приготовления пищи, части предметов утвари, приспособлений»: [*А зерно в чём толкли? Зерно, пшеницу?*] *Зерно... вот, если нам сделать пшено, просо посыпать, поджарить и ей посыпать, то была, значит, деревянная ступа. Так вот-от дерево, а там пектиль к нему деревянный* (Киквидзенский р-н).

Встречаются *совмещенные градационные модели*, в частности в темах, связанных с духовной культурой, например «Родильно-крестильный обряд» в сегменте-микротеме лексикона «участники обряда, их обрядовые функции, ритуальные действия и объекты ритуальных действий»: *Крестить разрешалось. Тада не разрешалось, шоб министрам, вроде, кстить* (Урюпинский р-н). Здесь в диалектной огласовке используется инфинитив (*кстить*) (СДГВО, с. 277), открывающий позицию первого (субъектного) актанта в дат. п., которая замещена именем существительным (*министрам*); в литературной огласовке эта форма глагола – *крестить* – примыкает к безличному глаголу и в составе сочетания является компонентом градационной модели «низкая степень участия субъекта в описываемых событиях».

О выражении *средней степени участия субъекта в описываемых событиях* свидетельствуют случаи, когда позиция первого актанта открыта, но остается незамещенной, субъект имплицитен и по способу представления в высказывании известный (из узкого / широкого контекста) либо ограничен в своей неопределенности хозяйственными, природными, семейными, профессиональными, социально-историческими, этническими, обрядовыми и другими факторами, пространственно-временными рамками события, условиями, сопутствующими обиходно-бытовым ситуациям жизни и деятельности сельского населения. Названная градационная модель со стержневым компонентом – независимым инфинитивом встречается при описании материальной культуры в высказываниях, отра-

жающих, в частности, темы «Дом. Жилище», «Труд на земле, в личном и коллективном хозяйстве» и др.: *Ой, как поливать огород, так вообще, столько огурцов насаждаешь!*» (Михайловский р-н); *Потом в кучу складываешь [кизеки], и вот так вот таким образом и переживали, а больше-то чем топить?! Больше топить нечем!* (Кумылженский р-н); *Всё убили, всё было вырублено, негде было палки взять* (Киквидзенский р-н); *То коровы телятся, то ещё чего. Мы боялись ветеринаров. Вот скажут нам: «Два часа и не раньше, не позже кормить»* (Кумылженский р-н).

Типичным является использование рассматриваемой градационной модели в ситуациях выражения ограниченной неопределенности при указании на функциональное состояние, не контролируемое со стороны лица, известного из узкого контекста. По содержанию эти высказывания отражают отдельные фрагменты материальной и духовной жизни человека. Так, при наполнении модели лексикой микротемы 'пищевые продукты, их приготовление' используется глагол функционального состояния, предрасположенности к потенциальному действию, в частности в сочетании с экспрессивным средством – инфинитивом, обозначающим это действие – потенциальную физиологическую потребность [Тупикова, 1998, с. 159]: *Мы пойдём – гусяное яйцо, жрать-то хочется. И мы с ней, значит, пробрались в эту гусятницу* (Киквидзенский р-н); в рамках микротемы 'родство по брачной связи (свойствó), отношения между родственниками' отмечено употребление диалектного безличного глагола с семантикой осуществления, исполнения действия *припадать* – «выпадать на долю; случаться приходится» (СДГВО, с. 477) в сочетании с лексемой бытия, существования в форме инфинитива: *Только не припало пожить с ним. Тридцать лет уж без него я, помер* (Киквидзенский р-н) и др. Факты реализации градационной модели такого типа расширяются за счет развития полифункциональности глагольных словоформ с ин-персональным значением при вовлечении новых единиц в сферу данной категории. Это отмечено у глаголов отрицательного воздействия (отделения, разделения, разрушения и т. п.): *На войну пошёл. И там чи у него палец, чи два отрезало*

(Киквидзенский р-н): *Вот в Керчи яво и поранило* (Урюпинский р-н); *Встаёшь – весь пол был в воде, первый дом вообще... заносило по самые окна, заливало* (Михайловский р-н); *Во время полной воды две улицы заливало* (Киквидзенский р-н). В семантико-смысловом содержании микротем представляемый неопределенный субъект ограничен локализованными событийными обстоятельствами – социально-историческими, природными и др.

Низкая степень участия субъекта в описываемых событиях квалифицируется при открытой (незамещенной) позиции первого актанта и невыраженности самостоятельной лексемой субъекта действия (состояния), обозначенного глагольной словоформой в высказывании. Кроме того, такая градация сопряжена со значением неограниченной неопределенности носителя предикативного признака либо с его обобщенным представлением, с любым по своей отнесенности. В речи диалектоносителей отмечены различные средства категории ин-персональности. Это отражено, например, в тексте на тему «Этническая идентификация / самоидентификация диалектоносителей» (микротема 'этническая идентификация / самоидентификация на основе признаков языка / говора'): *...Не услышишь такой речи, уж чё говорить про Москву?!* (Кумылженский р-н), где используется инфинитивная конструкция со значением категорического отрицания необходимости осуществления речевой деятельности и модальным оттенком нецелесообразности, бессмысленности; в воспоминании мемуарного характера на тему «Природа в традиционной материальной культуре» (микротема 'водоемы, водные источники в хозяйственной деятельности, традиционной материальной культуре'): *А вода, девчата, какая была! Пить и пить хочется!* (Киквидзенский р-н), где для усиления эмоциональной экспрессии применяется прием редупликации при употреблении лексик со значением физиологической потребности в форме инфинитива и в сочетании с собственно безличным модальным глаголом произвольного функционального состояния; в образных поэтических описаниях, к примеру, на тему «Досуговые увеселения, народные игры, забавы» (микротема 'светские досуговые увеселения, развлечения, забавы'): *И вот если, вот мы когда там отдыхаем,*

если одной рукой **опустить** в Бузулук, а другой рукой **попробовать** уже Хопёр, на самом деле в Бузулуке вода холодная, а в Хопре вода тёпленькая, как граница там, да, где вот эти две реки как бы встречаются (Новоаннинский р-н), в контекстной ткани которых словоформы инфинитива служат созданию наглядности изображения, сиюминутности представляемой ситуации, формирующей образное и эмоционально-оценочное содержание; в рассказе на тему «Свадьба. Свадебные обряд, свадебные традиции» (микротема ‘предсвадебный этап, свадебный сговор’): *Мамань говорит: «Я кричала».* – *«Не кричи, всё это пройдет, всё ничего, всё, **слюбится**, ниче всё».* И так и отдали ее Панфиловым. *Вот, вишь, как жили?!* (Кумылженский р-н), куда включена градационная модель, выраженная безличной структурой с семантикой непроизвольного пребывания в эмоциональном состоянии, в данном контексте – чувства сердечной привязанности, влечения кого-либо к кому-либо (ТСРГ, с. 518–521), что обозначено устаревшим простонародным словом, имеющим толкование «понравиться, полюбить» (МАС-2, т. 4, с. 147).

Рассматриваемая градационная модель используется для выражения ситуаций неограниченной неопределенности, представленной в отнесенности ко всякому, любому, обобщенному производителю действия, без конкретизации, которая не является важной, поскольку интенциональный аспект высказывания акцентирует внимание на самом процессуальном признаке.

В случаях, когда позиция первого актанта при глагольной словоформе не может быть открыта, замещена и выражена самостоятельной лексемой, когда способ представления субъекта в высказывании невозможен, следует говорить о **нулевой степени участия субъекта в описываемых событиях**. Например: *Ну, **ломало** дитя, **куверкало**, как называется... ой-ой-ой* (Киквидзенский р-н). Здесь наблюдается использование личных форм в безличном употреблении с семантикой физиологического состояния: литературного слова *ломать*, его диалектного синонима *куверкать* – «вызывать болезненное ощущение ломоты; крутить, ломать от болезни» (СДГВО, с. 278), приобретающих функцию «нульвалентных» глаголов, когда позиция

первого актанта не может быть открыта и замещена. В то же время состояние человека сопряжено с намеренным устранением грамматического отношения к лицу – производителю действия в обстоятельственной конструкции (*как называется*), инкорпорированной в ситуацию физиологического состояния, что выражено в градационной модели **низкая степень участия субъекта в описываемых событиях**. Она вносит значение обобщенности процесса, распространяемого на все или любые лица, включая говорящего, без конкретизации источника информации.

Материал свидетельствует о том, что наблюдается совмещение в высказывании нескольких градационных моделей. К таковым принадлежит следующий пример: *Первый раз **вышло** – **сбило**, он на мотацикле работал* (Урюпинский р-н). Здесь выражено несколько иерархических признаков – **нулевая и низкая степень участия субъекта в описываемых событиях**. Реализация первого связана с употреблением словоформы *вышло* как средства обозначения локализованного временным планом события (= процессуальная ситуация – локализованное по времени событие), источник которого не может быть представлен и выражен. Глагол в структурно-семантическом и функциональном отношении принимает на себя свойства «нульвалентного», собственно безличного, втягиваясь в сферу категории ин-персональности: названная в теме / микротеме текста ситуация («Традиционные транспортные средства»: ‘виды наземных средств передвижения (волокушные / санные, колесные, верховые), управление наземным транспортом’) с точки зрения субъектной и процессуальной составляющих нечленима: среда служит не только источником возникновения процесса, но его носителем, то есть силой, его порождающей, не зависящей от кого-, чего-либо, непроизвольной либо стихийной и неконтролируемой, внешней, воспринимаемой диалектоносителем, возможно, как потусторонняя, высшая сила, влияющая на возникновение или изменение состояния. Результат действия непреодолимых обстоятельств репрезентирован словоформой *сбило*, которая является организующим центром высказывания, где имплицитруемый субъект ограничен кругом виновников происшествия.

Заключение

Приведенные примеры в ряде случаев, по нашему мнению, можно отнести к особым способам использования средств ин-персональности, отражающим стереотипность речевого поведения как этнолингвистический маркер, характеризующий носителя говора, а не литературного языка.

Традиции обозначения в народной культуре отдельных звеньев окружающего материального и духовного мира, соответствующих ему лиц, предметов, явлений, признаков, процессов в определенной мере «программируют» использование средств реализации ФСК ин-персональности, которые в структурно-смысловом отношении являются органичными для обиходно-бытовой сферы общения, поэтому достаточно часто выступают организующим центром, ключевыми элементами высказываний. Если иметь в виду принцип устойчивой воспроизводимости языковых реализаций, значимых для речи диалектоносителей, то можно говорить о выражении синтезирующего свойства – «степени участия субъекта в описываемых событиях», представленного в иерархии градуальных признаков *«высокая – средняя – низкая – нулевая степень»* с преобладанием, по предварительным данным, примеров реализации признака «средняя степень».

В речевой среде повседневного общения наблюдается расширение позиций словоформ с ин-персональным значением в моделях, связанных с иерархией признаков «средняя – низкая – нулевая степень», актуальных для речи информантов на обследованных территориях бытования донских говоров в Волгоградской области, когда новые языковые единицы втягиваются в сферу категории ин-персональности, в том числе через совмещенные градационные модели. Набор релевантных характеристик лица – субъекта действия (состояния), обозначенного инфинитивом либо безличными

глаголами (собственно безличными и личными в безличном употреблении), определяет формальное и содержательное различие этих *градационных моделей*.

На основе высказанных положений и функционально-семантического анализа имеющегося массива языковых фактов считаем возможным гипотетически говорить о том, что среди них диалектоносители используют типовые, а в ряде случаев, видимо, и стереотипные, регулярные способы языковой фиксации изучаемой семантики. Данные, обобщающие наблюдения, делают очевидным перспективность дальнейшего исследования в этом направлении. В качестве рабочей дефиниции предлагается следующее понимание феномена *«этнолингвистические стереотипы»*: это языковые реализации градационных моделей выражения отношения между действием (состоянием) и субъектом действия (состояния), не имеющим статуса подлежащего, выступающие в речи диалектоносителей способами репрезентации различных сторон материальной и духовной культуры через призму градуальных признаков, релевантных для обозначения степени участия лица (субъекта) в описываемых событиях при локализации ситуаций и микроситуаций в окружающем человека мире.

Проведенное исследование свидетельствует о своеобразном воплощении действительности в речемыслительных процессах носителей говоров, истоки которого следует искать в специфике народных представлений и в сложившемся отношении этноса к традиционной народной культуре.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/>

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1966. Идеи и методы современной структурной лингвистики. Москва : Просвещение. 301 с.
- Белоусов К. Н., 2010. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности // Вестник Оренбургского государственного университета. Вып. № 11 (117). С. 94–97.
- Березина О. А., 2021. Функциональный потенциал безличных предложений в актуализации общей конфигурации ментальной репрезентации события // Исследования языка и современное гуманитарное знание. Т. 3, № 2. С. 129–137. DOI: <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-129-137>
- Бондарко А. В., 2011. Категоризация в системе грамматики. Москва : Яз. слав. культур. 488 с.
- Бондарко А. В., 2017. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. Москва : ЯСК. 333 с.
- Бондарко А. В., Воейкова М. Д., Добрушина Н. Р., Дымарский М. Я. и др., 2020. Проблемы функциональной грамматики : Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. Москва : ЯСК. 488 с.
- Виноградов В. В., 1986. Русский язык : (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. Москва : Высш. шк. 639 с.
- Гольдин В. Е., 1997. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов. 52 с.
- Дымарский М. Я., 2025. Об объеме понятия инфинитивного предложения // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике : сб. науч. ст. Т. 1. Ереван : Рос.-Арм. (Слав.) ун-т. С. 30–36. DOI: 10.24412/cl-37215-2025-1-30-36
- Кацнельсон С. Д., 2001. Категории языка и мышления : Из научного наследия. Москва : Яз. слав. культур. 851 с.
- Крысин Л. П., 2008. Активные процессы в территориальных говорах // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI вв. : сб. науч. ст. Москва : Яз. слав. культур. С. 18–20.
- Крючкова О. Ю., 2024. Взаимодействие книжно-письменной и устно-бытовой речевых культур в речи диалектоносителей // Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию проф. Ольги Борисовны Сиротининой (г. Саратов, 20–21 окт. 2024 г.) / под ред. А. Н. Байкуловой, А. В. Дегальцевой. Саратов : Техно-Декор. С. 95–102.
- Лёвичева Е. В., 2005. Микрополе инфинитива в функционально-семантическом поле модальности: на материале брянских говоров : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград. 19 с.
- Лопушанская С. П., 1975. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке: спецкурс / отв. ред. В. М. Марков. Казань : Казан. гос. пед. ин-т. 342 с.
- Лопушанская С. П., 1988. Отражение конкретно-пространственных представлений в «Слове о полку Игореве» // Развитие частей речи в истории русского языка : межвуз. сб. науч. ст. Рига : Латв. гос. ун-т. С. 73–78.
- Лопушанская С. П., 1990. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 114 с.
- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 1. С. 6–13.
- Лопушанская С. П., 2001. Идиостиль Евгения Кулькина в этнолингвистическом освещении // Стрежень : науч. ежегодник / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград : Издатель. Вып. 2. С. 327–330.
- Лопушанская С. П., Тупикова Н. А., 1986. Глаголы речемыслительной деятельности и их функции в публицистическом тексте // Классы глаголов в функциональном аспекте : сб. науч. тр. / отв. ред. Э. В. Кузнецова. Свердловск : УрГУ. С. 60–65.
- Лопушанская С. П., Тупикова Н. А., 1995. История и современное состояние сложных форм будущего времени польского и восточно-славянского глагола // Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe. 2. Językoznawstwo i translatoryka : materiały z V międzynarodowej konf. naukowej. Olsztyn. S. 143–148.
- Лосев А. Ф., 2004. Введение в общую теорию языковых моделей. 2-е изд., стер. Москва : УРСС. 293 с.
- Маслов Ю. С., 2002. Глагол // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. Москва : Большая рос. энцикл. С. 104–105.
- Пупынин Ю. А., 1991. Субъектно-предикатно-объектные отношения и смысл высказывания (на материале русских безличных конструкций). Ленинград : РГПУ. 51 с.

- Ронько Р. В., Циммерлинг А. В., 2015. Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и в древнерусском языке // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. №. 1. С. 57–66.
- Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д., 2006. Историзм как определяющий принцип «Словаря русских народных говоров» // Грани русистики : Филологические этюды : сб. ст., посвящ. 70-летию проф. В.В. Колесова. Санкт-Петербург : Фил. фак. С.-Петерб. гос. ун-та. С. 532–541.
- Стародубцева Н. А., 2008. Развитие функционально-семантических свойств инфинитива в старорусских житийных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 24 с.
- Стародубцева Н. А., 2022. Функциональная семантика инфинитива как смыслообразующее средство при выражении агиографических топосов в текстах житий русских святителей // Семантика и функционирование языковых единиц в славянских языках : сб. к юбилею д-ра филол. наук, проф. Н.А. Тупиковой. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 65–77.
- Стародубцева Н. А., Тупикова Н. А., 2005. Стилистические функции независимого инфинитива в «Житии Сергия Радонежского» // Арnaudов сборник : доклады и сообщения. Т. 4. Русе : Година. С. 400–406.
- Стародубцева Н. А., Тупикова Н. А., 2009. Смыслообразующая роль модально-оценочных значений инфинитива в выражении православных этических постулатов (на материале старорусских житий) // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. : в 2 ч. Ч. 2. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 73–80.
- Стародубцева Н. А., Тупикова Н. А., 2024. Ф.П. Сороколетов об основных подходах к описанию лексики говоров и «реальные дефиниции» слов в речи диалектоносителей (по материалам полевых экспедиций в Волгоградской области) // Диалектная лексика – 2024 : (К 100-летию со дня рождения Ф.П. Сороколетова) / отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН. С. 213–224.
- Стародубцева Н. А., Тупикова Н. А., Харченко С. Ю., 2024. База данных «Этнолингвистическая основа лексикона диалектоносителей в пунктах смешанного проживания русских и украинцев» : свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024626007. 13 декабря 2024 г.
- Тарико О. С., 2000. Синтаксическое функционирование инфинитива в брянских говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел. 20 с.
- Тупикова Н. А., 1998. Формирование категории ин-персональности русского глагола. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 263 с.
- Тупикова Н. А., 2000. К юбилею профессора С.П. Лопушанской // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6, Университетское образование. Вып. 3. С. 96–98.
- Тупикова Н. А., 2001. Слово об Учителе // Мир русского слова. № 1. С. 130–132.
- Тупикова Н. А., 2024. Этнолингвистические скрепы в речи носителей донских и украинских говоров Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 3. С. 156–171. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.13>
- Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А., 2023. Лексикон диалектоносителей в этнолингвистическом аспекте: проблемы, задачи, методы исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 48–61. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.4>
- Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А., 2024. Этнолингвистическая специфика лексических параллелей в речи носителей донских и украинских говоров Волгоградской области // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Т. 28, № 3. С. 93–105. DOI: 10.18522/1995-0640-2024-3-93-105
- Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. Москва : Наука, 1971. 768 с.
- Guiraud-Weber M., 1983. L'effacement du sujet au nominatif dans l'énoncé en russe moderne // Revue des Études Slaves. № 55. P. 79–86.

СЛОВАРИ

- Дьяченко – Полный церковно-славянский словарь / протоіерей Г. Дьяченко. Репр. воспр. изд. 1900 г. Москва : Изд. отд. Моск. патриархата, 1993. 1120 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. Москва : Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.

- МАС-2 – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Рус. яз., 1981–1984.
- СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брыкина, В. И. Супрун ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011. 704 с.
- Срезн. – Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. Т. 3, ч. 2. Москва : Книга, 1989. 1684 с.
- СРЛТ – Словарь русской лингвистической терминологии / под общ. рук. А. Н. Абрегова. Майкоп : Качество, 2003. 347 с.
- ССИС – Современный словарь иностранных слов. Санкт-Петербург : Дуэт, 1994. 752 с.
- ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. Москва : АСТ-ПРЕСС, 1999. 693 с.

REFERENCES

- Apresyan Yu.D., 1966. *Idey i metody sovremennoy strukturnoy lingvistiki* [Ideas and Methods of Modern Structural Linguistics]. Moscow, Prosveshcheniye Publ. 301 p.
- Belousov K.N., 2010. Modelnaya lingvistika i problemy modelirovaniya yazykovoy realnosti [Model Linguistics and Problems of Modeling Linguistic Reality]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of OSU], iss. 11 (117), pp. 94-97.
- Berezina O.A., 2021. Funktsionalnyy potentsial bezlichnykh predlozheniy v aktualizatsii obshchey konfiguratsii mentalnoy reprezentatsii sobytiya [Functional Potential of the Impersonal Sentence for the Configuration of the Mental Representation of the Event]. *Issledovaniya yazyka i sovremennoye gumanitarnoye znaniye* [Language Studies and Modern Humanities], vol. 3, no. 2, pp. 129-137. DOI: <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-129-137>
- Bondarko A.V., 2011. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* [Categorization in the Grammar System]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 488 p.
- Bondarko A.V., 2017. *Glagnolnyye kategorii v sisteme funktsionalnoy grammatiki* [Verb Categories in the Functional Grammar System]. Moscow, YaSK. 333 p.
- Bondarko A.V., Voyeykova M.D., Dobrushina N.R., Dymarskiy M.Ya. et al., 2020. *Problemy funktsionalnoy grammatiki: Otnosheniye k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategoriy* [Problems of Functional Grammar: Attitude to the Speaker in the Semantics of Grammatical Categories]. Moscow, YaSK Publ. 488 p.
- Vinogradov V.V., 1986. *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian Language (Grammatical Teaching of the Word)]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 639 p.
- Goldin V.E., 1997. *Teoreticheskiye problemy kommunikativnoy dialektologii: dis. ... d-ra filol. nauk v vide nauch. dokl.* [Theoretical Problems of Communicative Dialectology. Dr. philol. sci. diss.]. Saratov. 52 p.
- Dymarskiy M.Ya., 2025. Ob obyeme ponyatiya infinitivnogo predlozheniya [On the Scope of the Concept of the Infinitive Sentence]. *Russkiy yazyk na perekryostke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike: sb. nauch. st. T. 1* [Russian Language at the Crossroads of Epochs: Traditions and Innovations in Russian Studies: Collection of Scientific Articles. Vol. 1]. Yerevan, Ros.-Arm. (Slav.) un-t, pp. 30-36. DOI: 10.24412/cl-37215-2025-1-30-36
- Katsnelson S.D., 2001. *Kategorii yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya* [Categories of Language and Thought: From the Scientific Heritage]. Moscow, Yaz. slav. kultur. 851 p.
- Krysin L.P., 2008. Aktivnyye protsessy v territorialnykh govorakh [Active Processes in Territorial Dialects]. *Sovremennyy russkiy yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI v.: sb. nauch. st.* [Modern Russian Language. Active Processes at the Turn of the 20th–21st Centuries. Collection of Scientific Articles]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ., pp. 18-20.
- Kryuchkova O.Yu., 2024. Vzaimodeystviye knizhno-pismennoy i ustno-bytovoy rechevykh kultur v rechi dialektonositeley [The Interaction of Book-Written and Oral-Everyday Speech Cultures in the Speech of Dialect Speakers]. Baykulova A.N., Degaltseva A.V., eds. *Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya v raznykh sferakh zhizni obshchestva: sb. nauch. st. po materialam mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu prof. Olgi Borisovny Sirotininoi (g. Saratov, 20–21 okt. 2024 g.)* [Modern Speech Communication in Various Spheres of Society. Proceeding of the International Scientific Conference Dedicated to

- the 100th Anniversary of Professor Olga Borisovna Sirotinina (Saratov, October 20–21, 2024)]. Saratov, Tekhno-Dekor Publ., pp. 95-102.
- Levicheva E.V., 2005. *Mikropole infinitiva v funktsionalno-semanticheskom pole modalnosti: na materiale bryanskikh govorov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Infinitive Microfield in the Functional-Semantic Field of Modality: Based on the Bryansk Dialects. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Kaliningrad. 19 p.
- Lopushanskaya S.P., 1975. *Osnovnyye tendentsii evolyutsii prostykh preteritov v drevnerusskom knizhnom yazyke: spetskurs* [The Main Tendencies of Evolution of Simple Preterits in the Old Russian Bookish Language: Special Course]. Kazan, Kazan. gos. ped. in-t. 342 p.
- Lopushanskaya S.P., 1988. Otrazheniye konkretno-prostranstvennykh predstavleniy v «Slove o polku Igoreve» [Reflection of Concrete-Spatial Representations in The Tale of Igor's Campaign]. *Razvitiye chastey rechi v istorii russkogo yazyka: mezhvuz. sb. nauch. st.* [Development of Parts of Speech in the History of the Russian Language. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Riga, Latv. gos. un-t, pp. 73-78.
- Lopushanskaya S.P., 1990. *Razvitiye i funktsionirovaniye drevnerusskogo glagola* [Development and Functioning of the Old Russian Verb]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 114 p.
- Lopushanskaya S.P., 1996. Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyslitelnyy protsess [Semantic Modulation as a Speech-Thinking Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya*, iss. 1, pp. 6-13.
- Lopushanskaya S.P., 2001. Idiostil Yevgeniya Kulkin v etnolingvisticheskom osveshchenii [Evgeny Kulkin's Idiostyle in Ethnolinguistic Perspective]. Zagorulko M.M., ed. *Strezhen: nauch. yezhegodnik* [Strezhen: Scientific Yearbook]. Volgograd, Izdatel Publ., iss. 2, pp. 327-330.
- Lopushanskaya S.P., Tupikova N.A., 1986. Glagoly rechemyslitelnoy deyatelnosti i ikh funktsii v publitsisticheskom tekste [Verbs of Speech and Thinking Activity and Their Functions in the Publicistic Text]. Kuznetsova E.V., ed. *Klassy glagolov v funktsionalnom aspekte: sb. nauch. tr.* [Classes of Verbs in the Functional Aspect. Collection of Scientific Papers]. Sverdlovsk, UrGU, pp. 60-65.
- Lopushanskaya S.P., Tupikova N.A., 1995. Istoriya i sovremennoye sostoyaniye slozhnykh form budushchego vremeni polskogo i vostochno-slavyanskogo glagola [History and Current State of Complex Forms of the Future Tense of the Polish and East Slavic Verbs]. *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe. 2. Językoznawstwo i translatoryka: materiały z V międzynarodowej konf. Naukowej*. Olsztyn, s. 143-148.
- Losev A.F., 2004. *Vvedeniye v obshchuyu teoriyu yazykovykh modeley* [Introduction to the General Theory of Language Models]. Moscow, URSS Publ. 293 p.
- Maslov Yu.S., 2002. Glagol [Verb]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bolshaya ros. entsikl. Publ., pp. 104-105.
- Pupynin Yu.A., 1991. *Subyektно-predikatно-obyektnyye otnosheniya i smysl vyskazyvaniya (na materiale russkikh bezlichnykh konstruktsiy)* [Subject-Predicate-Object Relations and the Meaning of a Statement (Proceedings of Russian Impersonal Constructions)]. Leningrad, RGPU. 51 p.
- Ronko R.V., Tsimmerling A.V., 2015. Parametr nominativnogo obyektа i sintaksis infinitivnykh oborotov v dialektakh russkogo Severa i v drevnerusskom yazyke [The Parameter of the Nominal Object and the Syntax of Infinitive Phrases in the Dialects of the Russian North and in the Old Russian Language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Seriya: Filologicheskiye nauki*, no. 1, pp. 57-66.
- Sorokoletov F.P., Kuznetsova O.D., 2006. Istorizm kak opredelyayushchiy printsip «Slovara russkikh narodnykh govorov» [Historicism as the Defining Principle of the "Dictionary Russian Folk Dialects"]. *Grani rusistiki: Filologicheskie etyudy: sb. st., posvyashh. 70-letiyu prof. V.V. Kolesova* [Facets of Russian Studies: Philological Studies. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.V. Kolesov]. Saint Petersburg, Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta, pp. 532-541.
- Starodubtseva N.A., 2008. *Razvitiye funktsionalno-semanticheskikh svoystv infinitiva v starorusskikh zhitiynykh tekstakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Development of Functional and Semantic Properties of the Infinitive in Old Russian Hagiographic Texts. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 24 p.
- Starodubtseva N.A., 2022. Funktsionalnaya semantika infinitiva kak smysloobrazuyushcheye sredstvo pri vyrazhenii agiograficheskikh toposov v testakh zhitiiy russkikh svyatiteley [Functional Semantics of the Infinitive as a Means of Expressing Hagiographic Topoi in the Lives of Russian Saints]. *Semantika i funktsionirovaniye yazykovykh yedinit v slavyanskikh yazykakh: sb. k yubileyu d-ra filol. nauk, prof. N.A. Tupikovoy* [Semantics

- and Functioning of Language Units in Slavic Languages. Collection of Articles Dedicated to the Anniversary of Dr. Philol. Sci., Prof. N. A. Tupikova]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 65-77.
- Starodubtseva N.A., Tupikova N.A., 2005. Stilisticheskiye funktsii nezavisimogo infinitiva v «Zhitii Sergiya Radonezhskogo» [Stylistic Functions of the Independent Infinitive in the Life of Sergius of Radonezh]. *Arnaudov sbornik: doklady i sobshcheniya. T. 4* [Arnaudov Collection: Reports and Communications. Vol. 4]. Ruse, Godina Publ., pp. 400-406.
- Starodubtseva N.A., Tupikova N.A., 2009. Smysloobrazuyushchaya rol modalno-otsenochnykh znacheniy infinitiva v vyrazhenii pravoslavnykh eticheskikh postulatov (na materiale starorusskikh zhitiy) [The Semantical Role of Modal-Evaluative Infinitive Values in Expressing Orthodox Ethical Postulates (Based on Old Russian Lives)]. *Otsenki i tsennosti v sovremennom nauchnom poznanii: sb. nauch. tr.: v 2 ch. Ch. 2* [Evaluations and Values in Modern Scientific Knowledge. Collection of Scientific Papers. In 2 Pts. Pt. 2]. Kaliningrad, Izd-vo RGU im. I. Kanta, pp. 73-80.
- Starodubtseva N.A., Tupikova N.A., 2024. F.P. Sorokoletov ob osnovnykh podkhodakh k opisaniyu leksiki govorov i «realnyye definitsii» slov v rechi dialektonositeley (po materialam polevykh ekspeditsiy v Volgogradskoy oblasti) [F.P. Sorokoletov on the Main Approaches to the Description of Dialect Vocabulary and the “Real Definitions” of Words in the Speech of Dialect Speakers (Based on the Materials of Field Expeditions in the Volgograd Region)]. Krylova O.N., Myznikov S.A., eds. *Dialektnaya leksika – 2024: (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya F.P. Sorokoletova)* [Dialect Vocabulary – 2024 (On the 100th Anniversary of the Birth of F.P. Sorokoletov)]. Saint Petersburg, ILI RAN, pp. 213-224.
- Starodubtseva N.A., Tupikova N.A., Kharchenko S.Yu., 2024. *Baza dannykh «Etnolingvisticheskaya osnova leksikona dialektonositeley v punktakh smeshannogo prozhivaniya russkikh i ukrainskikh»: svidetelstvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2024626007. 13 dekabrya 2024 g.* [Database “Ethnolinguistic Basis of the Dialect Speakers’ Lexicon in Mixed Russian-Ukrainian Settlements”: Certificate of State Registration of the Database. No. 2024626007. December 13].
- Tariko O.S., 2000. *Sintaksicheskoye funktsionirovaniye infinitiva v bryanskikh govorakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Syntactic Functioning of the Infinitive in the Bryansk Dialects. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Orel. 20 p.
- Tupikova N.A., 1998. *Formirovaniye kategorii in-personalnosti russkogo glagola* [Formation of the Category of the In-Personality of the Russian Verb. Volgograd]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 263 p.
- Tupikova N.A., 2000. K yubileyu professora S.P. Lopushanskoy [On the Anniversary of Professor S.P. Lopushanskaya]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Universitetskoye obrazovaniye* [Science Journal of Volgograd State University. University Education], iss. 3, pp. 96-98.
- Tupikova N.A., 2001. Slovo ob Uchitele [The Word About the Teacher]. *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word], no. 1, pp. 130-132.
- Tupikova N.A., 2024. Etnolingvisticheskiye skrepy v rechi nositeley donskikh i ukrainskikh govorov Volgogradskoy oblasti [Ethnolinguistic Bonds in the Speech of the Don and Ukrainian Dialects of the Volgograd Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 3, pp. 156-171. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.13>
- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A., 2023. Leksikon dialektonositeley v etnolingvisticheskom aspekte: problemy, zadachi, metody issledovaniya [Lexicon of Dialect Speakers in the Ethnolinguistic Aspect: Problems, Methods, Research Objectives]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 48-61. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.4>
- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A., 2024. Etnolingvisticheskaya spetsifika leksicheskikh paralleley v rechi nositeley donskikh i ukrainskikh govorov Volgogradskoy oblasti [Ethnolinguistic Specifics of Lexical Parallels in the Speech of Speakers of the Don and Ukrainian Dialects of the Volgograd Region]. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], vol. 28, no. 3, pp. 93-105. DOI: 10.18522/1995-0640-2024-3-93-105
- Kotkov S.I., ed. *Uspenskiy sbornik XII–XIII vv.* [The Uspensky Collection of the 12th and 13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 768 p.
- Guiraud-Weber M., 1983. L’effacement du sujet au nominatif dans l’énoncé en russe modern. *Revue des Études Slaves*, no. 55, pp. 79-86.

DICTIONARIES

- Dyachenko G. *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Reprint of the 1900 Edition. Moscow, Izd. ot. Mosk. patriarkhata, 1993. 1120 p.
- Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bolshaya ros. entsikl. Publ., 2002. 709 p.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1981–1984.
- Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I., eds. *Slovar donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don Dialects of Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011. 704 p.
- Sreznevskiy I.I. *Slovar drevnerusskogo yazyka. V 3 t. T. 3, ch. 2* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language in Written Manuscripts. In 3 Vols. Vol. 3, Pt. 2]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 1684 p.
- Abregov A.N., ed. *Slovar russkoy lingvisticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Linguistic Terminology]. Maykop, Kachestvo Publ., 2003. 347 p.
- Sovremennyy slovar inostrannykh slov* [Modern Dictionary of Foreign Words]. Saint Petersburg, Duet Publ., 1994. 752 p.
- Babenko L.G., ed. *Tolkovyy slovar russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. English Equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-PRESS Publ., 1999. 693 p.

Information About the Authors

Nataliya A. Tupikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

Natalya A. Starodubtseva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, na_starodubtseva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1480-8230>

Информация об авторах

Наталья Алексеевна Тупикова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

Наталья Анатольевна Стародубцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, na_starodubceva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1480-8230>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.4>

UDC 811.112.2:81'367.625

LBC 81.432.4-006

Submitted: 09.01.2026

Accepted: 20.03.2026

ATYPICAL WAYS OF SUBJECT MOVEMENT: FEATURES OF OBJECTIFICATION IN THE GERMAN LANGUAGE

Nikolay L. Shamne

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. This article examines the specific ways in which animate objects' (humans') movements are expressed in German, using crawling as an example. A synonymous series of verbal units that nominate various situations of crawling in relation to humans: *kriechen*, *krauchen*, *krabbeln*, *robben* has been identified. The basic verb *kriechen* is revealed; it expresses the idea of crawling in the most general way. A range of situations with this moving means, atypical of an animate subject, is established; they are expressed by the given verbs: crawling – movement over a short/relatively long distance, inside/outside something, down/up/over an obstacle, on all fours/not on all fours. The reasons for using this moving method atypical of humans are considered. The relevant factors that determine the representation of situations of crawling by a specific verbal unit from the given synonymous series are identified: the efforts expended by the subject, the peculiarities of using one's own body, the nature of contact with the surface. A conclusion is made about the national cultural features of objectification in the German language of an atypical means of moving, i.e. crawling of a subject (person), conditioned by a special perception of the idea of specific movement (not characteristic of a person in everyday life) from the point of view of an egocentric coordinate system.

Key words: verbs of moving, situations of crawling, synonymous series, verbs of crawling, German linguistic culture.

Citation. Shamne N.L. Atypical Ways of Subject Movement: Features of Objectification in the German Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 40-53. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.4>

УДК 811.112.2:81'367.625

ББК 81.432.4-006

Дата поступления статьи: 09.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

НЕТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ СУБЪЕКТА: ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Николай Леонидович Шамне

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена особенностям выражения в немецком языке специфических способов перемещения одушевленного субъекта (человека) на примере такого способа, как ползание. Определяется синонимический ряд глагольных единиц, номинирующих различные ситуации ползания применительно к человеку – *kriechen*, *krauchen*, *krabbeln*, *robben*; выделяется базовый глагол – *kriechen*, выражающий идею ползания в самом общем виде. Устанавливается круг ситуаций данного нетипичного способа перемещения одушевленного субъекта, выражаемых приведенными глаголами: ползание-передвижение на короткое / относительно протяженное расстояние, внутрь чего-то / из чего-то вовне, вниз / вверх / через препятствие, на четвереньках / не на четвереньках. Рассматриваются причины указанного нетипичного для человека способа перемещения. Выявляются релевантные факторы, детерминирующие репрезентацию ситуаций ползания конкретной глагольной единицей из приведенного синонимического ряда: затраченные субъектом усилия, особенности использования собственного тела, характер контакта с поверхностью. Делается вывод о национально-культурных особенностях объективации в немецком языке нетипичного способа

перемещения – ползания субъекта (человека), обусловленных особым восприятием идеи специфического движения (не свойственного человеку в повседневной жизни) с точки зрения эгоцентрической системы координат.

Ключевые слова: глаголы перемещения, ситуации ползания, синонимический ряд, глаголы ползания, немецкая лингвокультура.

Цитирование. Шамне Н. Л. Нетипичные способы перемещения субъекта: особенности объективации в немецком языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 40–53. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.4>

Введение

Глаголы движения имеют давнюю традицию изучения в лингвистике, что вполне объяснимо релевантностью обозначаемого ими феномена: в самом общем виде – перемещение человека и других объектов в пространстве. В работах языковедов глаголы движения рассматривались с различных сторон, в большей степени они описаны в трудах отечественных ученых (большинство работ относится ко второй половине XX в.), поскольку в русском языке эти единицы образуют отдельную группу, специфику которой составляет парность бесприставочных глаголов движения [Всеволодова, Владимирский, 1982; Лопушанская, 1988; Сайкиева, 1969; и др.]. По мнению С.П. Лопушанской, наиболее адекватно различия в семантике бесприставочных глагольных лексем (типа *идти* – *ходить*) отражает противопоставленность по признаку определенности :: неопределенности [Лопушанская, 1987, с. 6].

В зарубежной лингвистике, в частности в германистике, интерес к изучению глаголов движения также характерен для второй половины XX в. [Gerling, Orthen, 1979; Wunderlich 1982; и др.]. В настоящее время в русистике данная группа языковых единиц изучается прежде всего в рамках прикладного аспекта, например в сфере РКИ [Сычёва, 2017]; в германистике наблюдается интерес к рассмотрению категории пространства в целом в связи с различными культурными измерениями [Schiesser, 2020]. Однако, на наш взгляд, отдельные аспекты в области выражения идеи перемещения в пространстве в конкретной лингвокультуре остаются не до конца разработанными, в частности в лингвистике недостаточно описаны специфические способы перемещения че-

ловека. Актуальность изучения нетипичных способов передвижения человека определяется возможностью дальнейшего уточнения доминирующих факторов структурирования субъектом – представителем конкретного этноса – окружающего пространства, в этом случае мы можем говорить, что «язык мыслящей личности» (термин С.П. Лопушанской) отражает сам дух этой личности, взгляд на мир и свое место в нем.

Движение, приводящее к перемещению в пространстве, обусловлено различными силами. Эти силы могут быть в самом носителе движения или же воздействовать на него извне. Мы рассматриваем лишь движение, приводящее к перемещению в пространстве, которое активно осуществляется самим носителем движения.

Носителями такого активного перемещения в пространстве может быть одушевленное существо – человек и животное, снабженные естественными средствами перемещения или человек, перемещающийся при помощи животной или механической силы (например, в процессе верховой езды или езды в транспортном средстве). Перемещение, таким образом, понимается как самопроизвольное действие носителя движения, которое приводит к перемене места в пространстве.

Способы перемещения человека многообразны, но ходьба – основной и наиболее частый способ естественного перемещения человека. Соответственно, наиболее полно и подробно как в русском, так и в немецком языке были описаны такие глаголы движения, как *идти*, *ходить*, *бежать*, *бегать*, *gehen*, *kommen*, *laufen*, выражающие обычное для человека передвижение с помощью ног (см.: [Шамне, 2000]). Однако нетипичные способы перемещения человека не получили должного освещения в трудах ученых.

В предыдущих работах мы проводили сопоставительный анализ русских и немецких глаголов движения, репрезентирующих ситуации перемещения субъекта при помощи ног [Шамне, 2000]. Нам представляется целесообразным остановиться на специфике объективации в немецком языке нетипичных для человека способов перемещения, в частности ползания, поскольку в немецком языке существует не один глагол, а несколько глагольных единиц, номинирующих этот специфический способ передвижения, в отличие от русского языка. Это позволит охарактеризовать некоторые особенности восприятия представителями другой культуры нетипичных способов перемещения человека в пространстве. В статье мы будем опираться на подход к описанию группы глаголов движения, разработанный в научной школе проф. С.П. Лопушанской, в рамках которой представлено подробное описание различных групп глагольной лексики, в том числе глаголов движения, реконструирована и подробно проанализирована их семантическая структура [Горбань и др., 2015].

Материал и методы

Глагольные единицы, обозначающие такой способ перемещения, как ползание, упоминаются в работах отдельных ученых, но подробно не анализируются. В трудах отечественных языковедов глаголы *ползти*, *ползть* приводятся, как правило, в рамках возможной классификации бесприставочных глаголов движения [Соловар, 2016]. Отдельные работы посвящены переносному употреблению указанных глагольных единиц в народных говорах [Борисова, 2017]. В германистике представлены исследования не конкретных глаголов движения, а того, как в самом общем виде идея перемещения в пространстве находит отражение в языке [Tschander, 2003].

В центре нашего внимания глаголы немецкого языка, передающие такой нетипичный способ перемещения человека в пространстве, как ползание, – *kriechen*, *krabbeln*, *krauchen*, *robben*.

Материалом исследования послужили тексты немецкой художественной литературы второй половины XX в., из которых методом

сплошной выборки были извлечены указанные глагольные единицы.

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – структурно-семантического, контекстуального анализа, элементы метода компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

Некоторые живые существа осуществляют движение особым способом: они касаются поверхности (земли) всеми своими конечностями, приближая таким образом тело к земле и перемещая его за счет движения самих конечностей. Такой способ передвижения является видоспецифичным для отдельных групп животных. Ползание присуще также и человеку на определенном этапе его онтогенеза (маленький ребенок), наконец, даже взрослый человек, способный ходить, при конкретных условиях и в силу обстоятельств может использовать этот вид передвижения.

Базовая лексическая единица в немецком языке для обозначения рассматриваемого способа перемещения – глагол *kriechen*, который в самом общем виде указывает на специфическую форму передвижения и выступает доминантной синонимической ряда, для его семантизации не требуется дополнительный контекст. В MNL первое значение глагола *kriechen* следующее: «Способ передвижения животных по поверхности земли без конечностей (дождевые черви) или с конечностями (ящерицы) и извивающимся телом, с волочащимся брюшком; при перемещении моллюсков вперед с помощью мускулатуры» (MNL, S. 136) (здесь и далее перевод наш. – Н. Ш.).

Другие единицы синонимического ряда – глаголы *krabbeln*, *krauchen*, *robben*.

Глаголы *krabbeln*, *krauchen*, *robben* могут также выражать перемещение неодушевленных объектов, но такого рода случаи требуют отдельного рассмотрения и в статье не будут представлены.

Глагол *kriechen*

Остановимся на характеристике базового глагола *kriechen*. Анализ фактического матери-

ала позволил выделить ряд ситуаций специфического способа перемещения, выражаемого этим глаголом. В центре нашего внимания, как мы уже упоминали, – перемещение человека, но поскольку для глаголов ползания типичным субъектом выступают отдельные виды животных, мы скажем об этом несколько слов без приведения развернутых примеров.

1. Перемещение одушевленного субъекта.

1.1. Передвижение с помощью тела (собственно ползание).

1.1.1. Животное. Как показывают примеры, в качестве субъектов движения, обозначаемого глаголом *kriechen* (и отглагольным причастием) выступают черви, рыбы, морские коты, жуки, муравьи, змеи, ящерицы и обобщенно – насекомые, ползающие существа, причем это могут быть животные, имеющие специальные приспособления для передвижения в нетипичной для него среде обитания (ост-индская лазающая рыба, которая ползает и лазает по суше с помощью шипов, расположенных на жаберной крышке; морской котик передвигается по суше только ползком, на животе, так как плавники не служат ему опорой): *Ohrwürmer, der ostindische Kletterfisch, der Seehund, Insekten, Käfer, Schlangen* usw.

1.1.2. Человек (маленький ребенок, не умеющий ходить, а также любой человек, способный ходить).

1.1.2.1. Перемещение на короткое расстояние / относительно протяженное расстояние.

Если в качестве субъекта выступает ребенок, глагол *kriechen* обозначает определенную стадию в развитии человека (стадия «ползать», как известно, предшествует стадии «ходить»). В случае, если субъект – человек, способный ходить, специфическое передвижение, выражаемое глаголом *kriechen*, может предполагать расстояние с относительной протяженностью. Причем причины, по которым человек, способный ходить, отказывается от передвижения в вертикальном положении, опираясь исключительно на ноги, и переходит на четыре конечности, варьируются – от серьезных до незначительных. Так, человек в отдельных ситуациях делает это по просьбе, чтобы доставить удовольствие другому, например, ребенку: *Die Kinder werden ungeduldig. «Los, Onkel Ole!» Der Vorsitzende der Genossenschaft Blühendes*

Feld, dieser wunderbare Reitelefant, kriecht über die Dorfaue (Strittmatter Bienkopp, S. 267); или чтобы спрятаться, стать незаметным и таким образом защитить себя от опасности, которая представляла бы для него большую угрозу в вертикальном положении: *Dieser Mann nennt das Glück, durch die Front zu kriechen* (Strittmatter Wundertäter, S. 305); ...*Vor ihm lag die Kurve unter dem Feuer... Langsam krochen sie im Graben nach vorn. Er hob jedesmal das MG ein wenig und rutschte dann hinterher* (Kirst, S. 322); *Um nicht in das Schußfeld des ihm unzweifelhaft nach dem Leben trachtenden Schützen zu geraten, kroch er vorsichtig auf allen vieren quer durch die Schreibstube zum Lichtschalter* (Kirst, S. 372) – как правило, в такого рода случаях речь идет о военных действиях. Человек вынужден ползти, если слабость или травма делают прямохождение невозможным: ...*aber jetzt richtete sich der Niedergeknüppelte auf dem Gehsteig plötzlich wieder auf. Auf allen vieren kriechend versuchte er, an die Wand des Hauses zu kommen, anscheinend, um sich anlehnen zu können* (Brecht); *Dann kroch er langsam gegen die Türe, schob sich mit den Unterarmen vor; erreichte sie, versuchte sich aufzurichten...fiel zurück... Dann lag er wieder unbeweglich...* (Dürrenmatt, S. 146); в случае каких-либо препятствий во внешней среде: *Der Bettler schnappt und kriecht unter den Dornesgeschträuchen umher. [sic!]* (Schmidt, S. 337); *Wir kletterten in die Wanten, krochen auch im Laderaum umher* (Weitendorf, S. 8) – в данном случае в качестве среды выступают заросли терновника, трюмы корабля. Причиной может быть также проявление смирения, самоуничтожения и покорности: *Judenfrauen kamen herbeigekrochen, auf Händen und Füßen, und bettelten bei dem Häuptling um unser Leben. Er stieß sie mit dem Fuß beiseite* (Turek, S. 195) – речь идет о женщинах, просящих сохранить им жизнь.

Таким образом, человек может ползти по собственному желанию в соответствии с ситуацией, или вынужден ползти, если нет возможности идти. При этом выделенные причины в ряде случаев пересекаются.

Анализ приведенных и других примеров позволяет выделить следующие характеристики такого способа движения, как ползание, применительно к человеку: перемещение происходит на всех четырех конечностях – руках (не имеет значения, опираются ли

на поверхность только руки или также локти и предплечья) и ногах (на коленях), а иногда и с опорой на что-либо частью туловища, см. в приведенных и аналогичных примерах: *auf allen vieren* – на четвереньках, *auf Händen und Füßen* – на руках и ногах, *zuerst auf dem Bauch, nachher auf den Knien* – сначала на животе, затем на коленях, *mit aufgestützten Ellenbogen* – с опорой на что-либо локтями и др. Передняя часть тела всегда обращена к поверхности.

Помимо выделенных характеристик, в контексте актуализируется также такой параметр данного способа движения, как «с применением усилий». Для человека ползание связано с большими усилиями, что подчеркивают конструкции типа *der keuchend nach der Gasse kroch* (задыхаясь, вполз в переулок) (Brecht, S. 387). Приведем отдельный пример: *Erregt beobachten wir Alois Davidek, der flach auf dem Boden lag. Was, wenn er sich aufrichtet? Aber es fiel ihm gar nicht ein, sich aufzurichten, dem Feind seine Figur darzubieten. Liegend, den Körper ans Erdreich gepreßt, bewegte er sich vorwärts, Das Wort „kriechen“ wird im Sprachgebrauch oft für Langsamkeit verwendet. Hier kroch etwas mit der Schnelligkeit eines Salamanders, aber es war kein Salamander, sondern Alois Davidek. Er jagte dem Feind im Zickzack zu...* (Kisch, S. 53) – усилия квалифицируются посредством ряда уточнителей – *Liegend, den Körper ans Erdreich gepreßt, Zickzack* (лежа неподвижно, прижав корпус к земле, полз зигзагами).

Поскольку *kriechen* – это базовый глагол в рамках рассматриваемого способа перемещения (движение составляет его содержание), квалификаторы не являются облигаторными. Однако в большинстве случаев они присутствуют в контексте и характеризуют движение по ходу, направлению (без цели или с определенной целью), специфике поверхности (по борозде, канаве, по опилкам, по земле и т. д.). Если процесс передвижения воспринимается как трудный и обременительный, то он оценивается негативно.

1.1.2.2. Перемещение на более короткое расстояние во что-то вовнутрь / из чего-то во вне; вниз, вверх, через препятствие.

Отметим, что такого рода перемещение может осуществляться с определенной целью (например, заползти в стог сена, чтобы

не поймали): *Hinter den großen Heuhaufen werde ich kriechen. Sie können mich ruhig suchen* (Strittmatter Tinko, S. 92); *Kriecht tiefer ins Heu. Wenn die... euch... erwischen...* (Kirst, S. 317). Пространство, в которое или из которого происходит движение, в отдельных случаях носит замкнутый характер (например, машина, бункер): *kriechen in den Wagen, aus dem Bunker*.

Причины ползания в указанных ситуациях могут быть теми же, что и в рамках передвижения на короткие / большие расстояния; частотными выступают префиксальные глаголы, образованные от базовой единицы *kriechen*: *sich verkriechen* и *auskriechen*.

Если пунктом назначения или отправной точкой является место отдыха (лагерь, кровать и т. п.), некоторые из специфических содержательных характеристик семантики глагола могут быть не выражены; глагол в сочетании с субстантивом выступает как устойчивая конструкция, например, обозначающая отход ко сну или вставание: *aus den / in die Federn kriechen* (выползть из постели / заползть в постель): *Viele Häftlinge waren schon in die Betten gekrochen* (Apitz, S. 123); *Sie kroch daher aus dem warmen Bett, zog den Morgenrock über...* (Apitz, S. 141). Однако в отдельных случаях *kriechen* в такого рода конструкциях обозначает по-прежнему специфическое движение, например: *...ich bücke mich, Zeltbahn, Zeltbahn, Loch, das ist Stroh, ich schiebe mich dazwischen, krieche in das Futteral der Decke, die Packtasche unter dem Kopf* (Langgässer, S. 130) – букв.: «заползаю под пододеяльник»; в приведенных ситуациях усиливается эмоциональная тональность высказывания.

Пространство, в рамках которого перемещается субъект, может быть расположено ниже / выше, например, разница высот (из бункера наверх, из шахты на открытый воздух), либо это движение с преодолением препятствий (в последнем случае ползание совмещается с лазанием): *Wieder witterte er in die Dunkelheit hinaus, ehe er, mit der Leine in der Hand, auf daschrägabfallende Dach kroch* (Apitz, S. 158); *Der Photograph kroch auf die Hofkastanie am Torweg und fotografierte den Genossenschaftskomplex* (Strittmatter Bienkopp, S. 241) – в приведенных примерах данное комплексное перемещение (ползти + лезть), которое выражает в контексте базовый глагол *kriechen*, на русский язык пере-

водится как «забрался» (забрался на покатый скат крыши / на каштан).

1.2. Передвижение не на четвереньках.

1.2.1. Человек. Здесь представлены ситуации, в которых ведущей характеристикой перемещения, обозначаемого базовым глаголом, выступает «медленность», а собственно характеристики специфичности движения не актуализируются. Приведем примеры: *Die Frauen binden sich einen Tragesack vor den Bauch. Der Tragesack mit den vielen Steckkartoffeln ist schwer. Er zieht die Frauen nach vorn herunter. Sie kriechen gebückt über den gepflügten Acker* (Strittmatter Tinko, S. 84); *Wir krochen die Straßen auf und ab, es war entsetzlich öde in Potsdam* (Turek, S. 54); *Ergeben kroch Jankowski in sein Marschglied zurück und torkelte, vom Herzweh verkrümmt, mit dem langen Zug den Berg zum Appellplatz hinauf* (Apitz, S. 120); ...*denn einen erbarmungswürdigeren Eindruck gibt es wohl kaum, als wenn ein Mensch in Sträflingskleidung mit Krücken, auf einem Auge fast erblindet, in dem unheimlich kalten Gemäuer eines Festungsgefängnisses zwischen Eisengittern, Schlössern und Riegeln einherkriecht* (Turek, S. 134). В приведенных и аналогичных примерах глагол *kriechen* не передает собственно специфическое движение, описанное выше. В такого рода контекстах большую роль играют квалификаторы, указывающие на способ перемещения (согнувшись, близко к земле), усилия (с трудом, напряженно, неуклюже), особое эмоциональное состояние (подавленно, нерешительно), болезненное состояние (на костылях, слепой, хромой), то есть субъект медленно (или очень медленно) передвигается в каком-либо пространстве.

Отмечены случаи, когда субъект имеет расширенный характер (толпа), при этом, частотно сравнение с животными: ...*Strom der Pilger, der hinter wehenden Fahnen wie ein Tausendfüßler vorankroch*... (Langgässer, S. 148).

Таким образом, выделим содержательные характеристики, составляющие понятие ползания, которое объективирует базовый глагол *kriechen*: передвижение с изменением местоположения, линейность, самостоятельность, физическая активность, использование всех конечностей, близость к поверхности движения; при определенных контекстуальных условиях: усилия / трудности, медленность.

Глагол *krauchen*

Следующий в синонимическом ряду глагол *krauchen* представлен в определенных ситуациях.

1. Перемещение одушевленного субъекта.

1.1. Передвижение с помощью тела (собственно ползание).

1.1.1. Человек (любой человек, способный ходить). Приведем примеры: *Denn ihm war eine ausgezeichnete Idee gekommen, nach welcher er dem Spieß ein Geschichtchen erzählen würde, von einem Kanonier, der sich krank melden wollte, vermutlich um sich zu drücken, den er aber gar nicht dazu kommen und ihn dafür auf allen vieren durch das Sch... haus krauchen ließ* (Kirst, S. 93); *Kraucht der wirklich von der Mauer nach einer Weile runter, allein, beguckt sich den Zimmermann, der läßt sich auch besoffen auf* (Döblin, S. 153); *«N-vornehmer Hund warste ja schon immer, aber dette mit dein besten Anzug zur Arbet uff's Dach krauchst, scheint ma doch 'n bißchen übertrieben!»* (Dürrenmatt, S. 45); *Rechenthin: Wenn ich das sage, du Rotzjunge, dann stimmt das. Seeber: Und deswegen krauchst du bis zu mir? Mitten in der Nacht? [Rechenthin ist todkrank]* (Bieler, S. 120). Как свидетельствуют примеры, передвижение, выражаемое глаголом *krauchen*, требует усилий, так как происходит по принуждению, либо в соответствующей среде (заставил ползти по отхожему месту, ползти на крышу), или трудности обусловлены самим состоянием субъекта: он болен, пьян и т. д. Таким образом, рассматриваемый глагол маркирует процесс ползания, осуществляемый с усилиями, с трудом.

Обратим внимание на следующую особенность. Данный глагол представлен в фактическом материале прежде всего в текстах, относящихся к определенным регионам, что имеет давнюю традицию. Так, в словаре братьев Гримм указываются регионы, в языке которых распространен названный глагол: Саксония, Анхальт, Берлин, Люксембург, Рейнская область (DWB). В нашем фактическом материале глагол зафиксирован чаще всего в текстах, имеющих отношение к Берлину и центрально-германскому языковому региону; этот глагол встречается также в произведениях Х.Х. Кирста, уроженца Восточной Пруссии. Некоторые словари указывают

на бытовую сферу употребления данного глагола (DVS WB, S. 452). В фактическом материале глагол отмечен в разговорной речи, в отдельных случаях он имеет грубоватый оттенок.

Примеры демонстрируют некоторые вариации по отношению к обозначению движения ползания, в контексте происходит уточнение характера передвижения: 1) собственно ползти (в значении *kriechen*); 2) ползти, карабкаясь; 3) ползти, карабкаясь, но с грубой окраской; 4) ползти с трудом; 5) ползти медленно с усилиями.

Способ передвижения такой же, как и в случае с глаголом *kriechen*, однако в семантике глагола *krauchen* в большей степени актуализируются в контексте характеристики «карабкаясь с трудом», «медленность» (в сочетании с усилиями). Семантические характеристики, общие с глаголом *kriechen*: передвижение с изменением местоположения, линейность, самостоятельность, физическая активность, использование всех конечностей, близость к поверхности передвижения, медленность. Специфические характеристики ползания, обозначаемого глаголом *krauchen*: актуализация больших усилий, больших трудностей, что выражается в дополнительном сопутствующем действии – карабканье, а также в особом (труднопроходимом) характере пространства. Помимо этого, использование глагола *krauchen* может привносить в речевую ситуацию новый стилистический оттенок: разговорный, непринужденный, грубоватый.

Глагол *krabbeln*

Глагол *krabbeln* используется как внутри, так и вне группы глаголов движения, внутри – для обозначения передвижения животных и человека; вне – для движений, направленных к объектам: щекотание, хватание чего-либо (нащупывающими движениями) и т. п., например: *oben saß der Klassenlehrer Doktor Mieleff, krabbelte und tastete sich in seinem kurz grauen Bart* (Hermann, S. 62) – буквальный перевод: «пальцы ползают в бороде».

В отдельных толковых словарях как прошлых веков, так и настоящего времени в рамках приводимых в них значений глагола можно выделить признаки беспорядочных / мелких / быстрых движений (MDWB, S. 624).

Анализ фактического материала показывает, что субъектом передвижения являются животные, люди (маленькие дети, взрослые, группы людей).

1. Перемещение одушевленного субъекта.

1.1. Передвижение с помощью тела (собственно ползание).

1.1.1. Животные, например, различные жуки, кузнечики, раки: *Käfer, Heuschrecken, Krebse*.

Глагол *krabbeln* преимущественно передает перемещение насекомых, а также ракообразных, которые преодолевают большие расстояния за относительно короткое время благодаря быстро движущимся конечностям (по сравнению с размером тела).

1.1.2. Человек. В качестве субъекта-человека может выступать маленький ребенок (например, ситуации типа *Baby krabbelte*) и взрослый человек, способный ходить (аналогично глаголу *kriechen*).

1.1.2.1. Передвижение на какое-то расстояние. Например: *Es piffte zurück, so erschreckend nah, daß Georg in die Erde biß. Krabbelte! hatte ihm Wallau geraten, der ja den Krieg erlebt hatte... Daß du immer weiterkrabbelst, Georg* (Seghers, S. 30). В такого рода примерах взрослый человек ползет только по определенным причинам: он не хочет, чтобы его видели, и поэтому передвигается как можно ближе к земле, совершая небольшие движения четырьмя конечностями. К характерным признакам обозначаемого глаголом действия относятся близость к поверхности, активное применение четырех конечностей, обычно применение некоторых усилий, а также достаточно быстрое перемещение. Глагол, как правило, используется в повседневных ситуациях.

Ползание, выраженное глаголом *krabbeln*, может также репрезентироваться как минимальное двигательное усилие, на которое человек, в силу болезни, ранения и т. д., не способен: *Am Morgen war ich noch elender, ganz außerstande, auch nur ein paar Meter zu krabbeln. Ich hörte, daß... die Anmarschstraßen zur Front jeden Tag mit schwerstem Geschütz bepflanzt werden. Also weg, weg von hier, so schnell wie möglich... Ich, der ich einer Bahre bedurfte, hatte keine Aussicht* (Turek, S. 82). Здесь расширяется сфера обозначения действия-движения, выражаемого рассматриваемым

мым глаголом, конкретные понятийные признаки семантики отступают на второй план, усиливается эмоциональная составляющая.

1.1.2.2. Передвижение тела в какое-либо положение или из него. Пример: *Ich krabbele ins Bett und decke mich zu* (Remarque, S. 244) – я заползаю в постель и укрываюсь одеялом. В таких контекстах выражается «вход» в защитную среду или «выход» из нее, как правило, с помощью мелких, беспокойных движений. Здесь акцентируется не столько движение, сколько атмосфера расслабленности, непринужденности.

1.1.2.3. Передвижение через препятствие. Например: *Seine [des Jungen] Bande stürmte zur Mauer und krabbelte daran hinauf...* (Frank, S. 332); *Wir saßen dann oben auf den Kohlen. Heraufkrabbeln und den vergeblichen Versuch machen, jemand da oben zu erhaschen, ist niemals einem «Putz» eingefallen* (Turek, S. 10). Приведенный и другие примеры показали, что если препятствие небольшое и движения, необходимые для его преодоления, мелкие, быстрые, многократно повторяющиеся, недостаточно скоординированные, то в этом случае также используется глагол *krabbeln*.

Данный глагол широко распространен в ситуациях с преодолением препятствий, особенно в текстах художественной литературы, он служит для создания яркости и эмоциональности. При этом само обозначаемое действие – движение в случае подъема может указывать на применение усилий.

1.2. Перемещения людей – рассеянные движения толпы. Пример: «*Aber nachts soll's oft drin krabbeln?*» – *Wo?* – «*In der Schlucht*» (Hermann, S. 73) – в такого рода случаях (субъект расширенного характера) глагол выражает хаотичные, беспорядочные движения группы людей.

Анализ фактического материала показал: ползание, репрезентируемое глаголом *krabbeln*, может отличаться от аналогичного перемещения, обозначаемого базовым глаголом *kriechen*, такими параметрами, как более мелкие, быстрые и хаотичные движения конечностей. Поскольку задействованы все конечности, тело субъекта находится близко к поверхности движения. В результате можно преодолевать расстояние и возникающие препятствия. В таких пространственных

условиях меняются двигательные паттерны человека: добавляются хватательные и подтягивающие движения, необходимые также для лазания.

Таким образом, содержательные характеристики передвижения, которое объективирует глагол *krabbeln*, следующие: совпадающие с другими глаголами ползания – передвижение с изменением местоположения, линейность, самостоятельность, физическая активность, использование всех конечностей, усилия / трудности; квалифицирующие именно этот способ ползания – максимальная близость к поверхности движения, быстрота, мелкие движения. Отдельно следует выделить такие дополнительные характеристики, актуализируемые в контексте, как частотность небольших препятствий, рассеянность передвижения (в случае множественного субъекта), амбивалентность состояния субъекта: тяжелое / расслабленное.

В качестве релевантных факторов для использования именно этого глагола для передачи ползания, как показал материал исследования, выступают специфика собственно движений (мелкие, быстрые) и максимальная близость тела к поверхности перемещения.

Глагол *krabbeln* встречается во всех регионах Германии; представлен как в повседневной речи, так и в художественных текстах.

Глагол *robben*

Комментируя данную лексему, Х. Кюппер указывает: «Казарменное выражение во время Первой мировой войны, которое появилось не позднее 1939 года» (WBDUS, S. 765). Связь с животным, давшим наименование данному виду перемещения, – тюленем (*die Robbe*) и его способом передвижения – очевидна, что находит отражение в толковых словарях: ползать как тюлень (см.: (DVSWB)).

Глагол представлен в следующих ситуациях:

1. Перемещение одушевленного субъекта.

1.1. Передвижение с помощью тела (собственно ползание).

1.1.1. Человек (любой человек, способный ходить). Приведем примеры (дадим перевод интересующих нас фрагментов): *Abwartend, regungslos, mit dem Boden verschmelzend lag er*

eine Weile, dann robbte er vom Baum zu Baum, an das kleine Lager heran. Vorsichtig hob er die unterste Zeile des Stacheldrahtes hoch und kroch durch den Zaun (Apitz, S. 365) – полз с дерева на дерево; *Er drückte sich platt aufs Dach, robbte an den niedrigen Kamin heran und lauschte* (Apitz, S. 158) – полз по крыше к камину; *Wie von einem Hieb gefällt, fuhren wir zu Boden und begannen, während das Herz mit rasenden Hammerschlägen gegen die Rippen pochte, rückwärts robbend von der Gefahrenstelle Abstand zu gewinnen* (Hermann, S. 41) – полз назад от опасного места; *...an die Kasernenecke rennen. Dort mußte er wieder liegen, sich auf seine Ellenbogen stützen und robben. Stanislaus robbte sich ohne Mühe bis an seinen Brief* (Strittmatter Wundertäter, S. 371) – пришлось лечь, опереться на локти и ползти; *Die Stimme des Wachtmeisters biß zu: «Unten bleiben, Sauerkrautfahrer! Rob-ben!»* (Strittmatter Wundertäter, S. 339) – в данном случае дан приказ ползти (особое значение имеет поверхность солдат лежит на опилках).

Как показывают примеры, в контексте в большинстве случаев отсутствуют уточнители, подчеркивающие специфику такого вида перемещения, ее выражает сам глагол, исходя из своей внутренней формы. В контексте могут быть указаны цель, направление, собственно пространство перемещения, расстояние, либо подчеркивается участие локтей как вспомогательных средств передвижения.

Глагол *robben* обозначает передвижение человека, которое происходит как можно максимально близко к земле, что достигается за счет поддержания контакта тела с землей с использованием четырех конечностей и волнообразных движений тела. Руки, особенно локти, выполняют большую часть работы. Главное, чтобы тело как можно меньше отрывалось от земли. Причины такого необычного передвижения обусловлены необходимостью: оставаясь близко к земле, тело становится максимально невидимым, что служит защитой от различных опасностей.

Содержательные характеристики обозначаемого передвижения, которые объективирует данный глагол, следующие: общие с другими рассмотренными глаголами – передвижение с изменением местоположения, линейность, самостоятельность, физическая активность; квалифицирующие – использо-

вание всех конечностей с особым участием локтей, максимально возможная близость к поверхности передвижения с минимальным отрывом тела, волнообразные движения, большие усилия (пересечение с глаголом *krauchen*), медленность (пересечение с глаголами *kriechen*, *krauchen*), дополнительная характеристика – физическая / эмоциональная напряженность.

Примеры представлены в текстах, где речь идет, как правило, о военной подготовке, строевой подготовке или боях. Субъект использует этот глагол, чтобы подчеркнуть особую специфику процесса ползания и точно, живо описать ситуацию. Соответственно, в контексте, как правило, выражена эмоциональная оценка, обусловленная ассоциациями с крайним напряжением при осуществлении такого рода передвижения.

Таким образом, нами были описаны содержательные характеристики понятия ползания, объективированные глаголами *kriechen*, *krauchen*, *krabbeln*, *robben*. В самом общем виде нетипичный способ перемещения человека (ползание) репрезентирует глагол *kriechen*, остальные глаголы квалифицируют данный способ с точки зрения значимых для субъекта факторов: сопровождение ползания другими специфическими передвижениями – карабканье, медленность + усилия (*krauchen*), быстрота + мелкость движений (*krabbeln*), особое движение телом, минимальный отрыв от поверхности (*robben*).

Kriechen, krauchen, krabbeln, robben: **закономерности употребления**

С целью проследить некоторые закономерности употребления в немецком языке рассматриваемого синонимического ряда глаголов обратимся к portalу DWDS, где представлен обширный региональный корпус Центра цифровой лексикографии (ZDL), содержащий сведения, в том числе, о частотности лексем. Определяющим фактором для расчета в корпусе является как абсолютная частота соответствующего слова, так и отношение этого числа к общему объему корпуса. Представим таблицу частотности лексем по землям (расчеты приводятся в промежуток с 1946 по 2024 г.) (DWDS).

Частотность употребления по регионам (землям) глаголов ползания**Use frequency of verbs of crawling by region (land)**

Регион	<i>kriechen</i>	<i>krauchen</i>	<i>krabbeln</i>	<i>robben</i>
Северо-восток Германии	2,58	0,08	1,51	0,43
Северо-запад Германии	1,67	0,01	1,41	0,31
Средний восток Германии	2,52	0,07	1,29	0,22
Средний запад Германии	1,65	0,01	1,27	0,24
Юго-восток Германии	1,27	0,00	0,89	0,30
Юго-запад Германии	1,53	0,00	0,99	0,27

Как видим из таблицы, наибольшая частотность употребления глаголов ползания отмечена в землях бывшей ГДР (Северо-восток и Средний восток Германии), что во многом объясняется большим количеством произведений художественной литературы восточногерманских авторов, созданных во второй половине XX в., а также присутствием военной тематики. Если обратиться к отдельным годам в рамках указанного временного периода, то наблюдаются следующие закономерности: наибольшая частотность глаголов *kriechen*, *krauchen*, *robben* отмечена в послевоенные годы (6,9723; 0,4034; 0,1947 соответственно), затем идет спад (3,3215; 0,0000; 0,1114), последующий рост – в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (5,0215; 0,1573; 0,6162), то есть в период падения берлинской стены и увеличения количества перемещений. Что касается глагола *krabbeln*, то он демонстрирует увеличение употребительности в начале 2000-х гг., что может быть связано с увеличением рождаемости в Германии.

В целом, можно сказать, что глаголы ползания *kriechen*, *krauchen*, *krabbeln*, *robben* в немецком языке, по сравнению с глаголами, номинирующими типичные способы перемещения субъекта, являются историческими актуализированными лексемами, или историческими актуализмами, поскольку они становятся употребительными в определенные периоды существования общества: военные действия, возрастание значимости военной службы, социально-политические изменения, увеличение рождаемости и др.

Заключение

Приведенное описание такого нетипичного для человека способа перемещения,

как ползание, свидетельствует о национально-культурных особенностях кодирования информации о специфических способах передвижения индивида. Немецкая культура, как известно, относится к монокхронным [Шамне, 2000]. Такие культуры (в отличие от полихронных) предполагают максимально точную структурированность различных действий. Применительно к носителям немецкого языка подробное структурирование способов перемещения в пространстве, в том числе нетипичных для человека, объясняется прежде всего небольшой территорией Германии (по сравнению, например, с Россией), отсутствием безграничных просторов, широты и далей. Соответственно, для представителей немецкой лингвокультуры важным было максимально квалифицировать перемещение на относительно близкое расстояние.

Как показывает анализ фактического материала, релевантным фактором, обуславливающим квалификацию понятия ползания, в немецкой лингвокультуре выступает прежде всего так называемая «энергозатратность», то есть усилия, потраченные субъектом на осуществляемое передвижение, которые, в свою очередь, зависят от среды (специфики поверхности перемещения), возможностей полного / частичного использования конечностей и др. Так, например, в немецкой фразеологии представлено характерное выражение: *auf dem Zahnfleisch kriechen* (в значении «из последних сил», букв.: «ползти на деснах»). Таким образом, можно говорить, что в немецкой лингвокультуре объективация нетипичных способов перемещения, в частности ползания, осуществляется на основе эгоцентрической системы координат, в рамках которой деятельность оценивается прежде всего с точки зрения восприятия собственного

тела. Это позволяет предположить, что в немецком языке в данном случае отражается так называемая концепция телесного восприятия, когда ситуации (в нашем случае – нетипичного перемещения) оцениваются в зависимости от собственной точки зрения, человек мыслит с позиции телесно обусловленной перспективы.

Частота употребления немецких глаголов ползания во многом обусловлена определенными процессами, событиями, происходящими в социуме, она возрастает в периоды социально-политических изменений, военных действий. В связи с этим данные лексемы можно квалифицировать как исторические актуализмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова Е. О., 2017. Обозначения скорости, образованные от глаголов движения (на материале лексики русских народных говоров) // Научный диалог. № 11. С. 9–24. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-9-24
- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю., 1982. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. Москва : Рус. яз. 262 с.
- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В. и др., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект / отв. ред. Е. М. Шептухина. Москва : ФЛИНТА : Наука. 352 с.
- Лопушанская С. П., 1987. Парадигматические и синтагматические отношения древнерусских бесприставочных глаголов движения // Русский глагол в сопоставительном освещении : межвуз. науч. сб. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. С. 3–12.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении) : межвуз. сб. науч. тр. Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Сайкиева С. М., 1969. Глаголы движения как лексико-грамматическая категория // Русское языкознание. Вып. 1 / отв. ред. А. А. Махмудов. Алма-Ата : [б. и.]. С. 200–214.
- Соловар В. Н., 2016. Семантическая классификация глаголов по способу осуществления движения (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. № 4 (27). С. 58–67.
- Сычёва Л. В., 2017. Русские глаголы движения и особенности их преподавания иностранным учащимся // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 2 (25). С. 16–20.
- Шамне Н. Л., 2000. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 392 с.
- Gerling M., Orthen N., 1979. Deutsche Zustands- und Bewegungsverben. Eine Untersuchung zu ihrer semantischen Struktur und Valenz. Tübingen : Narr. 309 S.
- Schiesser A., 2020. Sprache und Raum. Dialekte machen : Konstruktion und Gebrauch arealer Varianten im Kontext sprachraumbezogener Alltagsdiskurse. Berlin, Boston : De Gruyter. 429 S.
- Tschander L. B., 2003. Concepts of Motion and Their Linguistic Encoding // Mediating Between Concepts and Grammar / ed. by H. Härtl, H. Tappe. Berlin : De Gruyter. P. 405–433.
- Wunderlich D., 1982. Sprache und Raum // Studium Linguistik. Heft 12. S. 1–19.

ИСТОЧНИКИ

- Apitz* – Apitz B. Nackt unter Wölfen. Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun, 1985. 400 S.
- Bieler* – Bieler M. Nachtwache. Ein Hörspiel // Neue Deutsche Literatur Berlin, 11. Jg, 1963. Heft 8. S. 91–124.
- Brecht* – Brecht B. Die Dreigroschenoper. Frankfurt : Suhrkamp, 1968. 109 S.
- Döblin* – Döblin A. Berlin Alexanderplatz. Die Geschichte des Lohnarbeiters Franz Biberkopf. Berlin : Walter Verlag ; Zürich, 1996. 440 S.
- Dürrenmatt* – Dürrenmatt F. Der Verdacht. Zürich : Diogenes, 1985. 186 S.
- Frank* – Frank L. Die Räuberbande. Das Ochsenfurter Männerquartett. Stuttgart : Deutscher Bücherbund, 1975. 415 S.
- Hermann* – Hermann G. Grenadier Wordelmann. Berlin : Das Neue Berlin, 1976. 384 S.

- Kisch* – Kisch E. E. Marktplatz der Sensationen. Aufbau-Verlag Berlin, 1990. 316 S.
- Kirst* – Kirst H. H. 08/15 in der Partei. München : C. Bertelsmann Verlag GmbH, 1978. 620 S.
- Langgässer* – Langgässer E. Das unauslöschliche Siegel. Hamburg : [s. n.], 1959. 622 S.
- Remarque* – Remarque E. M. Im Westen nichts Neues. Köln : Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, 1984. 250 S.
- Schmidt* – Schmidt A. KAFF auch Mare Crisium. Suhrkamp, Frankfurt a. M., 2004. 314 S.
- Seghers* – Seghers A. Das siebte Kreuz. Darmstadt : [s. n.], 1973. 475 S.
- Strittmatter Bienkopp* – Strittmatter E. Ole Bienkopp : roman. Ost-Berlin : Aufbau Verlag, 1963. 427 S.
- Strittmatter Tinko* – Strittmatter E. Tinko. Berlin : [s. n.], 1958. 387 S.
- Strittmatter Wundertäter* – Strittmatter E. Der Wundertäter. Ost-Berlin : Aufbau Verlag, 1957. 529 S.
- Turek* – Turek L. Ein Prolet erzählt : Lebensschilderung eines deutschen Arbeiters. Berlin : Verlag Neues Leben, 1963. 309 S.
- Weitendorf* – Weitendorf E. Aus Dem Logbuch Meines Lebens. Rostock : Hinstorff Verlag, 2016. 160 S.

СЛОВАРИ

- DVSWB* – Duden. Vergleichendes Synonymwörterbuch sinnverwandte Wörter und Wendungen. Mannheim : Bibliographisches Institut, 1964. 792 S.
- DWB* – Grimm Jacob und Wilhelm. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1854. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-1dwb>
- DWDS* – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de>
- WBDUS* – Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart : Klett, 1987. 959 S.
- MDWB* – Mackensen L. Deutsches Wörterbuch: Rechtschreibung, Grammatik, Stil, Worterklärungen, Abkürzungen, Aussprache, Fremdwörterlexikon, Geschichte des deutschen Wortschatzes. München : Südwest Verlag, 1986. 1219 S.
- MNL* – Meyers Neues Lexikon in acht Bänden. Leipzig, 1964. Bd. 5. 952 S.

REFERENCES

- Borisova E.O., 2017. Oboznachenija skorosti, obrazovannyje ot glagolov dvizhenija (na materiale leksiki russkikh narodnykh govorov) [Designations of Speed Formed from Verbs of Motion (Based on the Vocabulary of Russian Folk Dialects)]. *Nauchnyj dialog*, no. 11, pp. 9-24. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-9-24
- Vsevolodova M.V., Vladimirkij Je.Ju., 1982. *Sposoby vyrazhenija prostranstvennykh otnoshenij v sovremennom russkom yazyke* [Ways of Expressing Spatial Relations in the Modern Russian Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ. 262 p.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V. et al., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskij aspekt* [Semantics of the Old Russian Verb: A Synchronous-Diachronic Aspect]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Lopushanskaja S.P., 1987. Paradigmaticheskije i sintagmaticheskije otnoshenija drevnerusskikh bespristavochnykh glagolov dvizhenija [Paradigmatic and Syntagmatic Relations of the Old Russian Non-Prepositional Verbs of Movement]. *Russkij glagol v sopostavitelnom osveshchenii: mezhvuz. nauch. sb.* [Russian Verb in Comparative Illumination]. Saratov, Izd-vo Sarat. Un-ta, pp. 3-12.
- Lopushanskaja S.P., 1988. Izmenenije semanticheskoi struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizhenija v processe moduljatsii [Changes in the Semantic Structure of Russian Unprefixed Verbs of Motion in the Process of Modulation]. *Russkij glagol (v sopostavitelnom osveshchenii): mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Russian Verb (In Comparative Perspective)]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5-19.
- Sajkijeva S.M., 1969. Glagoly dvizhenija kak leksiko-grammaticheskaja kategorija [Verbs of Motion as a Lexical and Grammatical Category]. *Russkoje yazykoznanije. Yyp 1* [Russian Linguistics. Iss. 1]. Alma-Ata, s.n., pp. 200-214.
- Solovar V.N., 2016. Semanticheskaja klassifikatsija glagolov po sposobu osushchestvlenija dvizhenija (na materiale kazym'skogo dialekta khantyjskogo yazyka) [Semantic Classification of Verbs by the Mode of Motion (Based on the Kazym Dialect of the Khanty Language)]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], no. 4 (27), pp. 58-67.

- Sychjova L.V., 2017. Russkije glagoly dvizhenija i osobennosti ikh prepodavaniya inostrannym uchashchimsja [Russian Verbs of Motion and Features of Their Teaching to Foreign Students]. *Aktualnye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], no. 2 (25), pp. 16-20.
- Shamne N.L., 2000. *Semantika nemeckikh glagolov dvizhenija i ikh russkikh ekvivalentov v lingvokulturologicheskom osveshchenii* [Semantics of German Verbs of Motion and Their Russian Equivalents in a Linguocultural Context]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 392 p.
- Gerling M., Orthen N., 1979. *Deutsche Zustands- und Bewegungsverben. Eine Untersuchung zu ihrer semantischen Struktur und Valenz*. Tübingen, Narr. 309 S.
- Schiesser A., 2020. *Sprache und Raum. Dialekte machen: Konstruktion und Gebrauch arealer Varianten im Kontext sprachraumbezogener Alltagsdiskurse*. Berlin, Boston, De Gruyter. 429 S.
- Tschander L.B., 2003. Concepts of Motion and Their Linguistic Encoding. Härtl H., Tappe H., eds. *Mediating Between Concepts and Grammar*. Berlin, De Gruyter, pp. 405-433.
- Wunderlich D., 1982. Sprache und Raum. *Studium Linguistik*, Heft 12, S. 1-19.

SOURCES

- Apitz B. *Nackt unter Wölfen*. Leipzig, Verlag Philipp Reclam jun, 1985. 400 S.
- Bieler M. *Nachtwache*. Ein Hörspiel. *Neue Deutsche Literatur Berlin*, 11. Jg, 1963. Heft 8, S. 91-124.
- Brecht B. *Die Dreigroschenoper*. Frankfurt, Suhrkamp, 1968. 109 S.
- Döblin A. *Berlin Alexanderplatz. Die Geschichte des Lohnarbeiters Franz Biberkopf*. Berlin, Walter Verlag; Zürich, 1996. 440 S.
- Dürrenmatt F. *Der Verdacht*. Zürich, Diogenes, 1985. 186 S.
- Frank L. *Die Räuberbande. Das Ochsenfurter Männerquartett*. Stuttgart, Deutscher Bücherbund, 1975. 415 S.
- Hermann G. *Grenadier Wordelmann*. Berlin, Das Neue Berlin, 1976. 384 S.
- Kisch E.E. *Marktplatz der Sensationen*. Berlin, Aufbau-Verlag Berlin, 1990. 316 S.
- Kirst H.H. *08/15 in der Partei*. München, C. Bertelsmann Verlag GmbH, 1978. 620 S.
- Langgässer E. *Das unauslöschliche Siegel*. Hamburg, s.n., 1959. 622 S.
- Remarque E.M. *Im Westen nichts Neues*. Köln, Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, 1984. 250 S.
- Schmidt A. *KAFF auch Mare Crisium*. Suhrkamp, Frankfurt a. M., 2004. 314 S.
- Seghers A. *Das siebte Kreuz*. Darmstadt, s.n., 1973. 475 S.
- Strittmatter E. *Ole Bienkopp. Roman*. Ost-Berlin, Aufbau Verlag, 1963. 427 S.
- Strittmatter E. *Tinko*. Berlin, s.n., 1958. 387 S.
- Strittmatter E. *Der Wundertäter*. Ost-Berlin, Aufbau Verlag, 1957. 529 S.
- Turek L. *Ein Prolet erzählt: Lebensschilderung eines deutschen Arbeiters*. Berlin, Verlag Neues Leben, 1963. 309 S.
- Weitendorf E. *Aus Dem Logbuch Meines Lebens*. Rostock, Hinstorff Verlag, 2016. 160 S.

DICTIONARIES

- Duden. Vergleichendes Synonymwörterbuch sinnverwandte Wörter und Wendungen*. Mannheim, Bibliographisches Institut, 1964. 792 S.
- Grimm Jacob und Wilhelm. *Deutsches Wörterbuch*. Leipzig, 1854. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-1dwb>
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. URL: <https://www.dwds.de>
- Küpper H. *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. Stuttgart, Klett, 1987. 959 S.
- Mackensen L. *Deutsches Wörterbuch: Rechtschreibung, Grammatik, Stil, Worterklärungen, Abkürzungen, Aussprache, Fremdwörterlexikon, Geschichte des deutschen Wortschatzes*. München, Südwest Verlag, 1986. 1219 S.
- Meyers Neues Lexikon in acht Bänden*. Leipzig, 1964, Bd. 5. 952 S.

Information About the Author

Nikolay L. Shamne, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Информация об авторе

Николай Леонидович Шамне, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.5>

UDC 81'1:81'367.625

LBC 81.002

Submitted: 11.01.2026

Accepted: 20.03.2026

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC MANIFESTATIONS OF THE VERB IN MEDIA HEADLINES ON HEALTHY LIFESTYLE

Elena Yu. Ilyinova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Larisa A. Kochetova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article concerns verbal performance in manifesting factual-contextual, communicative-and-pragmatic and manipulatively-influencing potential of news headlines about healthy lifestyle and its values in the texts posted on Russian Federation news broadcasting platforms. The imprints of breaking from the conventions of the news story genre are stated as dominating pragmatics of non-exactness and manipulation opposed to an exact information segment in narration, which is manifested in the verb profile through the frequency index for the verbs that are referred to one thematic group when they are actualized syntagmatically in the frames of communicative-and-pragmatic functionality of the genre. The presence of the verbs with the common categorical-and-semantic feature “information retelling” in the headlines of Russian news about healthy lifestyle implicates signals about the break from the news story genre convention. The lack of event is hidden by constructing quasi-event content which leans from information exactness and truth as basic features of the new story genre. The noted markedness of the headline is clearly presented in its theme-rheme structure: the first (subject) position is taken by a name of an unknown person who dares to deliver information; the rheme part is formed with the Russian verbs *рассказать* (to retell), *назвать* (to inform), *узнать* (to learn), *указать* (to point to), *напомнить* (to remind), *разъяснить* (to explain), etc. The verbs in the headlines actualize stereotypical presuppositions; point to inferences and implications that contradict real knowledge of an addressee; generate a quasi-narrative context in the news and modulate attractive, prescriptive or manipulative sleight in the story.

Key words: news story genre, headline, verb profile, communicative-and-pragmatic manifestation, theme-rheme structure, presupposition, implication, healthy lifestyle.

Citation. Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A. Communicative and Pragmatic Manifestations of the Verb in Media Headlines on Healthy Lifestyle. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 54-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.5>

УДК 81'1:81'367.625

ББК 81.002

Дата поступления статьи: 11.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ ГЛАГОЛА В МЕДИЙНЫХ ЗАГОЛОВКАХ О ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

Елена Юрьевна Ильинова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Лариса Анатольевна Кочетова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. На материале дискурсивных практик информирования о ценности здорового образа жизни (ЗОЖ) рассматривается роль глагола в манифестации фактуально-содержательного, коммуникативно-прагматического и манипулятивно-воздействующего потенциала заголовков текстов, размещаемых на

русских информационно-новостных платформах. Отмечены признаки отклонения от конвенциональной доминанты жанра новостного сообщения, проявляющиеся в превалировании прагматики недостоверности и манипулятивности при отсутствии информирующего сегмента нарратива, что отражается вербально в глагольном профиле заголовка текста посредством частотного присутствия глагольных единиц из отдельной тематической группы в корпусе текстов, объединенных коммуникативно-прагматическим функционалом жанра, и в специфике их синтагматической реализации. В заголовках русскоязычных заметок о ЗОЖ зафиксированы глаголы с общим категориально-семантическим признаком «пересказ информации», что сигнализирует о подмене конвенциональной задачи новостного жанра. Отсутствие событийности маскируется созданием квазисобытийного контента, нарушающего типичные для новостного жанра принципы информативной точности и достоверности. Указанная особенность заголовка отражается в его бинарной тема-рематической структуре: в первую (субъектную) позицию помещается обезличенное лицо, от имени которого передается информация, рематическая часть организуется вокруг глаголов *рассказать*, *назвать*, *узнать*, *указать*, *напомнить*, *разъяснить* и др. Глаголы в заголовочном комплексе актуализируют пресуппозиции, содержащие стереотипы; влекут инференции и импликации, противоречащие знаниям адресата; имплицируют квазинарративный контекст сообщения, что придает заголовку аттрактивно-прескриптивный и манипулятивный характер.

Ключевые слова: жанр новостного сообщения, заголовок, глагольный профиль, коммуникативно-прагматическая манифестация, тема-рематическая структура, пресуппозиция, импликация, здоровый образ жизни.

Цитирование. Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А. Коммуникативно-прагматическая манифестация глагола в медийных заголовках о здоровом образе жизни // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 54–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.5>

Введение

Вопрос о манифестации коммуникативно-прагматического функционала глагола в жанрово-текстовом пространстве представляется значимым в аспекте раскрытия связи между интенциональностью дискурсивно-жанровой деятельности и ролью глагольных единиц в трансляции информационно-содержательных и прагматических намерений автора, конструирующего текст в границах определенного жанра. Отметим, что жанр в данном исследовании понимается как сегмент металингвистической структуры знания в той его части, которую принято относить к коммуникативной (дискурсивной) компетентности личности. Дискурсивная компетентность объединяет *декларативное знание* о композиции текста (формах содержательной организации его пространства, конститутивном наборе сегментов информации в общей модели жанра) и нормах функционирования в нем лингвистических единиц, характерных для отдельного периода текстовой культуры или языкового стиля, и *процедурное знание* (комплекс речементальных стратегий построения заверщенного текстового произведения, который позволяет провести операции вербальной манифестации интенции создателя текста с помощью выбора

из имеющегося инвентаря языковых знаков и процедур актуализации дискурсивных техник, которые в большей степени, по мнению автора текста, соответствуют ожидаемому результату) [Ильинова, 2012]. При этом жанр как разновидность нормативно-алгоритмического поведения языковой личности стремится к интерсубъектной (межсубъектной) координации общей коммуникативно-дискурсивной деятельности социума [Schmidt, 1986, p. 374]. Иными словами, жанровые модели формируют в коллективном коммуникативно-дискурсивном сознании сообщества совокупность инвариантных когнитивно-смысловых действий, с помощью которых общие декларативные знания активируются посредством вариативных процедур вербализации мыслимого содержания.

Приведенные пояснения продолжим обоснованием значимости системного наблюдения за участием отдельных групп глагольной лексики в вербализации жанрово-ориентированного контекста. Представляется, что совместное присутствие единиц отдельных групп глаголов, объединенных общим категориально-семантическим значением, может быть рассмотрено в лексико-стилистическом (тематическом) корпусе текстов как знак, маркирующий принадлежность каждого текста

к единой жанровой модели или указывающий на отклонение от нее. Делая такое заключение, мы опираемся на научные положения профессора С.П. Лопушанской [Лопушанская, 1988; 2000] о том, что процесс речемыслительной деятельности находит опосредованное отражение в языке, в частности базируется на семантической структуре слова, которая объединяет взаимодействие «разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте)» [Лопушанская, 1988, с. 5]. Они помогают раскрыть вопрос о гибридном характере нормативности предикативной функции глагола, проявляющемся в синтагматическом потенциале глагола в границах микро- и макроконтраста, когда проходит совместная актуализация стандартных и контексто-наведенных сем процессности [Ильинова, 2008, с. 295].

На коммуникативно-прагматическую функцию глагола регулярно указывают в исследованиях, посвященных изучению жанрового своеобразия текстов. Так, функциональная значимость русского глагола регулярно выявляется в исследованиях с целью реконструкции системы жанров в границах документного дискурса в аспектах диахронии и синхронии. При описании жанра отдельного документа группа исследователей из ВолГУ предлагает опираться на систему нелинейно взаимосвязанных параметров разной степени функциональности, соотносящихся с некоторым набором текстовых категорий, получающих языковую экспликацию в речевой структуре текста документа (в частности, это функция документа, профиль его адресанта и адресата, специфический характер передаваемой информации, пространственные и временные вехи содержания документа, присутствие модальности и др. [Горбань и др., 2020, с. 81–83]). Именно анализ глагольных номинаций и их грамматических форм часто используется для объективизации жанровой специфики и прагматической функциональности документных текстов в разные исторические периоды. Так, при изучении официальных документов XVIII в. из фонда Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоград-

ской области исследователи, обратившись к анализу грамматических средств выражения текстового времени, выявили жанрово обоснованное своеобразие в распорядительных, информирующих и регистрационно-учетных документах, что проявляется в том числе в семантике и особенностях грамматических форм глаголов, которые передают жанровую специфику событийности или нарративности документов, относимых к разным жанрам [Горбань, Шептухина, 2023]. В исследовании Е.М. Шептухиной анализ жанровых параметров дипломатических писем В.Н. Татищева, опирающийся на функционально-смысловой разбор лексического состава писем, позволил комплексно представить письмо как самостоятельный жанр дипломатического общения с доминантными функциями глагольных единиц: информированием (передача сведений) и регулированием (побуждение адресата к выполнению нужного действия или значимому бездействию) [Шептухина, 2025].

Глагол как одна из центральных смысловых единиц языка способен фиксировать в своей семантике значения, манифестирующие огромное разнообразие действий, актов, процессов и состояний, ассоциируемых с жанрово-композиционным построением различных типов текста, в том числе художественного с его жанрово-композиционными составляющими. В частности, опора на методологию корпусной стилистики позволяет с помощью приемов количественного подсчета установить признаки частотности присутствия лексико-грамматических единиц отдельных классов и собрать объективные данные, верифицирующие выводы о жанрово-стилистических, композиционно-дискурсивных особенностях художественного текста [Гусева, 2019; Тихонова, 2009; Fischer-Starcke, 2010; Grammar of Genres and Styles..., 2018; Nünning, 2018; Phraseology and Style..., 2020; и др.]. Примером эффективности подобного подхода является количественный анализ, манифестирующий коммуникативно-прагматический функционал глаголов речемыслительной деятельности на корпусном материале англоязычного классического романа [Кочетова, Ильинова, 2022, с. 85–105], который подтвердил гипотезу о способности глагольных единиц маркировать присутствие в сюжетном пространстве худо-

жественного текста некоторых типовых форм художественного нарратива (повествования, описания, размышления). Интерпретативно-прагматический анализ контекстов использования английских глаголов позволил прийти к заключению, что их присутствие в художественном тексте указывает на различные коммуникативно-прагматические функции: введение прямой или внутренней персонажной речи (*say, think, consider*); организация диалогов между персонажами (*repeat, answer, reply, require, agree*); описание приемов или стилей речевого поведения, фиксация на эмоциональности (*cry, exclaim, sob, shout, growl, scream, sigh*), манере речи персонажа (*mutter, whisper, murmur*); указание на присутствие автора-рассказчика в композиционном пространстве романа или детектива.

Коммуникативно-прагматическую актуализацию глагольных единиц можно рассматривать как языковое маркирование устных жанров, например современного мошеннического дискурса. Так, анализ приемов актуализации интенций жанра фишинга («развод / разводилово») указал на присутствие высказываний-манипулятивов, строящихся на синтаксических глагольных коллокациях, передающих лживую информацию, провоцирующих ощущение опасности, вызывающих испуг, побуждающих к совершению опасных и преступных действий [Галяшина, 2025; Смирнова, 2024]. В соответствии с наблюдениями И.В. Смирновой [Смирнова, 2024] инвариантной интенцией для жанра фишинга следует считать нацеленность на изменение психологического состояния адресата, принуждение его к действиям в интересах мошенников, наносящих урон жертве, что проявляется в использовании специфических приемов коммуникативного давления на адресата. Поддерживая мнение указанного исследователя, отметим, что при инициации разговора злоумышленник сразу обращается к стратегиям провоцирования тревоги, страха, паники, препятствуя способности к критическому осмыслению получаемой информации, в частности активируя глагольные предикаты в форме прошедшего или настоящего времени (например, *обнаружен долг / задолженность / штраф; аккаунт взломан; совершается подозрительная операция; про-*

водится запрещенная транзакция; угрожает банковскому счету / получению социальных выплат / доплат / выигрыша; совершил ДТП, попал в аварию / больницу и т. п.), транслирует манипулятивные интенции запугивания жертвы.

Вызвав страх адресата перед возможным негативным сценарием развития выдуманного события, мошенник переходит к формированию интенции быстрого реагирования, срочного совершения действий. Для этого используются директивные акты или предложения о помощи, нацеленные на выманивание конфиденциальной информации для получения доступа к финансовым активам или индивидуальным учетным данным жертвы (например, *Ваш аккаунт на «Госуслугах» взломан, сейчас придет код, продиктуйте его; Обнаружена ошибка при расчете. Готовы вернуть деньги. Сообщите данные вашей банковской карты; Зафиксирована попытка оформления кредита, переведите деньги на безопасный счет; Вам пришла ссылка / смс / код; Назовите / продиктуйте код; Откройте ссылку и выполняйте мои команды; Бесплатно проверяем систему безопасности. Требуются данные вашей карты. Необходимо подтвердить ваш идентификационный номер* и т. п.). Изучение приемов манипулирования жертвой в жанрах мошеннического дискурса показывает, что глагольные предикаты, произнесенные с особой тональностью, активируют в таких ситуациях психоэмоциональные состояния, препятствующие критическому осмыслению полученной информации и иницирующие действия, противоречащие интересам жертвы.

Вышесказанное обосновывает актуальность обращения к вопросу о коммуникативной функциональности глагольных единиц и коллокаций с ними как способности манифестировать семантические характеристики различных типов жанрово-дискурсивного пространства. Эту способность предлагается назвать **глагольным профилем текста**, который выявляется с помощью установления частотности присутствия глагольных единиц из отдельной тематической группы в значительном по объему корпусе текстов и связи их коммуникативно-прагматического функционала с жанрово-дискурсивной разновидностью текста. Отметим, что данный термин был

предложен А.Н. Таушевой [Таушева, 2025б, с. 3] для характеристики жанровых различий между устными и письменными формами текстов-описаний сюжетного и несюжетного изображения с опорой на определение частотности словоизменительных категорий личных форм глаголов [Таушева, 2025а]. Нам представляется, что не только синтаксические формы, но и тематико-семантическую манифестацию группы глаголов можно рассматривать как маркер глагольного профиля текста отдельного жанра или его разновидности.

Цель данной статьи – на основе изучения глагольного профиля текста раскрыть коммуникативно-прагматический потенциал глаголов в заголовках русскоязычных заметок о здоровом образе жизни, размещаемых на цифровых информационных платформах, обосновать гипотезу о тенденции отклонения от конвенциональной функции новостного жанра в современных русскоязычных СМИ, что проявляется в появлении в ленте новостей, наряду с текстами, информирующими об актуальных событиях и серьезных происшествиях дня (жанр информационной заметки), текстов, пересказывающих общеизвестные сведения, уточняющих или оценивающих модели здорового образа жизни.

Материал и методы

Анализ проводился на материале корпуса текстов, размещенных на информационном портале медиагруппы «Известия». Это сетевое издание активно публикует сообщения, посвященные в том числе здоровому образу жизни (далее – ЗОЖ), в частности заметки о пользе / вреде отдельных продуктов, их влиянии на состояние организма; в них приводятся советы о здоровом питании, разъясняются ошибки, приводящие к ухудшению здоровья. Указанная тематика связана с социально одобряемой сегодня моделью поведения, нацеленной на формирование образа жизни, сберегающего здоровье. Отметим, что медийные дискурсивные практики ЗОЖ уже становились объектом лингвистического изучения: проводился сопоставительный анализ репрезентации здорового образа жизни в текстах англоязычных и русскоязычных сайтов фитнес-центров [Машлыкина, Сидорова, 2019],

были выявлены особенности объективации ценностей здорового образа жизни в русскоязычной коммерческой рекламе [Брушкова, Косова, 2018]. Группой исследователей рассматривались языковые и культурные особенности пропаганды здорового образа жизни в британских и российских цифровых СМИ с фокусом на уровне сложности чтения текстов, определяющем их прагматический потенциал [Stebletsova, Torubarova, Linaker, 2023]: было проведено сравнение статистических данных о составе единиц, номинирующих объекты и процессы, ассоциируемые со здоровым образом жизни, в цифровых источниках на русском и английском языках; установлены общие темы (например, физическая активность, здоровое питание и контроль веса, табакокурение, алкогольная зависимость, душевное здоровье и т. п.) и различия в пропорциональности представления тем *душевное здоровье* и *употребление алкоголя*, доминирование императивов в русскоязычных текстах в жанре совета и присутствие менее категоричных способов выражения рекомендаций с помощью модальных глаголов в английском корпусе.

Продолжая изучение приемов медиатизации темы ЗОЖ, предлагаем в этой работе проанализировать глагольный профиль заголовков с точки зрения соответствия способов репрезентации темы в информационном контенте цифровых русскоязычных платформ, посвященных ЗОЖ, конвенциям жанра новостного сообщения и установить роль глаголов в формировании коммуникативно-прагматического содержания текста.

Методика анализа предполагала создание коллекции заголовков заметок с тегами «здоровье», «здоровое питание», «эксперт», «еда», «продукты», «врачи», «болезни»; лексико-синтаксический анализ структуры заголовков и построение модели их информационно-тематической организации; составление списка глагольных единиц, образующих предикативную цельность заголовка, установление частотности глаголов в собранном массиве заголовков и определение жанровой отнесенности текста по характеру представленной в его заголовке информации; уточнение границ функционально-прагматического отклонения от конвенции жанра новостной

заметки и выявление коммуникативно-прагматических функций глаголов в границах медийного дискурса с опорой на приемы интерпретативного дискурс-анализа, направленного на установление пресуппозиций, инференций, импликаций для обоснования вывода о подмене коммуникативной функции манипулятивно-воздействующей, маркером которой является глагольный профиль в заголовке текста.

Корпус примеров включает 1 000 заголовков текстов о ЗОЖ на русском языке, опубликованных на сайте «Известия» (<https://iz.ru/>) в период с 2024 г. до начала 2026 года. Основной единицей анализа были избраны глаголы, образующие предикативный центр заголовка и проектирующие его коммуникативно-прагматическую функциональность. На начальном этапе был составлен список самых частотных глаголов, далее проведен анализ их контекстуальной реализации в тексте заголовка, демонстрирующего низкую информативность, нацеленность на реализацию функций *пересказа общеизвестной информации* или *трансляции мнения малоизвестного лица, которому приписывается статус авторитетности*. Об этом свидетельствуют выявленные семантические группы глаголов: номинирующие процесс информирования (*рассказать, назвать, сообщить, объяснить, указать, перечислить*), передающие прагматику побуждения (*посоветовать, предупредить*), транслирующие мнения или оценки (*узнать, раскрыть, обнаружить, раскритиковать, оценить, развеять миф*). С помощью приема количественного подсчета были выделены пять самых востребованных глаголов (*рассказать, назвать, указать, узнать, предупредить*) и фраза *развеять миф*, которые присутствуют практически в 82 % примеров. На завершающем этапе в ходе интерпретативно-функционального анализа определялись пресуппозиционный фон, ценностные импликации и инференции заголовков новостных заметок о ЗОЖ; устанавливались признаки семантических, синтаксических и прагматических аномалий при контекстуальной реализации значения глаголов; делался вывод о соблюдении или нарушении классической информативной функции заголовка новостной заметки в русскоязычных СМИ.

Результаты и обсуждение

Установление приемов коммуникативно-прагматической актуализации темы ЗОЖ на официальных информационно-цифровых платформах опиралось на конвенцию о том, что информация в жанре новостного сообщения должна быть представлена эксплицитно (в формате утверждения, ассерции) и максимально полно отражать освещаемое событие или происшествие. Однако в современной медийной практике отмечаются следы отклонения от конвенции информационной точности и достоверности текста [Мельникова, 2014]. В зависимости от интенции автора некоторые факты могут быть намеренно или ненамеренно опущены или заменены, в ходе лингвопрагматического анализа это выявляется в пресуппозициях, коммуникативных импликатурах, инференциях и подтексте. В таком случае проявляется интенция интерпретативного прочтения текста. Пресуппозиция, по мнению М.Л. Макарова, когнитивно предшествует высказыванию, ее инференционная природа – это атрибут интерпретации, в ходе которой пресуппозиция становится доступной для анализа, нацеленного на расшифровку импликатур или выявление подтекста [Макаров, 2003]. Отметим, что указанные способы прочтения текста требуют особых навыков, которыми обладают специалисты.

В данном исследовании при поиске признаков соблюдения или отклонения от конвенций жанра новостного текста учитывалась прагматическая пресуппозиция заголовка и его возможные импликации, которые проявляются при анализе семантических контекстуальных значений и синтагматического окружения глаголов, включаемых в заголовки новостных заметок о ЗОЖ в авторском корпусе примеров. Анализ соответствия заголовочного комплекса сообщений о ЗОЖ жанровым конвенциям новостной заметки показал, что вместо информирования о событии / происшествии с помощью событийно-деятельностных или результирующих глаголов (например, *В Волхове обрушился мост; В России разработали способ учета гималайских медведей по «галстуку»; Кроссовер Otoda C7 получит более мощную версию в России; Оппозиция победила на парламентских выборах; Театр «Кремлев-*

ский балет» **представил** комедию «Тщетная предосторожность» и т. п.) заголовки заметок о ЗОЖ строятся на регулярной актуализации глаголов с категориально-семантическими значениями информирования (*рассказать, назвать, сообщить, объяснить, указать, перечислить, узнать*), прагматики побуждения (*посоветовать, предупредить*), трансляции мнения или оценки (*раскрыть, обнаружить, раскритиковать, оценить, развеять миф*), что указывает на низкую информативность содержания заголовков, их нацеленность на реализацию функции *пересказа общеизвестной информации* или *трансляции полезного совета*. Выявленный глагольный профиль заголовка проектирует отклонение от модели событийного нарратива, требуемого при составлении заголовка новостного сообщения, и переход к модели несюжетного описания типичных случаев и последствий, например: *Специалисты рассказали о пользе имбирного чая для здоровья; Гастроэнтеролог развеял миф о пользе больших доз витамина С; Диетолог напомнила о главных правилах питания зимой*.

Анализ примеров позволяет прийти к выводу о том, что регулятивная ценность ЗОЖ выступает в качестве объекта манипулятивной инференции, на которую составитель текста ориентирует читателя через тема-рематическую организацию заголовка. Моделирование бинарного тема-рематического профиля заголовка текста о ЗОЖ показывает, что в тематической позиции присутствует указание на условно-авторитетное лицо, которое занимает позицию субъекта, претендующего на статус авторитета с правом трансляции некоторого ценностного содержания; в рематической части предикативной модели указывается тип речевого действия субъекта, транслирующего правила ЗОЖ (*рассказывает, указывает, называет, предупреждает, разъясняет, советует*). При этом перечисление самых частотных номинаций лица – обобщенных именований (*специалист, ученые, исследователь*) или узкоспециальных профессий (*врач, диетолог, нутрициолог, кардиолог, гастроэнтеролог* и пр.) имплицитно подчеркивает отклонение от конвенции информирования и переход к манипулятивности заголовка. Этот прием можно определить как обращение к

технике использования некоторого тезиса, содержание которого адресат склонен принять на веру, то есть без возражений [Макаров, 2003, с. 88].

Для обоснования данного положения обратимся к результатам комплексного интерпретативного анализа, нацеленного на изучение контекстуального значения и синтагматической сочетаемости ассертивных глаголов с общими категориально-семантическими значениями ‘проинформировать’, ‘посоветовать’, ‘оценить’, ‘высказать мнение’, продемонстрировавших высокую частотность в собранной коллекции заголовков к заметкам о ЗОЖ, и выделим типы имплицитной информации, указывающей на прагматические мотивы воздействия на адресата.

Глагол *рассказать* входит в группу с категориально-семантическим центром «проинформировать». Он является наиболее частотным и встречается в 28,2 % заголовков нашего корпуса. Его лексикографическое описание показывает, что семантически он номинирует такие процессы, как сообщать (сообщить) что-либо (историю, происшествие и т. п.) кому-либо устно во всех подробностях, деталях; словесно сообщить, описать, изложить что-либо (виденное, слышанное и т. п.); синтагматический профиль глагола допускает сочетаемость с единицами, уточняющими предмет информирования (*что, о ком-чем; про кого-что*) или указывающими на способ / манеру речевого действия (например, *устно / с увлечением сообщить, сообщить по порядку о чем-то*) (БТСРЯ). Семантика глагола включает указание на компонент событийности, так как рассказывать можно о произошедших событиях (*происшествие, история, анекдот*) или о ком-то / чем-то; глагол содержит функциональное указание на информирование и устный канал передачи сообщения, имплицитно компонент эвиденциальности (*об увиденном, услышанном*).

В заголовках заметок о ЗОЖ глагол *рассказать* используется в сочетаниях с абстрактными или оценочными существительными: *рассказать о необходимости, рассказать о пользе, рассказать о вреде, рассказать о влиянии, рассказать о симптомах, рассказать о способах*, что нарушает основную задачу новостного контента – информировать о факте,

события. Такой прием использования глагола в рематической части формирует квазиинформативную тональность, несвойственную конвенциям этого жанра. В качестве субъекта речи в тематическом заголовке появляется неперсонализированный носитель экспертного знания – обобщенные номинации *врач, диетолог, гастроэнтеролог, биолог, ученые* и др., что в коммуникативно-прагматическом плане придает заголовку прескриптивный характер, предполагающий безоговорочное принятие тезиса читающей аудиторией.

Рассмотрим заголовок «*Диетолог **рассказал** о способах **вернуть** здоровое питание после праздников*» с точки зрения типов имплицитной прагматической информации, актуализируемой заголовком, претендующим на авторитетность суждения и статус информативности. Глагол *рассказать* здесь, очевидно, передает интенцию асерции и используется для позиционирования в тематическом начале субъекта как носителя экспертного знания. Глагол *вернуть* в рематической части актуализирует прагматическую пресуппозицию о том, что до наступления праздников питание было здоровым (отрицание пресуппозиции делает бессмысленным асерцию, так как нельзя вернуть то, чего не было), что формирует эмоционально-оценочный подтекст: правильное питание должно входить в число ценностных установок адресата. В данном случае праздник имплицитно становится врагом здорового образа жизни, а здоровое питание – его важной доминантой. Приведенное заключение интерпретативного анализа информации в заголовке позволяют выделить следующие ценностные импликации: допускается отклонение от здорового образа жизни в период праздников; праздник дает возможность почувствовать себя свободным от правил; после окончания праздника необходимо возвращаться к их соблюдению. В итоге выявляется указание на оценочный стереотип «в праздники едят вредную пищу», который предлагается принять как безоговорочный, имплицитно допустимость периодических отказов от следования требованиям ЗОЖ, передается прескрипция о необходимости возврата к нормам здорового питания.

Глагол *назвать* встречается в 24,8 % заголовков. В его лексикографическом описании

можно выделить следующие речевые действия:

1) дать название, имя (кому-л., чему-л.); определить, охарактеризовать каким-то словом (обыч. о плохом поступке); 2) произнести имя; представиться; 3) сообщить, назвать (дату, день, время, число, цену); 4) сказать прямо, ничего не скрывая; 5) представить истину в дурном свете, выдать дурное за хорошее (БТСРЯ).

Субъектами речи также выступают неперсонализированные носители экспертного знания (*врач, диетолог, нутрициолог, гастроэнтеролог, биолог*), придающие авторитетность и прескриптивность заголовку, имплицитно предполагающему безоговорочное принятие любого, порой весьма странного утверждения, обладающего слабым эффектом новизны, например: *Диетолог **назвал** самые полезные осенние **овощи**; Эксперт **назвала** риски при употреблении незрелых овощей; Кардиолог **назвал** опасные для сердца **продукты**; Гастроэнтеролог **назвал** безопасную **норму** эскиммо для взрослых и детей; Нутрициолог **назвала** **противопоказания** для употребления капусты*. Запланированный эффект безоговорочного восприятия информации от авторитетного субъекта поддерживают такие слова, как *полезный, опасный, безопасный*, слова *риски, противопоказания* апеллируют к ценности безопасности для здоровья. Приведенные примеры заголовков подтверждают наблюдения о явном отсутствии у них главного признака новостного сообщения – актуальной событийности. Сходный вывод можно сделать, прочитав заголовок *Нутрициолог **назвала** главную ошибку худеющих после праздников*. В нем наблюдается семантическая модуляция значения глагола *назвать* – основная сема ‘сообщить’ объединяется с уточняющей ‘сказать прямо, объяснить не скрывая’. Семантика фразы *главная ошибка* в позиции глагольного объекта предполагает наличие совершающего ошибку – *худеющих*, также указываются особые обстоятельства совершения действия – *после праздников*. Заголовок обещает передачу ценной информации об ошибке в модели питания. Именно субстантивированное прилагательное *худеющие* отсылает к прагматическим пресуппозициям и инференциям – «во время праздников люди набирают вес вследствие переизбытка, после праздников люди начинают меньше есть, чтобы сбросить вес, люди делают это неправильно, совершают много ошибок,

эти ошибки должны быть озвучены». Таким образом, глагол в заголовке транслирует имплицитную прескрипцию, направленную на коррекцию неправильного поведения.

Частотным глаголом в заголовках нарративов ЗОЖ выступает асертивный глагол *указать* (около 11 % от общего числа примеров). Его лексикографическое описание включает следующие значения: 1) жестом, движением, взглядом обратить чье-л. внимание на кого-то, что-то; т. е. с помощью знака обозначить что-то; 2) объяснить, рассказать, помочь увидеть, довести до чьего-л. сведения (т. е. сообщить точные количественные данные); 3) предложить, рекомендовать кого-л., что-л., с какой-то целью; 4) назвать кого-л. в качестве лица, причастного к чему-л., виноватого в чем-л.; 5) выделить, отметить что-л., разъяснить, раскрыть смысл; 6) направить чью-л. деятельность; дать указание, распоряжение (БТСРЯ).

В изученных заголовках субъектами речи в тематической позиции по-прежнему являются неперсонализированные носители экспертного знания: *диетолог, гастроэнтеролог, онколог, ученые*, в рематической части сообщения отмечается импликация пересказа мнения квазиэксперта (никому не известного лица) с элементами привлечения внимания к теме опасности / пользы определенных продуктов для здоровья: *Диетолог указал на опасность соленых огурцов; Диетолог указал на неочевидную опасность тыквы; Ученые указали на пользу скандинавской диеты для людей с диабетом; Онколог указал на скрытую опасность лишнего веса у женщин; Исследователи указали на пользу растительной пищи для здоровья почек; Ученые указали на заблуждения о влиянии глютенa на организм*. В приведенных примерах глагол используется в значении «выделяя, отмечая что-л., привлечь к этому чье-л. внимание», при этом наблюдается семантическая модуляция одного важного компонента значения – ‘сделать известным’. Анализ импликаций содержания заметки свидетельствует об обратном – автор текста фокусирует внимание читателя на опасности, активизирует эмоцию страха за свое здоровье, так как в качестве объекта внимания выступают абстрактные существительные

отрицательной оценочной семантики, такие как *опасность, заблуждение*, сочетание *указать на пользу* встречаем редко. Инференции вышеприведенных суждений сводятся к следующему: читателям следует помнить / не забывать о пользе / вреде некоторых продуктов и предпринимать действия, направленные на поддержание здоровья.

Глагол *предупредить* не демонстрирует высокой частотности (около 8 % заголовков от общего числа). Его лексикографическое описание включает следующие значения: 1) зная, заранее известить, уведомить о чем-л. (например, об опасности); 2) угрожать; 3) предостеречь, сделать предварительное замечание (предупредить нарушителей); 4) сделать что-л. ранее кого-л., предугадать чьи-л. действия, желая опередить (БТСРЯ). Судя по семантике заголовков, в них реализуется значение «зная, известить, уведомить о последствиях»: *Диетолог предупредила о (вреде помидоров / свеклы; об опасности баклажанов); Врач предупредил о вреде неверного представления о правильном питании; а также «сообщить, желая опередить наступление нежелательных последствий»: Ученые предупредили о рисках низкоуглеводных диет для сердца; Диетолог предупредил о последствиях предновогодних диет; Диетолог предупредил об опасности детского ожирения*. Отметим, что соседство с существительными *вред, риски, опасность* активизируют ценностную инференцию «боязнь за состояние здоровья».

Семантика глагола *объяснить* относит его к группе речемыслительных действий: 1) сказать что-л. в дополнение к какому-л. сообщению; 2) растолковывать неясные, трудные места, делая что-л. более понятным, доступным; 3) истолковать, раскрыть причину, смысл чего-л. (БТСРЯ). Именно последнее значение активизируется в заголовках малоинформативных заметок о ЗОЖ (6 % от общего числа): *Врач объяснил неэффективность диет при ожирении; Врач объяснил пользу моркови для зрения; Ученые объяснили влияние фруктов на улучшение функции легких; Ученые объяснили влияние снижения веса на здоровье жировой ткани*. Инференции приведенных референционных суждений – сообщить читателю мнение обезличенных экспертов

о пользе / вреде некоторых продуктов, необходимости совершения действий, направленных на сохранение здоровья. Отметим, что как заголовки, так и содержание заметок отличаются разъяснительно-пояснительными интенциями.

Следующую группу глаголов образуют лексемы с семантикой получения новых сведений, к числу которых принадлежит глагол *узнать*. В его семантической структуре выделяются следующие значения: 1) собрать, получить сведения о ком-л., чем-л.; стать осведомленным относительно чего-л.; 2) осведомиться, справиться о ком-л., чем-л., спросить; 3) приобрести знания; познать что-л.; испытать, изведать (нечто неприятное, вредное); 4) обнаружить в ком-л. знакомого или в чем-л. знакомое (БТСРЯ). При актуализации этого глагола в заголовках сообщений о ЗОЖ (6 % от общего числа примеров) наблюдается расхождение между основной семой 'быть осведомленным, приобрести знания' и импликацией заголовков «все это знают, но надо напомнить читателю о необходимости следить за состоянием здоровья и его связью с питанием»: *Ученые узнали о пользе дикой голубики для сердца и кишечника; Ученые узнали о влиянии питания на риск болезни Альцгеймера; Ученые узнали о влиянии времени приема пищи на метаболическое здоровье; Ученые узнали причины накопления токсинов в тыкве* и др. Лингвисты давно отметили, что «в языке существуют группы слов, помещение которых в несвойственный им синтаксический контекст может окказионально изменять их значение» [Апресян, 1967, с. 29]. Именно такие окказиональные признаки контекстуальной модуляции значения глагола *узнать* проектируют малоинформационное содержание заметки.

В подобных заголовках нарушается смысловая связь между субъектом действия и глаголом: *Исследователи узнали о влиянии рациона питания на старение мозга; Ученые узнали о снижении внутреннего давления в глазах при сне без подушек; Ученые узнали о снижении пользы физических упражнений из-за загрязнения воздуха*. Семантическая роль субъекта *ученый* для глагола *узнать* предполагает активные процессы, направленные на поиск объективных данных и решение научной задачи, в то время как в приведенных примерах имплицитруется следующее: некий

субъект, обладая знаниями о влиянии некоторых обстоятельств на здоровье (например, *рацион питания на мозг; польза сна без подушки* и пр.), сообщил об этом ученым, а они рассказали об этом пишущему медийному редактору. Таким образом, вместо достоверно обоснованных результатов научного познания в новостном контенте факты транслируются как слухи, что свидетельствует об отклонении от жанровой конвенции информирования и обращения к тактике манипулирования фактами с целью повышения числа посетителей информационной платформы.

Сходным образом манипулятивность выявляется в заголовках с глагольным фразеологизмом *развеешь миф* в сочетании с объектными дополнениями, номинирующими прочно устоявшиеся традиции правильного питания, например: *Нутрициолог развеял мифы о необходимости завтракать; Диетолог развеял главные мифы об орехах; Врач развеяла миф о стрессе для пищеварения из-за жирной пищи; Врачи развеяли миф о влиянии питья горячей воды на похудение*. Такие заголовки транслируют недостоверные сведения, противоречащие общеизвестным представлениям и установкам, которые позиционируются как заблуждения, опровергаемые псевдаавторитетными субъектами дискурса. Манипулятивная аттрактивность подобных заметок усиливается оценочной лексикой: *польза / вред, опасный / безопасный, плохой / хороший, вредный / полезный, тревожный, провоцирующий, ошибка, заблуждение* и т. п.

Завершая описание результатов многоаспектного интерпретативного анализа заголовков, предваряющих сообщения на тему здорового образа жизни на русскоязычных популярных медийных платформах, отметим их низкую информативность и имплицитную манипулятивность, которая выявляется в ходе осмысления синтагматического контекста включенных в заголовки глаголов, номинирующих такие речемыслительные процессы, как *пересказ общеизвестной информации, передача мнения малоизвестного лица, которому приписывается статус авторитетности*. Глагольный профиль заголовков используется для имплицитной передачи в общем информационном контенте ложных утверждений и псевдофактов о здоровом образе жизни,

закрепления оценочных стереотипов, что подтверждает вывод о тенденции отклонения от конвенциональной функции новостного жанра в современных русскоязычных СМИ и попытках манипулирования интересом читателя к ценностям ЗОЖ.

Заключение

Представленные результаты функционально-прагматического анализа заголовков с опорой на фактор глагольного профиля жанра (определяемого как коммуникативно-прагматическая манифестация определенной разновидности категориально-семантического значения группы глаголов в границах жанрового контекста) свидетельствуют о проявлении в медийной практике тенденции отклонения от классической нормы жанра новостного сообщения. На это указывает присутствие в заголовочном комплексе глаголов объяснительно-разъяснительной прагматики, нацеленной на медиатизацию ценности здорового образа жизни посредством трансляции общеизвестных, а порой и недостоверных фактов, ложных утверждений и мнений. Тема-рематическая структура таких заголовков строится по модели «сообщаем факты и мнения об известном»:

в тематическую позицию помещается квази-авторитетный источник информации (номинации лица, объявляемого достоверным источником информации, например: *специалист, врач, диетолог, нутрициолог* и пр.), рематический предикат с глагольной единицей, эксплицирующей интенцию «рассказать / пересказать / посоветовать», вводит общеизвестные факты (*нутрициолог рассказал / сообщил; врачи узнали*) или передает оценочное мнение (*врачи советуют / предупреждают*). Подобный стиль заголовка демонстрирует жанровую аномалию: не обладая информационной ценностью, предъявляемой жанру новостного сообщения, он отражает современную модель потребления информации – «заголовочное чтение» [Горбылева, 2025, с. 31], при которой заголовки, обладая функциональной автономностью, транслируют заданную медийным контентом оценку публикуемой информации.

Предложенная в статье методика имплицитивно-содержательного анализа, основанная на изучении языковой манифестации функционально-прагматических конвенций медийных жанров, представляется актуальной для формирования оснований лингводискурсивного мониторинга современного медийного контента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1967. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. Москва : Наука. 251 с.
- Брушкова Л. А., Косова Д. А., 2018. Репрезентации ценностей здорового образа жизни в коммерческой рекламе в России // Народонаселение. Т. 21, № 2. С. 110–122. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-09
- Галяшина Е. И., 2025. Языковые приемы телефонного мошенничества и способы его распознавания // Правовой альманах. № 1 (41). С. 19–26.
- Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А., 2020. Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 464 с.
- Горбань О. А., Шептухина Е. М., 2023. Жанровая обусловленность грамматического выражения текстового времени в региональных документах XVIII века // Жанры речи. Т. 18, № 4 (40). С. 330–336. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336>
- Горбылева А. В., 2025. Эволюция заголовков в эпоху цифровых средств массовой информации: семантика, синтаксис, прагматика (на материале итальянских заголовков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 7 (901). С. 25–32.
- Гусева А. П., 2019. Полифония и ее вербальные и невербальные проявления в поликодовом художественном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 7 (823). С. 88–98.
- Ильинова Е. Ю., 2008. Вымысел в языковом сознании и тексте : монография / науч. ред. С. П. Лопушанская. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 513 с.

- Ильинова Е. Ю., 2012. Традиции текстовой культуры сквозь призму литературного жанра // Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда : коллект. моногр. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. С. 212–236.
- Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю., 2022. Эстетика фокусности английского художественного нарратива: корпусно-ориентированный и прагматилистический анализ // Художественный текст: формулы смысла : коллектив. моногр. Москва : ФЛИНТА. С. 62–111.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 2000. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: история и современное состояние. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 20–29.
- Макаров М. Л., 2003. Основы теории дискурса. Москва : Гнозис. 280 с.
- Машлыкина Н. Д., Сидорова И. Г., 2019. Лингвопрагматические средства репрезентации ЗОЖ в англоязычных и русскоязычных гипертекстах (на материале текстов интернет-сайтов фитнес-центров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12, вып. 11. С. 358–363.
- Мельникова Е. А., 2014. Точность и достоверность как критерии информативности текста новостного сообщения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 5 (24). С. 94–100. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.12>
- Смирнова И. В., 2024. Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / «разводилов» и его стратегии // Жанры речи. Т. 19, № 1 (41). С. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-90-103>
- Таушева А. Н., 2025а. Сочетание словоизменительных категорий русских глаголов в устных и письменных текстах // Теоретическая и прикладная лингвистика. № 11 (1). С. 138–145. DOI: <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-138>
- Таушева А. Н., 2025б. Вариативность глагольных профилей текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь. 15 с.
- Тихонова Ю. В., 2009. Особенности функционирования форм авторской речи и речи персонажа в современной англоязычной художественной прозе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание. Вып 573 : Стилистика и проблемы контекста. С. 102–117.
- Шептухина Е. М., 2025. Дипломатические письма В.Н. Татищева в жанровом аспекте (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 24, № 6. С. 17–28. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.2>
- Fischer-Starcke B., 2010. Corpus Linguistics in Literary Analysis: Jane Austen and Her Contemporaries. London : Continuum. 240 p.
- Grammar of Genres and Styles: From Discrete to Non-discrete Units, 2018 / ed. by D. Legallois, Th. Charnois, M. Larjavaara. Berlin ; Boston : De Gruyter. 248 p.
- Nünning V., 2018. Cultural Concerns, Literary Developments, Critical Debates: Contextualizing the Dynamics of Generic Change and Trajectories of the British Novel in the Twenty-First Century // The British Novel in the Twenty-First Century: Cultural Concerns – Literary Developments – Modern Interpretations / ed. by V. Nünning, A. Nünning. Trier : WVT. P. 21–52.
- Phraseology and Style in Subgenres of the Novel. A Synthesis of Corpus and Literary Perspectives, 2020 / ed. by I. Novakova, D. Siepmann. Palgrave : McMillan. 313 p.
- Schmidt S. J., 1986. Towards a Constructive Theory of Media Genre // Poetics. № 16. P. 374–385.
- Stebletsova A.O., Torubarova I.I., Linaker T., 2023. The Language of Health Promotion in British and Russian Digital Media: A Comparative Study // Вестник Волгоградского государственного университета. Т. 22, № 5. С. 72–88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.5>

ИСТОЧНИК

Известия. URL: <https://iz.ru/>

СЛОВАРЬ

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / общ. ред. С. А. Кузнецова. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>

REFERENCES

- Apresjan Ju.D., 1967. *Eksperimentalnoje issledovanie semantiki russkogo glagola* [Experimental Studies of Russian Verb Semantics]. Moscow, Nauka Publ. 251 p.
- Brushkova L.A., Kosova D.A., 2018. Reprezentatsii tsennostej zdorovogo obraza zhizni v kommercheskoj reklame v Rossii [Representations of Healthy Lifestyle Values in Commerce Advertising in Russia]. *Narodonaselenije* [Population], vol. 21, no. 2, pp. 110-122. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-09
- Galjashina Je.I., 2025. Jazykovye prijemy telefonnogo moshennichestva i sposoby jego raspoznavaniya [Language Means of Telephone Fraud and Ways of its Identification]. *Pravovoj almanakh* [Legal Almanac], no. 1 (41), pp. 19-26.
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Dmitrieva E.G., Safonova I.A., 2020. *Dokumenty Vojska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisanie i teksty* [Documents of the Don Army of the 18th Century: Linguistic Description and Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 464 p.
- Gorban O.A., Sheptukhina E.M., 2023. Zhanrovaja obuslovlennost grammaticheskogo vyrazheniya tekstovogo vremeni v regionalnykh dokumentakh XVIII veka [Genre Determination of Grammatical Expression of Textual Chronotope in Regional Documents of the 18th Century]. *Zhanyri rechi* [Speech Genres], vol. 18, no. 4 (40), pp. 330-336. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336>
- Gorbyleva A.V., 2025. Evolyutsija zagolovkov v epokhu tsifrovyykh sredstv massovoj informatsii: semantika, sintaksis, pragmatika (na materiale italjanskikh zagolovkov) [Evolution of Headlines in the Digital Media Era: Semantics, Syntax, Pragmatics (Based on Italian Headlines)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], iss. 7 (901), pp. 25-32.
- Guseva A.P., 2019. Polifonija i jeje verbalnye i neverbalnye projavlenija v polikodovom hudozhestvennom tekste [Poliphony and its Verbal and Nonverbal Representation in Polycode Literary Texts]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], iss. 7 (823), pp. 88-98.
- Ilyinova E.Yu., 2008. *Vmysel v jazykovom soznanii i tekste: monografija* [Figment in Linguistic Conciseness and Text. Monograph]. Volgograd, Volgograd. nauch. izd-vo. 513 p.
- Ilyinova E.Yu., 2012. Traditsii tekstovoj kultury skvoz prizmu literaturnogo zhanra [Traditions of Textual Culture in the Mirror of Literary Genre]. *Rossija lingvisticheskaja: nauchnye napravlenija i shkoly Volgograda : kollektiv. monogr.* [Linguistic Russia: Scientific Vectors and Schools of Volgograd. Collective Monograph]. Volgograd, Volgograd. nauch. izd-vo, pp. 212-236.
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu., 2022. Estetika fokusnosti anglijskogo khudozhestvennogo narrativa: korpusno-orijentirovannyj i pragmatilisticheskij analiz [The Focus Aesthetics of the English Narrative: Corpus-Oriented and Pragmatilistic Analysis]. *Khudozhestvennyj tekst: formuly smysla : kollektiv. monogr.* [Emotive Prose Text: Formulas of Meaning. Collective Monograph]. Moscow, FLINTA Publ., pp. 62-111.
- Lopushanskaja S.P., 1988. Izmenenije semanticheskoi struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizhenija v protsesse moduljatsii [Changes in the Semantic Structure of Russian Non-Prepositional Verbs of Movement in the Process of Modulation]. *Russkij glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii)* [Russian Russian Verb (In Comparative Aspect)]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5-19.
- Lopushanskaja S.P., 2000. Semanticheskaja moduljacija kak rechemyslitelnyj protses [Semantic Modulation as Speech-and-Mental Process]. *Nauchnye shkoly Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Russkij glagol: istorija i sovremennoje sostojanije* [Scientific Schools of Volgograd State University. Russian Verb: History and Modern State]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 20-29.
- Makarov M.L., 2003. *Osnovy teorii diskursa* [Basics of Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ. 280 p.
- Mashlykina N.D., Sidorova I.G., 2019. Lingvopragmaticheskie sredstva reprezentatsii ZOZh v anglojazychnykh i russkojazychnykh gipertekstakh (na materiale tekstov internet-sajtov fitness-centrov) [Lingua-Pragmatic

- Means to Represent Healthy Lifestyle in English and Russian Hypertexts (On the Material of Texts at Internet Sites of Fitness Centers)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Practice], vol. 12, iss. 11, pp. 358-363.
- Melnikova Je.A., 2014. Tochnost i dostovernost kak kriterii informativnosti teksta novostnogo soobshchenija [Accuracy and Reliability as Criteria of Informativeness in the News Story]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 5 (24), pp. 94-100. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.12>
- Smirnova I.V., 2024. Diskurs tekhnicheskii oposredovannogo moshennichestva: zhanr «razvod» / «razvodilovo» i jego strategii [The Discourse of Technically Mediated Fraud: The Genre “razvod” / “razvodilovo” (≈ “swindle” / “con game”) and Its Strategies]. *Zhany rechi* [Speech Genres], vol. 19, no. 1 (41), pp. 90-103. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-90-103>
- Tausheva A.N., 2025a. Sochetaniye slovoizmenitelnykh kategoriy russkikh glagolov v ustnykh i pismennykh tekstakh [Combination of Russian Verb Inflectional Categories in Spoken and Written Texts]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], no. 11 (1), pp. 138-145. DOI: <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-138>
- Tausheva A.N., 2025b. *Variativnost glagolnykh profiley teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Variability of Verbal Profiles of the text. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Perm. 15 p.
- Tikhonova Ju.V., 2009. Osobennosti funktsionirovaniya form avtorskoj rechi i rechi personazha v sovremennoj anglojazychnoj khudozhestvennoj proze [Features of the Functioning of the Forms of Author’s Speech and Character’s Speech in Modern English-Language Fiction]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Jazykoznanije* [Vestnik of MSLU. Humanities. Issue], iss. 573: Stilistika i problemy konteksta, pp. 102-117.
- Sheptukhina E.M., 2025. Diplomatskije pisma V.N. Tatishcheva v zhanrovom aspekte (na materiale dokumentov Natsionalnogo arkhiva Respubliki Kalmykija) [V.N. Tatishchev’s Diplomatic Letters in the Genre Aspect (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 24, no. 6, pp. 17-28. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.2>
- Fischer-Starcke B., 2010. *Corpus Linguistics in Literary Analysis: Jane Austen and Her Contemporaries*. London, Continuum. 240 p.
- Legallois D., Charnois Th., Larjavaara M., eds., 2018. *Grammar of Genres and Styles: From Discrete to Non-discrete Units*. Berlin, Boston, De Gruyter. 248 p.
- Nünning V., 2018. Cultural Concerns, Literary Developments, Critical Debates: Contextualizing the Dynamics of Generic Change and Trajectories of the British Novel in the Twenty-First Century. Nünning V., Nünning A., eds. *The British Novel in the Twenty-First Century: Cultural Concerns – Literary Developments – Modern Interpretations*. Trier, WVT, pp. 21-52.
- Novakova I., Siepmann D., eds., 2020. *Phraseology and Style in Subgenres of the Novel. A Synthesis of Corpus and Literary Perspectives*. Palgrave, McMillan. 313 p.
- Schmidt S.J., 1986. Towards a Constructive Theory of Media Genre. *Poetics*, no. 16, pp. 374-385.
- Stebletsova A.O., Torubarova I.I., Linaker T., 2023. The Language of Health Promotion in British and Russian Digital Media: A Comparative Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 72-88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.5>

SOURCE

Izvestija. URL: <https://iz.ru/>

DICTIONARY

Kuznecov S.A., ed. *Bolshoj tokovyj slovar russkogo jazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>

Information About the Authors

Elena Yu. Ilyinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Theory and Practice and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, ilynov@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

Larisa A. Kochetova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Theory and Practice and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, kochetova@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Информация об авторах

Елена Юрьевна Ильинова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, ilynov@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

Лариса Анатольевна Кочетова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, kochetova@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

СЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ: АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.6>

UDC 811.163.1:81'373.612
LBC 81.416.1-20

Submitted: 09.01.2026
Accepted: 20.03.2026

SEMANTIC AND MORPHEMIC MODULATION IN THE OLD SLAVONIC TRANSLATED TEXT

Nataliya G. Nikolaeva

Kazan State Medical University, Kazan, Russia

Abstract. The article analyzes the processes underlying semantic and word-formation variation in the Old Slavonic translated text, namely semantic and morphemic modulation. Both types of transformations are considered as a phenomenon of translated text based on the material of various translations of John Damascene's *Theology*. Semantic modulation is shown during the period of the formation of the concept in its volume (the translation by John the Exarch of Bulgaria) and at the stage of clarifying its content (the translation by Princes Kurbsky and Obolensky). The dynamics of this process and its relation to semantic variation (a means) and semantic loan translations (a mechanism) are traced. The author proposed a morphemic modulation hypothesis. Morphemic modulation is shown in relation to the process of parallel formation as an alternative to loan translation. The analysis takes into account the influence of the source text, chronological differences that led to a number of specific objective changes in the language, and the translator's linguistic personality factor. However, the research strategy is not to emphasize objectively existing differences, but to highlight the common features that characterize the specifics of the analyzed phenomena. The conclusion is made about how these phenomena of the text can eventually be implemented in the paradigmatics of language.

Key words: semantic modulation, morphemic modulation, loan translation, Old Church Slavonic translation, John Damascene.

Citation. Nikolaeva N.G. Semantic and Morphemic Modulation in the Old Slavonic Translated Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 69-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.6>

УДК 811.163.1:81'373.612
ББК 81.416.1-20

Дата поступления статьи: 09.01.2026
Дата принятия статьи: 20.03.2026

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И МОРФЕМНАЯ МОДУЛЯЦИЯ В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ

Наталия Геннадьевна Николаева

Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируются процессы, лежащие в основе семантического и словообразовательного варьирования в древнеславянском переводном тексте, – семантическая и морфемная модуляция. Оба типа трансформаций рассматриваются как феномен переводного текста на материале разновременных переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина. Семантическая модуляция показана в период формирования объема понятия (перевод Иоанна экзарха Болгарского) и на этапе уточнения его содержания (перевод князей

Курбского и Оболенского). Прослежена динамика этого процесса и отношение его к семантической вариантности (средство) и семантическому калькированию (механизм). Автором предложена гипотеза морфемной модуляции. Морфемная модуляция показана в соотношении с процессом возникновения параллельных образований как альтернативы структурного калькирования. При анализе учитываются влияние иноязычного текста-источника, хронологические различия, обусловившие ряд частных объективных изменений в языке, фактор языковой личности переводчика. Однако стратегия исследования состоит не в том, чтобы подчеркнуть объективно существующие различия, но чтобы выделить общее, что характеризует специфику изучаемых явлений. Делается заключение о том, как данные феномены текста в итоге могут быть реализованы в парадигматике языка.

Ключевые слова: семантическая модуляция, морфемная модуляция, калькирование, древнеславянский перевод, Иоанн Дамаскин.

Цитирование. Николаева Н. Г. Семантическая и морфемная модуляция в древнеславянских переводных текстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 69–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.6>

Введение

Теория семантического словообразования, сформулированная В.М. Марковым [Марков, 1981] и разработанная его учениками и единомышленниками [Русское семантическое словообразование, 1984; Николаев, 1987; Семантическая деривация..., 2003; и др.], восходит к идее А.А. Потебни, а затем и Л.В. Щербы, которую кратко можно сформулировать как «одно слово – одно значение». По классическому определению Потебни, «слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, то есть каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения» [Потебня, 1874, с. 4]. Предполагается, таким образом, что с развитием нового значения у слова как звукового комплекса возникает и новое слово, произведенное на базе имеющегося, но обладающее иным значением (см. также: [Щерба, 1974, с. 290–291]).

Это научное направление, которое, в сущности, отрицает полисемию как явление, противоречащее основополагающей формуле Потебни – Щербы, до сих пор остается предметом научных дискуссий и принимается далеко не всеми специалистами в области словообразования. Теория В.М. Маркова, имеющая глубокое философское основание и убедительную аргументацию, представляет собой, на наш взгляд, некий рамочный конструкт, который, как любое значительное научное явление, не только требует дополнительного теоретического осмысления и последовательного методологического претворения в практику, но и не исключает, а скорее, даже предполагает

дальнейшее свое развитие и уточнение. Таким важным уточнением является идея С.П. Лопушанской различать семантическую деривацию и семантическую модуляцию [Лопушанская, 1988; 1996]. Обобщая учение о семантической модуляции, можно сказать, что она «...отличается от семантической деривации тем, что она не затрагивает ядерных признаков, объединяющих слова в функционально-семантическое поле, не выводит слово за рамки исходной лексико-семантической группы и исходного синонимического ряда» [Горбань, Шептухина, 2011, с. 10]. Эта идея, имеющая, на наш взгляд, большой научный и методологический потенциал, способная сблизить ранее кажущиеся непримиримыми позиции, призванная решить частные проблемы лексикографии, хотя и была высказана достаточно давно, к сожалению, не получила должного распространения в научной среде. Теорию семантической модуляции не учитывают авторы современных обзоров проблемы семантического словопроизводства [Павловская, Пузикова, 2018; Щербакова 2005]; А.М. Камчатнов, сторонник позиции В.М. Маркова, в своем изложении сути семантического словообразования сам весьма близко подходит к этой идее, но останавливается, не доведя свои рассуждения до логического завершения [Камчатнов, 2022, с. 130–131].

Кроме общетеоретического значения, идея семантической модуляции имеет потенциал в сфере переводной письменности и литературы, как в диахроническом, так и синхроническом ключе. Работая с переводными древнеславянскими текстами, мы уже высказывали мысль о том, что семантическая

модуляция имеет отношение к семантическому калькированию, и предположили также, что, наряду с ней, существует и параллельное явление в морфемном словопроизводстве – морфемная модуляция, коррелирующая с калькированием структурным, но не ограниченная только им [Николаева, 2022, с. 130].

В настоящей статье мы намерены рассмотреть оба вида модуляций, определить их место в лексике и словообразовании переводного текста, показать отношение этого феномена к калькированию, обосновать параллелизм морфемной модуляции и словообразовательной синонимии как феноменов текста и языка соответственно.

Материал и методы

Материалом для анализа семантической и морфемной модуляции в переводном древнеславянском тексте нам послужат два перевода богословского сочинения преподобного Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры» (известного также под кратким названием «Богословие») – первый, выполненный в X в. Иоанном экзархом Болгарским (самый ранний дошедший список принадлежит XII–XIII вв.), и следующий за ним спустя несколько столетий перевод XVI в. князей Андрея Курбского и Михаила Оболенского (между XII и XVI вв. появлялись списки, нередко заметно отредактированные, но новых переводов не было).

Выбор материала обусловлен следующими факторами. Во-первых, «Богословие» Иоанна Дамаскина – один из немногих памятников, перевод которых осуществлялся несколько раз на протяжении нескольких веков в *Slavia Orthodoxa*, так что он имеет хорошо прослеживаемую текстологическую преемственность. Во-вторых, указанные переводы выполнены с разных языков: источником для экзарха Иоанна послужил исконный греческий текст, а Курбский и Оболенский переводили с его латинского перевода. В-третьих, переводы значительно отстоят друг от друга в хронологическом смысле и представляют территориально разные изводы древнецерковнославянского: болгарский экзарх принадлежал к Преславской книжной школе – Курбский со товарищи, будучи представителями Московской Руси, в

эмиграции не избежали юго-западно-русского языкового влияния и интерференции польского языка, что делает их перевод весьма своеобразным. Однако наша задача вместе с тем состоит не в том, чтобы подчеркнуть отличия этих переводов (их наличие несомненно и обусловлено объективными факторами), а чтобы проанализировать общие семантические и словообразовательные процессы, им сопутствующие.

Фактор переводного характера исследуемых текстов определяет специфический ракурс исследования семантической и морфемной модуляций, представляя лишь определенный сектор их функционирования, с одной стороны, и при этом, с другой стороны, в связи с наличием исходного (переводимого) текста как основы сравнения и опоры в определении семантики слова в переведенном тексте позволяет более наглядно представить сущность обоих явлений.

Методы исследования традиционны: сопоставительный, описательный, а также частные приемы, такие как словообразовательный анализ, анализ текста. Принципиально новым в отношении методики является направление анализа и описания в первой его части: если большинство исследований такого рода исходит от слова греческого оригинала как структурно-семантического комплекса к его частным воплощениям в вариантах переводного текста (ономасиологический подход), то в данной работе будет преобладать противоположное направление – от слова древнеславянского текста, которое может передавать разные лексические единицы исходного текста (семасиологический подход).

Переводы изучаются по немецким критическим изданиям рукописных текстов с лексикографическим аппаратом в серии *Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris* (Des hl. Johannes..., 1967–1983; *Die Dogmatik...*, 1995). При цитировании указываются листы рукописей, которые легли в основу данных изданий.

Результаты и обсуждение

Семантическая модуляция

Как мы уже отметили, до сих пор большинство исследований переводных древнеславянских (церковнославянских) текстов

с фокусом на технике и искусстве перевода применяет ономаσιологический подход при работе с лексической вариативностью, то есть фиксацию и анализ соотношений слова исходного текста (в большинстве случаев – греческого) и его славянских соответствий. Этот метод продуктивен как для частных описаний языковых памятников, так и для их критического издания. Основательно исследованное В. Ягичем [Jagić, 1913, S. 266–421], явление лексической вариативности снова становится объектом теоретического осмысления в трудах как отечественных, так и зарубежных историков языка в последней четверти XX в. [Верецагин, 1972; Жуковская, 1976; Hansack, 1981], и с тех пор оно справедливо считается неотъемлемой приметой переводного церковнославянского текста любой эпохи.

Однако представляется полезным и перспективным и обратный, семасиологический подход – изучение славянских слов, имеющих целый комплекс соответствий в языке исходного текста. Такую вариативность можно было бы назвать семантической, а исследование ее обогатило бы лексикографическую практику, поскольку его направление, по сути, повторяет логику словарной статьи.

Особенно перспективно в этом плане изучение прототерминов – слов, получающих особый статус в силу их употребления в специальном тексте, в процессе накопления объема понятия (ментализация) и расширения содержания понятия (идеация). Термины *ментализация* и *идеация* были в таком контексте предложены и обоснованы В.В. Колесовым, он же определил хронологические рамки процессов [Колесов, 2002, с. 398–399], исходя из которых перевод Иоанна экзарха Болгарского относится к первому периоду формирования понятия, когда слово получает новые предметные значения, а версия князей Курбского и Оболенского – ко второму, с его превалированием метафоры как основного средства разработки новых созначений.

Если в этом отношении рассмотреть один из основополагающих терминов философско-религиозного текста, каковым является трактат Дамаскина, – термин *бытие*, то мы должны будем констатировать следующее.

Словом *бытие* экзарх Иоанн передает греческие термины ὑπαρξις ‘бытие, существо-

вание’, γένεσις ‘рождение, творение, происхождение’, субстантивированные инфинитивы τὸ γενέσθαι ‘становление’ и τὸ εἶναι ‘бытие’ и причастия от последнего глагола. Например: *якоже радѣма зане еликоже имать оцѣ то сего юсть развѣ нерожьства имѣже нѣсть знати соуцѣствоу различьства ни сана, нѣ образъ бытѣю* (ὑπάρξεως) (л. 63 – 63 об.); *а естъства бытиѣ* (γένεσις), *растеньниѣ, тѣля, садове, животи* (л. 195); *не сы прежде того оцѣ, тѣ възврати ся ѿ небытѣя* (ἐκ τοῦ μὴ εἶναι) *в бытиѣ* (εἰς τὸ γενέσθαι) (л. 53 об.); *свѣратьноу же юсть, еже ѿ небытѣя* (τὸ ἐκ μὴ ὄντων) *въ бытѣе* (εἰς τὸ εἶναι) (л. 200) и т. п.

Семантический объем термина в этом переводе вполне соответствует тому, что описан в (Срезневский, 2003, стб. 210; СлРЯ XI–XVII, с. 367), и передает идею существования в статике и динамике (εἶναι и γενέσθαι).

В переводе XVI в. содержание понятия *бытие* расширяется. Частично это происходит по той причине, что данный перевод является переводом как бы второй степени, то есть он производился с латинского текста, который в свою очередь был переводом с греческого; к тому же он представляет собой полное переложение трактата Дамаскина (100 глав), в то время как болгарский экзарх перевел лишь самое важное (48 глав). Однако, несмотря на то, что князья-переводчики вполне могли бы использовать какие-то иные лексические единицы, они останавливаются все на том же эквиваленте *бытие*. Это слово передает латинские *beneficium* ‘благоедеяние, милость; здесь в значении предлога посредством’, *causa* ‘причина’, *creatio* ‘сотворение’ (= γένεσις), *ens* ‘сущее’ (= τὸ ὄν), *esse* ‘быть’ (τὸ εἶναι), *existentia* ‘существование’ (ὑπαρξις), *fieri* ‘становиться’ (τὸ γενέσθαι), *generatio* ‘происхождение’ (= γένεσις), *Genesis* ‘Бытие (название книги Священного Писания)’, *suppositum* ‘ипостась (калька с греческого ὑπόστασις)’. Как мы видим, большинство эквивалентов коррелируют с греческими. *Genesis*, название книги Писания, встречается и в переводе экзарха Иоанна. Остаются три эквивалента, которые отличают перевод XVI в.: *beneficium*, *causa*, *suppositum*. Первый и последний связаны с особенностями латинского перевода. Так, греческое διὰ φωνῆς προφερόμενον «произносимое голосом» в латинском усложняется до *vocis beneficio prola-*

tum, что можно передать как «произнесенное посредством голоса». Ср. в первом переводе (ни) *гласомъ приносима* (л. 43 об.) и в переводе XVI в. (ни) *гласа бытиемъ изреченно* (л. 7 об.), что можно трактовать как «произнесенное наличием голоса». В другом случае латинский текст дополняет текст оригинала словом *suppositum*, которое является структурной калькой слова ὑπόστασις, видимо, для лучшего разъяснения сложного богословского рассуждения о природе, личности и ипостаси в отношении Троицы Единого Бога, и это добавленное слово всякий раз переводится как *бытие* – трижды в приведенном ниже фрагменте: *іжъ едінаково глѣють естество і ипостась, бытіе и ліце...* и далее: *общиі оубо відъ многихъ разлічныхъ составовъ, бытіа же едінымъ наричемъ естество, едіное оубо бытіе, сіреч, едіно імѣюще естество, і во двоу совершенныхъ естествахъ, в' двіи глѣю і тгѣле* (л. 69).

Для нас же наибольший интерес представляет третий случай, когда слово *бытие* передает латинское *causa* ‘причина’ (греч. αἰτία), которое обычно в церковнославянском переводится как *вина*: [о рождении Христа] *едіно ото отца прежде вѣкъ, преж бытіа, і гланіа і времені, і естества* (л. 76); [о почитании Отца] *і яко началу і бытію* (*principium et causam*) *самымъ собою оному честъ подающе* (л. 109 об. – 110). Соответствие термина *бытие* латинскому *causa* (среди десяти его значений, представленных в словаре (Дворецкий, 1976, с. 165), значения существования нет, стержневой семой остается ‘причина, основание’) расширяет содержание понятия. В этом случае можно говорить о семантической модуляции, которая не затрагивает категориальной семы и не выводит слово за пределы его функционально-семантического поля, но модифицирует основное значение, дополняя его созначением, присутствующим как основное в латинском *causa*. Можно заметить также, что такое дополнение не является абсолютно новым для термина *бытие*, потому как его греческое соответствие γένεσις в полном спектре своих значений имеет и такие – ‘первоисточник, первоначало’ (Дворецкий, 1958, с. 318), каковые не актуализируются в изучаемом памятнике, но заложены в потенции слова.

Похожие ситуации приращения смысла встречаются и в первом переводе. Так, на-

пример, греческое субстантивированное перфектное причастие от глагола συμβαίνω ‘сходиться; случаться’ συμβεβηκός переводится как *съшѣствие*: *тъма же юсть не соущество чѣто, нъ съшѣствие, свѣта бо юсть лишенье* (л. 131 об.). В иных случаях слово *съшѣствие* имеет прямое значение ‘нисхождение’: *пакы възведе ны къ семоу неизглаголанымъ съшѣствиемъ* (συγκатаβάσεως) (л. 238 об.). Составители словоуказателя к изданию перевода Иоанна экзарха Болгарского зафиксировали эти словоупотребления как два разных слова (Des hl. Johannes..., Bd. 4, 1983, S. 213). На наш взгляд, это одно и то же слово с признаками семантической модуляции: значение слова *съшѣствие* ‘случай, ситуация’ можно интерпретировать как сложение обстоятельств (*обстоятельства сошлись*). Косвенно о связи словоупотреблений *съшѣствие* в значении ‘случай’ и в значении ‘схождение’ говорит тот факт, что греческие эквиваленты этимологически восходят к одному глаголу βαίνω ‘идти’. Заметим, что в переводе XVI в. *съшѣствие* в значении συμβεβηκός не употребляется, а заменяется более привычным нам словом *случаи*.

Приведенные здесь примеры (*бытие* – *causa* и *съшѣствие* – συμβεβηκός) можно рассматривать как семантические кальки. Семантическая калька в синхроническом срезе является семантической модуляцией слова под влиянием иноязычного источника. Но, как только модуляция произошла, слово, обогащенное новым содержанием, имеет очень короткое время для своей адаптации в воспринимающем языке. Встает вопрос, сохранит ли оно свой семантический объем независимо от иноязычного источника или останется лишь феноменом конкретного текста. В наших случаях не произошло закрепления контекстного содержания терминов, обусловленного соотношением с оригинальным текстом. Однако нужно отметить, что семантическое калькирование – вообще явление достаточно редкое. Семантическая модуляция как феномен текста происходила значительно чаще, но могла не получать своего развития и не становится на основе регулярного употребления фактором языка в том или ином конкретном случае. Ранее мы писали, что «семантическое калькирование в тексте явилось в какой-то мере

прообразом семантического словообразования в языке, которое начинает развиваться только после распада семантического синкретизма в связи с появившейся возможностью переноса значений и образования вместе с тем новых лексических единиц» [Николаева, 2009, с. 129]. Уточним, что, если семантическая деривация как явление языка в своем полноценном виде действительно появляется позже, после окончательного распада семантического синкретизма, то семантическая модуляция как явление текста возникает в самых ранних памятниках древнеславянского языка и поддерживается той семантической диффузностью, которая была характерна для того периода как наследие синкретизма и условие перехода к конкретизации смыслового содержания слова.

Морфемная модуляция

Частным проявлением лексической вариативности переводного текста является вариативность словообразовательная, которая представляет собой поиск словообразовательной формы в ситуации флуктуации словообразовательных значений. Такую структурную подвижность слова логично рассматривать как морфемную модуляцию – явление, параллельное модуляции семантической и обусловленное теми же факторами: общей семантической диффузностью, пластичностью славянского слова, влиянием текста-источника. Морфемная модуляция, по предложенному нами определению, есть «изменение морфемного состава слова при сохранении понятийного ядра и (необязательно, но возможно) словообразовательной соотнесенности» [Николаева, 2022, с. 130].

Если мы остановимся на том же термине *бытіе*, на примере которого мы иллюстрировали проявление семантической модуляции, то в переводе Иоанна экзарха Болгарского мы обнаружим словообразовательный вариант *быть*: *самъ же юсть начало и вина бытію, и якоже быть юстьствѣмъ вѣмъ* (л. 71 об. – 72). При этом *бытію* и *быть* передают одно и то же греческое *τοῦ εἶναι* (во втором случае, точнее, *τοῦ πῶς εἶναι* – *якоже быть*, то есть «образ бытия»). Л. Садник, издатель перевода, на основании более поздних списков дает здесь конъектуру *якоже быти*

(Des hl. Johannes..., Bd. 1, 1967, S. 145), в то время как И.И. Срезневский признает *быть* полноценным словом и включает его в свои «Материалы», иллюстрируя двумя примерами из Иоанна экзарха Болгарского – «Богословия» (приведенный фрагмент) и «Шестоднева» (Срезневский, 2003, стб. 211). Если следовать за Срезневским (а мы склоняемся к его версии), мысль Дамаскина обретает новое звучание: в оригинале – Сам (Бог Отец) является по природе началом и причиной бытия и образа бытия всего (сущего); в переводе – Бог является по природе началом и причиной бытия и образом бытия всего (сущего). Такое переосмысление вполне в духе болгарского экзарха и не противоречит переводческим принципам того времени, но вписывается в сформулированную С. Матхаузеровой «открытую теорию перевода» [Матхаузерова, 1976, с. 37], предполагавшую возможность переосмысления переводимого материала в рамках средневековых переводческих установок.

В переводе Курбского – Оболенского мы также обнаружим морфемную модуляцию основного термина *бытіе* – это слово *бытство*. Характерно, что производящим для этого слова являлось, по всей видимости, исчезнувшее *быть*, которое использовал экзарх Иоанн, но само слово *быт(ь)ство* фиксируется не только у Курбского – оно входит в словарный фонд церковнославянского языка с XIV в. (СДРЯ XI–XIV, с. 350) и, по нашим наблюдениям, функционирует как термин в богословских текстах. Модуляция *бытство* имеет те же латинские соответствия, какие являются основными для слова *бытіе*, – *ens, esse, existentia* (последнее – чаще всего). Например: *достойне і бѣгоу слово составляти, ізятіемъ вѣсѣхъ понеже нечесоуж сѣмъхъ естъ которые соутъ: не яко небытство (non ens), но яко вси бытства (entia) превозходѣтъ, і над самое бытство (esse) сѣи (ens) (л. 5 об.); оноє бо вѣмъ бытіе (esse) <...> подаєтъ: і оно єсть бытствѣ (entium) бытство (esse), і живущіхъ животъ, і разумныхъ бытствѣ (entium) разоумъ, і мысленныхъ смыслъ (л. 25 об.); ібо оноє слово плотъ бытъ почато отъ двѣ, оупреждающе і пріятіемъ бѣгъ, і она оужє отъ него обѣженъ на яко бы трєми соделавшімісѣ въ коупе со произведєніемъ онаго ко бытію (esse), пріятіемъ, бытствомъ (existentia), і обѣженіемъ*

онаго от слова (л. 84); *ібо і тогда тѣло і дша по томоу от начала во слове іпостаси мѣлі бытство* (*existentiam*) (л. 112 – 112 об.) и т. п.

Как мы видим, *бытство* иногда употребляется в тесном контексте со словом *бытіе*. В случае, когда они переводят одно и то же слово (*esse*), они являются лексическими вариантами. В данном примере (л. 25 об.) расхождения в переводе *esse* обусловлено эстетикой текстопостроения, чтобы максимально реализовать повтор (*бытствѣ бытство*). Сложнее и интереснее пример с л. 84, где мы тоже обнаруживаем контактное употребление *бытіе* и *бытство*, у которых разные латинские эквиваленты (*esse* и *existentia* соответственно), но мы помним, что *esse* могло переводиться как *бытство* (см. л. 25 об.), а *existentia* как *бытіе* (в продолжение рассуждений о Богородице на л. 84: *и такъ разоумѣти і гл҃ати достоитъ бѣоу двоу, не токмо слова ради естества, но і обжєніа ради члчскіе плоти, іхже вкоупе зачатіе і бытіе* (*existentia*) *предѣвнымъ дѣломъ соделалѣса*). Здесь нет, на наш взгляд, явных причин выбора того или иного варианта, нет влияния содержания, не прослеживаются текстообразующие факторы, но тем отчетливее мы замечаем, как функционируют и взаимодействуют семантическая и морфемная модуляции в границах одного текстового единства.

Морфемная модуляция может быть представлена и более развернутыми рядами. Так, в первом переводе такие ряды образуют словообразовательные варианты: *слоуга* – *служѣньникъ* – *служитель*; *тварь* – *творитво* – *творение*; *благодѣ* – *благота* – *благыни*; *чоувитво* – *чоувѣство* – *чоувѣствіе* и т. п. Соотношение этих слов и их греческих эквивалентов внутри ряда может быть различное: эти эквиваленты могут повторяться у славянских слов одного ряда, как правило, они при этом однокорневые, но они могут также и не совпадать. Так, *слоуга* имеет эквивалентом греческое *λεῖτουργός* ‘слуга, рабочий’, *служѣньникъ* – это перевод греческого *ὑποσπῆστις* ‘соратник, помощник’, а *капищемъ служитель* соответствует композиту *εἰδωλολάτρης* ‘идолопоклонник’; слово *тварь* имеет целый ряд соответствий сходного значения, однокорневых и неоднокорневых, – *κτίσμα*, *κτίσις* ‘творение, создание, основание’, *κόσμος* ‘(тварный) мир’, *δημιουργία* ‘творение’, *творитво* переводит слово *ποιότης*,

а *творение* – это и *κτίσμα* (см. *тварь*), и *πρῶγμα* ‘(сотворенная) вещь’; *благодѣ* – эквивалент греческих *τὸ ἀγαθόν* ‘благо’ и *ἀγαθότης* с тем же значением, *ἀγαθότης* – это также и *благота*, а *благыни* переводит слово *μακαρίότης* ‘блаженство’ и т. д. и т. п.

Как мы видим, картина весьма разнородна, но если мы рассматриваем приведенные ряды слов как факт древнеславянского текста без опоры на текст исходный, то мы должны констатировать, что члены одного ряда имеют одно производящее слово и передают общие значения либо лица, либо абстрактного качества, действия и т. п.: *слоуга* – *служѣньникъ* – *служитель* < *служити* (значение лица по действию); *тварь* – *творитво* – *творение* < *творити* (значение действия и его результата); *благодѣ* – *благота* – *благыни* < *благѣ* (значение абстрактного качества) и т. д. Присоединение к производящей основе разных аффиксов одного словообразовательного значения и есть морфемная модуляция как проба разной словообразовательной формы, которая в дальнейшем приведет к уточнению значения и спецификации типа. Первые примеры такой дифференциации встречаются и в этом переводе. Так, в ряду *сласть* – *сладость* – *сладѣство*, соотносимых с адъективом *сладѣкъ*, *сласть* и *сладость* переводят греческое *ἡδονή* ‘удовольствие, наслаждение’ (овеществленное качество), а *сладѣство* – *ὑλκότης* ‘сладость (как свойство)’ (абстрактное качество) без смешения и пересечений соответствий. Однако в условиях семантической диффузности вряд ли можно констатировать семантическую трансформацию в сфере этих образований. Они остаются словообразовательными вариантами.

Вообще процесс дифференциации (а значит, подключения семантических преобразований) проходил крайне медленно. Косвенным свидетельством этого может служить перевод XVI в., в котором *сладкость* переводит латинское *dulcedo* ‘сладость как свойство’, *сласть* – *voluptas* ‘наслаждение’, а *сладость* в этом переводе имеет оба значения (и к тому еще *voluntas* ‘желание’ и *voluptarium* ‘наслаждение’). И в современном русском языке внутренняя форма слова *наслаждение* сохраняется весьма прозрачной.

В целом можно констатировать значительное уменьшение морфемной модуляции

в переводе XVI в., как и уменьшение словообразовательной вариативности в принципе. В сравнении с материалом текста первого перевода здесь таких примеров значительно меньше: *безоумие* – *безоумство*, *дѣйство* – *дѣйствие*, *единение* – *единство* – *единось*, *отвѣтъ* – *отвѣщание* (sic), *ядь* – *ядение*, *отстоупъ* – *отстоупление* и некоторые другие. Причин такого сокращения несколько. Это причины и общего характера: укрепляются связи между словом как звуковым комплексом и его значением, завершается спецификация словообразовательных типов. Это и частные факторы: сокращается продуктивность нулевой суффиксации и одновременно ее представленность в текстах высокой жанровой принадлежности, заметно влияние не только языка исходного текста (латинского), но и языка окружающего социума (Курбский и Оболенский занимались переводом в эмиграции).

Отметим кратко, что морфемная модуляция вернется в переводные церковнославянские тексты в XVIII в. в связи с архивизирующей тенденцией и продолжит свое существование до переводов нашего времени, воплощаясь в окказионализмах, призванных передать витийство византийского богословия.

В разделе о семантической модуляции мы писали о связи этого явления с семантическим калькированием. Логично было бы предположить, что морфемная модуляция имеет отношение к калькированию структурному. Да, безусловно, это так, но на обсуждаемом материале это не столь очевидно, потому как структурное калькирование проявляет себя ярче всего в словосложении, а «Богословие» содержит достаточно умеренный и традиционный набор композитов, объем которого не позволяет подробно рассмотреть эту проблему. В среде же суффиксальных образований мы встречаем больше не структурных калек, а, по выражению К. Троста, параллельных образований (Parallelbildungen), которые хоть и соотносятся с греческими соответствиями структурно, но образованы самостоятельно, на основании заложенных в языке потенций, посредством внутриязыковых словообразовательных процессов, которые в славянском и греческом в основном имеют общие принципы. Значение славянского слова, эквивалентное греческому значению слова-образца, обусловлено вну-

триязыковым деривационным процессом, так что и значение славянского слова обусловлено более не греческим источником, а языковым закономерностям внутри собственного языка [Trost, 1978, S. 256–257]. В качестве примера таких параллельных образований с морфемной модуляцией можно привести пару *благость* и *благота* с соответствием ἀγαθότης: и славянские слова, и греческое суть отадъективные имена, образованные с помощью суффиксов абстрактного значения, так что в результате они приобретают значение абстрактного качества.

Выводы

Развивая идею С.П. Лопушанской о семантической модуляции как речемыслительном процессе, мы выдвинули гипотезу о существовании морфемной модуляции, которая заключается в варьировании словообразующего форманта при сохранении производящей базы и словообразовательного значения. Семантическую и морфемную модуляции мы рассмотрели применительно к специфической сфере – древнеславянскому богословскому тексту в синхроническом и диахроническом аспектах. В результате мы пришли к следующим выводам.

Семантическая и морфемная модуляции являются средством, которым достигается семантическая и словообразовательная вариативность как частное проявление вариантности, имманентного свойства любого древнеславянского (церковнославянского) переводного текста. Наша работа намечает перспективу исследований этого фрагмента текстологии, поскольку до сих пор акцент делался на лексической вариативности, в то время как семантическая вариативность не менее интересна и значима для понимания смысловых трансформаций текста и преобразования синтагматически обусловленных отношений в языковую парадигматику вследствие перехода количества однотипных явлений в характеризующее качество.

Семантическая и морфемная модуляции в тексте данного типа неизбежно связаны с фактором исходного языка и текста, с которого совершается перевод. Они дают импульс этим модуляциям, и в этом отношении модуляции становятся механизмом калькирования.

Семантическая модуляция – это проявление механизма семантического калькирования, но сам процесс (модуляция) в переводном тексте более широко представлен и не обязательно приводит к результату – кальке. Семантическая модуляция – неотъемлемый феномен средневекового текста (и в большинстве случаев остается в его границах). Через калькирование модуляционное созначение может, однако, закрепиться в слове, если калька адаптируется в языке. Семантическая модуляция продуктивнее в первых древнеславянских переводах, нежели в последующих, что обусловлено семантической диффузностью в этих текстах завершающего этапа распада семантического синкретизма, который в религиозном тексте в принципе сохраняется дольше и имеет значение для его содержания и поэтики. Там она способствует формированию объема понятия.

Морфемная модуляция соотносится не столько со структурным калькированием, сколько с явлением параллельных образований, особенно распространенных в сфере аффиксации (в то время как калькирование более связано со сферой словосложения). Морфемная модуляция, как и семантическая, поддерживается в тексте связью с иноязычным источником, но зависит также от продуктив-

ности того или иного словообразовательного типа, баланса словообразовательной формы и словообразовательного значения.

Будучи феноменом текста, семантическая и морфемная модуляции всегда неизбежно испытывают влияние и субъективного фактора – языковой личности создателя текста (переводчика), включающей его происхождение и образование, индивидуальные языковые предпочтения, воздействия языковой среды, которая его окружает, его целеполагания.

Семантическая и морфемная модуляции иногда вступают в сложные отношения и, будучи в самом общем плане явлениями одного порядка, несомненно, оказывают друг на друга взаимное влияние.

Семантическая и словообразовательная вариативность средневекового текста в конечном итоге так или иначе воздействует на формирование парадигматических отношений языка. Если семантическая модуляция приводит к своему пределу – смене категориальной семы, то в результате деривационного акта возникают омонимы. Если морфемная модуляция получает регулярный характер, не меняя при этом словообразовательного значения и сохраняя связь с общей производящей основой, то это ведет к возникновению словообразовательных синонимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верещагин Е. М., 1972. Из истории возникновения первого литературного языка славян. В 2 ч. Ч. 2. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. Москва : Изд-во Моск. ун-та. 199 с.
- Горбань О. А., Шептухина Е. М., 2011. Лингвистические идеи профессора С.П. Лопушанской в контексте современной научной парадигмы // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 153, кн. 6. С. 7–15.
- Жуковская Л. П., 1976. Текстология и язык древнейших славянских памятников. Москва : Наука. 368 с.
- Камчатнов А. М., 2022. Введение в изучение русского исторического словообразования : учеб. пособие. Москва : Директ-Медиа. 300 с.
- Колесов В. В., 2002. Философия русского слова. Санкт-Петербург : ЮНА. 448 с.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменения семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 1. С. 6–13.
- Марков В. М., 1981. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та. 32 с.
- Матхаузерова С., 1976. Древнерусские теории искусства слова. Praha : Univerzita Karlova. 145 с.

- Николаев Г. А., 1987. Русское историческое словообразование: теоретические проблемы. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 152 с.
- Николаева Н. Г., 2009. К вопросу о роли калькирования в истории русского словопроизводства // *Folia linguistica rossica* 5 : Język – Kultura – Historia. Łódź : Wydawnictwo UŁ. С. 127–134.
- Николаева Н. Г., 2022. Словообразовательные стратегии выражения невыразимого в диахронии текста славянских Ареопагитик // Слово и текст в синхронии и диахронии : сб. ст. К 95-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 121–133.
- Павловская О. Е., Пузикова Г. В., 2018. Проблемы понимания сущности семантической деривации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. Т. 4 (70), № 2. С. 217–231.
- Потебня А. А., 1874. Слово и предложение : Введение в теорию. Харьков : Унив. тип. 128 с.
- Русское семантическое словообразование : сб. тр., 1984 / под ред. В. М. Марков [и др.]. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та. 153 с.
- Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной : межвуз. сб. науч. тр., 2003 / под ред. Б. И. Осипова. Омск : ОмГУ. 135 с.
- Щерба Л. В., 1974. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград : Наука. 428 с.
- Щербакова Н. Н., 2005. Семантическое словообразование как лингвистическая проблема // Омский научный вестник. № 4 (33). С. 230–235.
- Hansack E., 1981. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // *Die Welt der Slaven*. Jg. 26, № 1. S. 15–36.
- Jagić V., 1913. Entstehungsgechichte der Kirchenslavischen Sprache. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung. 540, XII S.
- Trost K., 1978. Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen : Die Abstrakta in der Hexaameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469. München : Wilhelm Fink. 381 S.

ИСТОЧНИКИ

- Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes : in 4 Bd. / hrsg. von L. Sadnik. Wiesbaden : Otto Harrassowitz ; Freiburg i. Br. : U.W.Weier, 1967–1983.
- Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) / hrsg. von J. Besters-Dilger. Freiburg i. Br. : Weiher, 1995. 928 S.

СЛОВАРИ

- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 1. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 526 с.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Москва : Рус. яз., 1976. 1096 с.
- СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. 1. Москва : Рус. яз., 1988. 511 с.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. Москва : Наука, 1975. 371 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 1. Москва : Знак, 2003. 1419 стб., 49 с.

REFERENCES

- Vereshchagin Je.M., 1972. *Iz istorii vozniknovenija pervogo literaturnogo jazyka slavjan. V 2 ch. Ch. 2. Varjирование sredstv vyrazhenija v perevodcheskoj tekhnike Kirilla i Meфodija* [From the History of Formation of the First Standard Language of Slavs. In 2 Pts. Pt. 2. Variation of Means of Expression in the Translation Technique of Cyril and Methodius]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 199 p.
- Gorban O.A., Sheptukhina Je.M., 2011. *Lingvisticheskiye idei professora S.P. Lopushanskogo v kontekste sovremennyj nauchnoj paradigmy* [Linguistic Ideas of Professor S. P. Lopushanskaya in the Context of the Modern

- Scientific Paradigm]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Kazan Journal of Historical, Linguistic and Legal Research], vol. 153, book 6, pp. 7-15.
- Zhukovskaja L.P., 1976. *Tekstologija i jazyk drevnejshikh slavyanskikh pamjatnikov* [Textology and Language of the Most Ancient Slavic Manuscripts]. Moscow, Nauka Publ. 368 p.
- Kamchatnov A.M., 2022. *Vvedenije v izuchenije russkogo istoricheskogo slovoobrazovanija: ucheb. posobie* [Introduction to the Study of Russian Historical Word Formation. Handbook]. Moscow, Direkt-Media Publ. 300 p.
- Kolesov V.V., 2002. *Filosofija russkogo slova* [Philosophy of Russian Word]. Saint Petersburg, YuNA Publ. 448 p.
- Lopushanskaja S.P., 1988. Izmenenija semanticheskoi struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizhenija v protsesse moduljatsii [Changes in the Semantic Structure of Russian Non-Prepositional Verbs of Movement in the Process of Modulation]. *Russkij glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii)* [Russian Verb (In Comparative Aspect)]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5-19.
- Lopushanskaja S.P., 1996. Semanticheskaja moduljatsija kak rechemyslitel'nyj protsess [Semantic Modulation as a Speech-Thinking Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya*, iss. 1, pp. 6-13.
- Markov V.M., 1981. *O semanticheskom sposobe slovoobrazovanija v russkom jazyke* [To the Semantic Method of Word Formation in Russian]. Izhevsk, Izd-vo Udmurt. un-ta. 32 p.
- Matkhauzerova S., 1976. *Drevnerusskije teorii iskusstva slova* [Old Russian Theories of the Word Art]. Praha, Univerzita Karlova. 145 p.
- Nikolajev G.A., 1987. *Russkoje istoricheskoe slovoobrazovanie: teoreticheskie problemy* [Russian Historical Word Formation. Theoretical Problems]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta. 152 p.
- Nikolajeva N.G., 2009. K voprosu o roli kalkirovanija v istorii russkogo slovoпроизводства [To the Problem of Loan Translation in the History of Russian Word Formation]. *Folia linguistica rossica 5. Język – Kultura – Historia*. Łódź, Wydawnictwo UŁ, s. 127-134.
- Nikolajeva N.G., 2022. Slovoobrazovatel'nye strategii vyrazhenija nevyrazimogo v diakhronii teksta slavyanskikh Areopagitik [Word-Formation Strategies for Expressing the Ineffable in the Diachrony of the Text of Slavic Areopagitica]. *Slovo i tekst v sinkhronii i diakhronii: sb. st. K 95-letiju so dnja rozhdenija Sofii Petrovny Lopushanskoi* [Word and Text in Synchrony and Diachrony. On the 95th Anniversary of Sofia Petrovna Lopushanskaya]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 121-133.
- Pavlovskaja O.E., Puzikova G.V., 2018. Problemy ponimaniya sushchnosti semanticheskoi derivatsii [Problems of Understanding the Essence of Semantic Derivation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], vol. 4 (70), no. 2, pp. 217-231.
- Potebnja A.A., 1874. *Slovo i predlozhenije. Vvedenije v teoriju* [Word and Sentence. Introduction into Theory]. Kharkov, Univ. tip. 128 p.
- Markov V.M., Troitskij V.I., Jeselevitsch I.E., Nikolajev G.A., eds., 1984. *Russkoje semanticheskoe slovoobrazovanie: sb. tr.* [Russian Semantic Word Formation. Collection of Works]. Izhevsk, Izd-vo Udmurt. un-ta. 153 p.
- Osipov B.I., ed., 2003. *Semanticheskaja derivatsija i jeje vzaimodejstvije s morfemnoj: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Semantic Derivation and Its Interacting with Morphemic. Interuniversity Collection of Scientific Works]. Omsk, OmGU. 135 p.
- Shcherba L.V., 1974. *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Nauka Publ. 428 p.
- Shcherbakova N.N., 2005. Semanticheskoe slovoobrazovanie kak lingvisticheskaja problema [Semantic Word Formation As a Linguistic Problem]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk Scientific Herald], no. 4 (33), pp. 230-235.
- Hansack E., 1981. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes. *Die Welt der Slaven*, Jg. 26, no. 1, S. 15-36.
- Jagić V., 1913. *Entstehungsgechichte der Kirchenslavischen Sprache*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung. 540, XII S.
- Trost K., 1978. *Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen: Die Abstrakta in der Hexaameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469*. München, Wilhelm Fink. 381 S.

SOURCES

- Sadnik L., Hrsg. *Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes: in 4 Bd.* Wiesbaden, Otto Harrassowitz; Freiburg i. Br., U.W. Weiher, 1967–1983.
Besters-Dilger J., Hrsg. *Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurb-skij (1528–1583).* Freiburg i. Br., Weiher, 1995. 928 S.

DICTIONARIES

- Dvoretckij I.Kh. *Drevnegrechesko-russkij slovar. V 2 t. T. 1* [The Old Greek-Russian Dictionary. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1958. 526 p.
Dvoretckij I.Kh. *Latinsko-russkij slovar* [The Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1976. 1096 p.
Slovar drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.). V 10 t. T. 1 [Dictionary of the Old Russian Language (11th – 14th c.). In 10 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1988. 511 p.
Slovar russkogo jazyka XI–XVII vv. Vyp. 1 [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th c. Iss. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1975, iss. 1. 371 p.
Sreznevskij I.I. *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka. V 3 t. T. 1* [Materials for an Old Russian Language Dictionary. In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow, Znak Publ., 2003. 1419 cols., 49 p.

Information About the Author

Nataliya G. Nikolaeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Latin Language and Medical Terminology, Kazan State Medical University, Kazan, Russia, natalia.nikolaeva@kazangmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-9230>

Информация об авторе

Наталия Геннадьевна Николаева, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой латинского языка и медицинской терминологии, Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия, natalia.nikolaeva@kazangmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-9230>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.7>

UDC 811.163.1:811.124

LBC 81.416.1-03

Submitted: 11.01.2026

Accepted: 20.03.2026

**LATIN-SLAVIC PARALLELS IN KIEVAN GLAGOLITIC MISSAL:
CONTINUATION OF A JOINT STUDY
WITH PROFESSOR S.P. LOPUSHANSKAYA**

Vasilii I. Suprun

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Abstract. The purpose of the article is to analyze the verbal vocabulary of the first written document of the ancient Slavic script, the Kievan Glagolitic missal (KGM), and compare it with the text of the alleged source in Latin. The history of the acquisition and study of the text of the document is considered. The role of Professor S.P. Lopushanskaya in the study of the KGM text is considered. The main text-forming part of speech is the verb. The verbal vocabulary is contained in all 10 masses describing events related to the actions of the Lord and the people praying. The forms of the imperative of the 2nd person are frequent (33% of all verbal forms), as is the perfect in the same person (all forms refer to the actions of the Lord). Verb forms are an adequate translation of the corresponding Latin units, while Slavic words have a sacred meaning. The KGM shows the peculiarities of the linguistic culture of the Slavs of the 10th – 11th centuries, their introduction to Christianity, and the influence of Latin on the formation of the liturgical language of Western Slavs. The prospects of the research are the study of participial forms and their role in the memorial missal text.

Key words: Kievan Glagolitic missal, Latin, verb, infinitive, aorist, perfect, imperative, S.P. Lopushanskaya.

Citation. Suprun V.I. Latin-Slavic Parallels in Kievan Glagolitic Missal: Continuation of a Joint Study with Professor S.P. Lopushanskaya. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 81-89. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.7>

УДК 811.163.1:811.124

ББК 81.416.1-03

Дата поступления статьи: 11.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

**ЛАТИНСКО-СЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В КИЕВСКИХ ГЛАГОЛИЧЕСКИХ ЛИСТКАХ:
ПРОДОЛЖЕНИЕ СОВМЕСТНОГО
С ПРОФЕССОРОМ С.П. ЛОПУШАНСКОЙ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Василий Иванович Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Цель статьи заключается в описании глагольной лексики первого памятника древнеславянской письменности – Киевских глаголических листков (КГЛ), сопоставлении славянских единиц с аналогичными в тексте предполагаемого источника на латинском языке и определении их роли в формировании славянской религиозной терминологии. Рассмотрена история обретения и изучения текста памятника. Охарактеризована роль профессора С.П. Лопушанской в исследовании текста КГЛ. Показано, что главной текстообразующей частью речи является глагол. Глагольная лексика содержится в КГЛ во всех 10 мессах, она используется для описания событий, связанных с действиями Господа и молящихся людей. Установлено, что частотны в тексте формы императива 2 л. ед. числа и перфекта в этом же лице (все формы относятся к действиям Господа). Зафиксированные в древнеславянском памятнике глагольные формы представляют собой адекватный перевод соответствующих латинских единиц, при этом у славянских слов формируется сакральное значение. КГЛ отражают особенности лингвокультуры сла-

вян X–XI вв., их приобщения к христианству, влияние латыни на формирование литургического языка западного славянства. Перспектива исследования видится в изучении причастных форм в памятнике, их роли в тексте.

Ключевые слова: Киевские глаголические листки, латынь, глагол, инфинитив, аорист, перфект, императив, С.П. Лопушанская.

Цитирование. Супрун В. И. Латинско-славянские параллели в Киевских глаголических листках: продолжение совместного с профессором С.П. Лопушанской исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 81–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.7>

Введение

Киевские глаголические листки (Киевский миссал) были обнаружены в монастыре Святой Екатерины на горе Синай архимандритом Антонином (Андреем Ивановичем Капустиным), когда он, будучи начальником Русской православной миссии в Иерусалиме, с 3 августа по 18 сентября 1870 г. приводил в порядок местную монастырскую библиотеку, разбирая и описывая греческие, славянские и арабские рукописи. Вместе с двумя помощниками архимандрит Антонин составил рукописный каталог из 1 310 греческих, 38 славянских и 500 арабских текстов. В благодарность за этот труд скевофилакс монастыря (заведующий всей церковной утварью, включая книги и рукописи, σκευοφύλαξ – буквально ‘сосудохрани́тель’) Григорий передал ему 6 листов рукописи, оставив себе один, написанный «крупным письмом» (подробно см.: [Фонкич, 1972, с. 83]). Его дальнейшая судьба неизвестна.

В 1872 г. архимандрит Антонин подарил рукопись Киевской духовной академии, выпускником которой он был [Фонкич, 1972]. На отдельном листе даритель написал: «Въ библіотеку Кіевской Духовной Академіи. Іерусалимъ, 2 маія 1872 г.». В короб с древней рукописью были вложены три листа, на которых рукой архимандрита Антонина был записан «Алфавитъ глаголическій» (название написано кириллическими и глаголическими буквами) с вариантами начертания букв, подписанный в конце на глаголице: «Іерусалимъ. Антонінь».

Почти сразу на этот памятник древнеславянской письменности обратил внимание Измаил Иванович Срезневский (1818–1890). Он тщательно копировал все доступные древние рукописи, всего в его библиотеке было обнаружено более 900 копий, в том числе более 700, сделанных собственноручно. Уже в 1874 г.

ученый выступил на Третьем Археологическом съезде в Киеве с докладом (тогда это называли рефератом) «О древней глаголической рукописи, хранящейся в Киевской духовной академии» [Срезневский, 1876]. Для наглядности использования букв глаголицы Измаил Иванович записал ими современное стихотворение о Киеве. Он отнес памятник к юсовой глаголице и попытался обнаружить латинский текст, с которого был осуществлен перевод на славянский язык [Срезневский, 1878]. Ученый сообщил, что глаголический памятник был выставлен во время работы съезда ректором Киевской духовной академии епископом Уманским, викарием Киевской епархии Филаретом (Филаретовым) [Срезневский, 1878, с. 276]. На табличке около КГЛ была сделана попытка определения времени их создания: XIII или XIV в. [Kolář, 1875, s. 192]. Исследователи отмечают, что текст на обороте первой страницы и на лицевой стороне второй выцвел из-за длительного экспонирования в музее при Киевской духовной академии.

В работе Третьего Археологического съезда участвовал чешский славист Йозеф Коларж (1830–1910), который ознакомился с памятником и 11 января 1875 г. сделал доклад о нем на заседании Чешского научного общества с анализом особенностей перевода с латинского оригинала, а весной того же года его доклад был опубликован в журнале Музея Чешского королевства [Kolář, 1875]. Это была первая публикация текста Киевских глаголических листков и предполагаемого латинского источника, поскольку сборник материалов Археологического съезда со статьей И.И. Срезневского вышел только в 1878 г., а издание самого памятника письменности, включенное в работу русского ученого «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках», было напечатано в начале 1876 г. [Срезневский, 1876].

В последующем вышло несколько десятков, если не сотен книг и статей, посвященных Киевским глаголическим листкам, в основном уточняющих или повторяющих наблюдения и выводы предшественников. О памятнике писали известные слависты: И.В. Ягич, А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Н.К. Грунский, С.М. Кульбакин, В. Вондрак, Н.Н. Дурново, Н. ван Вейк, Р. Нахтигал, Э. Кошмидер, Ф. Мареш, А. Вайян, Я. Станислав, С.Б. Бернштейн и др.

В 1928 г. монах-бенедиктинец Куниберт (Лео) Мольберг (1878–1963), библиотекарь Ватиканской апостольской библиотеки, опубликовал в Риме Киевские глаголические листки, в комментариях к которым определил, что наиболее близким к этому славянскому памятнику является католический Падуанский кодекс, публикацию которого он включил в приложение. К. Мольберг предположил, что перевод с латыни осуществил Константин в 867–868 гг. во время своего пребывания в Риме (Moniberg). Позже эта точка зрения не была поддержана, считается, что этот перевод не связан с Моравской миссией Солунских братьев, переводчик лишь воспользовался глаголической азбукой, составленной святым Кириллом. Она была известна на территории Великой Моравии, Паннонии, Венеции, где был диспут о трезычии, и Рима, где славянские книги были освящены папой и положены в храм Санта Мария Маджоре, а Солунские братья провели литургию на славянском языке в церкви Святого Петра (Житие, с. 60).

В 1983 г. В.В. Нимчук (1933–2017) подготовил новое издание памятника с подробным комментарием, приведением вслед за К. Мольбергом латинского оригинала, словоуказателем и списком литературы из 149 позиций (Нимчук). Вслед за ним в 1987 г. нидерландский исследователь Й. Схакен из Лейденского университета опубликовал свой столь же полный труд о Киевских листках с орфографическим, фонетико-акцентуационным, морфологическим, лексико-семантическим, синтаксическим анализом, выявлением поэтических черт в тексте и обширным списком литературы (Schaeken).

Казалось бы, после таких обстоятельных трудов больше нечего добавить к изучению этого старейшего памятника письменности славян. Однако это произведение славянской

лингвокультуры, как и многие другие памятники, обладает неисчерпаемостью, возможностью обращения к нему с новых исследовательских позиций.

Результаты исследования

Рассмотрим Киевские глаголические листки (далее – КГЛ) с целью описания глагольной лексики этого первого памятника древнеславянской письменности и сопоставления единиц с аналогами в тексте предполагаемого источника на латинском языке, определения их роли в формировании славянской религиозной терминологии под влиянием латинского языка, продолжая наше совместное с профессором С.П. Лопушанской исследование [Лопушанская, Супрун, 1988; 1989]. Труды выдающегося волгоградского исследователя по изучению глагола позволяют обнаружить лингвокультурные особенности функционирования единиц данной части речи в славянских языках [Лопушанская, 1975; 1990].

Вслед за И.И. Срезневским мы оставляем в стороне анализ 1-го текста памятника, он содержит фрагмент из книги Апостольских чтений (Послания апостола Павла римлянам, глава XIII, стихи 11–14 и глава XIV, стихи 1–4), за которым расположена молитва Пресвятой Богородице из службы Благовещению. Эта страница была написана в более позднее время и другим писцом. Й. Коларж полагает, что эта страница в момент создания КГЛ оставалась чистой, текстом ее заполнили позже, почерк на ней более грубый [Kolář, 1875, s. 193]. Следующие тексты восходят к одному времени, содержат молитвы из 10 месс: в память святого Климента, в память святой Фелицитаты (в тексте: Фелициты), шесть повседневных месс, месса о святых мучениках и месса о всех небесных силах. Все нижеследующие примеры взяты из книги Й. Схакена (Schaeken).

Эти тексты начинаются с оборота первого листа. Уже на второй строчке обнаруживается грамматическая особенность, которая, возможно, связана с тем, что переводчик не заметил или не знал, что в латыни именительный и звательный падежи у слова *Deus* совпадают, поэтому передал лексему, используемую в обращении, формой именительного

падежа: *Богъ*. Во всех славянских языках того времени звательная форма с первой палатализацией *Боже* отмечена регулярно. Подобное использование номинатива вместо славянского вокатива встречается в тексте еще дважды, в остальных 13 случаях встречается форма *Боже* (под титлом: *Бѣже*).

Слово *Бог* было заимствовано славянами у иранцев в период славяно-иранского симбиоза, начавшегося в VII в. до н. э., когда «в причерноморских степях появились с востока мощные ираноязычные племена скифов» [Півторак, 1988, с. 36]. Оно восходит к древнеиранскому *baga / baya* ‘бог’ ((AIW, S. 921–922); [Эдельман, 2002, с. 168]). В это время славяне еще не разделились на три группы, поэтому праславянская лексема сохранилась во всех современных славянских языках.

Другое обозначение христианского Бога *Господь* встречается в тексте многократно, оно соответствует латинскому *Dominus*, все славянские примеры относятся к склонению на **ī*, если предположить, что запись форм творительного падежа под титлом *гѣ* имеет *ь* в начале окончания. Всего в этом падеже зафиксировано 25 словоупотреблений, большая часть из них приходится на конечную часть текста, отражая латинскую формулу: *Per Dominum*, являющуюся сокращенной записью стандартного завершения католической молитвы: *per Dominum nostrum Iesum Christum Filium tuum, qui tecum vivit et regnat in unitate Spiritus Sancti, Deus, per omnia saecula saeculorum* «через Господа нашего Иисуса Христа, Твоего Сына, который живет и царствует с Тобой в единстве со Святым Духом, Боже, во веки веков». Особенно впечатляют формы родительного (2 примера) и дательного (1 пример) падежей с окончанием *-i*. Это же окончание имеет форма вокатива (24 употребления), сохранившаяся в современном русском языке: *Господи*, в остальных падежах слово перешло в склонение на **ŏ*. Разносклоняемость этого слова отмечалась и в церковнославянском языке, в котором встречаются также формы со склонением на **ŭ* (с переходом *o > e*): *Господеви*. О.Н. Трубачев убедительно доказал, что лексема *Господь* возникла в результате семантического развития и.-е. **rot-* с первичным местоименным значением и включением его в состав словосложения [Трубачев, 1959, с. 183].

Переводчик старался максимально точно передать текст оригинала, подбирая в славянском языке слова, отражающие и смысл латинской молитвы, и особенности семантики славянских единиц. Глаголы в этих мессах встречаются в разных грамматических формах:

– настоящего времени: *веселии* (2 л. ед.) – латинский глагол *laetificas*, *наслѣдоуемъ* (1 л. мн.) – лат. *imitemur*; *сѣвѣстоуемъ* (1 л. мн.) – лат. инф. *testificari*, *цѣсаритъ* (3 л. ед.) – лат. инф. *regnare*, *жадаемъ* (1 л. мн.) – лат. инф. *desiderare*, *достоитъ* (3 л. ед.), *са... дръжимъ* (1 л. мн.), *живемъ* (1 л. мн.), *молимъ* и *молимъ са* (1 л. мн.), *носимъ* (1 л. мн.), *приемлемъ* (1 л. мн.), *приносимъ* (1 л. мн.), *прѣсѣмъ* (1 л. мн., 16 употреблений), *славимъ* (1 л. мн.), *соушамъ* (3 л. мн.), *творимъ* (1 л. мн.), *чѣстимъ* (1 л. мн.) и др.;

– простого будущего: *възрастетъ* (3 л. ед., у Й. Схакена – *Präsens* (Schaecken, S. 241)), *възможемъ* (1 л. мн., у Й. Схакена – *Präsens* (Schaecken, S. 241) и далее), *(въ)ньмемъ* (1 л. мн.), *заичититъ* (3 л. ед.), *ѡбъмемъ* (1 л. мн.), *ѡчиститъ* (3 л. ед.), *пом(о)лимъся* (1 л. мн.), *(при)ведетъ* (3 л. ед.), *спасетъ* (3 л. ед.), *сътвориши* (2 л. ед.);

– аориста: *въскрѣси* (2 л. ед.); *заклепе* (3 л. ед.), *изволи* (2 л. ед.), *ѡтъведе* (3 л. ед.), *ѡчисти* (3 л. ед.), *помілова* (2 л. ед.), *ѡутаже* (3 л. ед.);

– перфекта *ѣси благословестиль* (2 л. ед. муж.) – лат. инф. *santificare*; *ѣси далъ* (2 л. ед. муж.), *ѣсмъ възали* (1 л. мн. муж.); *ѣси насытилъ* (2 л. ед.), *ѣси обѣцѣлъ* (2 л. ед.), *ѣси посылалъ* (2 л. ед. муж.), *прізывалъ... ѣси* (2 л. ед. муж.), *ѣси... принеслъ* (2 л. ед. муж.), *ѣси... сътворилъ и сътворилъ... еси* (2 л. ед. муж.), *ѣси... ѡподобилъ* (2 л. ед. муж.), *ѣси... ѡутвердилъ* (2 л. ед. муж.);

– императива *въздвигни* (2 л. ед.; лат. инф. *erigere*); с яркой западнославянской фонетической чертой *подазь* (2 л. ед.; лат. *consede*) и *отъдазь* (2 л. ед.); *въсели* (2 л. ед.); *върѣсни са* (2 л. ед.; латинского эквивалента нет (СтС, с. 149)); *заичити* (2 л. ед.); *ізбави* (2 л. ед.); *исправі* (2 л. ед.); *ѡбрати* (2 л. ед.); *ѡтълати* (2 л. ед.); *ѡтъми* (2 л. ед.); *ѡчисти* (2 л. ед.); *постави* (2 л. ед.); *прізри* (2 л. ед.); *приемли* (2 л. ед.); *пріспѣи* (2 л. ед.); *прііми* (2 л. ед.); *просвѣти* (2 л. ед.); *свати* (2 л. ед.); *спаси* (2 л. ед.); *сътвори* (2 л. ед.); *оуслъшии* (2 л. ед.); *ѡутверди* (2 л. ед.);

– инфинитива *въплѣтити сѧ, наслѣдовати, ѡчѣстити сѧ, приѧти, съгрѣшати, сътворити, хотѣти*.

Глагол *быти* представлен многими формами: 1) в настоящем времени: 2 л. ед. *еси* (с разными типами обозначения ударения надстрочными знаками), 3 л. ед. *ѣсть*, 1 л. мн. *ѣсмъ*, 3 л. мн. *сѧтъ*; 2) в простом будущем времени: 1 л. мн. *бѣдемъ*; 3) в императиве: 2 л. ед. *бѣди*; 4) в качестве вспомогательной единицы в отмеченных выше формах перфекта (только 2 л. ед.). Другие нетематические глаголы представлены единичными формами: *ѣмамъ* (1 л. мн. наст. вр.), *дазь* (5 примеров императива 2 л. ед.), *подашь* (2 л. ед. прост. буд. вр.). Глаголы *въѣдѣти* и *ѣсти* в тексте отсутствуют.

Треть зафиксированных в памятнике глагольных единиц составляют формы императива 2 л. ед. числа и перфекта в этом же лице (все формы относятся к действиям Господа). Глагольные формы чаще всего являются адекватным переводом соответствующих латинских единиц, при этом у славянских слов появляется сакральное значение.

Рассмотрим подробнее один из отрывков славянского текста и его соотношение с предполагаемым латинским прототекстом:

Бѣ іѣ же нѣи лѣта ѡградѣѣ блаженаго климента мѧченика твоего іѣ папежа чѣстьѧ веселѣи : подѧзь мѣлостѣи да ѣгоже чѣсть чѣстѣмъ сілѡѧ ѡубо мѧчениѣ ѣго наслѣдоуемъ. : : гмѣ : :

Deus qui nos annua beati Clementis martyrismi tui atque pontificis solemnitate laetificas, concede propitius, ut cuius natalitia colimus uirtutem quoque passionis imitemur, per dominum.

На то, что первое слово *бѣ* должно было стоять в звательном падеже, обратил внимание уже Й. Коларж [Kolář, 1875, S. 195]. Здесь должна была стоять форма *бѣже*, как это встречается в других частях текста.

Местоимению *qui* соответствует в церковнославянском языке *иже* (СтС, с. 247), которое возникло в результате соединения указательного местоимения **и* с частицей *же* [Хабургаев, 1974, с. 216].

Латинское местоимение *nos* ‘мы, нас’ имеет одинаковые формы именительного и винительного падежей. В церковнославянском языке винительный падеж имеет форму *ны*, которую и выбрал переводчик.

Субстантивированное прилагательное среднего рода мн. числа *annua* имеет в данном контексте значение повторения какого-нибудь события каждый год. Переводчик выбрал для передачи этой семантики фразеологизм *лѣта ѡградѣѣ*. Судя по фонетическим признакам (*ц* вместо *шт* в причастии действительного залога настоящего времени), фразема отражает западнославянское происхождение. В чешском языке используются слова *hřad*, *hřád*, *hřada* ‘насест, приспособление для сидения птиц’, *hřádka* (уменьш.), *hřadový*, *hřadovati* ‘усаживаться на насест, на ветки (о птицах)’, *shřadovati* ‘слететь с дерева’, *vyhřadovati* ‘взлететь и усесться на дереве’, *zahřadovati* ‘скрыться в ветвях дерева (о птицах)’ (глаголы относятся к охотничьему жаргону) (VT, s. 536). В словах отмечена сема движения, которая могла быть реализована в значении повтора действия.

Прилагательное *beati* закономерно передано формой Р. п. *блаженаго*. Удивляет столь ранняя фиксация стяженной формы местоименного склонения. Видимо, в западнославянском лингвосообществе стяжение в адъективном склонении наступило ранее, чем в других местах проживания славян, в памятниках которых отмечаются нестяженные формы достаточно часто [Хабургаев, 1974, с. 230].

Имя *Clementis* в форме Р. п. 3-го склонения [Зарембо, Прокопчук, 2017, с. 58] также закономерно передано *климента*. Имя этого святого неразрывно связано с деятельности святых равноапостольных Константина-Кирилла и Мефодия. Мощи папы Климента были обретенны ими в крымском Херсонесе (Корсуни) около 861 года. Эти мощи сопровождали Солунских братьев во время их Моравской миссии и в Паннонии, а затем в Риме были переданы папе Адриану II, который устроил им чествование в конце 867 или в начале 868 года. Мощи святого Климента были помещены в базилику Святого Климента, в которой в феврале 869 г. был похоронен святой Кирилл. Ныне мощи славянского святого в Риме сокрыты «под спудом» ([Уханова, 2000]; (Житие)).

Слово *martyris* также склонялось по 3-му склонению. Как и в латинском оригинале, в КГЛ перевод *мѧченика* в Р. п. ед. числа находится в постпозиции по отношению к имени святого.

Притяжательное местоимение *tui* передано формой Р. п. ед. числа: *твоего*.

Союз *atque* использовался при присоединении более важного понятия (ЛРС, с. 59). Он переведен простым союзом *и*⁷.

Слово *pontifices* в Р. п. ед. числа 3-го склонения переведено *папежа*. Это название главы католической церкви было известно в славянском мире. Оно отмечено в Остромировом евангелии, тоже в связи со святым Климентом (СРЯ, вып. 4, с. 147).

Форма аблатива ед. числа *solemnitate* передана творительным падежом *чьстьѣж*, слово *чьсть* используется в значении 'празднество, торжество' (СтС, с. 787).

Глагол 2 л. ед. наст. вр. *laetificas* переведен *веселѣши*. В церковнославянском языке у глагола *веселити* имеется значение 'радовать' (СтС, с. 112).

Многозначный глагол *concedo* в форме повелительного наклонения 2 л. ед. *concede* переведен *подáзь*. Это значение, видимо, было развито в латинском языке из близкой семантики 'уступать, предоставлять, соглашаться; из снисхождения, сострадания прощать' (ЛРС, с. 114–115).

Прилагательное в звательной форме *propitius* переведено *мѣлостивѣи*, значок над последней буквой свидетельствует о местоименной форме прилагательного без напряженного *ъ* перед ним, тем более что звук [ы] в тексте КГЛ обычно записывается диграфом *ѣи*. Впрочем, подобная форма ударения встречается и в других местах текста без возможного отражения местоименной формы прилагательного или причастия.

Союз *ut*, используемый в латыни в разнообразных контекстах, в том числе для обозначения следствия (ЛРС, с. 673), передан таким же многозначным славянским союзом *да*.

Относительное местоимение *cuius* 'чей' переведено формой Р. п. ед. числа местоимения в относительном значении *ѣгоже* 'которого'.

Глагол *colimus* переведен славянским 1 л. мн. наст. вр. *чьстимъ*; при этом возникает плеоназм, поскольку предшествующее латинское существительное *natalitia*, исходное значение которого 'дни рождения', но в первые века существования христианской церкви слово использовалось для обозначения дней смерти мучеников, отмечая их вхождение в вечную жизнь, снова передано славянским *чьсть*. Подобный перевод упрощает сложные теологические представления латинян о жизни и смерти, но по-

могает славянам понять содержание молитвы. Такой же плеоназм используется и в другой молитве при сочетании действ. причастия наст. вр. от глагола *чьстѣ* (с западнославянской фонетической чертой) с существительным *чьсти*.

Сложности возникли у переводчика при выборе эквивалента латинской формы существительного *uirtutem* с записью первого звука как *и* вместо *у*. Слово *virtus*, *-utis* имеет значения 'добродетель; мужество; смелость, решимость', оно имеет форму винительного падежа смешанного склонения [Зарембо, Прокопчук, 2017, с. 61], в переводе дано слово *сила* в творительном падеже *силѣж*. Составители Старославянского словаря предполагают, что здесь возникла описка вместо винительного *силж* (СтС, с. 354).

Наречие *quoque*, используемое для присоединения предыдущего существительного (ЛРС, с. 530), переведено частицей *ѣубо* 'же'.

Сложности возникли у переводчика также с переводом существительного в Р. п. ед. числа *passionis*. Слово *passio* возникло от глагола *pator* 'терпеть, испытывать'. Под влиянием греческого существительного *πάθος* у него развилось значение 'сильное чувство, страсть' (семантическое заимствование), которое в христианской среде стало относиться к страстям Христовым. В переводе дано слово *мѣчениѣ*, в котором *ѣ* в соответствии с глаголическими традициями передает л. й. Схакен определяет эту форму как Р. п. ед. числа (Schaeken, S. 244), поскольку глагол *наслѣдоуемъ*, которым переведено латинское слово *imitemur*, имеет значение 'являемся последователями, следуем' с управлением Р. п. В переводе добавляется местоимение *ѣго*, усиливающее связь между существительным и глаголом.

Завершается текст молитвы *per dominum*, которое передается славянским Тв. п. ед. числа: *гмѣ*. О значении этой концовки см. выше.

Как видим, переводчик(-и?) хорошо владел латинским и славянским языками, больших затруднений перевод молитвы у него не вызвал. Все исследователи отмечают западнославянские фонетические черты в текстах КГЛ. В большинстве случаев переводчик следует пословесно за исходным текстом, однако дважды он использует слово *чьсть* для передачи двух разных латинских слов *solemnis* и *natalitia*. В КГЛ возникает плеонастический фразеологизм *чьсть чьстѣ*. Второй фразе-

ологизм возникает при передаче латинского *anpna*, которое для усиления семантики повтора переводится *лѣта ѿграджѣ*.

Выводы

Итак, как и в любом другом тексте, в Киевских глаголических листках важной, одной из главных текстообразующих частей речи является глагол. Глагольная лексика содержится во всех 10 мессах, описывая события, связанные с действиями Господа и молящихся людей. Поскольку молитвенный текст содер-

жит обращения к Богу, частотными являются формы императива 2 л. ед. и перфекта в этом же лице (все формы относятся к описанию действий Господа). Глагольные формы чаще всего адекватно переводят соответствующие латинские единицы, при этом у славянских слов появляется сакральное значение. Первый памятник письменности на славянском языке показывает особенности лингвокультуры славян X–XI вв., их приобщения к христианству, влияние европейских языков (латыни, через нее греческого и др.) на формирование литургического языка западного славянства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зарембо О. С., Прокопчук О. Г., 2017. Латинский язык = *Lingua Latina* / под ред. Г. И. Шевченко. Минск : Изд-во БГУ. 204 с.
- Лопушанская С. П., 1975. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань : Изд-во Каз. гос. пед. ин-та, 1975. 342 с.
- Лопушанская С. П., 1990. Развитие и функционирование древнерусского глагола : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во ВПИ. 114 с.
- Лопушанская С. П., Супрун В. И., 1988. Глагольная лексика в Киевских листках // Материалы по русско-славянскому языкознанию : (Литературный язык, диалекты, язык фольклора) : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Собинникова. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 98–106.
- Лопушанская С. П., Супрун В. И., 1989. Использование глагола в Киевских листках // *Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Facultas Paedagogica. Philologica*. Č. 7. S. 61–68.
- Півторак Г. П., 1988. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови (історико-фонетичний нарис) / відп. ред. В. Г. Складенко. Київ : Наукова думка. 280 с.
- Срезневский И. И., 1876. Римско-католический миссалъ въ древнемъ глаголическомъ спискѣ // Сведения и заметки о малоизвестныхъ и неизвестныхъ памятникахъ. Санкт-Петербургъ : Тип. ИАН. С. 529–545. (Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН ; т. 15, № 1).
- Срезневский И. И., 1878. О древней глаголической рукописи, хранящейся въ Кіевской духовной академіи // Труды третьяго Археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 года. Томъ второй. Кіевъ : Тип. Императ. ун-та св. Владиміра. С. 269–276.
- Трубачев О. Н., 1959. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Москва : Изд-во АН СССР. 214 с.
- Уханова Е. В., 2000. Культ св. Климента, папы Римского, в истории византийской и древнерусской церкви IX – первой половины XI в. // *Annali del'Istituto universario Orientale di Napoli. Aion Slavistica* 1997–1998. Vol. 5. P. 514–519.
- Фонкич В. Л., 1972. О судьбе Киевских глаголических листков // Советское славяноведение. № 2. С. 82–83.
- Хабургаев Г. А., 1974. Старославянский язык. Москва : Просвещение. 432 с.
- Эдельман Д. И., 2002. Иранские и славянские языки: исторические отношения. Москва : Вост. лит. 230 с.
- Kolář J., 1875. O starém a dosud neznámém rukopise hlholském v Kyjevě // *Časopis Musea Království Českého*. Roč. 49, sv. 2. S. 192–197.

ИСТОЧНИКИ

- Житие* – Житие Константина-Кирилла / подгот. текста и пер. Л. В. Мошковой, А. А. Турилова ; комм. Б. Н. Флори // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1999. С. 22–65.

- Німчук* – Німчук В. В. Київські глаголичні листки – найдавніша пам'ятка слов'янської писемності / відп. ред. В. М. Русанівський. Київ : Наукова думка, 1983. 142 с.
- Moniberg* – Moniberg C. Il messale glagolitico di Kiev (sec. IX) ed il suo prototipo romano del sec. VI–VII // *Atti della Pontificia Academia Romana di archeologia. Ser. 3. Memorie. Vol. 2. Roma : Tipografia Polyglotta Vaticana, 1928. P. 207–320.*
- Schaeken* – Schaeken J. Die Kiever Blätter. Amsterdam: Rodopi, 1987. 272 S. (Studies in Slavic and General Linguistics / ed. by A. A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger ; vol. 9).

СЛОВАРИ

- ЛРС* – Петрученко О. Латинско-русский словарь. 9-е изд., исправ. Репр. воспроизведение изд. 1914 г. Москва : Греко-лат. кабинет Ю.А. Шичалина, 1994. 810 с.
- СРЯ* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 / гл. ред. С. Г. Бархударов ; сост. Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Г. П. Смолицкая [и др.]. Москва : Наука, 1977. 403 с.
- СтС* – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. Москва : Рус. яз., 1994. 842 с.
- AIW* – Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : Verlag von K. J. Trübner, 1904. XXXII, 2000 S.
- VT* – Váša P., Trávníček Fr. Slovník jazyka českého. Ve dvou dílech. Praha : Fr. Borový, 1937. 1747 s.

REFERENCES

- Zarembo O.S., Prokopchuk O.G., 2017. *Latinskij jazyk = Lingua Latina* [Latin Language = Lingua Latina]. Minsk, Izd-vo BGU. 204 p.
- Lopushanskaja S.P., 1975. *Osnovnyje tendentsii evoljutsii prostykh preteritov v drevnerusskom knizhnom jazyke* [The Main Trends in the Evolution of Simple Preterites in the Old Russian Book Language]. Kazan, Izd-vo Kaz. gos. ped. in-ta. 342 p.
- Lopushanskaja S.P., 1990. *Razvitije i funkcionirovanije drevnerusskogo glagola: ucheb. posobie* [The Development and Functioning of the Old Russian Verb. Textbook]. Volgograd, Izd-vo VPI. 114 p.
- Lopushanskaja S.P., Suprun V.I., 1988. Glagolnaja leksika v Kijevskikh listkakh [Verb Vocabulary in Kievan Missal]. Sobinnikova V.I., ed. *Materialy po russko-slavyanskomu jazykoznaniju: (Literaturnyj jazyk, dialekty, jazyk folklor): mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Materials on Russian-Slavic Linguistics. (Literary Language, Dialects, Language of Folklore). Interuniversity Collection of Scientific Works]. Voronezh, Izd-vo VGU, pp. 98-106.
- Lopushanskaja S.P., Suprun V.I., 1989. Ispolzovanie glagola v Kijevskikh listkakh [The Use of the Verb in Kievan Missal]. *Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Facultas Paedagogica. Philologica*, č. 7, s. 61-68.
- Pivtorak G.P., 1988. *Formuvannja i dialektna diferentsiatsiya davnorusskoj movy (istoriko-fonetichnij naris)* [Formation and Dialectal Differentiation of the Old Russian Language (Historical and Phonetic Essay)]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 280 p.
- Sreznevskij I.I., 1876. Rimsko-katolicheskij missal v drevnem glagolicheskom spiskě [Roman Catholic Missal in the Ancient Glagolitic List]. *Svedenija i zametki o maloizvestnykh i neizvestnykh pamjatnikakh* [Information and Notes on Little-Known and Unknown Documents]. Saint Petersburg, Tip. IAN, pp. 529-545 (Sbornik Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti IAN [Collection of the Department of the Russian language and Literature Imperial Academy of Sciences], vol. 15, no. 1).
- Sreznevskij I.I., 1878. O drevnej glagolicheskoj rukopisi, khranjashchejsja v Kijevskoj dukhovnoj akademii [On the Ancient Glagolitic Manuscript Kept at the Kiev Theological Academy]. *Trudy tretjago Arheologicheskogo s'ezda v Rossii, byvshago v Kijevě v avgustě 1874 goda. Tom vtoroj* [Proceedings of the Third Archaeological Congress in Russia, Taking Place in Kiev in August 1874. Vol. 2]. Kiev, Tip. Imperat. un-ta sv. Vladimira, pp. 269-276.
- Trubachjov O.N., 1959. *Istorija slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevnejshikh terminov obshchestvennogo stroja* [The History of Slavic Kinship Terms and Some of the Oldest Terms of the Social System]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 214 p.
- Ukhanova Je.V., 2000. Kult sv. Klimenta, papy Rimskogo, v istorii vizantijskoj i drevnerusskoj tserkvi IX – pervoj poloviny XI v. [The Cult of St. Clement, Pope of Rome, in the History of the Byzantine and Ancient Russian

- Churches of the 9th – 11th Centuries]. *Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. Aion Slavistica* 1997–1998, vol. 5, pp. 514–519.
- Fonkich V.L., 1972. O sudbe Kijevskikh glagolicheskikh listkov [On the Fate of the Kievan Glagolitic Missal]. *Sovetskoje slavyanovedenije* [Soviet Slavic Studies], no. 2, pp. 82–83.
- Haburgajev G.A., 1974. *Staroslavjanskij jazyk* [The Old Slavonic Language]. Moscow, Prosveshchenije Publ. 432 p.
- Edelman D.I., 2002. *Iranskije i slavyjanskije jazyki: istoricheskiye otnoshenija* [Iranian and Slavic Languages: Historical Relations]. Moscow, Vost. lit. Publ. 230 p.
- Kolář J., 1875. O starém a dosud neznámém rukopise hlalolském v Kyjevě. *Časopis Musea Království Českého*, roč. 49, sv. 2, s. 192–197.

SOURCES

- Moshkova L.V., Turilov A.A., Florja B.N., eds. Zhitije Konstantina-Kirilla [The Life of Constantine-Cyril]. Lihachev D.S., Dmitrijev L.A., Aleksejev A.A., Ponyrko N.V., eds. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 2. XI–XII veka* [Collection of Literature of Ancient Russia. Vol. 2. 11th – 12th cent.]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 22–65.
- Nimchuk V.V. *Kyivski hlalolichni lystky – najdavnishia pam'jatka slov'janskoyi pysemnosti* [Kiev Glagolitic Leaflets – the Oldest Document of Slavic Writing]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1983. 142 p.
- Moniberg C. Il messale glagolitico di Kiew (sec. IX) ed il suo prototipo romano del sec. VI–VII. *Attidelia Pontificia Academia Romana di archeologia. Ser. 3. Memorie. Vol. 2.* Roma, Tipografia Polyglotta Vaticana, 1928, pp. 207–320.
- Schaeken J. *Die Kiever Blätter*. Amsterdam, Rodopi, 1987. 272 S. (Barentsen A.A., Groen B.M., Sprenger R., eds. *Studies in Slavic and General Linguistics*, vol. 9).

DICTIONARIES

- Petruchenko O. *Latinsko-russkij slovar* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Greko-lat. cabinet Ju.A.Shichalina, 1994. 810 p.
- Barkhudarov S.G., Bakhilina N.B., Bogatova G.A., Smolitskaya G.P. et al., eds. *Slovar russkogo jazyka XI–XVII vv. Vyp. 4* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries. Iss. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 403 p.
- Tsejtin R.M., Vecherka R., Blagova E., eds. *Staroslavjanskij slovar (po rukopisjam X–XI vekov)* [Old Slavonic Dictionary (Based on 10th – 11th Century Manuscripts)]. Moscow, Rus. jaz. Publ., 1994. 842 p.
- Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, Verlag von K. J. Trübner, 1904. XXXII, 2000 S.
- Váša P., Trávníček Fr. *Slovník jazyka českého. Ved vou dílech*. Praha, Fr. Borový, 1937. 1747 s.

Information About the Author

Vasilii I. Suprun, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, suprun@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Информация об авторе

Василий Иванович Супрун, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия, suprun@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ: ДИАХРОНИЯ И СИНХРОНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.8>

UDC 81'1:81'367.625

LBC 81.05

Submitted: 06.01.2026

Accepted: 20.03.2026

ON PHENOMENON “LANGUAGE UNIT FUNCTIONING” IN CONCEPTION OF S.P. LOPUSHANSKAYA

Oksana A. Gorban

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Marina V. Kosova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena M. Sheptukhina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article states that the notion “language unit functioning” is central to the linguistic conception of the famous Russian scientist Professor Sofia Petrovna Lopushanskaya. This term is characterized by the authors from three perspectives. It correlates with the notion “text”: the functioning of language units is considered as their use in the context of an utterance equal to a sentence; as their selection and organization aimed at pursuing certain goals in an integrated text, in particular, forwarding the semantic dominant of the text and providing the text-forming function of the language unit; as a reflection by means of language units of a person’s worldview, peculiarities of thinking, the degree of the subject’s involvement (the author and/or other people) in the events described, their manifestation of linguistic personality. The implementation of the “language unit functioning” phenomenon in the conception under consideration is illustrated by the research results reflected in the publications of Professor Lopushanskaya. The formulated by the professor system-and-functional principle, which involves an analysis of the entire variety of internal and external connections of language units in their interaction, lies at the core of the integrated approach to language studies, which Sophia Petrovna Lopushanskaya considered utterly distinguishing among modern linguistic approaches and which can be called the leading one in her scientific theory.

Key words: functioning, complexity, synchrony, diachrony, paradigmatics, syntagmatics, semantic changes, verb.

Citation. Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M. On Phenomenon “Language Unit Functioning” in Conception of S.P. Lopushanskaya. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 90-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.8>

УДК 81'1:81'367.625

ББК 81.05

Дата поступления статьи: 06.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ПОНЯТИЕ «ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ С. П. ЛОПУШАНСКОЙ

Оксана Анатольевна Горбань

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Марина Владимировна Косова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Михайловна Шептухина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье показано, что «функционирование языковой единицы» – центральное понятие для лингвистической концепции известного российского ученого профессора Софии Петровны Лопушанской. Это понятие охарактеризовано авторами в трех аспектах и коррелирует с понятием «текст»: функционирование языковых единиц рассмотрено как их употребление в контексте – высказывании, равном предложению; как их отбор и организация для выполнения определенных функций в целостном тексте, с выдвижением на первый план смысловой доминанты текста и текстообразующей функции языковой единицы; как отражение языковыми средствами представлений человека о мире, особенностей его мышления, степени участия субъекта (автора и/или иных лиц) в описываемых событиях, его проявление в качестве языковой личности. Реализация указанных аспектов понятия «функционирование языковой единицы» в рассматриваемой концепции иллюстрируется результатами исследований, отраженных в публикациях профессора Лопушанской. Сформулированный ею системно-функциональный принцип, предполагающий анализ всего многообразия внутренних и внешних связей языковых единиц в их взаимодействии, лежит в основе комплексного подхода к изучению языка, который С.П. Лопушанская считала важнейшим среди современных языковедческих подходов и который можно считать ведущим в ее научной концепции.

Ключевые слова: функционирование, комплексность, синхрония, диахрония, парадигматика, синтагматика, семантические изменения, глагол.

Цитирование. Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М. Понятие «функционирование языковой единицы» в лингвистической концепции С.П. Лопушанской // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 90–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.8>

Введение

В лингвистике XX–XXI вв. исследователи отмечают ведущую роль функционального подхода к изучению языковых явлений и затрагивают вопрос о понятиях функции, функционирования, функционализма [Дорофеева, 2015].

Термин *функционирование*, будучи одним из базовых во многих науках, занимает важное место в лингвистике, как традиционной, так и современной, где он, имея широкое содержание, обозначает использование языка.

Язык реализуется в разных сферах, выполняя определенные функции, и это позволяет выделить несколько аспектов его функционирования, которые обобщенно описаны Б.Н. Головиным: применение языка как средства коммуникации в речи (язык рассматривается в соотношении с речью); применение языка как формы отражения внеязыковой действительности (язык рассматривается в соотношении с объективным миром, а также в соотношении с сознанием и мышлением человека); применение языка как

средства обеспечения потребностей людей (язык рассматривается по отношению к социальной деятельности) [Березин, Головин, 1979, с. 240–264]).

В лингвистических исследованиях проводится анализ не только отдельных аспектов функционирования языка, но и всего их комплекса.

При рассмотрении языка **в качестве средства коммуникации**, то есть в соотношении «язык – речь», в центре внимания исследователей оказывается системная организация единиц и категорий языка, их взаимосвязи, участие в построении речи. Анализу подвергаются семантические, грамматические, словообразовательные отношения единиц, их реализация в различных сферах использования; важным является учет контекста, ограниченного словосочетанием или предложением, либо целостного текста, который позволяет установить семантику, представленность единиц в речи, факторы их отбора, частотность.

Поскольку элементы языка вступают между собой в парадигматические и синтагматические отношения, то функционирование

понимается как реализация языком в процессе построения речи его парадигматики и синтагматики.

Значимым в данном аспекте становится положение о связи функционирования и развития языка: функционирование представляет собой не только реализацию системы языка, но и фактор ее развития, а изменение языка в свою очередь влечет за собой изменение его функционирования.

При рассмотрении функционирования языка по отношению к **внеязыковой действительности** в центре внимания ученых оказываются внешние, экстралингвистические условия, детерминирующие организацию языка, а также некоторые вопросы пограничных с лингвистикой наук – психолингвистики, когнитивной лингвистики, связанных с изучением человека, восприятия, мышления и др. Здесь исходными будут следующие тезисы: язык, прежде всего семантика его единиц и категорий, отражает мир вещей, явлений, в разной мере соответствуя ему; модель языка представляет собой модель мира; язык отражает и вместе с тем формирует сознание и мышление людей; связь «язык – мышление» реализуется в едином речемыслительном процессе и др.

Исследование языка как средства **обеспечения потребностей людей** (прагматический анализ) направлено на изучение его функций, связанных с деятельностью человека, межличностной и социальной коммуникации. Функции языка представляют собой выражение его сущности, его назначения в обществе и, следовательно, являются важной характеристикой языка.

С.П. Лопушанская, определяя тенденции развития лингвистики, в ряде работ отмечала: «Когда русистика переживает непростой период поиска новых теоретических ориентиров, существенно важным представляется развитие всего того, что сложилось в научной традиции отечественной лингвистики и философии, сохраняя свою значимость в течение двух с половиной столетий» [Лопушанская, 2007б, с. 10], и такое развитие возможно в рамках создаваемых и формирующихся научных школ, в которых осуществляется концептуализация языковедческих идей с той или иной позиции [Лопушанская, 2010, с. 9]. Обобщая в этом аспекте результаты собственных работ

и работ своих учеников, профессор Лопушанская сформулировала основополагающие для исследований принципы и положения: изучение языка мыслящей личности, комплексное осмысление языка с антропоцентрических и системоцентрических позиций, положение о сложном взаимодействии конкретно-пространственного и абстрактно-пространственного восприятия мира как философском фундаменте объяснения эволюции языка, о тенденциях языковых изменений в процессе речемыслительной деятельности и др., и высказала предположение, что научные разыскания, проводимые коллективом Волгоградского государственного университета, могут быть объединены общей проблемой «Развитие и функционирование русского глагола: история и современное состояние». Первыми в перечне направлений разработки данной проблемы названы теоретические основы изучения русского глагола в системе языка и в тексте [Лопушанская, 2010, с. 17].

Формулировка «Развитие и функционирование русского глагола» неоднократно встречается в трудах С.П. Лопушанской. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. под ее редакцией выходили сборники научных трудов с таким названием. В 1990 г. ею было опубликовано учебное пособие по спецкурсу для студентов «Развитие и функционирование древнерусского глагола» [Лопушанская, 1990б], две части которого так и называются: «Развитие системы времен древнерусского глагола» и «Функционирование системы времен древнерусского глагола». При этом автор в предисловии подчеркивает: «Особое место в книге занимает часть вторая, где делается попытка показать специфику функционирования глагольных словоформ времен и наклонений в древних текстах различных жанров. Такой подход позволил установить соответствие либо несоответствие отношений между рассматриваемыми словоформами в качестве единиц развивающейся системы языка и в качестве их вариантов, выполняющих текстообразующую функцию» [Лопушанская, 1990б, с. 5]. Для исследователя чрезвычайно важно рассмотрение не только системных отношений временных форм глагола в плане выражения (их грамматическая структура) и плане содержания (грамматические значения),

но и разнообразная реализация этих отношений в речи, в процессе функционирования. С.П. Лопушанская отмечала, что внимание к единству грамматического и лексического значений слова с учетом всех сфер его речевого функционирования заложено в русской лингвистической традиции еще М.В. Ломоносовым и А.Х. Востоковым [Лопушанская, 2007б, с. 7]. Ссылаясь также на труды А.А. Потебни, она поясняла его идею о различиях между «ближайшим и дальнейшим значением» как необходимость «сопоставления значения слова в системе языка и в определенном контексте» [Лопушанская, 1999, с. 19]. В ее работах предметом рассмотрения являются глагольные (в первую очередь) единицы «в языке и речи (тексте)» или «в языке и тексте», что отражено и в названиях целого ряда статей, при этом предлагаются разные аспекты анализа употребления этих единиц. В связи со сказанным, актуальным представляется вопрос о том, что понимала С.П. Лопушанская под функционированием языковой единицы в тексте.

Результаты и обсуждение

1. В трудах С.П. Лопушанской, посвященных описанию эволюции системы времен русского глагола [Лопушанская, 1967; 1975а], наблюдения основываются на анализе объемного материала, включающего употребление глагольных форм в древнерусских и старорусских памятниках письменности. При характеристике единиц в плане выражения (структуры формообразующей основы и суффикса-флексии в синтетических и специфики вспомогательного глагола в аналитических формах) учитываются варианты форм и их частотность в источниках разного времени, отражающие тенденции эволюции системных оппозиций.

«Функционально-семантический анализ» [Лопушанская, 1975б, с. 23] временных форм в самостоятельном или совместном использовании, а также определение отношения обозначаемых действий ко времени высказывания или ко времени других действий в контексте (в повествовании, прямой речи и т. д.) позволили сделать вывод об их системных значениях и эволюции этих значений. Так, при сравнении аналогичных конструкций с

аористом и имперфектом, в одной из которых наличествуют оба претерита, а в другой – только аорист, установлено, что «значение имперфекта способствовало уточнению последовательности прошедших действий в довидовой период развития славянских языков» [Лопушанская, 1975б, с. 24], а «видовые отношения между древнерусскими претеритами... обнаруживают большую подвижность и разнообразие» [Лопушанская, 1975б, с. 25].

Функционирование глагольных форм является, таким образом, реализацией при употреблении в речи присущих им в языке парадигматических и синтагматических свойств. С.П. Лопушанская неоднократно подчеркивала единство системного и функционального аспектов, говоря о семантическом и функциональном противопоставлении прошедших и непрошедших времен [Лопушанская, 1990б, с. 31], об изменчивости функционально-семантической характеристики временных форм [Лопушанская, 1990б, с. 39]. Семантические изменения, выражавшиеся формальными оппозициями, привели и к функциональным изменениям, что, по мнению ученого, определило общие тенденции развития праславянской системы времен: если, например, в болгарском языке наблюдается использование исторически сложившихся структур для выражения связи действий со временем высказывания или с другим ориентационным временем, то есть их абсолютное либо относительное употребление, закрепленное в системе языка, то в восточнославянских языках изменения заключались в «унификации системы многочисленных времен, расширении возможности абсолютного и относительного использования одной и той же формы времени» [Лопушанская, 1975а, с. 30]. Такое развитие С.П. Лопушанская охарактеризовала как проявление компенсаторных процессов в истории языка на функционально-семантическом уровне [Лопушанская, 2003, с. 88]; иными словами, изменение языковой семантики и сокращение количества грамматических форм компенсировались расширением функциональных возможностей этих единиц.

В процессе функционирования проявляются также характерные для славянских языков синтагматические отношения спрягаемой и причастной глагольных форм.

С.П. Лопушанской отмечены в древнерусских и церковнославянских памятниках такие сочетания от глаголов одной лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) – речи (*отъвѣщаѣ рече, въпроси глаголя* и под.), движения (*иде ходя, прошьдѣ идяше* и под.), где причастная форма дополняет, конкретизирует содержание личной формы. Подобное употребление, по мнению исследователя, отражает особенности «мыслительной и речевой деятельности древних славян» [Лопушанская, 1988б, с. 74], а именно «образное, конкретно-пространственное восприятие мира» [Лопушанская, 1988б, с. 73].

Функциональный аспект играет решающую роль при рассмотрении лексической семантики языковых единиц. Это нашло отражение в трактовке семантической структуры слова и в формулировании механизмов ее преобразования в синхронии и диахронии.

Семантическая структура слова понимается С.П. Лопушанской как «единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте)» [Лопушанская, 1988а, с. 5]. Семантическая структура объединяет разноуровневые значения слова (лексические, морфологические, словообразовательные и др.) [Лопушанская, 1990б, с. 79], является данностью языковой системы и обусловлена разными факторами, в том числе функциональными особенностями этой системы. Можем сделать вывод, что закономерности функционирования заложены в самом языке, а функционирование слова, повторимся, есть реализация его системных свойств в речи (в тексте).

Необходимость учитывать функциональный план потребовала разграничения понятий «семантической структуры слова, сложившейся в системе языка», и «смысловой структуры словоформы, функционирующей в тексте» [Лопушанская, 1988а, с. 15], подобно тому как, например, в функциональной грамматике различают понятия «значение» («содержание единиц и категорий данного языка, включенное в его систему и отражающее ее особенности») и «смысл», или «речевой смысл» («результат взаимодействия языкового содержания вы-

сказывания... контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информации») [Бондарко, 2001, с. 57, 61].

Сопоставление семантической (в языке) и смысловой (в речи) структуры лексической единицы позволило проследить преобразования в смысловой структуре словоформы и, обобщив, выделить два основных типа таких преобразований: семантическую модуляцию (перегруппировку компонентов значения – интегральных и/или дифференциальных сем – при сохранении лексической категориальной семы и синонимических отношений слова в пределах исходной ЛСГ) и семантическую деривацию (изменение, приводящее к переосмыслению ядерных признаков, установлению синонимии слова со словами другой ЛСГ) [Лопушанская, 1988а, с. 15–17]. Важно отметить, что такие изменения С.П. Лопушанская рассматривала именно как функционально-семантические, однако отмечала, что «в зависимости от регулярности происходящих изменений переосмысление разноуровневых признаков может стать не только речевым, но и системным фактом» [Лопушанская, 1996, с. 9], приводящим к развитию новых значений слова в результате семантической модуляции либо к возникновению омонимов в результате семантической деривации [Лопушанская, 1996, с. 9]; предсказать такие результаты невозможно, «ибо формирование системы языка (любого его уровня) – это, как известно, процесс длительный и многоаспектный» [Лопушанская, 2007а, с. 136–137].

Функционально-семантические изменения на лексическом уровне взаимодействуют с явлениями морфемного словообразования. На примере приставочного образования русских парных глаголов движения С.П. Лопушанская обнаружила «зависимость между семантическими изменениями мотивирующего (а исторически – производящего слова) и возможностью / невозможностью сочетаемости его с префиксами» [Лопушанская, 2013, с. 241]. Смыслы, приращенные вследствие семантической модуляции или семантической деривации мотивирующего слова, могут, с одной стороны, ограничивать его сочетаемость с определенными приставками, с другой, – не препятствовать ей и в результате морфемного словообразования включаться в

семантическую структуру мотивированного (производного) слова. Это развитие соотношения формы и содержания языковой единицы проявляется «сначала в конкретном тексте, а затем и в системе языка в результате регулярно воспроизводимых... семантических сегментов значения» [Лопушанская, 2013, с. 237].

Рассмотренные изменения грамматических и лексических языковых единиц наблюдаются преимущественно в контексте, «в высказывании, равном предложению» [Лопушанская, 1988а, с. 15]. При этом функционирующая словоформа, по утверждению С.П. Лопушанской, реализуется одновременно во многих системных отношениях, и без учета сложной динамики ее смысловой структуры в контексте «невозможен анализ целостного текста определенной жанровой принадлежности» [Лопушанская, 1990б, с. 79]. Например, метафорическое употребление древнерусского глагольного слова было обусловлено перегруппировкой компонентов в его семантической структуре и в то же время зависело от его смыслообразующей функции в целостном тексте, от его приуроченности к той или иной ситуации, в которой метафора считалась уместной [Лопушанская, 1990а, с. 134].

2. Древний славянский текст С.П. Лопушанская рассматривала «в качестве целостной микросистемы, отражающей конкретно-пространственные либо абстрактно-пространственные представления о времени совершающихся событий, о характере их протекания в определенный хронологический период или в разновременные отрезки бытия, о восприятии мира в целом и места в нем человека» [Лопушанская, 1997, с. 11].

В целостном тексте функционирование языковых единиц (лексических, грамматических, словообразовательных и др.) заключается в их отборе по тем или иным признакам и частотности употребления, что может характеризовать жанровую, стилистическую принадлежность текста, его специфику как проявление идиостиля автора [Лопушанская, 2000, с. 12]. Это показано, например, в работах, посвященных использованию глагольных форм в деловом памятнике XVII в. – Челобитной Григория Всполохова [Лопушанская, 1962; 1963], ораторской и научной прозе М.В. Ломоносова [Лопушанская, 1969; 1972], глагольной

лексики в рассказах и письмах А.П. Чехова [Лопушанская, 1965; 1970]. При анализе же семантики функционирующей в тексте словоформы важно, считает ученый, не столько количество рассматриваемых единиц, сколько организация всего текстового материала, установление его организующего центра и выявление языковых средств, выполняющих текстообразующую функцию [Лопушанская, 1990б, с. 85]. Иными словами, под функционированием здесь понимается выполнение языковыми единицами определенных функций по отношению к создаваемому тексту, их роль в организации структуры текста, передаче его содержания, внетекстовой информации и др. Внимание исследователя было сосредоточено прежде всего на функционировании глагола «как развивающейся микросистемы языка и как смыслообразующего центра конкретного текста определенного жанра» [Лопушанская, 1990а, с. 134].

На примере «Устава Святослава Ольговича» показано, что в деловом древнерусском тексте глаголы разных ЛСГ участвуют в оформлении документа, его устойчивых компонентов, конкретизируют предписываемую деятельность, выражая противопоставления по признаку «соответствие / несоответствие требованиям Устава (Грамоты)» и приписывая обозначаемые действия конкретным (при соответствии требованиям) либо неопределенным (при их нарушении) лицам [Лопушанская, 1986, с. 132], тем самым выполняя текстообразующую функцию. Распределение же грамматических форм глагола подчиняется такому признаку, как «степень участия субъекта в описываемых событиях»; субъектом здесь является автор делового текста [Лопушанская, 1986, с. 134]: действия субъекта, от лица которого написан документ, обозначаются формами аориста и перфекта, причем перфект со связкой отмечается при наиболее высокой степени активности; действия иных лиц – формами презенса, имперфекта.

Субъект действия, считала С.П. Лопушанская, являлся одним из наиболее значимых компонентов древнего славянского книжного текста, и степень его активности «определяла иерархические, системные отношения между всеми участниками речевой ситуации» [Лопушанская, 2004б, с. 422], что выражалось

и употреблением языковых средств. Под субъектом при этом понимаются как автор, так и лица, о которых говорится в тексте. Текстобразующую функцию, по мнению С.П. Лопушанской, выполняют «такие словоформы, которые максимально способствуют реализации “степени участия субъекта в описываемых событиях”» [Лопушанская, 1988б, с. 76; 1990б, с. 95]. Выражением этого компонента обеспечивалось текстовое смысловое единство, в рамках которого дифференцировались по своей значимости временные формы глагола. При конкретно-пространственных представлениях о мире и на фоне перестройки системы времен темпоральные значения глагольных форм дополнялись специфическими функциями в тексте [Лопушанская, 1990б, с. 96].

Так, в «Слове о полку Игореве» выявлено, что простые претериты, реализуя семантику прошедшего времени, выполняют также констатирующую (аорист) и характерологическую (имперфект) функции, например, при описании негативных действий некоторых князей: *Олегъ мечемъ крамолу коваше...*; *Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше... до-рискаше... прерыскаше*. С помощью простых претеритов автор рисует события, о которых сохранились предания (имперфект) или которые, с его точки зрения, реально происходили в прошлом (аорист), как в начальном фрагменте о Бояне – *хотяше, растекашется, помняшетъ, нуцаше, въскладаше*, о Мстиславе – *зареза*; формы презенса включаются в сферу прошедших действий тогда, когда автор «заявляет о себе как об очевидце»: *Игорь едетъ по Боричеву къ Святеи Богородици Пирогоицеи* [Лопушанская, 1988б, с. 76–77]. Художественными задачами, в частности, создания словесного портрета героя, в «Слове» обусловлено и ранее упомянутое нами употребление избыточных с современной точки зрения сочетаний спрягаемой и причастной форм от глаголов одной ЛСГ: *Жены Руския въсплакашась аркучи* [Лопушанская, 1988б, с. 74].

Степень участия субъекта в описываемых событиях обуславливает различия в значимости языковых средств в «Похвальном слове Кириллу и Мефодию». Важнейшие действия и состояния Кирилла, в том числе совместные с Мефодием, выражены, по на-

блюдениям С.П. Лопушанской, в основном словоформами аориста – *обръте сѧ, напои, въсияста, оукраиста, исповѣдаста* и др., тогда как имперфект использован только в уточняющей функции, характеризуя других лиц, – (народы) *сѧ притѣкнуху, кланѧхоу сѧ* и некоторые др., перфектные образования – при пересказе других текстов, а непрошедшие времена – в цитатах или прямой речи [Лопушанская, 1990б, с. 100–102; 2002а, с. 324–325]. Созданное на южнославянской языковой почве и бытовавшее в Древней Руси произведение свидетельствует об общеславянских закономерностях функционирования глагольных форм в книжном тексте.

3. Функционирование языковых единиц реализует «смысловую доминанту» текста, в качестве которой в работах С.П. Лопушанской принимается воспроизводимое восприятие мира человеком [Лопушанская, 1990б, с. 87; 2000, с. 11], то есть внеязыковая и внетекстовая реальность, осмысленная субъектом и опосредованно отраженная в его речи. Рассматриваемые функционально-семантические процессы в слове – семантическая модуляция и деривация – характеризуются как речемыслительные, реализующие различные трансформации признаков концептов в концептосфере языка [Лопушанская, 1996; 2002б; 2007а, с. 136–137], а отбор лексики, словообразовательных моделей, грамматических форм, их сочетаемость, зафиксированная языковыми средствами понятийная система и другие речевые параметры текста позволяют получить представление о самом субъекте как языковой личности [Лопушанская, 1993, с. 165]. Эта отдельная личность может условно рассматриваться в качестве «эталона определенной хронологической, этнической и культурной отнесенности» [Лопушанская, 1998, с. 338; 2000, с. 11]. С опорой на анализ слов, репрезентирующих смысловую доминанту текстов разного времени и различных жанров, С.П. Лопушанская показала, как, например, деловые документы XVII в. раскрывают языковую личность казака: его абстрактное восприятие мира, высокую степень активности и др. [Лопушанская, 1993, с. 167]; как научные труды, переписка философа И.А. Ильина воссоздают облик русского интеллигента, эрудированного, искреннего в своих убеждениях, благородного в помыслах [Лопушанская, 2000, с. 13–14].

4. Принцип диахронического исследования языковых единиц с обязательным учетом их системных свойств (взаимодействия формы и содержания, парадигматических и синтагматических отношений, межуровневых связей) и особенностей функционирования в речи (тексте) сформулирован С.П. Лопушанской в совместной с В.К. Журавлевым статье как единство «системности и функциональности» [Журавлев, Лопушанская, 1980]. Он является по сути реализацией комплексного подхода к изучению языка, постулируемого С.П. Лопушанской в качестве важнейшего в ее исследовательской концепции (см. об этом: [Семантика..., 2009, с. 5–26]).

Комплексность в современной науке и практической деятельности трактуется по-разному. Многие исследователи под комплексностью понимают сложность, разнообразие свойств объекта, а следовательно, и такой подход, который позволяет «дать по возможности наиболее полное и всестороннее знание о том или ином сложном объекте или явлении» [Москаленко, 1983, с. 105], другими словами, комплексность – это разноаспектность исследования объекта, часто методами различных наук, например, при изучении человека и социума [Кобылянский, 1995; Корсакова, 2013; Пятунина, 2003]. Комплексность методологически сопрягается также с системностью, при этом соотношение данных понятий устанавливается по-разному. Некоторые ученые под комплексностью понимают собственно системность, отмечая внутреннее единство и взаимосвязанность элементов системы, ее ограниченность от других объектов и внешней среды [Аверьянов, 1985, с. 9], представляют систему комплексом подсистем, а комплексный анализ – системным исследованием [Чернов, 2016, с. 13], в то же время не отрицая необходимости учитывать при системном исследовании внешние факторы [Чернов, 2016, с. 13] или включая в понятие системного познания мира выявление внешних связей системы, определение ее функций и роли среди других систем [Аверьянов, 1985, с. 9].

В научной литературе представлена также точка зрения на комплексность и системность как на связанные, но несовпадающие понятия: комплексность находится «на более высоком уровне, уровне философской методологии» [Корсакова, 2013, с. 120], она включает не только системность, но и иные подходы, обуслов-

ленные разнородностью изучаемого объекта и «окружающих» его явлений [Белкина, Корсаков, 2008, с. 8–10]. Если «понятие “системы” выражает целостность внутренних элементов объекта, их соподчиненность, субординированность», то «понятие “комплексность” выражает целостность элементов внешней по отношению к объекту среды. Целостность разнообразных внешних воздействий состоит в одном только отношении – быть условием и средством существования объекта» [Шубина, 1983, с. 166]. Комплексность предполагает познание внутренних (системных) и внешних связей объекта [Федосеев, 1983, с. 11], «внутренних связей в системе на всю глубину ее структуры» и «внешних связей системы с другими системами... а также связи ее элементов с элементами внешних систем» [Витушко, 2023, с. 230]. С таким пониманием коррелирует предлагаемое С.П. Лопушанской комплексное изучение языка как системы с учетом внешних, экстралингвистических, связей, обнаруживающихся в процессе его функционирования. Это было показано на примере истории системы времен, которая описана как совокупность морфологических изменений, в плане выражения и в плане содержания, во взаимодействии с развитием категории вида (системные процессы), обусловленных изменением восприятия людьми реального времени, проявлявшихся в противопоставлении либо взаимозамене глагольных форм в речи, формировании их функциональной способности выступать в абсолютных или относительных временных значениях [Лопушанская, 1994].

Комплексность реализовалась в трудах С.П. Лопушанской и применительно к анализу функционирования языковых единиц в тексте. При этом учитывалось все многообразие типов их взаимодействия: «Взаимовлияние разнородных признаков смысловой структуры функционирующей словоформы; актуализация потенциальных сем, обусловленная контекстуальной сочетаемостью; степень активности субъекта действия; связь причинно-следственных отношений описываемых событий со спецификой мышления личности, принявшей христианство и его нравственные ценности» [Лопушанская, 1997, с. 12], а также «органично сочетающей первичную образность языческого восприятия мира с христианскими ценностями» [Лопушанская, 2004а, с. 311].

Именно комплексный подход к изучению «и мыслительных, и речевых, и языковых изменений в их взаимообусловленности» приближает филологов, как утверждала С.П. Лопушанская, «к адекватному описанию мыслящей (языковой) личности или к объяснению языковой, “наивной” картины мира» [Лопушанская, 2007б, с. 7–8].

Заключение

Научное творчество профессора С.П. Лопушанской свидетельствует о том, что для нее изучение функционирования языка виделось такой же насущной задачей лингвистики, как и изучение его системы в синхронии и диахронии, а свойства языковых единиц рассматривались обязательно «в системе языка и в тексте». При этом само понятие функционирования представляется в трудах ученого достаточно широким и в определенной степени коррелирует с трактовкой понятия «текст».

Под функционированием языковой единицы в тексте понимается в первую очередь ее употребление в контексте (как правило, в высказывании, равном предложению), где реализуются системные свойства единицы – ее парадигматические и синтагматические отношения с другими единицами в плане выражения и содержания. В процессе употребления возможны и изменения единицы: варьирование грамматических форм, лексического и грамматического значений. При своей регулярности данные изменения могут со временем стать принадлежностью системы, то есть функционирование есть не только реализация системы, но и фактор ее развития. Это всесторонне показано С.П. Лопушанской на примере эволюции категории времени русского глагола, семантических изменений глагольной лексики. Взаимодействие системных и функциональ-

ных признаков единиц обнаруживается также в исторических компенсаторных процессах (унификация системы времен и сокращение количества временных форм приводили к расширению их функционально-семантических возможностей), в развитии морфемного словообразования (преобразования в смысловой структуре на лексическом уровне, актуализация значимых семантических компонентов активизировали либо ограничивали возникновение производных слов, сочетаемость мотивирующих основ с аффиксами) и т. д.

Функционирование языковых единиц – это также их отбор, частотность употребления и организация для выполнения определенных функций в целостном тексте, который трактуется как единая, сложная микросистема. Здесь выдвигаются на первый план понятия смысловой доминанты текста и текстообразующей функции языковой единицы. В качестве смысловой доминанты, обеспечивающей единство древнерусского и старорусского текста, принимаются отражаемые языковыми средствами представления человека о мире, особенности его мышления, степень участия субъекта (автора и/или иных лиц) в описываемых событиях, его проявление как языковой личности. Текстообразующую функцию выполняют слова, словосочетания, грамматические формы, словообразовательные модели, реализующие смысловую доминанту текста.

Рассмотренный системно-функциональный принцип, предполагающий анализ всего многообразия внутренних и внешних связей языка в их взаимодействии, лежит в основе комплексного подхода к лингвистическим исследованиям, который С.П. Лопушанская считала важнейшим среди современных языковедческих подходов и который можно считать ведущим в ее научной концепции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянов А. Н., 1985. Системное познание мира : Методологические проблемы. Москва : Политиздат. 263 с.
- Белкина Г., Корсаков С., 2008. Идеи комплексного подхода и единой науки о человеке в трудах И.Т. Фролова // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Москва : Ин-т философии РАН. С. 4–18.
- Березин Ф. М., Головин Б. Н., 1979. Общее языкознание. Москва : Просвещение. 416 с.
- Бондарко А. В., 2001. Основы функциональной грамматики : Языковая интерпретация идеи времени. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 260 с.

- Витушко В. А., 2023. Комплексность как общенаучный и правовой способ мышления и познания // Актуальные проблемы гражданского права. № 2 (22). С. 213–237.
- Дорофеева И. В., 2015. О функционализме в лингвистике // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». № 1. С. 153–158.
- Журавлев В. К., Лопушанская С. П., 1980. Принципы диахронической морфологии : (На материале глагольного формообразования) // Развитие и функционирование русского глагола. Волгоград : Волгогр. гос. пед. ин-т. С. 3–11.
- Кобылянский В. А., 1995. Человек как предмет комплексного исследования. Проблемы и задачи регионального человековедения // Проблемы комплексного изучения человека. Человек в условиях Забайкалья : материалы регион. науч.-практ. конф. (Чита, 30 нояб. – 2 дек. 1993 г.). Чита : Изд-во ЧГПИ. С. 5–14.
- Корсакова И. А., 2013. Комплексные исследования в философии, психологии, педагогике и музыковедении // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. № 5. С. 118–122.
- Лопушанская С. П., 1962. Стилистическое использование глагольных форм в памятнике XVII века «Челобитная Григория Всполохова» // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 2. Чебоксары : Чуваш. пед. ин-т. С. 369–379.
- Лопушанская С. П., 1963. Стилистическое использование старославянских именных форм в памятнике XVII века «Челобитная Григория Всполохова» // Материалы научной конференции 1962 года. Казань : [б. и.]. С. 164–169.
- Лопушанская С. П., 1965. Глагольная синонимия в ранних произведениях А.П. Чехова // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 5. Казань : Изд-во Каз. пед. ин-та. С. 3–8.
- Лопушанская С. П., 1967. Очерки по истории глагольного формообразования в русском языке. Казань : Таткнигоиздат. 173 с.
- Лопушанская С. П., 1969. Структурно-семантические особенности инфинитива в ораторской прозе М.В. Ломоносова // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения). Вып. 2/3. Казань : Изд-во Каз. ун-та. С. 93–100.
- Лопушанская С. П., 1970. Устарелая книжная глагольная лексика в письмах А.П. Чехова // Вопросы теории и методики изучения русского языка : Ученые записки Казанского педагогического института. Вып. 77. С. 156–167.
- Лопушанская С. П., 1972. Описательные формы будущего времени в научной прозе М. В. Ломоносова // Развитие синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII века. Казань : Изд-во Каз. ун-та. С. 134–141.
- Лопушанская С. П., 1975а. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань : Изд-во Каз. ун-та. 342 с.
- Лопушанская С. П., 1975б. Эволюция простых глагольных форм прошедшего времени в древнерусском книжном языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва. 52 с.
- Лопушанская С. П., 1986. Лингвистическое описание «Устава Святослава Ольговича» // Проблемы исторического языковедения. Вып. 3. Литературный язык Древней Руси. Ленинград : Изд-во ЛГУ. С. 131–137.
- Лопушанская С. П., 1988а. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 1988б. Отражение древних конкретно-пространственных представлений в «Слове о полку Игореве» // Развитие частей речи в истории русского языка : межвуз. сб. науч. тр. Рига : Латв. гос. ун-т. С. 73–78.
- Лопушанская С. П., 1990а. Метафоризация глагольной лексики в древнерусском тексте // Тезисы докладов VII научной конференции профессорско-преподавательского состава и X научной студенческой конференции. Волгоград : [б. и.]. С. 133–134.
- Лопушанская С. П., 1990б. Развитие и функционирование древнерусского глагола : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во ВПИ. 114 с.
- Лопушанская С. П., 1993. Языковая личность казака (по скорописным документам XVII века) // Вопросы краеведения : материалы краевед. чтений. Вып. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 164–167.

- Лопушанская С. П., 1994. Комплексный анализ темпоральной системы древнерусского глагола // Материалы XI научной конференции профессорско-преподавательского состава (18–22 апр. 1994 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 241–245.
- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 1. С. 6–13.
- Лопушанская С. П., 1997. Разграничение старославянского и русского староцерковнославянского языков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 2. С. 6–17.
- Лопушанская С. П., 1998. Конкретно-пространственное и абстрактно-пространственное восприятие мира человеком как философская основа объяснения эволюции языка // Человек в современных философских концепциях : материалы Междунар. науч. конф. (Волгоград, 17–19 сент. 1998 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 337–346.
- Лопушанская С. П., 1999. Русское слово в системе языка и в тексте А. С. Пушкина // Изучение русского слова от Пушкина до наших дней : материалы конф. и семинаров. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 19–26.
- Лопушанская С. П., 2000. Языковая личность русского философа Ивана Александровича Ильина // Человек в современных философских концепциях : материалы II Междунар. науч. конф. Ч. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 10–15.
- Лопушанская С. П., 2002а. Похвальное слово Кириллу и Мефодию как источник развития языковой и духовной культуры восточных славян // Мир Православия : сб. науч. ст. Вып. 4. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 322–327.
- Лопушанская С. П., 2002б. Соотношение понятий *стереотипность*, *концептуальное ядро* и *концептосфера* в языкознании // Studia Rossica Posnaniensia. Vol. 30. P. 79–85.
- Лопушанская С. П., 2003. Компенсаторные процессы в истории русского глагола // Академик Олег Николаевич Трубочев : Слово о замечательном волгоградце. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 83–90.
- Лопушанская С. П., 2004а. История русского языка в культурологическом освещении // Наука, искусство, образование в III тысячелетии : материалы III Междунар. науч. конгресса. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 308–311.
- Лопушанская С. П., 2004б. Фрагменты Синодального перевода Нового Завета в лингвотекстологическом аспекте // Мир Православия : сб. науч. ст. Вып. 5. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 421–428.
- Лопушанская С. П., 2007а. Функционально-семантические изменения русского глагола в диахронии // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы XI Конгресса МАПРЯЛ : в 6 т. Т. 3. София : Heron Press. С. 133–140.
- Лопушанская С. П., 2007б. Язык мыслящей личности как новая доминанта концептуализации познаваемой действительности // Человек в современных философских концепциях : в 4 т. Т. 4. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 7–11.
- Лопушанская С. П., 2010. Основни направления на изследванията на научната школа *Развитие и функциониране на руския глагол: история и съвременно състояние* // Лингвистична Русия: Научни школи на Волгоград : колективна монография. Волгоград ; Русе ; София : Мисъл. С. 9–20.
- Лопушанская С. П., 2013. Закономерности сочетаемости морфем (на материале русских глаголов движения) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. № 3 (19). С. 236–242.
- Москаленко А. Т., 1983. Методологические проблемы комплексного программно-целевого исследования // Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние. С. 104–135.
- Пятунин А. А., 2003. Философско-методологический анализ комплексного подхода в современных «Социальных исследованиях науки» : дис. ... канд. филос. наук. Томск. 150 с.
- Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект : коллектив. моногр., 2009 / отв. ред. Е. М. Шептухина. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 272 с.
- Федосеев П. Н., 1983. Философия и научное знание. Москва : Наука. 464 с.
- Чернов В. А., 2016. Комплексность и системность – условие синтеза достижений и полноценного управления // Аудит. № 10. С. 10–14.
- Шубина М. П., 1983. Комплексный подход и взаимодействие теорий // Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. С. 166–173.

REFERENCES

- Averjanov A.N., 1985. *Sistemnoje poznanije mira: metodologicheskiye problemy* [Systemic Knowledge of the World: Methodological Problems]. Moscow, Politizdat Publ. 263 p.
- Belkina G., Korsakov S., 2008. Idei kompleksnogo podkhoda i jedinoy nauki o cheloveke v trudakh I.T. Frolova [The Ideas of an Integrated Approach and a Unified Science of Man in the Works of I.T. Frolov]. *Chelovek vchera i segodnja: mezhdistsiplinarynye issledovaniya* [The Man of Yesterday and Today: Interdisciplinary Research]. Moscow, In-t filosofii RAN, pp. 4-18.
- Berezin F.M., Golovin B.N., 1979. *Obshcheje jazykoznanije* [General Linguistics]. Moscow, Prosveshchenije Publ. 416 p.
- Bondarko A.V., 2001. *Osnovy funktsionalnoj grammatiki: Jazykovaja interpretatsija idei vremeni* [Fundamentals of Functional Grammar: Linguistic Interpretation of the Idea of Time]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 260 p.
- Vitushko V.A., 2023. Kompleksnost kak obshchenauchnyj i pravovoj sposob myshlenija i poznaniya [Complexity as a General Scientific and Legal Way of Thinking and Cognition]. *Aktualnyje problemy grazhdanskogo prava*, no. 2 (22), pp. 213-237.
- Dorofjeva I.V., 2015. O funktsionalizme v lingvistike [On Functionalism in Linguistics]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija»* [Bulletin of Tver State University. The Series “Philology”], no. 1, pp. 153-158.
- Zhuravlev V.K., Lopushanskaja S.P., 1980. Printsipy diakhronicheskoy morfologii: (Na materiale glagolnogo formoobrazovaniya) [Principles of Diachronic Morphology (Based on the Material of Verb Formation)]. *Razvitije i funkcionirovanije russkogo glagola* [Evolution and Functioning of the Russian Verb]. Volgograd, Volgogr. gos. ped. in-t, pp. 3-11.
- Kobyljanskij V.A., 1995. Chelovek kak predmet kompleksnogo issledovaniya. Problemy i zadachi regionalnogo chelovekovedeniya [Human as a Subject of Complex Research. Problems and Tasks of Regional Human Studies]. *Problemy kompleksnogo izuchenija cheloveka. Chelovek v usloviyakh Zabajkalja: materialy regional. nauch.-prakt. konf. (Chita, 30 nojab. – 2 dek. 1993 g.)* [Problems of Complex Human Study. A Human in the Conditions of Transbaikalia. Proceedings of the Region. Scientific and Practical Conference (Chita, Nov. 30 – Dec. 2 1993)]. Chita, Izd-vo ChGPI, pp. 5-14.
- Korsakova I.A., 2013. Kompleksnyje issledovaniya v filosofii, psikhologii, pedagogike i muzykoznanii [Comprehensive Research in Philosophy, Psychology, Pedagogy and Musicology]. *Fundamentalnyje i prikladnyje issledovaniya: problemy i rezultaty*, no. 5, pp. 118-122.
- Lopushanskaja S.P., 1962. Stilisticheskoe ispolzovanie glagolnykh form v pamjatnike XVII veka «Chelobitnaja Grigorija Vspolokhova» [Stylistic Use of Verb Forms in the 17th-Century Manuscript “The Petition of Grigory Vspolokhov”]. *Voprosy teorii i metodiki izuchenija russkogo jazyka. Vyp. 2* [Issues of Theory and Methodology of Learning the Russian Language. Iss. 2]. Cheboksary, Chuvash. ped. in-t, pp. 369-379.
- Lopushanskaja S.P., 1963. Stilisticheskoe ispolzovanie staroslavjanskikh imennykh form v pamjatnike XVII veka «Chelobitnaja Grigorija Vspolokhova» [Stylistic Use of Old Slavonic Nominal Forms in the 17th-Century Manuscript “The Petition of Grigory Vspolokhov”]. *Materialy nauch. konf. 1962 goda* [Proceedings of the Scientific Conference of 1962]. Kazan, s.n., pp. 164-169.
- Lopushanskaja S.P., 1965. Glagolnaja sinonimija v rannikh proizvedenijakh A.P. Chekhova [Verbal Synonymy in the Early Works of Anton Chekhov]. *Voprosy teorii i metodiki izuchenija russkogo jazyka. Vyp. 5* [Issues of Theory and Methodology of Learning the Russian Language. Iss. 5]. Kazan, Izd-vo Kaz. ped. in-ta, pp. 3-8.
- Lopushanskaja S.P., 1967. *Ocherki po istorii glagolnogo formoobrazovaniya v russkom jazyke* [Essays on the History of Verb Formation in the Russian Language]. Kazan, Tatknigoizdat. 173 p.
- Lopushanskaja S.P., 1969. Strukturno-semanticheskiye osobennosti infinitiva v oratorskoj proze M.V. Lomonosova [Structural and Semantic Features of the Infinitive in the Oratorical Prose of M.V. Lomonosov]. *Ocherki po istorii russkogo jazyka i literatury XVIII veka (Lomonosovskie chtenija). Vyp. 2/3* [Essays on the History of the Russian Language and Literature of the 18th Century (Lomonosov Readings. Iss. 2/3)]. Kazan, Izd-vo Kaz. un-ta, pp. 93-100.
- Lopushanskaja S.P., 1970. Ustarelaja knizhnaja glagolnaja leksika v pismakh A.P. Chekhova [Outdated Book Verb Vocabulary in the Letters of A.P. Chekhov]. *Voprosy teorii i metodiki izuchenija russkogo jazyka: Uchenyje zapiski Kazanskogo pedagogicheskogo instituta. Vyp. 77* [Issues of Theory and Methodology of Learning the Russian Language: Scientific Notes of the Kazan Pedagogical Institute. Iss. 77], pp. 156-167.

- Lopushanskaja S.P., 1972. Opisatelnyje formy budushchego vremeni v nauchnoj proze M.V. Lomonosova [Descriptive Forms of the Future Tense in the Scientific Prose of M.V. Lomonosov]. *Razvitije sinonimicheskikh otnoshenij v russkom literaturnom jazyke vtoroj poloviny XVIII veka* [Development of Synonymous Relations in the Russian Literary Language of the Second Half of the 18th Century]. Kazan, Izd-vo Kaz. un-ta, pp. 134-141.
- Lopushanskaja S.P., 1975a. *Osnovnyje tendentsii evoljutsii prostykh preteritov v drevnerusskom knizhnom jazyke* [The Main Trends in the Evolution of Simple Preterites in the Old Russian Book Language]. Kazan, Izd-vo Kaz. un-ta. 342 p.
- Lopushanskaja S.P., 1975b. *Evoljutsija prostykh glagolnykh form proshedshego vremeni v drevnerusskom knizhnom jazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The Evolution of Simple Verb Forms of the Past Tense in the Old Russian Language. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 52 p.
- Lopushanskaja S.P., 1986. Lingvisticheskoe opisanije «Ustava Svjatoslava Olgovicha» [Linguistic Description of the "Charter of Svjatoslav Olgovich"]. *Problemy istoricheskogo jazykoznanija. Vyp. 3. Literaturnyj jazyk Drevnej Rusi* [Problems of Historical Linguistics. Iss. 3. The Literary Language of Ancient Russia]. Leningrad, Izd-vo LGU, pp. 131-137.
- Lopushanskaja S.P., 1988a. Izmenenije semanticheskoy struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizhenija v protsesse moduljatsii [Changes in the Semantic Structure of Russian Non-Prepositional Verbs of Movement in the Process of Modulation]. *Russkij glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii)* [Russian Russian Verb (In Comparative Aspect)]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5-19.
- Lopushanskaja S.P., 1988b. Otrazhenije drevnikh konkretno-prostranstvennykh predstavlenij v «Slove o polku Igoreve» [Reflection of Ancient Concrete-Spatial Representations in the "The Word About Igor's Regiment"]. *Razvitije chastej rechi v istorii russkogo jazyka: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [The Evolution of Parts of Speech in the History of the Russian Language. Interuniversity Collection of Scientific Works]. Riga, Latv. gos. un-t, pp. 73-78.
- Lopushanskaja S.P., 1990a. Metaforizatsija glagolnoj leksiki v drevnerusskom tekste [Metaphorization of Verbal Vocabulary in the Old Russian Text]. *Tezisy dokladov VII nauchnoj konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava i X nauchnoj studencheskoj konferentsii* [Abstracts of the 7th Scientific Conference of the Teaching Staff and the 10th Scientific Student Conference]. Volgograd, s.n., pp. 133-134.
- Lopushanskaja S.P., 1990b. *Razvitije i funkcionirovanije drevnerusskogo glagola: ucheb. posobie* [The Evolution and Functioning of the Old Russian Verb. Textbook]. Volgograd, Izd-vo VPI. 114 p.
- Lopushanskaja S.P., 1993. Jazykovaja lichnost kazaka (po skoropisnym dokumentam XVII veka) [The Linguistic Personality of a Cossack (According to Cursive Documents of the 17th Century)]. *Voprosy krajevedenija: materialy kraevedcheskikh chtenij. Vyp. 2* [Issues of Local History. Proceedings of Local History Readings. Iss. 2]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 164-167.
- Lopushanskaja S.P., 1994. Kompleksnyj analiz temporalnoj sistemy drevnerusskogo glagola [A Comprehensive Analysis of the Temporal System of the Old Russian Verb]. *Materialy XI nauchnoj konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava (18–22 apr. 1994 g.)* [Proceedings of the 11th Scientific Conference of the Faculty, April 18–22, 1994]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 241-245.
- Lopushanskaja S.P., 1996. Semanticheskaja moduljatsija kak rechemyslitelnyj protsess [Semantic Modulation as a Speech-Thinking Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya*, iss. 1, pp. 6-13.
- Lopushanskaja S.P., 1997. Razgranichenije staroslavjanskogo i russkogo starotserkovnoslavjanskogo jazykov [Differentiation of Old Church Slavonic and Russian Old Church Slavonic Languages]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya*, iss. 2, pp. 6-17.
- Lopushanskaja S.P., 1998. Konkretno-prostranstvennoje i abstraktno-prostranstvennoje vosprijatije mira chelovekom kak filosofskaja osnova objasnenija evoljutsii jazyka [Concrete-Spatial and Abstract-Spatial Perception of the World by Man as a Philosophical Basis for Explaining the Evolution of Language]. *Chelovek v sovremennykh filosofskikh kontseptsijakh: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Volgograd, 17–19 sent. 1998 g.)* [Human in Modern Philosophical Concepts. Proceedings of the International Scientific Conference, Volgograd, September 17–19, 1998]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 337-346.
- Lopushanskaja S.P., 1999. Russkoje slovo v sisteme jazyka i v tekste A.S. Pushkina [The Russian Word in the Language System and in the Text of A. S. Pushkin]. *Izuchenije russkogo slova ot Pushkina do nashikh dnei: materialy konf. i seminarov* [The Study of the Russian Word from Pushkin to the Present Day. Proceedings of Conferences and Seminars]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 19-26.

- Lopushanskaja S.P., 2000. Jazykovaja lichnost russkogo filosofa Ivana Aleksandrovicha Iljina [The Linguistic Personality of the Russian Philosopher Ivan Alexandrovich Ilyin]. *Chelovek v sovremennykh filosofskikh kontseptsijakh: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. Ch. 2* [Human in Modern Philosophical Concepts. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference. Pt. 2]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 10-15.
- Lopushanskaja S.P., 2002a. Pokhvalnoje slovo Kirillu i Mefodiju kak istochnik razvitija jazykovoj i dukhovnoj kultury vostochnykh slavjan [A Word of Praise to Cyril and Methodius as a Source of Evolution of the Linguistic and Spiritual Culture of the Eastern Slavs]. *Mir Pravoslavija: sb. nauch. st. Vyp. 4* [The World of Orthodoxy. Collection of Scientific Articles. Iss. 4]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 322-327.
- Lopushanskaja S.P., 2002b. Sootnoshenije ponyatij stereotipnost, kontseptualnoje jadro i kontseptosfera v jazykoznanii [The Relationship Between the Concepts of Stereotype, Conceptual Core and Conceptual Sphere in Linguistics]. *Studia Rossica Posnaniensia*, vol. 30, pp. 79-85.
- Lopushanskaja S.P., 2003. Kompensatornyje protsessy v istorii russkogo glagola [Compensatory Processes in the History of the Russian Verb]. *Akademik Oleg Nikolaevich Trubachev: Slovo o zamechatelnom volgogradtse* [Academician Oleg Nikolaevich Trubachev: A Word About a Wonderful Volgograd Man]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 83-90.
- Lopushanskaja S.P., 2004a. Istorija russkogo jazyka v kulturologicheskom osveshchenii [The History of the Russian Language in Cultural Aspect]. *Nauka, iskusstvo, obrazovanie v III tysjacheletii: materialy III Mezhdunar. nauch. kongressa* [Science, Art, Education in the Third Millennium. Proceedings of the 3rd International Scientific Congress]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 308-311.
- Lopushanskaja S.P., 2004b. Fragmenty Sinodalnogo perevoda Novogo Zaveta v lingvotekstologicheskom aspekte [Fragments of the Synodal Translation of the New Testament in the Linguistic and Textual Aspect]. *Mir Pravoslavija: sb. nauch. st. Vyp. 5* [The World of Orthodoxy. Collection of Scientific Articles. Vol. 5]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 421-428.
- Lopushanskaja S.P., 2007a. Funktsionalno-semanticheskiye izmenenija russkogo glagola v diakhronii [Functional and Semantic Changes of the Russian Verb in Diachrony]. *Mir russkogo slova i russkoje slovo v mire: materialy XI Kongressa MAPRYaL: v 6 t. T. 3* [World of Russian Word and the Russian Word in the World. Proceedings of the 11th Congress of MAPRYaL. In 6 Vols. Vol. 3]. Sofia, Heron Press, pp. 133-140.
- Lopushanskaja S.P., 2007b. Jazyk mysljashchej lichnosti kak novaja dominantna kontseptualizatsii poznavajemoj dejstvitelnosti [The Language of a Thinking Personality as a New Dominant Conceptualization of Cognizable Reality]. *Chelovek v sovremennykh filosofskikh kontseptsijakh: v 4 t. T. 4* [Human in Modern Philosophical Concepts. In 4 Vols. Vol. 4]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 7-11.
- Lopushanskaja S.P., 2010. Osnovni napravlenija na izsledvanijata na nauchnata shkola Razvitije i funktsionirane na ruskija glagol: istorija i savremenno sostojanije [Main Research Directions of the Scientific School "Development and Functioning of the Russian Verb: History and Current State"]. *Lingvistichna Rusija: Nauchni shkoli na Volgograd: kolektivna monografija* [Linguistic Russia: Scientific Schools of Volgograd]. Volgograd; Ruse; Sofia, Misal Publ., pp. 9-20.
- Lopushanskaja S.P., 2013. Zakonomernosti sochetaemosti morfem (na materiale russkikh glagolov dvizhenija) [Patterns of Morpheme Compatibility (Based on the Material of Russian Verbs of Movement)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (19), pp. 236-242.
- Moskalenko A.T., 1983. Metodologicheskiye problemy kompleksnogo programmno-tselevogo issledovaniya [Methodological Problems of Complex Program-Oriented Research]. *Metodologicheskiye problemy kompleksnykh issledovanij* [Methodological Problems of Complex Research]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. otd-nije, pp. 104-135.
- Pjatunina A.A., 2003. *Filosofsko-metodologicheskij analiz kompleksnogo podkhoda v sovremennykh «Sotsialnykh issledovaniyakh nauki»: dis. ... kand. filos. nauk* [Philosophical and Methodological Analysis of an Integrated Approach in Modern "Social Research of Science". Cand. philos. sci. diss.]. Tomsk. 150 p.
- Sheptukhina E.M., ed., 2009. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskij aspekt: kollektiv. monogr.* [Semantics of the Old Russian Verb: Synchronous-Diachronic Aspect. Collective Monograph]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo. 272 p.
- Fedoseev P.N., 1983. *Filosofija i nauch. znanije* [Philosophy and Scientific Knowledge]. Moscow, Nauka Publ. 464 p.

- Chernov V.A., 2016. Kompleksnost i sistemnost – usloviye sinteza dostizhenij i polnotsennogo upravlenija [Complexity and Consistency as a Condition for the Synthesis of Achievements and Full-Fledged Management]. *Audit*, no. 10, pp. 10-14.
- Shubina M.P., 1983. Kompleksnyy podkhod i vzaimodeystvie teorii [An Integrated Approach and the Interaction of Theories]. *Metodologicheskie problemy kompleksnykh issledovaniy* [Methodological Problems of Complex Research]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie Publ., pp. 166-173.

Information About the Authors

Oksana A. Gorban, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Marina V. Kosova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Elena M. Sheptukhina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Информация об авторах

Оксана Анатольевна Горбань, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Марина Владимировна Косова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Елена Михайловна Шептухина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.9>

UDC 811.161.1'04:81'373.6

LBC 81.411.2-03

Submitted: 11.01.2026

Accepted: 20.03.2026

LEXICAL CATEGORIZATION OF THE CONCEPT OF TIME IN THE OLD RUSSIAN CHRONICLE TEXT

Irina V. Erofeeva

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The most important feature of the ancient Russian chronicles is the time parameters of the historical events described, therefore, a special place in them is occupied by a lexical-semantic group of words with temporal meaning. The aim of this study is to examine the semantic-cognitive, pragmatic, and derivational features of nouns with temporal meaning in Old Russian chronicle texts. Nouns with temporal semantics were a significant mechanism for representing the binary world framework of the Russian Middle Ages. Most of them possessed a set of interrelated meanings, allowing us to identify events both in earthly, mundane life and in the eternal, otherworldly realm. The opposition between the divine and the earthly was most clearly expressed by the lexemes *врѣмя* (time) and *вѣкъ* (century) and their derivative adjectives *врѣменные* (temporal) and *вѣчные* (eternal). The most frequent lexeme with temporal semantics was the word *лѣто* (summer), which had the ancient meaning of 'year' and was used to implement the basic principle of describing events in chronicles – by years (by summers). The lexemes *день* (day) and *мѣсяць* (month), used to indicate specific dates or the duration of military or historical events, were also highly frequent. The nouns *день* (day) and *недѣля* (week) were used in compound names of religious holidays. Constructions with temporal lexemes in chronicles were distinguished by schematism, conventional semantics, and duplication of grammatical forms.

Key words: temporality, chronicle, Middle Ages, etymology, world framework, lexical-semantic group of words.

Citation. Erofeeva I.V. Lexical Categorization of the Concept of Time in the Old Russian Chronicle Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 105-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.9>

УДК 811.161.1'04:81'373.6

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 11.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСНОМ ТЕКСТЕ

Ирина Валерьевна Ерофеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Важнейшей приметой древнерусских летописей является констатация временных параметров описываемых исторических событий, поэтому особое место в них занимает лексико-семантическая группа слов с темпоральным значением. Цель исследования состоит в установлении семантико-когнитивных, прагматических и деривационных особенностей субстантивных лексем с временным значением в древнерусских летописных текстах. Существительные с темпоральным значением играли значимую роль в репрезентации бинарной картины мира русского Средневековья. Большинство из них обладали набором взаимосвязанных значений, позволяющих констатировать как события земной, мирской жизни, так и вечной, потусторонней. Наиболее отчетливо оппозиция божественного и земного выражалась лексемами *врѣмя* и *вѣкъ* и производными от них адъективами *врѣменными* и *вѣчными*. Самой частотной лексемой с временной семантикой было слово *лѣто*, имевшее древнее значение 'год' и использовавшееся для реализации основного принципа описания событий в летописи – по годам (по летам). Высокой частотностью обладали также лексемы *день* и *мѣсяць*, применявшиеся для указания на конкретные даты или длительность военных или исторических событий. В составных наименованиях религиозных праздников употреблялись существи-

тельные *день* и *недѣля*. Конструкции с темпоральными лексемами в летописях отличались схематизмом, условностью семантики, дублированием грамматических форм.

Ключевые слова: темпоральность, летопись, Средневековье, этимология, картина мира, лексико-семантическая группа слов.

Цитирование. Ерофеева И. В. Лексическая категоризация представления о времени в древнерусском летописном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 105–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.9>

Введение

Время относится к числу основополагающих категорий, формирующих картину мира. Будучи связанным со смыслом, время является его основным структурообразующим компонентом [Соболева, 2019, с. 52]. Понимание времени, как и других составляющих культуры, менялось на протяжении веков, по мере развития человеческого общества. Язык, как продукт культуры, выработал различные формы выражения представления о времени, которое, по мнению ученых-медиевистов, в сознании человека Средневековья делилось на земное, мирское и сакральное [Гуревич, 1972, с. 98; Колесов, 2011, с. 372]. «Древняя Русь живет в символическом двувремени. Исходная направленность времени согласно языковой традиции – от настоящего к прошлому (культ предков), а согласно христианским канонам – от настоящего к будущему (эсхатология “конца света”）」 [Колесов, 2011, с. 379].

К проблеме отражения времени в языке не раз обращались ученые. Данная категория достаточно подробно рассмотрена в различных аспектах ее реализации с использованием междисциплинарного подхода, оправданного сложностью и многомерностью означенного феномена и его отнесенностью одновременно к физическому и духовному, космическому и земному, метафизическому и материальному, рациональному и бытовому уровням восприятия мира [Яковлева, 1994; Рябцева, 1997; Федосеева, 2018; Туманова, Павлова, Зуева, 2019; Соболева, 2019; и др.]. Не останавливаясь подробно на философских основаниях понимания времени, обратимся к лексическим средствам репрезентации темпоральных единиц в летописных текстах, поскольку «именно временные координаты являются системообразующим элементом, вокруг которого выстраивается все древнерусское летописание» [Данилевский, 2004, с. 183].

Большое внимание реконструкции языковой картины мира древнерусского периода уделяла в своих работах профессор С.П. Лопушанская, известный филолог, историк языка, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Работы ученого всегда отличались вниманием к конкретным словам в их семантическом и смысловом многообразии, к разграничению значения слова в языке и его модификациях в контекстах. Уделяя пристальное внимание прежде всего глагольной лексике, С.П. Лопушанская анализировала словообразовательные и грамматические категории, свойственные данной части речи. Интерпретация грамматических времен в ее исследованиях осуществлялась с опорой на объективные представления о времени. По концепции С.П. Лопушанской, «древний славянский текст рассматривается в качестве целостной микросистемы, отражающей конкретно-пространственные либо абстрактно-пространственные представления о времени совершающихся событий, о характере их протекания в определенный хронологический период или разновременные отрезки бытия, о восприятии мира в целом и места в нем человека» [Лопушанская, 2006, с. 79]. Рассматривая особенности познания реальной действительности человеком эпохи Средневековья и связывая его восприятие мироздания с уровнем практической деятельности, ученый приходит к выводу, что «в древнерусском языке нашли отражение в качестве доминирующих конкретно-пространственные представления славян» [Лопушанская, 2013, с. 237].

Временные значения могут быть выражены в языке как грамматически, так и лексически, однако концептуализация времени отражается прежде всего на семантическом уровне [Рябцева, 1997, с. 78; Николаева, 2007, с. 75]. В широко распространенном в древнерусской литературе историческом повествовании

значимую роль играла лексико-семантическая группа слов, связанных с номинацией временных параметров внеязыковой действительности. Особое место такие единицы занимали в летописном повествовании, отличавшемся документальностью и фактографичностью. Сама структура летописного текста предполагала изложение событий в их хронологической последовательности, с применением погодных записей.

Материал и методы

В качестве материала для исследования используются летописные тексты XI–XIV веков. С опорой на летописные источники реконструируются философские и онтологические основы восприятия категории времени в Древней Руси. Временные характеристики являются неотъемлемой частью погодных статей летописей, и выражающие их лексемы используются в рамках религиозного, исторического или назидательного контекста. Важным аспектом анализа представляется определение роли изучаемых лексем в содержательной структуре повествования и их аксиологического статуса.

Для проведения статистического анализа привлекаются данные Национального корпуса русского языка. С целью полноты представления о структурно-семантическом своеобразии темпоральных лексем, относящихся к древнейшему праславянскому фонду, обозначена этимологическая производность лексем и осуществлен их семантико-когнитивный, прагматический и деривационный анализ в древнерусском языке. Предпринятое изучение регулярных семантических сдвигов в пределах темпоральной лексики позволяет реконструировать этапы и направления освоения внеязыковой деятельности человеком эпохи Средневековья.

Результаты и обсуждение

В результате принятия христианства в Древней Руси утвердился, по словам А.Н. Ужанкова, религиозно-символический способ познания мира [Ужанков, 2008, с. 166]. Он определял бинарную картину мира, характерную для православного сознания: «Мир делится на сакральный небесный (как говорили

в Древней Руси – “горний”) и материальный “дольний” – земной. Сакральный мир пребывает в вечности, земной мир – временный, и его бытие измеряется временем» [Ужанков, 2022, с. 40]. В связи с этим категория времени, как и пространства, носила ценностный (аксиологический) характер.

Специфике художественного времени в древнерусской литературе посвящен раздел монографии Д.С. Лихачева, который отмечает своеобразие в осмыслении данной универсальной категории. «Литературный жанр, впервые вступивший в резкий конфликт с замкнутостью сюжетного времени, – летопись», отмечает ученый [Лихачев, 1971, с. 285]. Он выделяет два типа представлений о времени, отразившихся в летописных текстах: **эпическое**, восходящее к дописьменному периоду, и **историческое**, новое, отражающее понимание единой истории русского государства, занимающего свое место в мировой истории. Эти два представления долго находились в борьбе, что отразилось в летописях [Лихачев, 1971, с. 285–286]. Развивая идеи Д.С. Лихачева, А.Н. Ужанков отмечает, что уже в XI–XII вв. «в сознании древнерусских летописцев прочно закрепились христианские представления о линейной протяженности времени и его связи с историей» [Ужанков, 2022, с. 19].

Ядром рассматриваемой лексико-семантической группы с древности является слово *врѣмя* (195 примеров). Закрепившееся в древнерусском языке изначально в старославянской огласовке, оно связано этимологически с глаголом *вертеть* (<*vert- ‘вертеть’), в чем сходятся различные этимологи. М. Фасмер приводит параллели с др.-инд. *vārtma* ср. р. ‘колея, рывина, дорога, желоб’ (Фасмер), П.Я. Черных предполагает старшее значение слова *время* «что-нибудь близкое к ‘коловращение’, ‘кружение’, ‘повторное возвращение’, ‘вечный оборот’. <...> М.б, старшее значение и.-е. **uertmen* было ‘колесо’ или ‘орбита’ (как движение по кругу)» (Черных, с. 171).

Обращение к внутренней форме слова *врѣмя* позволяет соотнести его с древнейшими (циклическими) представлениями о времени, которые были связаны с повторяемостью природных явлений. Сформированное под влиянием христианства линейное понимание времени как движения от сотворения мира к

его концу заканчивается переходом времени в вечность, что также создает своеобразный завершённый цикл. В широком философском смысле лексема *врѣмя* имеет значение ‘одна из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи – последовательная смена ее явлений и состояний’ (Ожегов). Однако данное значение реализуется в летописях в единичных примерах, в контекстах религиозного характера. Так, например, в цитате из сочинения христианского богослова Мефодия, епископа Патарского:

(1) Тако бо Мефодии глаголетъ, яко скончанию **врѣмень** явитися тѣмъ, яже загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю от вѣстокъ до Ефранта и от Тигръ до Поньскаго моря (НЛС).

При наличии определения слово *врѣмя* выступает в более узком значении ‘отрезок времени, период, пора’ (здесь и далее значение слов в древнерусском языке приводится по «Словарю русского языка XI–XVII вв.» (Словарь..., 1975–2019)). Наиболее типичной конструкцией, включающей лексему *врѣмя*, является сочетание с указательными местоимениями *тъ* и *сь*. «Указательные местоимения имели три степени дальности в обозначении предметов и лиц: *сь* – *тъ* – *онъ*» [Колесов, 2005, с. 361]. Местоимение *тъ* в древнерусском языке использовалось для указания на ранее упомянутый, известный предмет. Для обозначения максимальной близости автору употреблялось местоимение *сь*.

Из 195 примеров употребления слова *врѣмя* в древнерусских летописях в конструкциях с местоимением *тъ* отмечено в 68 случаях, с местоимением *сь* (*се*) – в 47 случаях. Наиболее типичным является выражение *в то (же) врѣмя* в значении наречия ‘тогда’. Интересно, что в Новгородской I, Галицкой и Суздальской летописях используется преимущественно конструкция *в то врѣмя*. В «Повести временных лет» по Ипатьевскому и по Лаврентьевскому спискам преобладают конструкции с местоимением *сь* (*се*) как в форме единственного, так и множественного числа *в си же врѣмена*. Следовательно, автор «Повести временных лет» рассматривает события как приближенные к своей авторской личности. В связи с фактографичностью

повествования в Новгородской, Галицкой и Суздальской летописях чаще используется конструкция с местоимением *тъ*.

Кроме указательных местоимений, в качестве определений при лексеме *врѣмя* употребляются слова неопределенной количественной семантики *много*, *мало*, *долго*, которые характеризуют время по длительности и последовательности. В историко-этнографическом введении «Повести временных лет» однократно отмечается устойчивое выражение *по мнозѣхъ же временѣхъ* в значении ‘спустя много времени’. Значительно чаще в летописях используется сочетание со словом *мало*:

(2) По **мнозѣхъ же временѣхъ сѣлѣ** суть словени по Дунаеви, где есть нынѣ Угорьская земля и Болгарьская (ПВЛ ИС);

(3) По **малѣ же времени** почаша вѣставити, новгородци у вѣчи на Святослава, про его злобу (КЛ);

(4) Рюрикъ же воротися Киеву, **малу же времени** минувшу, и приведоша Кормиличича (ГЛ).

Слово *врѣмя* регулярно фиксируется в летописях в составе синтаксического оборота «дательный самостоятельный», пришедшего из старославянского языка. Конструкция выражала прежде всего временное значение, поэтому употребление самой лексемы *врѣмя* в ее составе закономерно. Наиболее часто в таких оборотах используется причастие от глагола *минути* в значении, имеющем отношение к движению времени, ‘пройти, истечь, окончиться’.

В качестве устойчивых определений к слову *врѣмя* в летописях выступают также относительные прилагательные *постъное* и *последнее*. Терминологическое сочетание религиозного характера *постъное время* имело значение ‘время поста’, сочетание *последние времена* реализовывало значение, связанное с эсхатологическим представлением о конце света.

В подавляющем большинстве случаев слово *врѣмя* входило в конструкции с предлогами *въ* и *до*. Слово *врѣмя* могло выступать и вне предложных конструкций с более конкретным значением ‘срок, указанное, назначенное время’:

(5) Ингворъ же не приспѣ приехати к нимъ, не бе бо приспело **врѣмя** его (НЛС).

Из производных от основы *врѣмя* форм в летописях древнейшего периода отмечается только прилагательное *врѣменьнии*, которое фиксируется 5 раз. Уже в древности данный адъектив выражал значение ‘не всегда, не вечно существующий’ и вытекающее из него ‘земной, преходящий’ в противоположность загробному, вечному. Данное значение реализуется при описании событий из жизни князей, при их характеристике с использованием параллелей с текстами Псалтири:

(6) И егда приспѣ конѣць ему **временнаго** сего и многмятежнаго жития, тихо и безмолвно преставися (СЛ);

(7) Покаянье Давыдово приимаю, плачася о грисѣхъ своих, възлюбивъ нетлѣнная паче тлѣнныхъ, и небесная паче **врѣмѣнныхъ** (КЛ).

Другой лексемой темпоральной семантики в летописных текстах является слово *вѣкъ*. Его внутренняя форма этимологически связана с представлением о силе, здоровье. Слово *вѣкъ* «родственно лит. *viėkas* ‘сила, жизнь’, *veikių*, *veikti* ‘действовать, делать’, *veikus* ‘проворный, быстрый’, *veiklus* ‘деятельный, активный, деловой’, *vỹkis* м. ‘жизнь, живость’» (Фасмер). В отличие от слова *врѣмя*, обозначающего длительность, последовательность событий, слово *вѣкъ* имело первоначально более конкретный смысл ‘определенный период времени, эпоха’, ‘период существования кого-либо, чего-либо, жизнь’. Однако в средневековом сознании для слова *вѣкъ* было характерно значение ‘вечность’ [Вендина, 2002, с. 200], связанное с эсхатологической концепцией бытия и сопряженное с сакральной, божественной областью, обозначением жизни по другую сторону времени. «Появление новых религиозных смыслов у существовавших и в дохристианский период лексем было объективным процессом наполнения их новым концептуальным содержанием» [Ерофеева, Усманова, 2023, с. 437].

В древнерусских летописях слово *вѣкъ* отмечается в два раза реже, чем *врѣмя* (78 раз), однако отличается более разнообразными синтагматическими связями. В устойчивых сочетаниях с атрибутивами *оныи*, *будущии*, *послѣднии*, *бесконечнии* реализуется представление о загробной, вечной жизни. В летописных текстах слово *вѣкъ* использу-

ется в стандартных конструкциях, в которых противопоставляется земной (*сии*) и будущий (*оныи*) век:

(8) То и сдѣ казнѣ приимають, и на ономъ **вѣцѣ** мукою вѣчную (НЛС);

(9) Приимуть мѣсть от Бога вседѣржителя, осужение и на погибель и в сии **вѣкъ** и в будущи» (ПВЛ ИС).

Предложно-падежные конструкции с темпоральными предлогами: *въ вѣкъ*, *въ вся вѣкы*, *до конца вѣка*, *въ вѣкы вѣчныя* и под. – выражают наречную семантику ‘всегда, вечно, навечно’. Значение ‘вечность’ реализуется также в устойчивом сочетании *бесконечныя вѣкы*. В разных летописях отмечается устойчивое, библейское выражение *князь вѣка сего*, называющее дьявола и указывающее на его значительное влияние на людей и противостояние с Богом во временном, земном мире:

(10) И миродержца **князя вѣка сего**, супротивника поправъ дьявола и его козни (СЛ).

Наиболее явно соотнесенность слова *вѣкъ* с идеей божественного, вневременного мира отражается в производном от данной основы прилагательном *вѣчныи* ‘вечный, нескончаемый, не перестающий существовать’ (24 примера). Данное значение реализуется в устойчивых сочетаниях: *вѣчная память*, *вѣчная казнѣ*, *пустыня вѣчная*, *вѣчная мука*, *огнь вечныи*, *радость вечная*, *жизнь вечная*. В контекстах военного содержания актуализируется иной компонент значения прилагательного *вѣчныи* ‘долговременный, рассчитанный на большой срок’, отражая светское значение производящего существительного *вѣкъ* ‘определенный период времени’. В данном значении оно выступает в летописях древнерусского периода всего в 1 случае в устойчивой конструкции со словом *миръ* в форме винительного падежа, выражающего объект действия: *докончаша миръ вѣчныи* (НЛС).

Наиболее обобщенное представление о времени заложено в лексемах *врѣмя* и *вѣкъ*, участвующих в реализации концептуальной оппозиции временного, земного и вечного, загробного. Характеризуя мир древнерусской литературы, выдающийся культуролог Д.С. Лихачев подчеркивал: «С точки зрения

древнерусских книжников, временное – лишь проявление вечного, но практически в литературных произведениях они показывают скорее другое: важность временного» [Лихачев, 2022, с. 358–359].

Автор-летописец осознавал значительность описываемых исторических событий, необходимость их точной фиксации, поэтому наибольшей частотностью употребления в летописях обладали темпоральные субстантивы с более конкретным значением. Слово *годъ*, зафиксированное в летописях 27 раз, этимологически связано с *годити* ‘удовлетворять, подходить’ и первоначально значило ‘подходящее время’ (Шанский). Далее значение слово расширяется до ‘время вообще’ и затем сужается до обозначения точного времени полного оборота земли вокруг солнца, календарного отрезка в 365 дней. С наиболее широким первичным значением ‘время, пора’ слово *годъ* отмечается в единичных примерах:

(11) Егда же бываетъ **годъ** молитвы, мало ихъ обрѣтается в церкви (ПВЛ).

В летописях слово *годъ* регулярно фиксируется в составе устойчивых темпоральных конструкций с предлогами: *годъ до года* ‘ежегодно’, *отъ года до года* ‘в течение всего года’.

Производное от слова *годъ* с помощью суффикса *-ин(а)* существительное *година* употребляется в летописях 3 раза. В древнерусском языке оно обладало сходным набором значений: ‘время, пора’, ‘определенный промежуток времени, час’ и специализированное в сакральной сфере значение ‘время церковной службы’:

(12) Заутрени суще **годинѣ**, пристрои ратиборъ отроки въ оружьи (ПВЛ ЛС).

Этимологическая история слова *часъ* (70 примеров) похожа на историю слова *годъ*. В древности оно было связано с глаголом *чати* (*чаяти*) в значении ‘ждать’. «*Час* исходно – ‘время’. Аналогичное развитие значения отмечается в *год* ‘время’» (Шанский). Первоначально слово *часъ* обозначало время ожидания, затем время вообще и наконец единицу времени, равную 60 минутам. Во всех указанных значениях слово отмечается в летописях. *Часъ* в значении ‘время’:

(13) Како въводи архангела Михаила персемь в **часъ** прогнѣванья наша ради свободы (ПВЛ ИС).

Часъ в значении ‘соответственное время’:

(14) И ять будетъ в томъ **часѣ** тать, егда татьбу створит (ПВЛ ИС).

Часъ в более узком значении ‘час, мера времени’, ставшем основным значением слова вплоть до настоящего времени:

(15) Въ вторую субботу по Пасцѣ въ 2 **час** дни, и предасть душу в руцѣ Божии (ПВЛ ИС).

И, наконец, *часъ* в специализированном значении ‘часы церковной службы’ (как и *година*) употребляется в религиозном контексте – в «Сказании о Печерском монастыре» 1051 г.:

(16) И приходя с Берестового, отпеваше **часы** и моляшеся ту Богу втаинѣ (ПВЛ, ИС).

Как и другие лексемы темпоральной семантики, слово *часъ* часто фиксируется в сочетаниях с указательными местоимениями: *тотъ часъ* ‘тогда’, *сии часъ* ‘в это время’.

В древнерусских летописях постоянно используются наименования меньших, чем год, временных отрезков: *мѣсяць*, *недѣля*, *днь*. Одной из самых частотных лексем является слово *мѣсяць*, оно отмечается в древнерусских летописях 692 раза. При этом в Новгородской I летописи 145 раз, в «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку – 116 раз, в Суздальской летописи – 219 раз. В соответствии с этимологией данный темпоральный термин имел первоначальное значение ‘луна’, так как с древнейших эпох время измерялось по фазам луны. «Восходит к и.-е. **mēs-* (из **mēns-*), как и др.-инд. *mās-*, *māsas* м. ‘месяц; луна’, лат. *mēnsis* ‘месяц’» (Фасмер). В этом первичном значении слово отмечается в летописях при описании явлений природы:

(17) В се же лѣто бысть знамение: погibe солнце и бысть яко **мѣсяць**, егоже глаголють не вѣгласи снѣдаемо солнце (ПВЛ ИС).

Однако гораздо чаще лексема *мѣсяць* в летописях используется в значении ‘месяц’

как единица исчисления времени», при этом часто с указанием на конкретные месяцы происходивших событий, так как точная хронология – важнейшее качество летописных статей.

В летописях используются также производные от слова *мѣсяць* синонимичные лексемы *мѣсячина* (3 примера) с суффиксом *-ин(а)* и субстантивированное прилагательное *мѣсячное* (5 примеров) в значении ‘содержание, выдаваемое на месяц, помесечно’.

Следующей единицей измерения времени является *недѣля* (226 примеров). Этимологически слово образовано от сочетания *не дѣлати*. «Старшее значение ‘день неделания (отдыха)’, ‘воскресенье’. Новообразование эпохи христианизации славян. Значение ‘неделя’ выражалось (у православных славян) словом *седмица*» (Черных, 1999, с. 566). В летописях фиксируется как в первичном значении ‘воскресенье’, так и в появившемся в результате расширения значения ‘семидневный срок’:

(18) Аще ли будяше нужное орудье, то окончемъ малымъ бесѣдоваше, в субботу ли в **недѣлю**, а во ины дни пребываше в постѣ и в молитвах (ПВЛ ЛС);

(19) И стояше около города **недѣль** 9 и разделишася надвое (ПВЛ ИС).

В летописях слово *недѣля* чаще всего употребляется в составе терминологических сочетаний с определениями церковного содержания: *великая, сыропустная, мясопустная, страстная, святая, масляная, цветная, вербная* и др. В данных сочетаниях указывается либо на семидневный срок, либо на воскресенье перед или после важных религиозных праздников. В соответствии с картиной мира эпохи Средневековья отсчет временных отрезков в соответствии с церковными событиями несет важное идеологическое и символическое значение, так как все события рассматриваются как протекающие в контексте грядущего конца мира.

Производным от *недѣля* является прилагательное *недѣльными*, имеющее значение ‘относящийся к воскресенью’ и во всех 13 случаях употребленное в сочетании *день недѣльными* ‘воскресенье’.

Следующим временным отрезком, получившим отражение в летописных текстах, является *дѣнь* (1 172 употребления). Как и

другие темпоральные термины, слово имеет несколько взаимосвязанных значений с большей или меньшей степенью конкретизации. В качестве первого значения в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» указывается ‘день’ (‘часть суток от утра до вечера (часть суток от восхода солнца до захода)’); второе значение ‘сутки’; третье значение связано с очень значимым для летописных текстов указанием на дату празднования памяти святых или евангельских событий: *великъ дѣнь, Петровъ дѣнь, Васильевъ дѣнь* и под.; четвертое значение наиболее широкое ‘время, пора, период’ (в современном русском языке в таком значении известно только при употреблении во множественном числе *в дни войны*).

Слово *дѣнь* входит в состав устойчивых сочетаний, среди которых *дѣнь и ночь* в значении ‘беспрерывно, в течение суток’, *до сего дѣня* ‘до сих пор’, *по вся дѣни* ‘ежедневно’.

Образованное от основы *дѣнь* прилагательное *дѣневъный* в 2 примерах из 4 используется в сочетании с антонимическим прилагательным *дневъный и ночьюный*. Кроме того, в летописях отмечаются производные от основы *дѣнь* существительные *дѣнина* (2 примера) ‘целый день’, *дѣньница* ‘утренняя звезда, а также заря’, прилагательное *дѣнешъный* ‘сегодняшний, этого дня’, наречие *дѣньсь* (18 примеров) ‘в этот день, сегодня’. Образования с корневым *дѣн-* отмечаются в тавтологическом сочетании *дѣнешъный дѣнь* ‘нынешний день’:

(20) Тако и си: пѣрвѣе владѣша, а послѣдѣ самѣми владѣют; якоже и бысть: володѣють бо козары русьстии князи и до **днешняго дне** (ПВЛ ИС).

Наименования времен года как отдельная подкатегория внутри языковой категории времени активно используются в рамках летописных источников. Самой частотной темпоральной лексемой в летописях является слово *лѣто*, употребленное 2 556 раз, остальные номинации времен года отмечаются реже: *зима* – 262 раза, *весна* – 55 раз, *осень* – 65 раз. Значительное преобладание слова *лѣто* в летописных текстах объясняется совокупностью его значений. *Лѣто* в древнерусском языке наряду с обозначением времени года употреблялось также в значении ‘год’. В первобытном обществе года считались по циклам земледелия, по-

этому отсчет шел от лета, как самого теплого времени года, поры урожая. Само название памятника – *лѣтопись* – включает в качестве первой части основу *лѣт-* в этом значении, поскольку в нем события излагаются по годам (по летам). Каждая погодная статья начинается традиционным зачином *въ лѣто*, потому самым типичным значением для летописного текста является ‘год’. Слово *лѣто* могло иметь и более широкое значение ‘время’, например, в составе устойчивого выражения *по сихъ же лѣтѣхъ* ‘по прошествии времени’. Значение ‘лето’ реализуется значительно реже, преимущественно в контекстах военного содержания:

(21) И стоя Ольга **лѣто** цѣло, и не можаше взяти города (ПВЛ ИС).

В Киевской летописи отмечается производный глагол *лѣтовати* ‘проводить лето в каком-либо месте’, не сохранившийся в русском языке (ср. *зимовати*):

(22) Посем же посла Святославъ, ко Давыдови Смоленську река, рекли бяхомъ, поити на половци, и **лѣтовати** на Донѣ (КЛ).

Производные сложные слова с основой *лѣт-* – *лѣтописание* (4 примера) и *лѣтописецъ* (3 примера) в значении ‘летопись’.

Практически в 10 раз реже употребляется слово *зима*. Совокупность значений данной лексемы отличается от современных: ‘зима’, ‘холод, стужа, мороз’, ‘озноб’. В основном в летописях отмечается в значении времени года:

(23) Зане бысть **зима** люта велми, и учиниша землю пусту всю, се же наведе на ны Богъ грѣхъ ради нашихъ (ВЛ).

Реже – в метонимическом значении ‘мороз’:

(24) Овы вяжемы и пятами пхаем, и на **зимѣ** держими и ураняеми (ПВЛ ЛС).

Производный глагол *зимовати* ‘зимовать, жить зимой’ употребляется 13 раз. 1 раз в Суздальской летописи употребляется слово *зимовище* в значении места действия ‘место, где зимуют, занимаются зимой каким-то промыс-

лом’. Прилагательное *зимьнии* с суффиксом *-ьн-* используется 1 раз в Новгородской I летописи. Наречие *зимусь* в значении ‘прошлой зимой’ встречается 1 раз в Суздальской летописи.

Существительные *весна* и *осень*, в отличие от *лѣто* и *зима*, имели одно основное значение ‘весна, время года между зимой и летом’ и ‘осень, время года между летом и зимой’. Во внутренней форме слова *осень* заложен прагматический смысл: по мнению этимологов, оно имело исходное значение ‘время жатвы’. «Родственно готск. *asans* ‘жатва’, др.-прус. *assanis* и др.» (Шанский). Внутренняя форма слова *весна* апеллирует к эмоциональному восприятию периода пробуждения природы, времени тепла и света, начала сельских работ, столь важных для выживания человека. «Суф. производное от той же основы (*вес-*), что и *веселый*, др.-инд. *vasantás* ‘весна’, латышск. *vasara* ‘лето’ и т. д. Буквально – ‘время, когда живет хорошо’» (Шанский). В летописях лексемы *весна* и *осень* используются преимущественно в наречных конструкциях с предлогом *на*: *на весну*, *на осень* – или с указательным местоимением *тѣ*:

(25) Тое же **весны** приходиша Половци к Переяславу (СЛ).

Согласно религиозной концепции мироздания, отраженной в цитатах из произведений церковных писателей, в частности Елифания Кипрского, стихии и климатические условия имеют божественную природу и управляются ангелами:

(26) Ангель **зимы**, и зноеви, и **осени**, и **весны**, и **лѣта**, всему духу твари его на земли, и тайныя бездны, и суть скровены подъ землею, и преисподнии тмы, и сущи врѣху безны, бывшия древле верху земля, от неяже тмы, **вечерь**, и **нощь**, и **свѣтъ**, и **день** (ПВЛ ИС).

В религиозных философских контекстах высшей силе приписывается способность управлять природными и временными циклами. При этом проводится параллель между преобразованиями в природе и в духовном мире человека:

(27) Творяи вся премудрено, творяи от **нощи днь**, а от **зимы весну**, и от бури тишину, и от сушати чю (СЛ).

На рисунке представлено количество употреблений основных лексем темпоральной семантики, зафиксированных в древнерусских летописях, по данным Национального корпуса русского языка.

Выводы

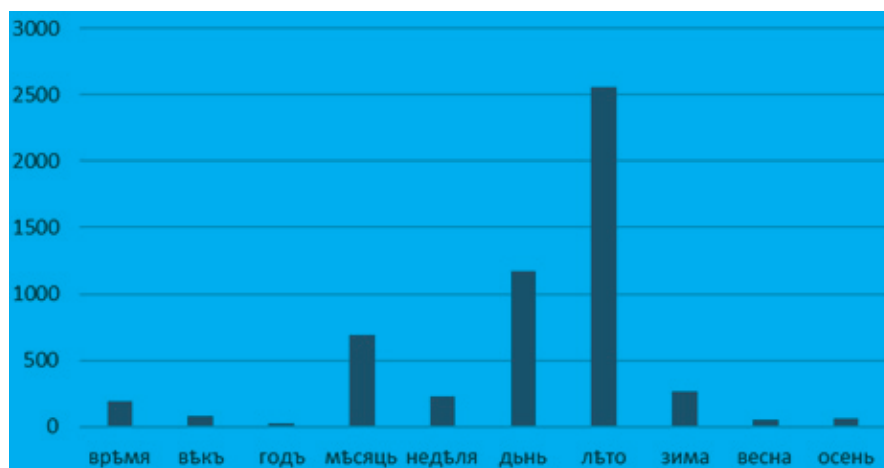
Таким образом, лексемы темпоральной семантики представляли собой значимый компонент летописного повествования. Пристальное внимание летописца к констатации конкретных исторических событий обуславливало использование темпоральных лексем в их привязке к событиям земной, мирской жизни для указания на даты и время произошедших исторических событий. В то же время регулярные семантические модификации темпоральной лексики, развитие переносных значений в направлении расширения семантики делало возможным их употребление для номинации событий божественного, сакрального характера. В историческом аспекте темпоральная лексика была важным маркером сохранения памяти о произошедших событиях, в религиозном – значимым компонентом в процессе формирования христианского мировоззрения и отражающего его правильного поведения в свете эсхатологической концепции бытия.

Самой частотной лексемой с временной семантикой являлось слово *лѣто*, прежде всего в значении ‘год’, что было связано с построением летописного текста, включавшего описание событий по годам. Для указания на конкретный день недели, количество дней военных событий использовалось второе по частотности слово *днь*. Кроме того, оно, как и слово *недѣля*, входило в состав названий религиозных праздников почитания святых. В соответствии с картиной мира эпохи Средневековья измерение времени в связи с церковными событиями несло важное идеологическое и символическое значение, так как все явления рассматривались как происходящие в контексте грядущего конца мира. Третью позицию занимало слово *мѣсяць*, применявшееся для указания на время или длительность исторических событий.

Для летописных текстов, отличавшихся внелитературным характером, лишенных светской эстетики, были свойственны схематизм и условность семантики конструкций с темпоральными лексемами, повторяемость грамматических форм, ограниченность синтагматических связей определениями религиозного значения. Такие лексемы в древнерусских летописях употреблялись прежде всего в сочетаниях с темпоральными

Количество употреблений лексем темпоральной семантики в древнерусских летописях по данным НКРЯ

Number of uses of lexemes with temporal semantics in Old Russian chronicles according to the Russian National Corpus data

предлогами и указательными местоимениями *тъ / съ*, обозначающими степень отдаленности – близости временного отрезка. Производные образования от субстантивных основ темпорального значения были представлены

в летописях преимущественно адъективными формами, а также субстантивами с конкретно-предметным значением, часто специализированным в религиозной сфере, или наречиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вендина Т. И., 2002. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. Москва : Индрик. 336 с.
- Гуревич А. Я., 1972. Категории средневековой культуры. Москва : Искусство. 320 с.
- Данилевский И. Н., 2004. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. Москва : Аспект-Пресс. 370 с.
- Ерофеева И. В., Усманова Л. А., 2023. Летописный дискурс сквозь призму когнитивного подхода // Когнитивные исследования языка. № 3-2 (54). С. 436–441.
- Колесов В. В., 2005. История русского языка. Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ ; Москва : Академия. 672 с.
- Колесов В. В., 2011. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 4. Мудрость слова. Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ : Нестор-История. 480 с.
- Лихачев Д. С., 1971. Поэтика древнерусской литературы. Ленинград : Худож. лит. 416 с.
- Лихачев Д. С., 2022. Первые семьсот лет русской литературы // Избранные труды по русской и мировой культуре. Санкт-Петербург : СПбГУП. С. 347–376.
- Лопушанская С. П., 2006. Слово «православие» в лингвокультурологическом аспекте // Грани русистики: филологические этюды : сб. ст., посвящ. 70-летию проф. В.В. Колесова. Санкт-Петербург : Филол. фак. С.-Петербург. ун-та. С. 78–83.
- Лопушанская С. П., 2013. Закономерности сочетаемости морфем (на материале русских глаголов движения) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 3 (19). С. 236–242.
- Николаева Е. А., 2007. Время в языковой картине мира // Вестник Оренбургского государственного университета. № 9. С. 72–75.
- Рябцева Н. К., 1997. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка: язык и время. Москва : Индрик. С. 78–95.
- Соболева М. Е., 2019. Время как смысл и смысл как время: о трансцендентальных основаниях времени // Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. Т. 14, № 3 (191). С. 52–63.
- Туманова А. Б., Павлова Т. В., Зуева Н. Ю., 2019. Категория времени в современной науке: анализ и интерпретация // Неофилология. Т. 5, № 18. С. 131–138. DOI: 10.20310/2587-6953-2019-5-18-131-138
- Ужанков А. Н., 2008. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII в. Теория литературных формаций. Москва : Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького. 528 с.
- Ужанков А. Н., 2022. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. Москва : Ин-т Наследия. 212 с. DOI: 10.34685/NI.2022.86.40.004
- Федосеева Л. Н., 2018. Пространство и время в русской языковой картине мира // Культура и цивилизация. Т. 8, № 5а. С. 271–276.
- Яковлева Е. С., 1994. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени восприятия). Москва : Гнозис. 344 с.

ИСТОЧНИКИ

- ВЛ* – Волынская летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CkQiIAoeChwKA3VyBIVChN2b2xoeW5pYW4vdm9saHluaWFuKhkKCAgAEAoYMiAKIABABWoEMC45NXgAoAEBMgIIDzoBBg%253D%253D>
- ГЛ* – Галицкая летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CkLiHgocChoKA3VyBIBITChFnYWxpY2lhbi9nYWxpY2lhbioZCgglABAKGDIgCiAAQAVqBDAuOTV4AKABATICCA86AQY%253D>

- КЛ – Киевская летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CjoiFgoUChIKA3VyBILCglraWV2L2tpZXYqGQoICAAQChgyIAogAEAFagQwLjk1eACgAQEyAggPOgEG>
- НЛС – Новгородская I летопись по Синодальному списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=Ck4iKg0oCiYKA3VyBIfCh1ub3Znb3JvZF9maXJzdC9ub3Znb3JvZF9maXJzdCoZCggIABAKGDIgCiAAQAVqBDAuOTV4AKABATICCA86AQY%253D>
- ПВЛ ИС – Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CjgiFAoSChAKA3VyBIIJCgdwdmwvcHZsKhkKCAgAEAOYMiAKIABABWoEMC45NXgAoAEBMgIIDzoBBg%253D%253D>
- ПВЛЛС – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=Cj0iGQoXChUKA3VyBIIOCgxwdmwvbGF2cl9wdmwqGQoICAAQChgyIAogAEAFagQwLjk1eACgAQEyAggPOgEG>
- СЛ – Суздальская летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=Cj4iGgoYChYKA3VyBBIPCglzdXpkYWwvc3V6ZGFsKhkKCAgAEAOYMiAKIABABWoEMC45NXgAoAEBMgIIDzoBBg%253D%253D>

СЛОВАРИ

- Ожегов – Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/>
- Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 30 т. Москва : Наука, 1975–2019. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>
- Фасмер – Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>
- Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. Москва : Рус. яз., 1999. 624 с.
- Шанский – Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. Москва : Дрофа, 2004. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/>

REFERENCES

- Vendina T.I., 2002. *Srednevekovyj chelovek v zerkale staroslavjanskogo jazyka* [Medieval Man in the Mirror of the Old Church Slavonic Language]. Moscow, Indrik Publ. 336 p.
- Gurevich A.Ja., 1972. *Kategorii srednevekovoj kultury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ. 320 p.
- Danilevskij I.N., 2004. *Povest vremennykh let: germenevticheskie osnovy istochnikovedenija letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: Hermeneutic Foundations of Source Studies of Chronicle Texts]. Moscow, Aspekt-Press Publ. 370 p.
- Erofeeva I.V., Usmanova L.A., 2023. Letopisnyj diskurs skvoz prizmu kognitivnogo podkhoda [Chronicle Discourse Through the Prism of Cognitive Research]. *Kognitivnye issledovaniya jazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 3-2 (54), pp. 436-441.
- Kolesov V.V., 2005. *Istorija russkogo jazyka* [History of the Russian Language]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU; Moscow, Akademija Publ. 672 p.
- Kolesov V.V., 2011. *Drevnjaja Rus: nasledije v slove. V 5 kn. Kn. 4. Mudrost slova* [Old Rus: Heritage in a Word. In 5 Boos. Book 4. The Wisdom of the Word]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU; Nestor-Istoriya Publ. 480 p.
- Likhachev D.S., 1971. *Poetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Leningrad, Khudozh. lit. Publ. 416 p.
- Likhachev D.S., 2022. *Pervye semstot let russkoj literatury* [The First Seven Hundred Years of Russian Literature]. *Izbrannyje trudy po russkoj i mirovoj kulture* [Selected Works on Russian and World Culture]. Saint Petersburg, SPbGUP Publ., pp. 347-376.
- Lopushanskaja S.P., 2006. Slovo «pravoslavije» v lingvokulturologicheskom aspekte [The Word “Orthodoxy” in the Linguocultural Aspect]. *Grani rusistiki: filologičeskije etjudy: sb. st., posvjashch. 70-letiju prof. V.V. Kolesova* [Facets of Russian Studies: Philological Studies. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.V. Kolesov]. Saint Petersburg, Filol. fak. S.-Peterb. un-ta, pp. 78-83.

- Lopushanskaja S.P., 2013. Zakonomernosti sochetaemosti morfem (na materiale russkikh glagolov dvizhenija) [Patterns of Morpheme Compatibility (Based on Russian Verbs of Motion)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (19), pp. 236-242.
- Nikolajeva E.A., 2007. Vremja v jazykovoj kartine mira [Time in the Linguistic Picture of the World]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], no. 9, pp. 72-75.
- Rjabtseva N.K., 1997. Aksiologicheskie modeli vremeni [Axiological Models of Time]. *Logicheskij analiz jazyka: jazyk i vremja* [Logical Analysis of Language: Language and Time]. Moscow, Indrik Publ., pp. 78-95.
- Soboleva M.E., 2019. Vremja kak smysl i smysl kak vremja: o transtsendentalnykh osnovanijakh vremeni [Time as Meaning and Meaning as Time: On the Transcendental Foundations of Time]. *Izvestija Uralskogo federalnogo universiteta. Serija 3. Obshchestvennyje nauki* [Ural Federal University Bulletin. Series 3. Social Sciences], vol. 14, no. 3 (191), pp. 52-63.
- Tumanova A.B., Pavlova T.V., Zujeva N.Ju., 2019. Kategorija vremeni v sovremennoj nauke: analiz i interpretatsija [The Category of Time in Modern Science: Analysis and Interpretation]. *Neofilologija* [Neophilology], vol. 5, no. 18, pp. 131-138. DOI: 10.20310/2587-69532019-5-18-131-138
- Uzhankov A.N., 2008. *Stadialnoje razvitije russkoj literatury XI – pervoj treti XVIII veka Teorija literaturnykh formatsij* [Stage-By-Stage Development of Russian Literature of the 11th – First Third of the 18th Century. Theory of Literary Formations]. Moscow, Lit. in-t im. A.M. Gorkogo. 528 p.
- Uzhankov A.N., 2022. *Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. Kategorii russkoj srednevekovoj kultury* [The Worldview of an Old Russian Scribe. Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow, In-t Naslediya Publ. 212 p. DOI: 10.34685/HI.2022.86.40.004
- Fedosejeva L.N., 2018. Prostranstvo i vremja v russkoj jazykovoj kartine mira [Space and Time in the Russian Linguistic View of the World]. *Kultura i tsivilizatsija* [Culture and Civilization], vol. 8, no. 5a, pp. 271-276.
- Jakovleva Je.S., 1994. *Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni vosprijatija)* [Fragments of the Russian Linguistic Picture of the World (Models of Space and Time of Perception)]. Moscow, Gnozis Publ. 344 p.

SOURCES

- Volynskaja letopis* [Volyn Chronicle]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CkQiIAoeChwKA3VyBIVChN2b2xoeW5pYW4vdm9saHluaWFuKhkKCAgAEAoYMiAKIABABWoEMC45NXgAoAEBMgIIDzoBBg%253D%253D>
- Galitskaja letopis* [Galician Chronicle]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CkLiHgocChoKA3VyBITChFnYWxpY2lhb9nYWxpY2lhb9nZCggIABAKGDIgCiAAQAVqBDAuOTV4AKABATICCA86AQY%253D>
- Kijevskaja letopis* [Kyiv Chronicle]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CjoiFgoUChIKA3VyBILCglraWV2L2tpZXZYqGQoICAAQChgyIAogAEAFagQwLjk1eACgAQEyAggPOgEG>
- Novgorodskaja I letopis po Sinodalnomu spisku* [Novgorod First Chronicle According to the Synodic List]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=Ck4iKgooCiYKA3VyBIfCh1ub3Znb3JvZl9maXJzdC9ub3Znb3JvZl9maXJzdCoZCggIABAKGDIgCiAAQAVqBDAuOTV4AKABATICCA86AQY%253D>
- Povest vremennykh let po Ipatjevskomu spisku* [The Tale of Bygone Years According to the Ipatiev List]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CjgiFAoSChAKA3VyBIIJCgdwdmwvcHZsKhkKCAgAEAoYMiAKIABABWoEMC45NXgAoAEBMgIIDzoBBg%253D%253D>
- Povest vremennykh let po Lavrentjevskomu spisku* [The Tale of Bygone Years According to the Laurentian List]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=Cj0iGQoXChUKA3VyBIIOCgxwdmwvGF2cl9wdmwqGQoICAAQChgyIAogAEAFagQwLjk1eACgAQEyAggPOgEG>
- Suzdalskaja letopis* [Suzdal Chronicle]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=Cj4iGgoYChYKA3VyBBIPCGlzdXpkYWwvc3V6ZGFsKhkKCAgAEAoYMiAKIABABWoEMC45NXgAoAEBMgIIDzoBBg%253D%253D>

DICTIONARIES

- Tolkovyy slovar russkogo jazyka Ozhegova S.I.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language by S.I. Ozhegov]. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/>

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.: v 30 t. [Dictionary of the Russian Language 11th–17th Centuries. In 30 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2019. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>

Etimologicheskij onlayn-slovar russkogo jazyka Maksa Fasmera [Online Etymological Dictionary of the Russian Language by Max Vasmer]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>

Chernykh P.Ja. *Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo jazyka: v 2 t. T. 1* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1999. 624 p.

Shanskij N.M. *Etimologicheskij onlajn-slovar russkogo jazyka* [Etymological Online Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Drofa Publ., 2004. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/>

Information About the Author

Irina V. Erofeeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian Language and Methods of Its Teaching, Kazan Federal University, Kazan, Russia, erofeeva89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>

Информация об авторе

Ирина Валерьевна Ерофеева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, erofeeva89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.10>

UDC 81'37:26-246/-247

LBC 81.053.1

Submitted: 15.01.2026

Accepted: 20.03.2026

LEXICAL MEANS OF DESCRIBING MIRACLES IN HAGIOGRAPHIES OF ZOSIMAS AND SABBATIUS OF SOLOVKI

Evgeniya G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Irina A. Safonova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article features linguistic means used for describing the miracles of saints in hagiographic texts. The study focuses on lexical units with the semantics of perception and emotion, exemplified by hagiographic texts depicting the lives of *Zosimas and Sabbatius of Solovki*. It is revealed, that the accounts of miracles employ the verbs of visual and auditory perception: the verbs of visual perception are necessary for confirming the occurrence of a miracle by describing its observation, while the verbs of auditory perception are required for proving the instance of a miracle through eyewitnesses' accounts or the perception of scent. Emotive vocabulary is noted to serve as a constitutive element of a hagiographic narrative, fulfilling didactic, plot-forming, and text-structuring functions: by means of emotive vocabulary the normative models of godliness are transmitted, crisis situations and their miraculous resolutions are marked, the ethical and semantic structures of the narrative are produced. The study identifies some patterns of interaction between perceptual and emotive vocabulary in the descriptions of miracles. Particular attention is paid to the way these lexical units legitimate the miracle, lend it credibility, and integrate it into a system of religious senses. The analysis of the lexical units with semantics of perception and emotions has enabled the authors to describe the dominant mechanism in the poetics of hagiographic miracle narratives. It reveals the ways in which the sacred was linguistically conceptualized in medieval culture.

Key words: perceptual vocabulary, emotive vocabulary, lexical semantics, functioning, hagiographic text, genre, miracles of saints.

Citation. Dmitrieva E.G., Safonova I.A. Lexical Means of Describing Miracles in Hagiographies of Zosimas and Sabbatius of Solovki. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 118-136. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.10>

УДК 81'37:26-246/-247

ББК 81.053.1

Дата поступления статьи: 15.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ЧУДЕС В ЖИТИИ ЗОСИМЫ И САВВАТИЯ СОЛОВЕЦКИХ

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Ирина Александровна Сафонова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы языковые средства описания чудес святых в житийном тексте. Объект изучения составили лексические единицы с семантикой восприятия и эмоций. Исследование проведено на материале Жития Зосимы и Савватия Соловецких. Показано, что в рассказах о чудесах использованы глаголы зрительного и слухового восприятия: глаголы зрительной перцепции необходимы для подтверждения факта чуда через описание его созерцания, глаголы слуховой перцепции – для свидетельствования чуда через

рассказы людей или восприятие запаха. Выявлено, что эмотивная лексика выступает системообразующим элементом агиографического нарратива и реализует дидактическую, сюжетоформирующую и текстообразующую функции: с помощью эмотивной лексики транслируются нормативные модели благочестия, маркируются кризисные ситуации и их чудесное разрешение, выстраиваются этическая и смысловая структуры повествования. Определены модели взаимодействия перцептивной и эмотивной лексики в описаниях чудес. Особое внимание уделено тому, как данные единицы легитимируют чудо, придают ему достоверность и встраивают его в систему религиозных смыслов. Результаты анализа лексики восприятия и эмоций позволили охарактеризовать ключевой механизм поэтики житийного рассказа о чуде, раскрывающий способы языковой концептуализации сакрального в средневековой культуре.

Ключевые слова: перцептивная лексика, эмотивная лексика, лексическая семантика, функционирование, житийный текст, жанр, чудеса святых.

Цитирование. Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А. Лексические средства описания чудес в Житии Зосимы и Савватия Соловецких // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 118–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.10>

Нашему Учителю посвящается

Введение

Феномен чуда, традиционно относящийся к религиозной и философской сферам, изучается в филологии с разных точек зрения: в рамках литературоведения – как жанр и элемент сюжета, организующий нарратив и воплощающий архетипические представления о сверхъестественном (например, в сказках, мифах, религиозных текстах); в лингвосемiotике – как знак, отсылающий к трансцендентному или необычному и наполненный культурно-историческими смыслами; в филологической герменевтике – как смысловой центр текстов, подлежащих интерпретации; в прагмалингвистике – как речевой акт убеждения или воздействия; в когнитивистике – как концепт, ментальная модель, отражающая способы концептуализации необычного в языковой картине мира. Филология раскрывает чудо в качестве не только события, но и текстовой, знаковой и коммуникативной реальности, прослеживая его репрезентацию, интерпретацию и функции в языке и культуре – от древних мифов до современных медиадискурсов.

Описывая представления о чуде, закреплённые в религиозных текстах, исследователи отмечают важность нескольких его составляющих: непосредственно наблюдаемое «разрешение кризиса», «мгновенное преобразование», а также «эффект славы», предполагающий «удивление», «страх, ужас», «прославление» [Бондарь, 2023, с. 48–49]. По мне-

нию В.И. Карасика, в рамках коллективного языкового сознания выделяются три ключевых типа осмысления чуда: экзистенциальный, интерпретирующий чудо как знак божественного присутствия в мире; когнитивный, характеризующийся восприятием чуда как феномена, не поддающегося рациональному объяснению; адмиративный, сопровождающийся эмоциональной реакцией – удивлением и восхищением от созерцания чуда [Карасик, 2017, с. 32].

Чудо было неотъемлемой частью средневекового миропонимания: именно через него ярче всего проявлялась вера в то, что граница между земным и потусторонним мирами условна и проницаема. Средневековый человек жил не в «одном» мире: рядом с привычными для него живыми существами и предметами действовали сверхъестественные силы, рожденные религиозными представлениями и народными поверьями [Гуревич, 1972, с. 8].

Характеризуя различия в восприятии чуда современным и средневековым человеком, Ю.Е. Арнаутова пишет о том, что с позиции современного человека чудо воспринимается как нечто, нарушающее законы природы, но до эпохи схоластического рационализма (XII–XIII вв.) в христианской теологии не существовало противопоставления естественного и сверхъестественного. Опираясь на идеи Августина Блаженного, церковные авторы считали, что природа и чудеса – это творения Господа, а значит, весь космос по своей сути наделен способностью к чудесному. В силу ограниченности своих знаний человек не всегда

способен разглядеть Божественное чудо в обыденных явлениях, например в урожае или смене времен года, хотя эти процессы не менее удивительны, чем библейское умножение пяти хлебов Христом. Чтобы укрепить веру людей, Господь порой меняет привычный ход событий и посылает знаки своего присутствия. В обыденной жизни подлинный теологический смысл чуда (лат. *miraculum*) как Божественного откровения часто теряется. Его подменяет более поверхностное понимание «чудесного» (лат. *mirabilitas*), только как необычного и поразительного, вызывающего восхищение [Арнаутова, 2023, с. 6]. В этом смысле чудо – это не нарушение законов природы, а высшее, предельное исполнение этого закона [Рынковой, 2010, с. 52].

Чудо выступало жанрообразующим элементом ряда средневековых жанров [Смирнова, 2006]. Так, в древнерусских богородичных сказаниях чудом обычно называют либо таинственное событие с участием иконы, либо помощь, дарованную по молитвам перед ней [Садыков, 2024, с. 257–258]. В древнерусской агиографической традиции собственно чудо (событие, помощь и под.) и то содержание (сакральные смыслы), которое оно являет, осмысливались как неразделимое единство. Исследователи отмечают, что акценты при экспликации этого единства могли варьироваться. Когда внимание концентрировалось на самом чудесном действии – его драматизме и неожиданности, описывалось вызываемое им чувство ужаса. Напротив, если фокус смещался в сторону смысла, образов и откровений, заключенных в чудесных видениях, это приводило к тому, что такие эпизоды изображались в радостных, светлых, торжественных тонах [Первушин, Рыженков, 2018, с. 5].

В житийном тексте чудо играет важную роль, выступая ключевым маркером святости, призванным подтвердить духовную силу святого и божественное вмешательство в земные дела. В средневековых житиях чудо являлось неслучайной частью повествования о святом: в сознании людей той поры святой без чудес не мыслился. А.Н. Рыженков указывает, что лишь мученики составляли исключение: их подвиг, по древнему обычаю, не требовал подтверждения дивными знаменами [Рыженков, 2022, с. 3].

Житийные рассказы о чудесах представляют собой особые жанрово-литературные образования, которые могут быть охарактеризованы устойчивыми структурно-содержательными признаками. Так, К. Бондарь определяет контуры модели агиографического повествования о чудесах, выстраивая его как сюжетную цепочку. Сначала рассказчик вводит экспозицию, обозначая место действия и исходную ситуацию. Затем в повествовании возникает кризис. После святой может обратиться с увещаниями, отсылающими к общеизвестному прецеденту – чаще всего из Библии (этот элемент не является обязательным). Далее следует молитва, за которой наступает кульминационный момент – внезапное изменение, то есть собственно чудо. Завершается повествование описанием того, какое действие или воздействие оказало чудо [Бондарь, 2023, с. 57–58].

Принято разграничивать чудеса прижизненные и посмертные. При этом восходящая к библейским текстам традиция изображения чудес первоначально опиралась лишь на прижизненные чудеса, посмертные чудеса являются генетически вторичными.

Как установлено, прижизненные чудеса в русских житийных текстах имеют внутритекстовые параметры: «объект», «ситуация», «субъект», «коммуникация», «чудесное событие», «средство свершения» и «свидетель» чуда (см. об этом, в частности: [Рогожникова, Хоменко, 2020, с. 75; Хоменко, 2024, с. 12]).

Жанр посмертного чуда во всем его многообразии с конкретностью в описании бытовых подробностей, согласно И.В. Стародумову, сложился уже в древнерусской литературе. Исследователь характеризует общую жанрово-композиционную схему, которая лежит в основе всех типов посмертных чудес. Повествование начинается с «протокольной записи», где четко фиксируются обстоятельства чуда: когда, где и с кем оно произошло. Затем раскрывается причина нарушения гармонии – так называемый мотив беды. Далее следует обращение за помощью к святому, после чего происходит вмешательство божественных сил. Кульминацией становится восстановление нарушенного порядка: ситуация возвращается к состоянию гармонии. Завершается рассказ выражением благодар-

ности за оказанную помощь [Стародумов, 2009, с. 10–11].

Анализируя жития новгородских святых, Д.Б. Терешкина отмечает, что чудеса – важный датирующий признак редакции жития – изначально считались вспомогательной частью агиографического произведения, порой выбивающейся из общего контекста. Со временем их роль меняется: чудеса становятся центральными эпизодами житий; фокус смещается с фигуры святого на тех, с кем происходят чудеса; растет число чудес и детализация сведений о них: указываются место, дата (вплоть до дня и месяца), имена, социальное положение и происхождение участников, место жительства исцеленного. Многократное повторение однотипных чудес укрепляет славу святого. По стилю тексты о чудесах развиваются по-разному: приближаются к деловой письменности, сохраняют или развивают художественно-беллетристический стиль, сочетают список чудес с похвалой святому, которая теряет самостоятельное значение [Терешкина, 2023, с. 218].

При этом чудо как феномен выходит за рамки простого «события»: оно сопровождается рядом внешних проявлений, реакций персонажей, изменений в пространстве и состоянии объекта чуда (исцеление, видение, знамение, внезапное спасение и т. д.). Эти «симптомы» не только фиксируют сам факт чуда, но и передают его восприятие, а также эмоциональную реакцию (страх, трепет, изумление, благоговение), что становится важной частью коммуникативного замысла текста.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных жанровой и тематической структуре житий, языковое воплощение переживания чуда остается малоизученным, между тем именно его исследование дает возможность выявить: лексические маркеры чуда; грамматические средства выражения внезапности и сверхъестественности; образно-выразительные средства, создающие эффект предельности и выхода за границы обыденного; речевые стратегии свидетельства, подчеркивающие достоверность; прагмалингвистические маркеры, оформляющие финал рассказа и эксплицирующие его дидактическую функцию.

Анализ этих средств позволяет не только описать жанровые константы житийного рассказа о чуде, но и проследить эволюцию языкового представления чуда в исторической перспективе (от древнерусских житий к поздним агиографическим текстам), вариативность языковых моделей в зависимости от типа чуда (исцеление, видение, защита, воскрешение и т. д.), способы конструирования убежденности читателя в реальности чуда через текст.

Исследование речевого воплощения характеристик чуда в житийных рассказах значимо для углубленного понимания жанрово-стилистических особенностей агиографии, реконструкции языковой картины мира средневекового человека, выявления универсальных и культурно-специфичных способов вербализации сверхъестественного, развития методик лингвистического анализа религиозных текстов.

Обращение к средствам репрезентации чуда в житийном тексте объединяет достижения лингвистики, литературоведения и семиотики, позволяя раскрыть чудо не только как событие, но и как языковую реальность, организованную по своим законам.

Материал и методы

Источником для отбора языкового материала послужило Житие Зосимы и Савватия Соловецких, имеющее богатую рукописную традицию и являющееся до сих пор малоизученным текстом.

Житие известно в 360 списках 11 редакций, датируемых XVI–XVII вв. и находящихся в разных хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга (подробно о редакциях и списках Жития см.: [Минеева, 1999, с. 69–108]). Жития соловецких «начальников», по словам Д.С. Лихачева, «показывают постепенное нарастание требований к литературной “украшенности” житий и интенсивность работы по их литературной отделке» [Лихачев, 1980, с. 13].

Рассматриваемые в статье языковые факты были извлечены из текста Жития в редакции из состава Волоколамского сборника. Долгое время считалось, что эта редакция является первоначальной, созданной в 1503 г. митрополитом Киевским Спиридоном на основе

текста, подготовленного иноком Соловецкого монастыря Досифеем, учеником преп. Зосимы (см., например: [Дмитриева, 1991]). Именно такие сведения представлены в заключительной части текста – «Слове о создании жития основателей монастыря Соловецкого Зосимы и Савватия», написанной, по предположению Р.П. Дмитриевой, самим Досифеем [Дмитриева, 1991, с. 222].

Результаты анализа, проведенного С.В. Минеевой, позволили установить, что Волоколамская редакция Жития не является первоначальной, но представляет собой необычную доработку текста Жития на основе редакции, вошедшей в состав Великих Четых миней. Волоколамская редакция определена исследователем как Первая Дополненная редакция Жития, оставшаяся неизвестной последующим редакторам произведения, а потому сохранившаяся в единственном списке [Минеева, 1999, с. 79–84].

Волоколамская редакция содержит Житие Савватия и Житие Зосимы. Далее в статье мы, в соответствии со сложившейся в науке традицией, будем рассматривать Житие Савватия и Житие Зосимы как один агиографический текст.

Жанр чуда занимает значительное место в Житии. В его биографической части зафиксированы 8 прижизненных чудес и значительное количество посмертных чудес святых, сохранившихся в 67 рассказах по спискам Жития XVI–XVII веков. Описания чудес, в особенности посмертных, характеризуются богатством содержания и значительным тематическим разнообразием [Минеева, 2002, с. 501–602].

В центре нашего внимания находятся описания прижизненных и посмертных чудес соловецких святых. Описания прижизненных чудес входят в состав фрагментов Житий, посвященных жизни, подвигам преподобных, а также основанию и начальному периоду существования Соловецкого монастыря. Рассказы о посмертных чудесах сосредоточены преимущественно в отдельных частях Жития Зосимы и созданы в соответствии с традициями преподобнического жития. В этих частях Зосима, нередко вместе с Савватием, предстает перед теми, кому даровано созерцать незримое или слышать то, что не все могут воспринимать на слух. Тогда как рассказ о посмертном чуде,

представленный в завершающей части Жития Савватия, построен, по замечанию С.В. Минеевой, в соответствии с каноном греческого отшельнического жития [Минеева, 1999, с. 149–155].

Материалом для исследования послужили языковые единицы разной частеречной отнесенности, означающие восприятие и эмоции.

Из лексических единиц со значением восприятия особое внимание уделяется глаголам как словам, в семантике которых ситуация восприятия получает последовательное отражение. Глаголы восприятия рассматриваются нами как единицы, концептуализирующие фрагмент процессуально-событийной картины мира, связанный с получением информации об объективной действительности с помощью различных органов чувств, и формирующие отдельную лексико-семантическую группу, которая входит в состав лексико-семантического поля «действие» [Горбань и др., 2015, с. 242].

Лексика эмоций (глагольная и именная) понимается как совокупность слов, служащих для обозначения и описания эмоций, чувств и их внешних проявлений. Маркирующий признак, позволяющий отнести языковую единицу к данному лексическому множеству, – наличие в ее семантической структуре категориально-лексической семы ‘эмоциональное переживание’ [Горбань и др., 2015, с. 188].

Единицы с перцептивным и эмотивным значениями семантически связаны. Слово *чудо* восходит к праславянскому **čudo* с суффиксальным *-d-*, представляющему собой производное от глагола **čuti* (ЭССЯ, вып. 4, с. 128–129). Оба слова – **čuti* и **čudo* – имеют о.-с. корень **či-*, восходящий к **kju-*, который в свою очередь восходит к и.-е. **keu-* (**skeu-*) «проникаться уважением, почтением», «замечать» (ИЭС, с. 395, 398). Перцептивное значение «замечать» получило развитие в значениях, отражающих ситуацию восприятия в целом или восприятия, осуществляемого с помощью одного из органов чувств: болг. *чуя*, *чувам* ‘слышать’, ‘слушать’; макед. *чуе* ‘услышать’; чеш. *čítí* ‘чуять’, ‘чувствовать, ощущать’; слвц. *čít* ‘слышать’, ‘чувствовать’; в.-луж. *čiś*, *čiwaś* ‘чувствовать’, ‘чуять, нюхать’, ‘пробовать на вкус’; н.-луж. *сиś* ‘ощущать; щупать;

замечать, чувствовать; чують'; русск. *чують* 'чувствовать, ощущать, познавать чувствами, преимущ. обонянием', диал. *чушь* 'слышать' (арх., ворон., перм.), 'обонять' (арх.); укр. *чути* 'слышать', 'чують', 'чувствовать', *чува-ти* 'слыхать'; блр. *чуць* 'слышать, слыхать', 'чують' (ЭССЯ, вып. 4, с. 134–135). Как представляется, значение существительного *чудо*, определяемое в «Этимологическом словаре славянских языков» как 'явление, противоречащее законам природы и не объяснимое ими, но возможное вследствие вмешательства потусторонней силы' (ЭССЯ, вып. 4, с. 128), также восходит к «замечать»: что-либо может стать трудно объяснимым только в том случае, если будет воспринято кем-то с помощью органов чувств.

Синонимичным слову *чудо* в славянских языках является *диво*, для которого восстанавливается корень **div-* (с характерным для славянских языков расширителем *-v-*), восходящий к др.-инд. *dhī* 'созерцать, наблюдать'. В лексическом гнезде с **div-* (**diviti* (*se*), **divo*, **divota* и др.) нашли отражение два разнонаправленных процесса – сохранения древнего значения и его изменения. В современных славянских языках представлены как единицы с семантикой зрительного восприятия: чеш. *diviti se* 'смотреть, глядеть'; н.-луж. *žiwaś* 'смотреть, обратить взор, принять во внимание, смотреть с удивлением'; в.-луж. *džiwać* 'смотреть, глядеть, принимать во внимание'; русск. *дивиться* 'смотреть, глядеть' (сиб., новосиб., твер.), так и единицы с семантикой удивления: болг. *дивя* 'удивлять', *дивя се* 'удивляться'; макед. *диви се* 'дивиться, удивляться'; словен. *diviti se* 'удивляться, выражать удивление, изумление'; польск. *dziwić* 'удивлять'; русск. *дивиться* 'удивляться'; укр. *диво* 'диво, чудо, странное, удивительное или редкое явление'; блр. *дзіва* 'диво, чудо'; словц. *nie divota* 'неудивительно'; укр. *дивота* 'удивление', 'удивительная вещь'; блр. *дивота* 'сенсация', *дивоты* 'странности, причуды' (ЭССЯ, вып. 5, с. 31–35).

Приведенные данные свидетельствуют о взаимодействии в истории славянских языков лексических единиц с перцептивной и эмотивной семантикой.

Перспективным при изучении фактического материала представляется комплексный

подход, обоснованный в трудах С.П. Лопушанской и предполагающий обращение к разноуровневой семантике языковых единиц с учетом их функционирования, рассмотрение ее через призму мыслительных процессов [Лопушанская, 1988; 1990; 1996; Горбань и др., 2015]. Исследование проведено с опорой на отдельные положения данного подхода, связанные с описанием лексической семантики языковых единиц и их функционирования в тексте.

Для установления функционально-семантической специфики рассматриваемых языковых единиц в рассказах о чудесах использованы описательный метод, включающий сбор, интерпретацию, систематизацию языковых фактов, контекстуальный анализ, ориентированный на выявление особенностей реализации значений в тексте, а также элементы компонентного анализа, предполагающего обращение к составляющим лексических значений слов.

Результаты и обсуждение

Глаголы восприятия в описаниях чудес святых

Описание глаголов со значением восприятия проводится с учетом дифференциации их на группы в зависимости от способа восприятия, отраженного в семантике корневых морфем. Нами выделяется лексика с общей семантикой восприятия, зрительного, слухового восприятия, обоняния, осязания, а также восприятия на вкус (подробно об этом см.: [Сафонова, 2020; 2021]). Значимым для нашего исследования является установление функций глаголов восприятия разных групп в рассказах о чудесах святых.

В описаниях чудес используются глаголы зрительного (**видѣти**, **увидѣти**, **зрѣти**, **воззрѣти**, **позрѣти**, **узрѣти**, **взирати**, **смотрѣти**) и слухового (**слышати**, **услышати**) восприятия.

Глаголы зрительного восприятия используются в первую очередь в рассказах о чудесных видениях, которые были дарованы святым по их вере. Во фрагментах, посвященных видениям, отмечены глаголы **видѣти**, **зрѣти** (**воззрѣти**). Так, в описании чуда, явленного

Зосиме для выбора места, на котором должно возвести монастырь, читаем:

(1) **И зрѣт к востоку церковь превелику зело и пречюдну, простерту на воздухе, стоящу** (л. 234 об.)¹.

Глагол **зрѣти** употребляется в сочетании с существительным **церковь**, обозначающим объект, который может быть воспринят с помощью органов чувств, но в данном случае его видит только преподобный. Указанием на принадлежность церкви к миру незримого является в первую очередь существительное **воздухъ**, номинирующее пространство, в котором расположена церковь (**простерту на воздухе, стоящу**).

В описаниях чудес может быть использовано сразу несколько глаголов зрительного восприятия, номинирующих разновидности данного процесса, например при описании чуда, явленного преп. Зосиме в доме Марфы Посадницы (Борецкой). В Житии оно представлено как пророчество многих негативных событий в жизни боярыни, в частности ареста ее вместе с детьми, внуками и отправления, по данным Жития, в Нижний Новгород:

(2) **И возрев** (Зосима)² **на возлежащих, и дивляшеся, и поник на землю, ничто же вещаше. И паки возре, то же виде, и пониче долу, и еще возведе очи третицею, то же зрѣт: некия от возлежащих, в первых седяща, а глав не имуща** (л. 262 об.).

Глагол **воззрѣти** обозначает преднамеренное зрительное восприятие, осуществляемое после поднятия глаз. На характер зрительного восприятия указывают в первую очередь префикс **въз-** «вверх», а также контекстуальные уточнители – глагол **поникнути** «опустить, склонить (голову), потупить (взор)» (СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 54) и наречие **долу** «низ» (СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 295). Глаголы **видѣти** и **зрѣти** выражают длительное непреднамеренное зрительное восприятие. Объект при рассматриваемых глаголах, выраженный описательно (**некия от возлежащих, в первых седяща, а глав не имуща**), может быть воспринят посредством органов зрения.

Глаголы рассматриваемой подгруппы используются также во фрагментах, сопровождающих рассказы о прижизненных чудесах

святых и ориентированных на усиление воздействия на читателя. К таковым фрагментам относится, в частности, описание встречи святого Зосимы после восприятия им чуда и Германа (сподвижника Зосимы):

(3) **Утру же бывшу, изшедшу блаженному Зосиме из шатра, и явльшуся ему некоему страшну видению... И ужас нападе на нь от такового видения. И от такового видения страшнаго изменися образом. И прииде к Герману, начат поведати видение. Он же возрев на нь, виде изменена лицем, и поразуме, понеже тои мудр бе и искусен от многолетнего // чернечества и добраго жития** (л. 234 об.).

Герман (субъект восприятия) видит преп. Зосиму (объект восприятия), пребывавшего в состоянии ужаса от явленного ему чуда (**и от такового видения страшнаго изменися образом, изменена лицем**). Факт восприятия святого в этом состоянии становится подтверждением необычности приходящего.

Глаголы зрительной перцепции отмечены в рассказах преподобных о явленных им чудесах. Так, преп. Зосима повествует Герману об увиденном:

(4) **Зосима же изрече вся подробно, яже виде неизреченный он свет и церковь прекрасну** (л. 235).

С помощью глагола **видѣти** вновь фиксируется факт созерцания чуда, но в данном случае как результат понимания увиденного самим субъектом восприятия.

В рассматриваемом Житии отмечены фрагменты, посвященные чудесам, которые происходили с Зосимой и воспринимались окружающими как проявление святости преподобного. Например:

(5) **Да яко же причастися божественных таин // преподобный, видеша вси священники и братия: лице его просветившася, яко лице аггелу, и церкви исполнися благоухання, свидетельствующе достоинство священства блаженного** (л. 249 об.).

В приведенном контексте с помощью глагола **видѣти** вводится свидетельствование (**видеша вси священники и братия**) особого благочестия Зосимы, признаками которого, в соответствии с агиографической традицией,

являются особое, ангельское, выражение лица и благоухание, наполняющее церковь.

В изучаемом тексте представлены фрагменты, в которых передается разговор преподобного и его сподвижников, наблюдавших на нем во время восприятия им чуда, например:

(6) Германъ же глагола к нему (преп. Зосиме): «Почто ты, отче, во время обеда **позрев на председателья**, и пониче на землю, и паки **возрев**, скоро пониче, и третицею тако же сотвори...» (л. 263);

(7) «Но повежь ми истинну: яко **видехъ** (инок Пахомий) **тя** (преп. Зосиму), **взирающа на председательхъ** боляр не единою, но дважды и трици, и позывавша главою, и прослезившася, и оттоле ничто же вкусивша» (л. 264).

В данных контекстах посредством глагола **взирати** в сочетании с существительным **боляринъ** (**взирающа на боляр**), глагола **позрѣти** – с субстантивированным причастием (**позрев на председателья**), называющим других участников ситуации, глагола **воззрѣти** – с наречием **паки**, указывающим на повторяемость действия, автор Жития акцентирует внимание читателя на том, что чудо было явлено только святому, тогда как окружающие не понимали сути происходящего.

Глаголы зрительного восприятия используются также во фрагментах, посвященных чудесам, которые были явлены другим людям, находившимся рядом с преп. Зосимой. Например, в описании чуда, происшедшего с братом Макарием и гостями, прибывшими на остров, находим:

(8) Макарие же **зря** и приспевая, хотя **увидети** бывшее. Яко же приближаясь к месту, **виде** огонь, пламенем исхожаше от места оногo из земля, иде же **пес**, скача, **брехаше**. И **тече** скоро, помышляя в себе **видети**, что // се место оно, иде же **пламень** исхожаше (л. 250);

(9) Они... глаголаша старцу: «Повеже нам, отче, яко **видехом** **тя** медляща на пути и **пса** // **ярящася** и **усты** **своими** **хапающа** **пламень**, **донде** же **ты** **прииде**» (л. 250 об.).

В контексте (8) глагол **видѣти** используется в сочетании с существительным **огонь**, называющим объект, который может быть воспринят с помощью органов зрения. Глаголы **зрѣти** и **увидѣти** употребляются

для обозначения других процессов зрительной перцепции, сопровождающих основной, выраженный посредством глагола **видѣти**. В контексте (9) представлен глагол **видѣти**, объекты при котором выражены личным местоимением **ты** и существительным **песъ** в сочетании с причастием с зависимыми словами (**пса** **ярящася** и **усты** **своими** **хапающа** **пламень**). Посредством **видѣти** вводится подтверждение того, что пламя было видно не только Макарию, но и обычным мирянам.

Глагол **видѣти** отмечен также в следующем контексте:

(10) Макарие же **пад**, **поклонися** ему (игумену Зосиме) **до земля**, **изрече** **вся** **бывшая**, **иже** **виде** **своима** **очима** (л. 251),

где в составе устойчивого сочетания **видѣти** **своима очима** используется для подтверждения происшедшего с Макарием и прибывшими на остров гостями.

Глаголы зрительного восприятия представлены и в описаниях посмертных чудес святых. В первую очередь это глагол **видѣти**, который используется, как и в приведенных выше контекстах, для обозначения фактов зрительного восприятия чудесных явлений, то есть для подтверждения их существования в реальной действительности, но без характеристики конкретных чудесных явлений, например:

(11) И **вся** **близъ моря** // **живущии** **человецы** **имуще** **веру** **к манастирю** **Соловецкому**, **понеже** **бе** **от начальников** **техъ** **видяху** **много** **чюдеса** **бываема** (л. 272);

(12) **Человек** **же** **тон** (Анисим) **богобоязлив**, **саном** **бьяше** **дьяк** **церковным**, **живын** **в** **благочестии** **с** **женою** **своею**, **но** **и** **правило** **по** **вся** **дни** **держашеся**, **в** **правиле** **же** **своем** **канун** **пояше** **преподобному** **Зосиме**, // **понеже** **велию** **веру** **имын** **к** **святому**, **видя** **и** **слыша** **чюдеса** **от** **гроба** **преподобнаго** **отца** (л. 288).

В приведенных контекстах рассматриваемый глагол представлен в сочетании с существительным **чудо** в форме множественного числа, называющим то, что не поддается другому объяснению, кроме как помощь святых. Посредством формы множественного числа подчеркивается многочисленность чудес.

Данные фрагменты, помимо подтверждения чудес, содержат указание на то, кому «видны» чудеса святых – верующим в святость Соловецкого монастыря в целом и преп. Зосимы в частности (**человецы имуще веру к манастирю Головецкому; велию веру имын к святому**).

Для подтверждения конкретных чудес глагол **видѣти** употребляется в следующих контекстах:

(13) **И виде** (старец Тарасий) у гроба доски **удвинуту** и край мантии немало вне гроба **висящъ** (л. 269 об.);

(14) **Образ его** (Зосимы) **светло светяся...** и **руце его...** и тако же **святящася**. **И сие старец виде**, **шед**, **поведа** игумену Исани и многим братьям (л. 270);

(15) **Абие видит** **далече** старца идуща от него, **худы ризы** **носяща** и **мала возрастом**. **И скоро течаше** **вослед его**, **еже бы постигнути**, **он же невидим бысть** (л. 302–302 об.).

С той же целью агиографом используется глагол **зрѣти**, синонимичный **видѣти** в значении «видеть, воспринимать зрением» (СРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 64). Например:

(16) **И зрит** (старец Данил) **посреди манастиря** **полк велик** **зело нечистыхъ духовъ**, **темнообразныхъ бесовъ**, и **по воздуху множество ихъ** (л. 268);

(17) **И показа ми ся знамение некое** **вскрай острова** **того**, **яко два столпа багровидны**, **не вельми велики**. **И дивихся видению**, и **поведахъ брату Ферапонту**, **сущу со мною**. **И глагола ми**: «**Яко аз то же зрю!**» (л. 275);

(18) **Во един же от дний** **приведоша его** **в гробницу блаженнаго**. **Больныи же зрит** **явственно** **преподобнаго Зосиму** **вставша из гроба** и **в правои руке держаща крест**, и **знаменающа его**, и **по лицу мантиею своею отираше**. **И абие** **в той час отверзся язык его**, и **бысть здрав** и **смыслен** (л. 299 об.).

В ряде описаний конкретных чудес, в частности явления Зосимы и Савватия в обители, глагол **видѣти** представлен вместе с другими глаголами восприятия (**зрѣти**, **воззрѣти**, **узрѣти**):

(19) **Мало не дошедшу ми** (старец Герасим) **из гробницы блаженнаго Савватия**, и **возрехъ**, **вижу** старца, **исшедша из гробницы Савватиевы** и

ко **Зосимине идуща**. **И озревся на мя**, глагола: «**Подвизанся**, **да примешу** **противу трудов своихъ!**» **И аз узрехъ** **образ лица его**, и **познахъ**, **яко воистину преподобный Зосима есть**. **И вниде** **в гробницу свою**, и **затворися**. **Мне вслед его** **пришедшу**, и **отверзохъ** **двери гробницы**, и **зряхъ** – **не бысть никого же**, **точною гроб святаго**. **И се** **явленно видехъ** **его** и **рекохъ** **в себе...** (л. 278);

(20) **И се вижу** **дверьми явственно** **входяща старца**. **И зряхъ** **на нь** **прилежно**, и **познахъ**: **яко блаженный Зосима** **прииде** и **иде** **в церковь...** **А святын** **стояше** **близ таин Христовыхъ**, и **тако невидим бысть** (л. 278 об.);

(21) **И се вижу** (священноинок Досифей) **идуща** **преподобнаго** **от своея гробница** **в церковь**. **И озревся**, **рече ми...** **И сие рекъ**, **невидим бысть**. **Аз же возрехъ**, и **трепет объят мя** (л. 280);

(22) **Внезапу слышу** **за собою человека**, **огнь спотыкающа**. <...> **Он же рече ко мне**: «**Саватен**, **ехати ли ти** **в Шужмон?**» **Мне же** **отвещавшу**: «**Аще Бог повелит** и **Пречистая Богородица** и **начальник Зосима**, **ехати ми**». **Он же** **отвеща ми**: «**Бог тебя благословит**, **поеди!**» **Аз же начахъ зрети** **около себе**, **никого не видехъ** (л. 275 об.);

(23) **И в некую ночь** **изыдох из шатра**, и **взыдох** **на гору высокую**, и **зряхъ** **на море**. **И се вижу** **над островом Головецкимъ**, **яко над манастиремъ** **тем два столпа огненныхъ святяща** и **до небесе** **досязающа** (л. 272 об.).

В приведенных контекстах рассматриваемые глаголы используются для обозначения разновидностей зрительной перцепции. Глаголы **видѣти** и **узрѣти**, будучи синонимами, номинируют непреднамеренное восприятие, тогда как глагол **воззрѣти** – преднамеренное зрительное восприятие. Глагол **зрѣти** в зависимости от контекстуальных условий может использоваться для обозначения непреднамеренного (и **зряхъ** – **не бысть никого же**, **точною гроб святаго**) и преднамеренного восприятия (**зряхъ на нь**). Глаголы **видѣти**, **воззрѣти** и **узрѣти** употребляются агиографом для описания явления умершего преп. Зосимы старцу Герасиму и священноиноку Досифею. Факт видения фиксируется с помощью глаголов непреднамеренного зрительного восприятия, тогда как дополнительные действия воспринимающего, сомневающегося в увиденном и страшась его, – посредством глаголов преднамеренного зрительного восприятия.

Подтверждение чуда осуществляется с помощью глаголов зрительной перцепции и в описаниях посмертных чудес Зосимы и Савватия вне обители, например:

(24) И зрях к монастырю, се **вижу** к нам летящи белы, яко снег, две птицы, яко бы мала поменьши гуся, и яко прилетеша близ нас, и паки невидими быша. **Аз** един отшед кроме братии, **смотрях** на море вод и **видех** судно, к нам плывуще, бе же вельми хорошо. <...> **Аз** же призвах слугу, шедшаго с нами, и показав ему судно то, он же рече: «**И аз вижу!**» **Мы** же мног час ждахом, яко бы близ нас и паки // невидимо бысть (л. 286).

Глагол **видѣти** используется для описания явления святых верующим в снах. В таких фрагментах данный глагол, реализующий значение «видеть во сне» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 174), в силу специфики последнего представлен без других глаголов зрительного восприятия, например:

(25) **Мне** (Феодору) же влезшу внутрь лодии, и сядя, от печали въздрамах, и се **вижу**: на лодии нашен два старца сядяща и глаголюща // кормнику... (л. 294 об.);

(26) **Аз** же възбнух, скоро притек к сущим во льяле, воду лиющим, и начах сказывати, яже **видех** (л. 295);

(27) Един же от них рече: «**Аз** ляхх много воды и утрудихся, и сон обьят мя, сядя, дремлях. **Вижу** два старца, сядяща на лодии нашен в сии час...» (л. 295).

Рассмотренные фрагменты Жития позволяют говорить о том, что глаголы зрительной перцепции важны для речевой организации описаний чудес святых, где анализируемые единицы выполняют функцию подтверждения факта чудесного события в реальной действительности.

В тексте Жития для описания чудесных явлений используются глаголы слухового восприятия **слышати** и **услышати**, например:

(28) **Аз** един отшед кроме братии, **смотрях** на море вод и **видех** судно, к нам плывуще, бе же вельми хорошо. **Слышу** же и говор людскон в судне том, глаголющ русским языком. <...> **Мы** же мног час ждахом, яко бы близ нас и паки // невидимо бысть (л. 286);

(29) Юноша же тои (Анфим), отпустив старца, возлеже почити, яко же успе. **Абие**

слышит некоего стояще над собою и молитву **Исусову** творяща... Юноша же, яко **услыша**, скоро воскочив с места, на нем же лежа, нача зрети прилежно, от кого се **слыша**. **Абие** видит далече старца идуща от него, худы ризы носяща и мала возрастом. И скоро течаше вослед его, еже бы постигнути, он же невидим бысть (л. 302–302 об.);

(30) **Аз** (Никон) же **слышу** из гроба преподобнаго, к себе зовуща мя и рече... (л. 297 об.).

В контекстах (28) и (29) рассматриваемые глаголы обозначают восприятие звуков, представляющих собой часть чудесного видения и усиливающих воздействие на верующих, которым были явлены чудеса. Доминирующим каналом получения информации остается зрительный, чем обусловлено использование глаголов зрительного восприятия в комплексе с глаголами слуховой перцепции. В контексте (30) представлена другая ситуация: мирянину Никону, страдающему от нападения бесов и верующему в исцеление по молитвам святых Зосимы и Савватия, даровано только слышать святого преподобного Зосиму.

В описании обретения святого после кончины и сопровождавшего его уход чуда глагол **слышати** отмечен в особом употреблении:

(31) Он же, сотвори молитву, вниде в келию, и **слыша** велие благовоние, а святого сядяща, ужасеся, мня его жива суща (л. 228 об.).

В данном контексте рассматриваемый глагол представлен в сочетании с существительным **благовоние** «приятный запах, благоухание» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 195), называющим реалию, которая может быть воспринята с помощью органов обоняния, но не слуха. Такое употребление представляет собой проявление возможностей перцептивных глаголов обозначать получение информации с помощью других органов чувств, нежели те, которые отражены в прямых значениях этих глаголов (слуховое восприятие – восприятие запаха).

Как и глаголы зрительного восприятия, глаголы слухового восприятия используются для подтверждения факта чуда, однако механизм «свидетельствования» является иным: он связан с передачей информации о чудесах от одних верующих, в том числе иноков, другим, например:

(32) И се вси братия прославиша Бога, глаголюще: «Вонстинну, господине отче, **слышахом** от многих братии, яко беспрестани посещает преподобныи святое место сие по своему обещанию...» (л. 280);

(33) **Многа** от многих человек **слышах** о сем преподобнем Зосиме, игумене Головецком, по рекам и по наволокам живущих во всем Поморни... (л. 295);

(34) **Сеи** (земледелец Иоани) **слыша** многа чюда, бывающа у гроба преподобнаго Зосимы, начальника Головецкаго (л. 299 об.);

(35) И начаша ми глаголати: «**Слышали есме**, господине, о чюдесех преподобнаго Зосимы, // вашего начальника, яко его ради молитв Бог многим подает исцеление... » (л. 303);

(36) **Бе** во **слышал** от многих о святем, яко его ради молитв бывають многа исцеления (л. 304 об.).

В приведенных контекстах глагол **слышати** представлен в сочетании с нарицательными существительными **святой**, **чюдо**, именем собственным **Зосима** в форме П. п., обозначающими содержание услышанного (**слышал от многих о святем**; **слышали есме о чюдесех**; **слышах о Зосиме**), с существительным **человекъ**, прилагательным **многий** в форме Р. п., указывающими на источник информации о чудесах (**слышахом от многих братии**; **от многих человек слысах**; **слышал от многих**).

Итак, из выделенных в зависимости от способа получения информации подгрупп глаголов восприятия в исследуемом материале отмечены подгруппы глаголов зрительного и слухового восприятия. Глаголы зрительного восприятия используются для выражения созерцания чудес: глаголы непреднамеренного восприятия – непосредственного созерцания чюда; глаголы преднамеренного восприятия – дополнительных процессов, сопровождающих основной, выраженный глаголом непреднамеренного восприятия. Субъектами восприятия могут выступать святые, иноки и верующие миряне. Глаголы слухового восприятия также употребляются для подтверждения фактов чудес, но не через непосредственное созерцание, а по рассказам других людей, воспринимаемым как свидетельства, не подлежащие сомнению. Единичным является случай употребления глагола слухового восприятия для подтверждения чюда через восприятие запаха.

Лексика эмоций

в описаниях чудес святых

В структуре житийного рассказа о чуде лексика эмоций содержательно и функционально релевантна и может маркировать топоры житийного повествования, таким образом выполняя дидактическую, сюжетоформирующую и текстообразующую функции (о терминах см.: [Дмитриева, 2020]).

Так, дидактическую функцию выполняет повторяющееся в текстах выражение **имѣти велию веру**, подчеркивающее глубину религиозного чувства, связанного с ожиданием чюда и помощью святых:

(37) **Бе** некий старец именем Тарасие, и сен **велию веру** **имея** к преподобному Зосиме, по вся ноци приходя, молитвы и коленопреклонение творяше у гроба святаго... (л. 269);

(38) И многим являющеся скорни в бедах помощници, и от сего вси человеци округ моря от многих стран **велию веру** **имяху** к ним (л. 271 об.);

(39) И вси близ моря // живущии человецы **имуще велию веру** к монастырю Головецкому, понеже бо от начальников тех видяху многа чюдеса бываема (л. 271 об. – 272);

(40) Мирстии же человецы, православнии христиане, **велию веру** к святым **имуще**, молящеся к Христу Богу и святых его угодников на помощь призывающе, невредими пребывают от всех вражних обстоянии, славу и благодарение всылающе // Христу Богу (л. 272–272 об.).

В контекстах, содержащих рассматриваемую конструкцию, подчеркивается особая природа веры – не пассивная убежденность, а деятельная и устойчивая: она коренится в ожидании божественной помощи и чудес (**многа чюдеса бываема**), воплощается в молитвах и обращении за поддержкой к Христу и святым угодникам (**молящеся к Христу Богу и святым его угодников на помощь призывающе**), опирается на свидетельства о свершившихся чудесах (**понеже бо от начальников тех видяху многа чюдеса бываема**) и обретает силу благодаря признанию среди православных христиан, становясь неоспоримой истиной (**вси человеци, вси близ моря живущии человецы, мирстии же человецы, православнии христиане**).

Лексическое выражение объекта эмоционального переживания (**к монастырю Головецкому, к преподобному Зосиме, к святым**)

обозначает связь веры с важными ориентирами и одновременно репрезентирует сакральность как пространства, так и личности: святое место и святые лица выступают в роли духовных точек отсчета, формирующих религиозное чувство.

Важное значение имеет и характеристика самого чувства: сочетание **велию веру** («великую веру») акцентирует исключительную интенсивность религиозного переживания, фиксирует факт глубокой веры, который призван эмоционально воздействовать на читателя, пробуждая в нем восхищение и стремление к подражанию святым образцам.

Конструкция **имѣти (велию) веру** не просто обозначает религиозное убеждение – она служит мощным инструментом формирования образа «праведного сообщества». Коллективная вера, на которую указывает уточнитель **вси человеци**, придает этому образу особую глубину: складывается представление о благочестивом народе, чья общая вера обладает внутренней силой. Именно она, в свою очередь, выступает залогом защиты: такой народ **невредими пребывают от всех вражних обстоянии**.

Традиционно представлена лексика эмоций в речи святых, явившихся монахам для помощи и поддержки:

(41) **Ныне быша пред вашим приходом, глаголюще: «Уже придем по вас, не скорбите!»** (л. 276 об.);

(42) **И глагола ми о скорби моеи, утешая мя: «Не буди ти скорбен о том, что погыбе в келни твои, то будет. Точною подвижанся, а не уныван!»** (л. 279);

(43) **В нощи же тои яви ми ся Зосима, глаголя: «Не скорбите, встав, идите в путь свои!»** (л. 287 об.).

Эмотивные лексемы в приведенных цитатах связаны с эмоцией скорби (**скорбѣти, скорбный**). Они обозначают эмоциональное состояние адресата (ученика, братии), испытывающего тревогу, печаль или уныние из-за жизненных испытаний; служат причиной для пастьерского воздействия (упоминание скорби не просто констатирует факт, а создает повод для утешения и наставления); противопоставляются состоянию душевного спокойствия и духовной бодрости, к которому призывает святой.

Святые предлагают пути преодоления скорби: обещание помощи / поддержки: **«Уже придем по вас, не скорбите!»** (устранение причины тревоги через гарантию будущего действия); принятие утраты как части духовного пути: **«Не буди ти скорбен о том, что погыбе в келни твои, то будет»** (смирение перед волей Божьей, восприятие материальных потерь как несущественных в сравнении с духовными ценностями); акцент на действии, а не на переживании: **Точною подвижанся, а не уныван!»** (переключение фокуса с негативных эмоций на созидательную деятельность, подвиг); побуждение к движению и исполнению воли Божьей: **«Не скорбите, встав, идите в путь свои!»** (прямое указание на действие как способ преодоления душевной тяжести).

Речь святых в Житии не только описывает эмоции, но и меняет эмоциональное и духовное состояние собеседника через реализацию следующих коммуникативных целей: утешение (святой выступает как духовный наставник, врачующий душевные раны); наставление (слова святого содержат четкие указания к действию (**подвижанся, идите в путь**) или призыв отказаться от деструктивного состояния (**не уныван**)); духовное укрепление (речь направлена на формирование стойкости, смирения и упования на Бога); трансляция авторитета (слова святого обладают особой силой, поскольку он воспринимается как посредник между Богом и людьми, носитель божественной истины и благодати).

Обращает на себя внимание ряд особенностей, которые обеспечивают реализацию дидактической функции: активное использование форм императива, прямой побудительный характер высказываний, их лаконичность и афористичность. Важную роль играет антитеза негативных эмоций (скорби и уныния) и позитивных состояний (смирения и упования).

В житийных рассказах о чудесах лексика эмоций выполняет еще одну важную функцию – сюжетоформирующую. Эмотивы маркируют ключевые этапы нарратива: они обозначают возникновение кризиса (причины нарушения гармонии) и подчеркивают значимость его чудесного разрешения. Такие фрагменты реализуют устойчивую структурно-семантическую модель эпизода.

Этап 1. Репрезентация кризиса через эмоциональную реакцию. На этапе возникновения кризиса в тексте описываются интенсивные негативные эмоциональные состояния персонажей. Для их обозначения используются лексемы с семантикой отчаяния, страха, скорби и обиды и др. Например:

(44) **Мы же отчаяхомся** своего спасения от нахождения волн – покрывают бо ладню нашу волны морския (л. 270 об.);

(45) **И ужасохомся** вельми стремления воднаго (л. 282);

(46) **и всем нам живота отчаявшимися** (л. 282 об.);

(47) **Больныи же, яко услыша их укаряющих и вельми ужасающихся, понеже ничто надеятися** (л. 282 об.).

В приведенных контекстах ключевые эмоции – ужас (**ужасохомся, ужасающихся**) и отчаяние (**отчаяхомся, отчаявшимися**); причина эмоциональных переживаний – экстремальные обстоятельства (стихийное бедствие, болезнь); задача эмотивов – подчеркнуть безысходность ситуации без вмешательства высших сил.

Лексика эмоций маркирует возникновение конфликта (внешнего или внутреннего), демонстрирует недостаточность человеческих ресурсов в сложившейся ситуации кризиса для его преодоления и создает предпосылки для чудесного вмешательства.

Этап 2. Репрезентация разрешения кризиса через эмоциональную реакцию. После чудесного разрешения кризиса в тексте описывается смена эмоционального состояния персонажей с отрицательного на положительное. Используются лексемы с семантикой радости, утешения, облегчения и под:

(48) **Мы же в радости и веселии в манастырь достигохом** (л. 277 об.);

(49) **И по глаголу преподобнаго погывшее сокровище обретесе на своем месте, и аз от скорби утешихся, и брат мой** (л. 279 об.).

На этапе разрешения кризиса эмоциональная лексика фиксирует переход от отрицательного состояния к положительному; подчеркивает причинно-следственную связь чуда с эмоциональным облегчением; завершает нарративную структуру эпизода.

В житийной литературе лексика эмоций выполняет важную текстообразующую функцию: передавая психологическое состояние персонажей, она структурирует повествование, задает его тональность.

Так, в описаниях чудес собственно реакция на чудо передается лексемами удивления (**диво, дивитися, дивный, удивлятися, чудо, чудитися, почудитися** и др.) или страха (**страхъ, ужасъ, ужасатися** и др.), например:

(50) **Мы же, се слышавше, дивихомся, ведуще, яко погребохом святаго тело в земли. И како обретесе верху земля?** (л. 270);

(51) **И зрях, и дивихся** на мног час (л. 272 об.);

(52) **И дивихся** видению, и поведех брату Ферапонту, сущу со мною (л. 275);

(53) **Нам же чюдящимся** зело и удивляющим преподобных отец посещению и милости, какову приязнь имеют, аще кто с верою их на помощь призывает (л. 276 об.);

(54) **Внезапу прииде к нам игумен Исаия из келли своея, слезен вельми, яко во ужасе, яко неким видением движим. И начат нам глаголати жалостно** (л. 273 об.);

(55) **И авне узрех от востока яко плащаницу огненну, по воздуху летящу, – прелетев прямо гробницы преподобнаго Зосимы, невидима бысть. Мне же страхом и радостию обняту вывшу о предивном видении, наипаче же извещенне принимшу ми о игуменском повелении, еже до Шужмоя-острова** (л. 274 об.);

(56) **И аз ндох причаститися, великим страхом объят бых, зря преподобнаго** (л. 278 об.).

Эмотивы выражают несоответствие увиденного привычному ходу вещей, разрыв между ожидаемым и реальным. Они указывают на трепет, ужас перед сверхъестественным, осознание величия и непостижимости происходящего. Приведенные лексемы несут богословскую нагрузку: удивление указывает на трансцендентность Божественного промысла; страх выражает благоговение перед святостью; сочетание страха и радости отражает православное понимание чуда как явления, одновременно устрашающего своей мощью и утешительного как знак милости. Лексемы с семантикой удивления и страха – важные инструменты текстопостроения, позволяющие автору донести до читателя не только факт чуда, но и его духовный смысл.

Таким образом, анализ использования лексики эмоций в житийных рассказах о чудесах демонстрирует ее роль в построении текста, опирающуюся на реализацию ряда функций: дидактической (устойчивые формулы с эмотивами передают ключевые смыслы, а поучительная направленность речи персонажей ориентирована на формирование желаемой модели поведения), сюжетоформирующей (эмоциональные индикаторы служат маркерами сюжетных переходов) и текстообразующей (противопоставление эмоциональных полюсов выстраивает систему этических координат; эволюция чувств в повествовании отражает логику разрешения кризисной ситуации). Все это позволяет считать мотивные средства важным компонентом жанровой стратегии агиографии.

Взаимодействие перцептивной и мотивной лексики в описаниях чудес святых

В Житии Зосимы и Савватия Соловецких рассказы о чуде реализуют устойчивые модели взаимодействия перцептивной и мотивной лексики.

Модель «восприятие → удивление» традиционна для описания чуда: перцептивный глагол фиксирует факт восприятия сверхъестественного явления; мотивный глагол передает удивление, например: **И зрях, и дивихся на мног час** (л. 272 об.); **Видех шесть мужии, председащих на трапезе сен без глав, и видех, дивихся много** (с. 263 об.) – зрительное восприятие огненных столпов и людей в страшном образе вызывает длительное удивление.

Модель «восприятие → страх» характерна для явлений, вызывающих священный ужас: **Аз же возрех, и трепет объят мя** (л. 280) – зрительное восприятие явившегося и вдруг исчезнувшего преподобного вызывает трепет; **Они же, сия видевше, ужасом одержими бяху** (л. 292) – видение воскресшей мертвой порождает ужас.

Модель «восприятие → радость → (прославление Бога)» отражает положительную реакцию на чудо: **Братия же, яко видеша таково преславное видение, возрадовашася радостию великою зело и прославиша Бога**

(л. 249 об.); **Мы же сие видехом и слышавше глаголанная, вельми возрадовахомся...** (л. 295) – увиденное и услышанное вызывает радость, благодарение; **Андроник же и жена его видеша чудо преславное, начаша вопити от радости** (л. 306) – чудо порождает ликование.

Реализация моделей «восприятие → удивление» и «восприятие → страх / трепет» может быть более сложной и предполагать осмысление через соотнесение услышанного с уже известным: **Мы же, се слышавше, дивихомся, ведуще, яко погребом святого тело в земли. И како обретется верху земля?** (л. 270); **Он же, сотвори молитву, вниде в келию, и слыша велие благовоние, а святого сядяща, ужасеся, мня его жива суща** (л. 228 об.).

Совместное употребление перцептивной и мотивной лексики выполняет в житийном тексте несколько ключевых функций.

Доказательство чуда. Перцептивная лексика создает эффект свидетельства: чудо не придумано, а увидено / услышано конкретным лицом / информация о чуде получена со слов других людей. Мотивная реакция подтверждает необычность явления: если люди удивлены или испуганы, значит, произошло нечто сверхъестественное.

Повышение степени достоверности повествования достигается за счет интенсификации использования лексических единиц с перцептивной семантикой. Многократное употребление глаголов восприятия в одном фрагменте акцентирует объективность и эмпирическую закреплённость видения: **И возрев на возлежащих, и дивляшеся, и поник на землю, ничто же вещаше. И паки возре, то же виде, и пониче долу, и еще возведе очи третицею, то же зрит: некия от возлежащих, в первых сядяща, а глав не имуща** (л. 262 об.). Описание восприятия чуда несколькими субъектами легитимирует феномен чуда, трансформируя его в факт, укрепляющий веру: **Братия же, яко видеша** (л. 249 об.).

Воздействие на читателя реализуется посредством включения в текст мотивной лексики, которая обеспечивает эффект соприсутствия, побуждая к эмпатическому воспроизведению спектра эмоциональных реакций персонажей – от изумления и страха

до радости. Такое описание способствует формированию правильного религиозного отношения к описываемым событиям.

Духовно-смысловая интерпретация. Эмоциональная реакция персонажей, как правило, редуцируется до акта прославления Бога, что обеспечивает семантический переход от частного, локального проявления чуда к его трактовке в качестве элемента Божественного промысла.

Создание сакрального хронотопа. Повторяющиеся формулы (**и видех, и дивихся**) формируют особый ритм повествования, где чудо – не случайность, а закономерность в мире, наполненном божественным присутствием.

Заключение

Чудо является важным сюжетным элементом жития и предстает как многослойная текстовая реальность, в которой посредством языковых единиц целенаправленно конструируется его значимость и убедительность.

Обращение к анализу глаголов восприятия позволило установить значимые для восприятия чуда перцептивные процессы и закономерности их языковой экспликации. В Житии Зосимы и Савватия Соловецких употреблены глаголы зрительной и слуховой перцепции, что свидетельствует об определенных представлениях о чуде и его восприятии. Чудо воспринимается неким наблюдателем и только с помощью органов зрения и слуха. Глаголы с перцептивной семантикой необходимы агиографу для убеждения читателя в реальности чудесных событий через фиксацию факта их восприятия свидетелями.

Результаты анализа агиографического материала демонстрируют, что лексика эмоций – важный компонент житийного нарратива. Эмотивные единицы в рассказах о чудесах выполняют комплекс функций: дидактическую, сюжетоформирующую и текстообразующую, тем самым определяя жанровую специфику агиографии. Дидактическая функция реализуется устойчивыми формулами, транслирующими нормативные модели религиозного поведения;

сюжетоформирующая – маркированием ключевых этапов нарратива: отрицательные эмоции (страх, отчаяние, скорбь) фиксируют кризисную ситуацию, подчеркивая ее неразрешимость человеческими силами, а положительные (радость, утешение, прославление) знаменуют чудесное разрешение и восстановление гармонии. Текстообразующая функция эмоций выражается в создании этической и смысловой структуры повествования: противопоставление эмоциональных полюсов выстраивает систему ценностных координат, где чудо осмысливается как проявление божественного промысла. В житийном тексте эмоциональные реакции персонажей не произвольны: удивление, страх, трепет и радость несут богословскую нагрузку и отражают каноническое восприятие чуда – одновременно устрашающего своей мощью и утешительного как знак милости.

Взаимодействие перцептивной и эмотивной лексики в описаниях чудес святых образует устойчивый нарратив, где перцептивная лексика используется для рассказа о реальности чуда (оно кем-то увидено, услышано); эмотивная лексика создает эмоциональный резонанс (удивление, страх, радость); их сочетание формирует духовный смысл (прославление Бога, укрепление веры). Этот нарратив выполняет одновременно доказательную (подтверждение чуда), эстетическую (художественное воздействие на читателя) и дидактическую (наставление в вере) функции, что делает его ключевым элементом поэтики житийного жанра, репрезентирующим способы языковой концептуализации сакрального в культуре Средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примеры приводятся по изданию: Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев / сост., вступит. ст., подгот. текстов, пер. с древнерус. яз. и коммент. С. В. Минеевой. Курган : Изд-во Кург. гос. пед. ин-та, 1995. С. 9–84 (л. 210 об. – 310 об.).

² Здесь и далее комментарий, приведенный в скобках, принадлежит авторам статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнаутова Ю. Е., 2023. «Истинные» и «ложные» чудеса глазами церковных авторов: границы средневековой веры в чудо // *Одиссей. Человек в истории*. № 1 (30). С. 5–34. DOI: 10.32608/1607-6184-2023-30-1-5-34
- Бондарь К., 2023. По тропам славистики и иудаики. 2-е изд., доп. и перераб. Израиль : Книга Сефер. 176 с.
- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В., Сафонова И. А., Терентьева Е. В., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект : коллектив. моногр. / отв. ред. Е. М. Шептухина. 2-е изд., доп. Москва : Флинта : Наука. 352 с.
- Гуревич А. Я., 1972. Категории средневековой культуры. Москва : Искусство. 318 с.
- Дмитриева Е. Г., 2020. Функции эмотивной лексики как средства реализации религиозно-нравственного идеала в житийных текстах XVIII–XX веков // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica*. № 19. С. 41–52. DOI: 10.18778/1731-8025.19.04
- Дмитриева Р. П., 1991. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // *Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: разные аспекты исследования* / отв. ред. Д. С. Лихачев. Санкт-Петербург : Наука. С. 221–282.
- Карасик В. И., 2017. Концептуализация чуда // *Поволжский педагогический вестник*. Т. 5, № 3 (16). С. 25–33.
- Лихачев Д. С., 1980. Соловки в истории русской культуры // *Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов* / под общ. ред. Д. С. Лихачева. Москва : Искусство. С. 5–41.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // *Русский глагол (в сопоставительном освещении)* : межвуз. сб. науч. тр. Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 1990. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград : Изд-во ВПИ. 114 с.
- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология*. Вып. 1. С. 6–13.
- Минеева С. В., 1999. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких). Курган : Изд-во Кург. ун-та. 198 с.
- Минеева С. В., 2002. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в контексте рукописной и жанровой традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Москва. 703 с.
- Первушин М. В., Рыженков А. Н., 2018. Феномен чуда в агиографии через призму современного осмысления (на примерах Киево-Печерского патерика) // *Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. № 2 (14). С. 1–6.
- Рогожникова Т. П., Хоменко М. В., 2020. Жанр прижизненного чуда в русской агиографии: коммуникативно-прагматический аспект // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. № 1 (26). С. 74–77. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-74-77
- Рыженков А. Н., 2022. Чудо: исторический, литературный и богословский аспекты (по материалам русской агиографии XVII века) : автореф. дис. ... канд. богословия. Москва. 32 с.
- Рынковой И. В., 2010. Феномен чуда // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. № 5 (37). С. 46–52.
- Садыков П. Д., 2024. Чудо в древнерусских богородичных сказаниях сквозь призму их духовного содержания // *Христианское чтение*. № 1. С. 255–262.
- Сафонова И. А., 2020. Перцептивная лексика как средство создания образов подвижников благочестия в агиографических текстах XVIII–XX вв. // *Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : сб. ст. по материалам VII Междунар. науч. семинара, посвящ. 110-летию Сарат. гос. ун-та (г. Саратов, 1 нояб. 2019 г.)* / отв. ред. О. И. Дмитриева. Саратов : Амирит. С. 97–105.
- Сафонова И. А., 2021. Глагольные средства выражения восприятия «незримого» в агиографических текстах XX–XXI веков // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 20, № 6. С. 65–77. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.6>
- Смирнова В. В., 2006. Чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров : Житие, пример, видение : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва. 22 с.
- Стародумов И. В., 2009. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. 20 с.

- Терешкина Д. Б., 2023. Чудеса в житиях новгородских святых: типология и художественное своеобразие // *Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22* / гл. ред. О. А. Туфанова. Москва : ИМЛИ РАН. С. 218–243. DOI: <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-218-243>
- Хоменко М. В., 2024. Рассказ о прижизненном чуде в русской агиографии: жанрово-стилистический и коммуникативно-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Омск. 225 с.

СЛОВАРИ

- ИЭС* – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2. Москва : Рус. яз. – Медиа : Дрофа, 2009. 559 с.
- СРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва : Наука, 1975– ; Вып. 2. 1975. 319 с. ; Вып. 4. 1977. 403 с. ; Вып. 6. 1979. 359 с. ; Вып. 17. 1991. 295 с.
- ЭССЯ* – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / сост. О. Н. Трубачев [и др.] ; под ред. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. Москва : Наука, 1974– ; Вып. 4. 1977. 235 с. ; Вып. 5. 1978. 232 с.

REFERENCES

- Arnautova Yu. Ye., 2023. «Istinnye» i «lozhnye» chudesa glazami tserkovnykh avtorov: granitsy srednevekovoy very v chudo [The “True” and “False” Miracles from the Church Authors’ Perspective: the Boundaries of Medieval Belief in Miracles]. *Odissey. Chelovek v istorii*, no. 1 (30), pp. 5–34. DOI: 10.32608/1607-6184-2023-30-1-5-34
- Bondar K., 2023. *Po tropam slavistiki i iudaiki* [Tracking Slavic and Jewish Studies]. Israel, Kniga Sefer Publ. 176 p.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terentyeva E.V., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt: kollektiv. monogr.* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect. Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Gurevich A. Ya., 1972. *Kategorii srednevekovoy kultury* [The Categories of Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ. 318 p.
- Dmitrieva E.G., 2020. Funktsii emotivnoy leksiki kak sredstva realizatsii religiozno-nravstvennogo ideala v zhitiynykh tekstakh XVIII–XX vekov [Functions of Emotive Vocabulary as a Means of Pursuing Religious and Moral Ideal in the Hagiographic Texts of the 18th – 20th Centuries]. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica*, no. 19, pp. 41–52. DOI: 10.18778/1731-8025.19.04
- Dmitrieva R.P., 1991. Zhitie Zosimy i Savvatiya Solovetskikh v redaktsii Spiridona-Savvy [Hagiographies of Zosimas and Sabbatius of Solovki edited by Spiridon-Savva]. Likhachev D.S., ed. *Knizhnye tsentry Drevney Rusi. XI–XVI vv.: raznye aspekty issledovaniya* [Literary Centres of Ancient Rus’ in the 11th – 16th Centuries: Various Research Aspects]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 221–282.
- Karasik V.I., 2017. Kontseptualizatsiya chuda [Conceptualization of Miracle]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*, vol. 5, no. 3 (16), pp. 25–33.
- Lihachev D.S., 1980. Solovki v istorii russkoy kultury [Solovki in the History of Russian Culture]. Lihachev D.S., ed. *Arkhitekturno-khudozhestvennye pamyatniki Solovetskikh ostrovov* [The Architectural and Artistic Monuments of the Solovetsky Islands]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 5–41.
- Lopushanskaya S.P., 1988. Izmenenie semanticheskoy struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizheniya v protsesse modulyatsii [Changing the Semantic Structure of Russian Prefixless Verbs Denoting Motion in the Process of Modulation]. *Russkiy glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii): mezvuz. sb. nauch. tr.* [Russian Verb (Comparative Analysis). Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5–19.
- Lopushanskaya S.P., 1990. *Razvitiye i funktsionirovaniye drevnerusskogo glagola* [Evolution and Functioning of Old Russian Verb]. Volgograd, Izd-vo VPI. 114 p.
- Lopushanskaya S.P., 1996. Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyslitel'nyy protsess [Semantic Modulation as a Speech-and-Mental Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya*, iss. 1, pp. 6–13.

- Mineeva S.V., 1999. *Problemy kompleksnogo analiza drevnerusskogo agiograficheskogo teksta (na primere Zhitiya prep. Zosimy i Savvatiya Solovetskikh)* [The Problems of Comprehensive Analysis of the Old Russian Hagiographic Text (Exemplified by Hagiographies of Zosimas and Sabbatius of Solovki)]. Kurgan, Izd-vo Kurg. un-ta. 198 p.
- Mineeva S.V., 2002. *Zhitie Zosimy i Savvatiya Solovetskikh v kontekste rukopisnoy i zhanrovoy traditsii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Hagiographies of Zosimas and Sabbatius of Solovki in the Context of Manuscript and Genre Traditions. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 703 p.
- Pervushin M.V., Ryzhenkov A.N., 2018. Fenomen chuda v agiografii cherez prizmu sovremennogo osmysleniya (na primerakh Kievo-Pecherskogo paterika) [The Phenomenon of the Miracle in the Context of Contemporary Understanding]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Memoirs of Novgorod State University], no. 2 (14), pp. 1-6.
- Rogozhnikova T.P., Khomenko M.V., 2020. Zhanr prizmennogo chuda v russkoy agiografii: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt [Genre of a Lifetime Miracle in Russian Hagiography: A Communicative-Pragmatic Aspect]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, no. 1 (26), pp. 74-77. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-74-77
- Ryzhenkov A.N., 2022. *Chudo: istoricheskiy, literaturny i bogoslovskiy aspekty (po materialam russkoy agiografii XVII veka): avtoref. dis. ... kand. bogosloviya* [Miracle: Historical, Literary and Theological Aspects (Proceedings of Russian Hagiography of the 17th Century). Cand. theology abs. diss.]. Moscow. 32 p.
- Rynkovoy I.V., 2010. Fenomen chuda [The Phenomenon of Miracle]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)], no. 5 (37), pp. 46-52.
- Sadykov P.D., 2024. Chudo v drevnerusskikh bogorodichnykh skazaniyakh skvoz prizmu ikh duhovnogo soderzhaniya [Miracle in the Old Russian Theotokos Tales through the Prism of Their Spiritual Content]. *Khristianskoye chteniye*, no. 1, pp. 255-262.
- Safonova I.A., 2020. Pertseptivnaya leksika kak sredstvo sozdaniya obrazov podvizhnikov blagochestiya v agiograficheskikh tekstakh XVIII–XX vv. [Perceptual Vocabulary as a Means of Creating Godliness Devotees in Hagiographic Texts of the 18th – 20th Centuries]. Dmitrieva O.I., ed. *Razvitie slovoobrazovatelnoy i leksicheskoy sistemy russkogo yazyka: sb. st. po materialam VII Mezhdunar. nauch. seminara, posvyashch. 110-letiyu Sarat. gos. un-ta (g. Saratov, 1 noyab. 2019 g.)* [Development of the Word-Building and Lexical System of the Russian Language. Collection of Articles Based on Proceedings of the 7th International Scientific Seminar Dedicated to the 110th Anniversary of the Saratov State University (Saratov, November 1, 2019)]. Saratov, Amirit Publ., pp. 97-105.
- Safonova I.A., 2021. Verbal Means Expressing the Comprehension of “Invisible” in Hagiographic Texts of the 20th – 21st Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 6, pp. 65-77. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.6>
- Smirnova V.V., 2006. *Chudo kak zhanroobrazuyushchiy element srednevekovykh religioznykh zhanrov: Zhitie, primer, videnie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Miracle as a Genre-Constituting Element of Medieval Religious Genres: Hagiography, Exemplum, and the Vision. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 22 p.
- Starodumov I.V., 2009. *Zhanrovaya spetsifika povestvovaniy o posmertnykh chudesakh svyatykh podvizhnikov v sostave drevnerusskoy agiografii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Genre Peculiarities of the Narratives on the Posthumous Miracles of Holy Ascetics Within Old Russian Hagiographies. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Omsk, 2009. 20 p.
- Tereshkina D.B., 2023. Chudesa v zhiyakh novgorodskikh svyatykh: tipologiya i khudozhestvennoye svoebraziye [Miracles in the Lives of Novgorod Saints: Typology and Artistic Originality]. Tufanova O.A., ed. *Germenevtika drevnerusskoy literatury. Sbornik 22* [Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 22]. Moscow, IMLI RAN Publ., pp. 218-243. DOI: <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-218-243>
- Khomenko M.V., 2024. *Rasskaz o prizmennom chude v russkoy agiografii: zhanrovo-stilisticheskiy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [The Narrative of a Miracle Performed During a Saint’s Lifetime in Russian Hagiography: Genre-and-Stylistic and Communicative-and-Pragmatic Aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Omsk. 225 p.

DICTIONARIES

Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t. T. 2* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. yaz. – Media Publ., Drofa Publ., 2009. 559 p.

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 16th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975– ; iss. 2, 1975. 319 p.; iss. 4, 1977. 403 p.; iss. 6, 1979. 359 p.; iss. 17, 1991. 295 p.

Trubachev O.N., ed. *Etimologicheskii slovar slavyanskikh yazykov. Praslavianskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Moscow, Nauka Publ., 1974– ; iss. 4, 1977. 235 p.; iss. 5, 1978. 232 p.

Information About the Authors

Evgeniya G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Irina A. Safonova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

Информация об авторах

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Ирина Александровна Сафонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.11>

UDC 811.161.1:81'28

LBC 81.411.2-025.7

Submitted: 06.01.2026

Accepted: 20.03.2026

FUNCTIONAL ANALYSIS OF DIALECT SPEECH

Olga Yu. Kryuchkova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Anna I. Buranova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Abstract. The uniqueness of dialect speech in general and of individual dialects is determined not only by the presence of specific units – the dialecticisms and associated with them interdialectal and dialect-literary differences, but also by the nature of the dialecticism word usage, functional relationship between dialect-literary correspondences, and the specific distribution of units of the national language in the speech of dialect speakers. The study was conducted with the material from the Saratov Dialect Corpus – samples from text subcorpora of dialects in the Saratov and Vologda regions, comprising a total of approximately 750,000 word tokens. The article presents the methodology and results of a functional analysis of non-literary vocabulary with various types; morphology in the speech of dialect speakers; the results of a functional (quantitative) assessment of the semantic and thematic composition of dialect speech; the peculiarities of the parts of speech usage in it; the distribution of the most important grammatical categorical meanings of nouns (distribution of case forms) and verbs (distribution of tense forms and their meanings). The quantitative distribution of the specified units is based on the samples from the dialects of different types (the Central Russian dialect with retention of unstressed “o” of Belogornoye village, Volsky district, Saratov region; the Central Russian dialect of Zemlyanye Khutora village; Atkarsky district, Saratov region, and the Northern Russian dialect of Megra village, Vytegorsky district, Vologda Region). Among the lexical units and morphological forms that do not coincide with the literary standard, the elements with different functional characteristics are identified, occupying a specific place on the scale of speech regularity/irregularity. High-frequency thematic word groups representing the specific world framework of the traditional folk culture speakers have been distinguished in the lexical and semantic structure of dialect speech. The functioning of case and verb tense meanings in dialect speech is explored, as well as the relationship between the specific distribution of these forms and the communicative and cognitive properties of dialect speech.

Key words: dialect speech, functional analysis, quantitative analysis, vocabulary, morphology, dialecticism.

Citation. Kryuchkova O.Yu., Buranova A.I. Functional Analysis of Dialect Speech. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 137-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.11>

УДК 811.161.1:81'28

ББК 81.411.2-025.7

Дата поступления статьи: 06.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Ольга Юрьевна Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

Анна Игоревна Буранова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

Аннотация. Своеобразие диалектной речи в целом и отдельных говоров обусловлено не только наличием особых единиц – диалектизмов и связанных с ними междиалектных и диалектно-литературных различий,

но и характером использования диалектизмов, функциональным соотношением диалектно-литературных соответствий, специфическим употреблением единиц общенародного языка в речи диалектоносителей. Исследование выполнено на материале Саратовского диалектного корпуса – выборка из текстовых подкорпусов говоров Саратовской и Вологодской областей общим объемом около 750 тыс. словоупотреблений. В статье представлена методика и результаты функционального анализа разных видов нелитературной лексики и нелитературной морфологии в речи диалектоносителей, результаты функциональной (количественной) оценки семантико-тематического состава диалектной речи, особенностей репрезентации в ней частей речи, дистрибуции значений важнейших грамматических категорий имен существительных (дистрибуция падежных форм) и глаголов (форм времени и их значений). Количественная дистрибуция указанных единиц рассмотрена на материале говоров разных типов (окающего среднерусского говора с. Белогорное, окающего среднерусского говора с. Земляные Хутора Саратовской области, севернорусского мегорского говора Вологодской области). Среди несовпадающих с литературным стандартом лексических единиц и морфологических форм выделены элементы с разными функциональными свойствами, занимающие определенное место на шкале речевой регулярности / нерегулярности. В лексико-семантической структуре диалектной речи выявлены высокочастотные тематические группы слов, репрезентирующие специфику картины мира носителей традиционной народной культуры. Показаны особенности функционирования падежных и глагольно-временных значений в диалектной речи и связь специфической дистрибуции соответствующих форм с коммуникативными и когнитивными свойствами диалектной речи.

Ключевые слова: диалектная речь, функциональный анализ, количественный анализ, лексика, морфология, диалектизм.

Цитирование. Крючкова О. Ю., Буранова А. И. Функциональный анализ диалектной речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 137–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.11>

Введение

Своеобразие диалектной речи в целом и отдельных говоров, как показывают исследования, базирующиеся на текстовом диалектном материале, определяется не только наличием в ней особых единиц – диалектизмов и связанных с ними междиалектных и диалектно-литературных различий, но и характером речевого использования диалектизмов, функциональным соотношением диалектно-литературных соответствий, специфическим распределением единиц общенародного языка в речи диалектоносителей (см., например: [Буранова, 2015; Крючкова, 2024]).

Для реализации функционального подхода к изучению диалектной речи продуктивным считаем предложенное С.П. Лопушанской определение общенародного языка как ядерно-периферийной структуры, в которой выделяется ядерное средство – литературный язык, обеспечивающий единство общенародного языка на всей территории его распространения и во всех сферах его применения, и периферийные разновидности – диалект, просторечие, жаргоны, в которых обнаруживаются различия в использовании общенародного языка

[Лопушанская, 2005, с. 11]. Другим значимым для функционального анализа диалектной речи является положение о привлечении к исследованию «большого массива языковых фактов, отражающих процесс взаимодействия различных пластов общенародного русского языка», по возможности исчерпывающего состава данных, имеющих текстообразующую или системообразующую значимость [Лопушанская, 2005, с. 16].

Материал и методы

Исследование выполнено на материалах Саратовского диалектного корпуса (о концепции и строении корпуса см.: [Крючкова, Гольдин, 2008; Крючкова, 2022]) – выборка из текстовых подкорпусов говоров Саратовской и Вологодской областей.

Методической базой анализа служит, во-первых, положение о характерной для диалектной речи вариантности [Баранникова, 1971; Панов 1966, с. 55] и необходимости наблюдений за относительными частотами вариантов единиц, на которые направлено внимание исследователя (см., например: [Баранникова, 1967]). С этих позиций выпол-

нен функциональный анализ разных видов нелитературной лексики и нелитературной морфологии в речи носителей среднерусского говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области (анализ названных явлений проведен на материале текстов объемом более 21 тыс. словоупотреблений).

Функциональный анализ диалектной коммуникации опирается, во-вторых, на обоснованную В.Е. Гольдиным концепцию коммуникативной диалектологии об общей специфике диалектной речи (независимо от ее территориального варьирования) [Гольдин, 2020], которая обнаруживается в том числе в своеобразных для данного идиома количественных распределениях средств общенародного языка. В настоящей статье представлены результаты функциональной (количественной) оценки семантико-тематического состава диалектной речи, особенностей использования в ней частей речи, дистрибуции значений важнейших грамматических категорий существительных (дистрибуция падежных форм) и глаголов (распределение форм времени и их значений). Количественная дистрибуция указанных единиц прослежена на материале говоров разных типов (окающего среднерусского говора с. Белогорное, акающего среднерусского говора с. Земляные Хутора Саратовской области, севернорусского мегорского говора Вологодской области), общий объем исследованных текстов в данной части функционального анализа – около 726 тыс. словоупотреблений.

Результаты и обсуждение

Функциональная оценка нелитературной лексики в составе диалектной речи

Из текстовой выборки записей диалектной речи в с. Белогорное были отобраны все контексты с нелитературными лексическими единицами и контексты с их литературными соответствиями. Фокусирование внимания на всех единицах, так или иначе выходящих за пределы литературной нормы (будь то собственно диалектизмы или нелитературные элементы общерусского распространения), – важный, на наш взгляд, принцип функционального анализа особенностей говора (в частности, его

лексических особенностей), ср. аналогичный принцип отбора лексики для «Архангельского областного словаря»: «Дифференциальность постулировалась как достаточно широкая – предписывалось обязательное включение в словарь всех записанных в диалекте слов, имеющих хоть какие-нибудь отличия от нейтральной литературной лексики» [Гецова, 1999, с. 187–188].

На первом этапе функционального анализа лексических особенностей речи носителей среднерусского говора был определен удельный вес нелитературной лексики в речи диалектоносителей и ее состав. Установлено, что нелитературные лексические единицы покрывают не более 1–3 % текстового пространства в каждом из проанализированных идиолектов (выборка включает тексты, записанные от 3 пожилых жителей села).

Среди нелитературных лексем, употребленных в речи информантов, меньшую часть составляют слова, которые можно было определить как собственно диалектные – лексические или семантические диалектизмы: *сибирка* ('печь'), *сряжать* ('договариваться'), *наsupроть* ('напротив'), *позьмо* ('усадебный участок, участок земли, надел'), *справно* ('спокойно, чинно'), *яблочко* ('завязь помидора'), *гоже* ('хорошо'), *калякать* ('разговаривать'), слова с корнем *кулугур-*, обозначающим отношение к старообрядчеству.

Лексические и семантические диалектизмы – нечастотные элементы диалектной речи. Однако несмотря на это они занимают важное место в лексической системе говора. Их значимость определяется уникальностью соответствующих номинативных знаков, их территориальной локализацией.

Основное место среди нелитературных лексических единиц, употребляемых в текстах выборки, занимают, во-первых, просторечные слова – территориально не локализованные единицы устной речи: *чего*, *чѐ* 'что', *больно* 'очень', *моментом* 'сразу', предлог *с* в значении 'из', такие лексемы, как *помереть*, *брякнуться* и под., и во-вторых, слова с лексикализованной фонетической или словообразовательной особенностью (фонетические и словообразовательные диалектизмы): *кажрый*, *одѣжа*, *накласть*, *ихний* / *ихий*, *Паска*, *Рожество*, *Масленца*, *нонче*,

топерь / топерьчи / теперьча, эстоль / столь ('столько'), *кстить / ксить, кщение, скрозь, туды, куды, нады, особе, глыбко, сваривать* ('сворачивать'), *запырять* ('забодать'), *маненьки / маленьки / маненько, головашка, грибик, цементовый, бревнистый, ростить, сродственники, костки, мяски, овчарка* ('работница, занимающаяся уходом за овцами'), *всходить* ('приходить в себя, в сознание'), *заположенеть* ('забеременеть'), *смотыжить* ('обработать мотыгой'), *пешеходом* ('пешком'), *вынашиваться* ('прекращать нестись'), *насадить* ('завести (о цыплятах)'), *хворосточек* ('хворостинка, палочка'), действительно ('на действительную службу') и под.

Второй этап функционального анализа лексического своеобразия говора направлен на уяснение места нелитературных лексических элементов в говоре как коммуникативной системе. На этом этапе мы стремимся получить ответ на вопрос об окказиональном или узуальном для говора статусе лексической единицы. Для решения данного вопроса необходим учет целого ряда функциональных параметров: соотношение частотности нелитературных лексем с частотой соответствующих им литературных форм; частот внутридиалектных вариантов; анализ идиолектной закреплённости / незакреплённости лексем; анализ текстовых условий употребления лексем (текстовой позиции); анализ дискурсивных факторов, влияющих на функционирование вариантов.

Мы сосредоточим далее наше внимание на функционировании просторечных элементов и фоно-морфемных модификаций общерусской лексики, которые, как было отмечено, являются основными типами нелитературных единиц в нашей выборке. В нашем материале большинство таких единиц – это слова единичного употребления, что не позволяет делать выводы об их узуальности для говора. Особенно это относится к словообразовательным вариациям общерусских слов: *накласть, ихний, Масленская, цементовый, костки, мяски, овчарка, смотыжить, пешеходом, вынашиваться*. Их образование может быть следствием более свободного, чем в литературной речи, словообразовательного моделирования, «образования индивидуальных слов по неиндивидуальным регулярным словообразова-

тельным моделям»; И.А. Оссовецкий отмечает, что «такую лексику в говоре, гораздо труднее отделить от общеупотребительной, чем это можно сделать на материале литературного языка (в ряде случаев это вообще невозможно)» (Словарь современного..., 1969, с. 17).

Часть единиц, выходящих за пределы литературного стандарта, встречается в текстах выборки неоднократно. Так, в исследованных текстах отмечена неоднократная встречаемость таких нелитературных единиц, как *грибик, всходить, кстить / ксить, кщение, туды, куды, топерь / топеря / топерьчи, маненьки / маленьки / маненько, нады, больно, нонче, кажный, ихний / ихий, чего* (в знач. 'что'). Однако их место в диалектной коммуникации различно. Здесь выстраивается целая шкала единиц по их регулярности в речи носителей говора. К числу регулярных, имеющих наибольшую коммуникативную устойчивость в говоре, относятся местоимение *чего* в знач. 'что' и наречия *куды, туды*. Названные лексемы неоднократно повторяются в исследованных текстах; встречаются на значительном «текстовом расстоянии»; воспроизводятся разными информантами; употребительность этих единиц значительно выше использования их литературных соответствий. Например, местоимение *что*, функционально соответствующее форме *чего*, встретилось в выборке лишь 1 раз во фразеологизированном выражении *да ты что!* Наречие *куды* абсолютно преобладает над литературным *куда*; *туды* употребляется в 2,5 раза чаще, чем *туда*. Таким образом, на основании приведенных данных, местоимение *чего* в знач. 'что', наречия *куды, туды* квалифицируются как устойчивые, регулярные элементы лексического состава говора.

Как относительно регулярные (имеющие меньшую степень регулярности) можно охарактеризовать наречия *маненьки / маленьки / маненько*. В проанализированных текстах литературные соответствия для этих лексем отсутствуют, однако наблюдается внутридиалектная вариантность. Ср.: *маненьки* уродится для меня; покупала эдакого лекарства/ спрыскивала// а то нет/ всё съедает/ всё съедает// но... *маленьки* успела; тут вот *маненько* через колонку пройдёшь... Активное варьирование диалектных лексем подчеркивает неустойчивость каждого из вариантов.

На границе зон регулярности – нерегулярности среди нелитературных лексем находятся наречия времени с корневым «о» *топерь / топеря / топерчи* и местоименные прилагательные *ихний / ихий*. Каждый из диалектных вариантов наречия с корневым «о» представлен в анализируемых текстах единичными (одним – двумя) употреблениями. При этом по совокупной частотности диалектные варианты вдвое превышают встречаемость литературного варианта *теперь*. Диалектно-литературная и внутридиалектная вариативность наречия времени (вариативный ряд включает также переходный просторечный вариант *теперьча* – так определена данная форма в: (Словарь диалектного..., 2003)) подчеркивает неустойчивость лексического выражения данной семантики. Местоименные варианты *ихний / ихий* и литературное *их*, находясь в отношениях свободного варьирования, характеризуются одинаковой частотностью, ср.: *всё это начали строить тут на ихим-то позьме-те; вот это место было / ихний-то дом был; Лякин родник// – Лякин? – да// ну там Лякины/ фамилия/ живут/ а он знает их*. На основании всех перечисленных функциональных свойств наречия с корневым «о» и нестандартные местоименные образования определяются как пограничные на шкале регулярности – нерегулярности.

Все остальные повторяющиеся в диалектных текстах нелитературные лексем не могут быть квалифицированы как регулярные. Так, неоднократно употребленные лексем *грибик, всходить, кстить / ксить, кщение, Масленца, нонче, кажный* отмечены идиолектной привязкой и, кроме того, встречается на небольшом расстоянии друг от друга (повтор по инерции), ср.: *...Масленца/ и за Масленцей Великий пост...; ...на быках возили солому зимой-то всю/ кажный день/ кажный день; ...кстят/ мирских-то// вот у нас одна/ эта/ кстилась/ в роднике/ в холодном там вон/ на Конце// я мол не положено/ потому что кщение/ кщение/ одно/ единое кщение/ а у них... – А Вы же крестились? По-кулугурски или как? – вот им/ фику! кситься я дам// я и ребёнка не дала своего/ ксить*.

Нерегулярность приведенных диалектизмов подчеркивается также такими их функциональными свойствами, как наличие литературных вариантов в непосредственной

близости от диалектного варианта (ср. в приведенном выше контексте варианты *кщение / крещение*); значительным разрывом в частоте диалектизма и его литературного соответствия в пользу последнего (ср.: *нонче* – 2 употребления в текстовой выборке, *сейчас* – 18).

Как функционально ограниченные характеризуются и лексем, повторяющиеся в речи разных информантов. Признаком нерегулярности лексической единицы в этом случае является дискурсивная закреплённость лексем. В нашем материале такой функциональной спецификой отмечены лексем *больно* (в знач. ‘очень’) и *нады*. Они зафиксированы в речи разных информантов. Однако их использование характерно для рассказов о значимых, тяжелых событиях прошлого; в других контекстах в речи тех же информантов преобладают литературные соответствия *очень* и *надо*. Ср.: (из рассказа об уходе мужа на фронт) *...ну в декабре месяце сорок второго года его взяли/ я осталась в положении ит него// ну и просила/ что мол/ больно уж время-т тяжёлое было/ война/ и... никак/ мы с мамой-т плохо/ у нас никакого запаса нету/ ничё мы/ только на картошке/ на тык... на тыквы/ на свёкле только жили/ на этим вот/ хлебного ничего не было// а он меня просит... <...> и говорю <...> «куда я? третьего я буду рожать// куда я? с мамой-то две/ а время вон какое плохое/ как я буду воспитывать-то?»// а уж он больно просил меня/ ой// не нады// ничего не делай»// я опять плачу/ «а чего я буду делать-то?»// <...> а он больно уж просил/ «не нады»// <...> «не нады/ Ксеиш/ а може сын будет// всё меня вспомнянешь».*

Функциональная ограниченность диалектного варианта модального слова *нады* подчеркивается также его постпозицией в контексте, содержащем в препозиции литературную форму *надо*: *...не знаю/ ей чего надо/ я ей помешала// ну специально ей нады*. Появление диалектного варианта в постпозиции по отношению к литературно нормативной форме может быть объяснено коммуникативной деактуализацией уже воспроизведенного в речевом акте языкового элемента (см.: [Гольдин, Сдобнова, 1992]).

Таким образом, среди нелитературных лексем в говоре наибольшей устойчивостью обладают местоименные и наречные единицы с лексикализованной фонетической особенностью.

Функциональная оценка нелитературной морфологии в составе диалектной речи

В текстовой выборке из подкорпуса с. Белогорное словоформы, не совпадающие с литературной нормой, составляют 1–2 % от общего числа словоупотреблений. При этом типы морфологических диалектизмов разнообразны: а) словоформы с грамматическими показателями, принадлежащими в литературном языке другому словоизменительному классу той же части речи (*молятся, братьёв, оне, яблочков, церква, своем, какем*); б) словоформы с грамматическими показателями, используемыми в литературном языке в парадигме той же части речи в иной грамматической функции (*в этом классе, в этом омёте, чём начинать и чём кончать*); в) словоформы с грамматическими показателями, отсутствующими в литературном языке в парадигме той же части речи (*виновати, палкими, женилси*); г) диалектные частицы *ти, ту, те, та, т*; д) стяженные формы (*сухоньки, всяки, старша*); е) словоформы, отличающиеся от литературных соответствий характером морфонологических чередований в основе (*текёт, помогут*).

Большинство из названных типов морфологических различий встречаются в речи всех информантов исследованной выборки, что, по всей видимости, свидетельствует об определенной устойчивости данных типов морфологических явлений в изучаемом говоре. Однако функциональный вес отмеченных особенностей неодинаков.

В речи всех информантов многократно употребляются диалектные частицы, что позволяет причислить эту грамматическую черту к характерологическим особенностям говора. Однако при кажущейся яркости этой диалектной черты наличие диалектных частиц нельзя признать регулярным. Сопоставление однотипных в фоно-морфологическом отношении контекстов с диалектными частицами и общелитературной частицей *то* показывает, что наибольшей (хотя и не абсолютной) регулярностью обладает диалектная частица *ти*, согласуемая с формами мн. числа существительных и прилагательных: *а она вот с внучатами-ти; дожди-ти были; вот тут... какие родники-ти* (но: *а так оне... родники-то кто знает*). Все другие позиции

употребления диалектных частиц, согласуемых с полнозначными словами по фоно-морфологическому принципу, вряд ли могут оцениваться как регулярные, так как частотной в этих позициях оказывается также и общелитературная частица *то*. Ср.: *старуху-ту оттуда-то вытащила она; а она в траву-ту растёт; вот как об эту пору-ту*. Но: *а мякину-то вот эти грибы-то и ели; три раза через башку-то кувыркалась; одёжу-то спрятали*.

Яркой морфологической особенностью говора является также местоименная форма *оне*. Однако ее частотность заметно разнится по идиолектам, и во всех случаях данная форма находится в отношении свободного варьирования с формой *они*. Ср.: *...а уж вот как они взрослые-ти/ хто восемь классов кончил/ хто десять классов кончил/ оне уж пошли... то в техникум/ то в ниститут/ то там куды чёго уж они// взрослые стали/ они уж все сейчас на работе; оне закрыли... героически они погибли/ закрыли своей... оне вот радиатор что ль... или редуктор/ не знай чёго*.

Подобный характер функционирования свойствен диалектным возвратно-заложенным глагольным формам на *-си* (типа *родилси, женилси*). Частота их употребления сочетается с активным параллельным использованием форм с постфиксом *-ся* и различается по идиолектам. Ср.: *мы не радовамси; мы в любой праздник не радовамся/ мы читаем с умилением; об них за упокой мы не молимси; такую-ту службу её всю ночь и... молимся; в субботу можно если собираемси; первый день всё-таки мы собираемся/ много нас*.

К числу менее частотных, но регулярных для говора нелитературных словоформ можно отнести глагольные словоформы с отсутствием характерного для литературной нормы чередования в основах: *текёт, могёт, прибегла, секётся, отвлекёшьси, ездю*. В проанализированных текстах не встретились формы глаголов с чередованиями.

Не абсолютно регулярной, но, вероятно, предпочтительной формой является в речи диалектоносителей местоименная форма Род. п. у ней. Она встречается чаще, чем литературная форма у неё: *она/ хворала/ у ней лёгкие больные были; вон родится у ней/ или чёго; у ней.../ как сказать.../ обряд подходящий*.

Нечастотными и нерегулярными (эпизодическими) являются формы глаголов II спряжения с окончаниями I спряжения (*молятся, ездют, учут, видют, привозют*); формы существительных женского рода с окончанием *-ов* в Род. п. мн. ч. (*девочков, курочков, моленнов, республиков*).

Другие не совпадающие с литературными формы можно, по всей видимости, отнести к числу лексикализованных морфологических особенностей. Таковы: форма Предл. п. с окончанием *-им* у местоимения *этот* (*училась я в **этим**... в третьем классе; на тыквы/ на свёкле только жили/ на **этим** вот; Сталин был/ при **этим** вот*); формы Твор. п. и Предл. п. с окончанием *-ем* у местоимения *какой* (*с мясом/ с салом **какем**; не помню в **какем** году*); формы мн. числа существительных мужского рода – наименований родственников *брат, сват, дядя* с ударными окончаниями *-ья, -ьёв* (*ну пришли **сватья**; и повели этих **сватьёв** туды/ к нам; два сироты/ были/ от **братьёв**; **дядья** не стали брать его*).

К идиолектной закреплённости близки, по-видимому, стяженные формы прилагательных, составляющие яркую речевую особенность одного информанта: *перва-то/ вот она с сорок восьмого года; **взрослы** стали; тут едет **знакома** женщина на велосипеде; ну я **малограмотна**; приезжали на мамыны години/ **старша** дочь/ с зятем*. Вместе с тем в речи того же информанта стяженные формы находятся в отношениях свободного варьирования с полными адъективными формами.

Таким образом, среди несовпадающих с литературной нормой морфологических форм наибольшей устойчивостью и регулярностью обладают диалектная частица *ти*, местоименные формы *оне, у ней*, возвратно-залоговые глагольные формы на *-си*, глагольные словоформы с отсутствием характерного для литературной нормы чередования в основах.

Функциональная оценка особенностей семантико-тематического состава диалектной речи

На материале текстовых массивов 3 говоров (2 среднерусских и 1 севернорусский) было произведено частотное ранжирование имен существительных. Выявлено, что наи-

более частотные в диалектных текстах имена существительные включены в следующие тематические классы: общие обозначения человека (*девчонка, человек, народ, молодежь*); термины родства (*мать, мама, дедушка, отец, сын, бабушка, муж*); обозначения животных (*лошадь, корова*); наименования построек (*дом*); лексемы религиозной тематики (*бог, церковь, господь, святой, крест*); лексемы, связанные с сельским хозяйством (*колхоз, земля*); наименования частей тела (*нога, рука*); наименования природных объектов (*речка, лес, вода*); наименования поселений и их частей (*город, деревня, двор, улица*); наименования пищевых продуктов (*хлеб, картошка*); существительные, обозначающие временные интервалы (*время, день, зима*); наименования учреждений (*больница, магазин*).

В состав наиболее частотных существительных входят также лексемы *война* (объясняется тем, что история семьи многих диалектоносителей связана с войной), *правда* (связано с актуальностью данного понятия для русской речевой культуры в целом, и в особенности для народной речевой культуры), *жизнь*.

Среди наиболее частотных глаголов выделяются глаголы движения (*ходить, приезжать, пойти, прийти, уходить, поехать, приходить, ездить, выходить, уезжать*), речевой деятельности (*говорить, рассказывать*), глаголы чувственного восприятия и ментальной деятельности (*знать, думать, видеть, хотеть, глядеть, понимать*), глаголы состояния (*умирать, оставаться, сидеть, становиться, стоять*), глаголы интеллектуальной деятельности (*читать, писать*), глаголы, связанные с рыночными отношениями (*купить, продавать*), глаголы, связанные с болезнью (*болеть, выхаживать*).

В состав наиболее частотной лексики входят некоторые наречные формы (*сейчас, потом, здесь, туда, много*), числительные (*один, два, три*), прилагательные (*хороший, большой, маленький, больной*).

Наибольшая часть высокочастотной лексики диалекта тематически непосредственно связана с человеком, его потребностями и повседневными проблемами, что подтверждает гипотезу об антропоцентричности диалектной картины мира.

Анализ высокочастотной лексики позволяет выявить представления о мире, которые репрезентированы в речи носителей диалекта. Человек представляется в его физической сущности (наименования частей тела, обозначения болезней и других состояний, обозначения пищи и процесса принятия пищи). Человек «социальный» представлен, прежде всего, в отношениях родства. Значимым оказывается также его отношение к трудовой деятельности (высокая частотность существительного *работа* и глаголов, связанных с ведением сельского хозяйства). Среди нравственных ориентиров выделяются религиозные и высшая ценность – *правда*. Преобладающие действия для диалектоносителей – движение и речь. Основой восприятия мира выступает чувственная рецепция. Наиболее важными параметрами оценки выступают размерные (*большой* – *маленький*) и субъективные (*хороший* – *плохой*) характеристики. Главная субстанция бытия для носителей диалекта – время, при этом время неконкретизированное (ср. частотность существительных, обозначающих значительные временные интервалы – *день*, *зима*, а также наречий *сейчас*, *потом*).

Функциональная оценка частеречной организации диалектной речи

Своеобразие диалектной речи проявляется в особой количественной дистрибуции грамматических классов слов – частей речи.

Преобладание глагольной лексики – характерная черта диалектной речи, которая непосредственно связана с активизацией репродуктивного (изобразительного) регистра в диалектном повествовании (см.: [Гольдин, 2009]). Увеличение доли глаголов связано с особенностями описания ситуаций и событий в диалектном дискурсе. Стремление диалектоносителей к максимальной детализации описываемых событий становится причиной активного употребления конструкций с однородными сказуемыми, а также конкретизации деятельностного компонента события (*гуляли – пели, танцевали, плясали*): *а потом вечер/ это молодежь все гуляли// у меня дом-то не позволял/ а в соседях вечер делали/ ребяташки/ девчонки пели/ танцевали/ плясали*. Свойственное диалектной коммуникации

предельно конкретизированное, панорамное представление событий создается также расчленением единой предикации, употреблением двуглагольных предикатов в высказываниях типа ...они *ходят* кресты *не носят* (см.: [Гольдин, Крючкова, 2008]).

Возрастание доли глагольной лексики в диалектной речи связано также с тем, что диалектоносители довольно часто прибегают к многократному повторению одной и той же лексемы при описании ситуаций, стремясь подчеркнуть их континуальный характер: *она одна ну не идет и не идет// ни к той свекрови/ ни ко мне не идет; вот гляди// мы вот танцуем и пляшем/ время одиннадцать/ двенадцать часов/ мы всё танцуем/ пляшем*.

Как показывает проведенный анализ, особенностью диалектной речи является меньший функциональный вес имен существительных в сравнении с глаголами. Уменьшение доли существительных, очевидно, связано с тем, что для диалектной речи характерно употребление неполных предложений, а также наиболее широкое использование анафорических местоимений. Ср. рассказ диалектоносителя о сыне и невестке: *приедёт/ придёт/ а не придёт/ её пошлёт/ скажет «вот там/ неси вот скажет/ ступай к маме сходи»// вон её// она придёт/ придёт и с ребятами/ сидим вот тут/ сидим*.

По характеру дистрибуции частей речи диалектная речь близка устно-разговорной литературной речи, которой также свойственно, в сравнении с другими формами речи, доминирование глаголов и уменьшение числа существительных и прилагательных за счет экспансии замещающих их местоимений, что объясняется «ситуативной прикрепленностью» и спонтанностью устного разговорного общения (см.: [Сиротинина, 1974; 1993, с. 141; Столярова, 1992, с. 6–24]). Ср.: «участникам разговора существительные не нужны, так как предметы ясны из предыдущего разговора», «наличие предметов, возможность переспроса делают ненужным уточнение предмета по его признаку», «говорящий не имеет времени для подыскивания необходимого прилагательного» [Сиротинина, 1974, с. 79].

Общность устной разговорной (диалектной и литературно-разговорной) речи состоит также в повышенной употребительности лек-

стики незначительной. Однако лексический состав наиболее частотных незначительных слов и их доли в диалектной и разговорно-литературной речи отличаются своеобразием. Диалектная речь характеризуется высокой частотой частиц и союзов-частиц, основное место среди которых принадлежит частице *вот* (3,55 %), союзам-частицам *и* (3,36 %), *а* (2,99 %). Ср. доли этих незначительных элементов в устно-разговорной русской речи по данным «Частотного словаря живой устной речи»: *вот* – 1,56 %, *и* – 2,07 %, *а* – 2,05 % (Ляшевская, Шаров, 2009). Специфичным для диалектной речи является также частое использование частицы *то* (1,73 %) и частицы *это* (1,40 %). В устном подкорпусе НКРЯ эти частицы, по сведениям названного словаря, не попадают в число высокочастотных лексем, тогда как в частотном списке диалектной речи данные частицы имеют соответственно 7-й и 11-й ранги.

Функциональная оценка падежных форм имен существительных в диалектной речи

На материале проанализированных текстовых выборок получены данные о функционировании падежных форм имен существительных в диалектной речи.

Дифференцирующую роль при разграничении языковых идиомов, как установлено проведенными ранее исследованиями, играет количественное соотношение Им., Род. и Вин. п. Устные формы всех разновидностей речи характеризуются возрастанием употребительности Им. и Вин. п. и снижением доли Род. п. (ср.: [Мартыненко, 1992, с. 48]). Однако при совпадении общего ранжированного списка падежей имен существительных в устно-литературной и диалектной речи и экспансии Им. п. как общей черты устно-разговорной коммуникации падежная дистрибуция в диалектной речи имеет свои особенности. Диалектную речь отличает больший количественный отрыв Вин. п. от Род. п. в сторону увеличения доли Вин. п. Так, в среднерусских говорах доля Вин. п. на 9,4 % выше доли Род. п., в текстах мегорского подкорпуса эта разница составляет 5 %, тогда как статистика падежей в устно-разговорной литературной речи показывает превышение доли Вин. п. в сравнении с Род. п. только на 3,3 %. Меньший

разрыв между Вин. и Род. п. в разговорной литературной речи подтверждается также данными Н.Г. Мартыненко. В определенном круге устных разговорных текстов корреляция Род. и Вин. п. может сдвигаться в сторону, хоть и незначительного, но преобладания Род. п. Таким образом, ранжированные списки трех падежей, наиболее значимых для дифференциации типов речи, несколько различаются для устно-разговорной литературной речи и диалектной речи, имея соответственно следующий вид: Им. – Род. / Вин. и Им – Вин. – Род. Вторая модель падежной дистрибуции имен существительных свойственна формам речи, речевым произведениям, отличающимся наибольшей степенью разговорности. Диалектная речь, которая занимает на шкале возрастания разговорности наивысшую позицию, репрезентирует в данном случае эталонную матрицу «разговорного» распределения падежей.

Функциональная оценка глагольных времен и их значений в диалектной речи

Анализ выборок из текстовых диалектных корпусов показал особенности распределения форм глагольных времен и их значений в диалектной коммуникации.

Нежесткое (динамичное) количественное соотношение форм настоящего и прошедшего времен в устно-разговорной коммуникации служит, по наблюдениям исследователей разговорной литературной речи, ее отличительным признаком (ср.: «В организации разговорной речи прошедшее время участвует наравне с настоящим» [Санджи-Гаряева, 1992, с. 120]), тогда как другие типы речи характеризуются преобладанием одной из названных временных форм: основой художественного повествования является прошедшее время, в научном стиле преобладают формы настоящего времени (см.: [Санджи-Гаряева, 1992, с. 120; Сиротинина, 1974, с. 88]).

Специфика диалектной речи как особой формы устно-разговорной коммуникации связана, прежде всего, не с количественным распределением глагольных времен, а с реализуемыми в диалектном дискурсе функциями временных форм.

Абсолютное большинство форм прошедшего времени употребляется в диалектной

речи в прямом значении для обозначения действий и событий прошлого, ср.: *ну/ конечно/ пригласил тут такого паренька/ который вроде того/ что ухаживал за ними// ... и не знаю// сколько они ему дали прибыли/ там это// ну много у него было/ этих/ маленьких поросят; закрыли у нас эту моленную// очень преследовали/ иконы отнимали/ книги отнимали/ всё мы прятали// вот.*

Употребления форм прошедшего времени в переносном значении (в значении будущего) в нашем материале единичны, ср.: *вот она мне говорит все это// да так я и поверила.*

Количественное распределение семантических функций форм настоящего времени в диалектных текстах во многом совпадает с распределением этих значений в устно-разговорной литературной речи. К общим чертам устно-разговорной коммуникации можно отнести редкое употребление настоящего «момента речи» (высказывания типа *а вон и дедушка идёт// вот я в окно вижу* составляют в нашей выборке всего лишь 3 % от всех употреблений форм настоящего времени), активное употребление «настоящего расширенного» – около 25 % употреблений (*она проточная вода-то/ она никогда не заразится// она откуда-то/ мы и сами не знаем откуда она идёт// она идёт и идёт// вот скока лет*), актуализацию семантики повторяющегося или обычного действия в «настоящем постоянном» (*саму хорошу песню вот/ её обычно под конец/ это/ поют; да у меня есть/ у меня учёт/ я всегда веду это сколько я окорочков купил/ сколько я яиц/ сколько молока// и так у меня каждый месяц*).

К специфике диалектного повествования следует, по-видимому, отнести некоторое увеличение доли «настоящего постоянного» в абстрактном значении, часто используемом в рассказах о традиционных обрядах (*это вот когда жених идёт/ невесту тут/ значит/ не пускают; жених у ворот/ жених у ворот дожидается/ дожидается*), а также еще большую, чем в устно-разговорной литературной речи, употребительность форм настоящего времени в значении «настоящего исторического». Ср.: в нашей выборке словоформы в значении «настоящего исторического» составляют около 40 %, тогда как в устно-разговорной литературной речи, по данным З.С. Санджи-Гаряевой, насчитывается лишь

15 % таких употреблений [Санджи-Гаряева, 1992, с. 118]. Настоящее историческое время регулярно используется в диалектном повествовании как средство образной актуализации событий прошлого, наиболее яркого и точного их представления в речи: *смотрю... а мины/ оне как/ вот она долетает до мёртвой точки/ и прям падает отвесно/ прямым углом; ну/ а я взяла и накупила на эти пять копеек тернослива/ ребятишкам в классе всем раздала// прихожу домой-то/ мама говорит// «Зин/ где тетрадки-то?».*

Формы будущего времени глаголов встречаются в речи информантов-диалектоносителей реже всего. Примеров форм будущего времени в переносном значении в речи диалектоносителей не зафиксировано, тогда как в литературном языке подобные переносы встречаются (например, формы будущего в значении абстрактного настоящего). Формы будущего времени глаголов наиболее частотны в тех фрагментах, когда диалектоноситель поучает и наставляет молодых диалектологов, акцентируя внимание на последствиях действий в настоящем: *не курите/ большой позор и грех большой// ой// в роту все время сатана будет сидеть// не курите// не курите// бросьте// если кто курит/ бросьте// сатана будет в роту сидеть.*

Таким образом, особенности диалектной коммуникации как особой лингвокультурной разновидности устно-разговорного общения оказывают влияние на функционирование глагольной категории времени. Такие характерные черты народно-речевой культуры, как стремление к максимальной актуализации событий прошлого, частое обращение к традициям и обычаям, склонность к поучению объясняют особенности распределения временных форм глаголов и их значений в диалектной речи.

Заключение

Функциональный анализ лексических и морфологических особенностей говоров на материале корпуса диалектных текстов позволяет не ограничиваться инвентаризацией этих особенностей, выявлять такие характеристики внелитературных единиц, как частотность, регулярность, дискурсивная и идиолектная закрепленность их употребления, оценивать

их функциональный вес в диалектной коммуникации, их вклад в своеобразие диалектной речи говором разных типов.

Изучение количественных параметров диалектной речи позволяет также оценить степень общности языковых идиомов, образующих «ареал нерегулируемого речевого поведения» (см.: [Нещименко, 2003]), и характер внутренней дифференциации форм речи, используемых в сфере непринужденной неофициальной коммуникации.

Функциональный подход может быть применен при изучении особенностей раз-

ных языковых уровней в составе диалектных систем. Этот подход отвечает теоретическим приоритетам современной лингвистики – к моделированию языка, ориентированному на узус, речь (см., например: [Плунгян, 2008]). Современная диалектология располагает источниками (фонотеками записей связной диалектной речи, собраниями ее текстовых расшифровок, аннотированными текстовыми корпусами), позволяющими осуществить такие исследования и охарактеризовать специфичность диалектной речи с точки зрения особенностей использования в ней ресурсов общенародного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранникова Л. И., 1967. Русские народные говоры в советский период : (К проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов : СГУ. 206 с.
- Баранникова Л. И., 1971. О вариантных единицах диалектных систем // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Москва : Наука. С. 31–38.
- Буранова А. И., 2015. Количественные признаки языковых идиомов: диалектная речь на фоне литературно-разговорной (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 211 с.
- Гецова О. Г., 1999. Место общерусской лексики в лексических системах современных говором (в свете новых диалектных данных) // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т. С. 186–188.
- Гольдин В. Е., 2009. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 9, вып. 1. С. 3–7.
- Гольдин В. Е., 2020. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии // Речевое сознание. Речевая коммуникация: избранные работы. Саратов : Изд-во СГУ. С. 291–330.
- Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю., 2008. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Москва : Наука. Кн. 3 (9). С. 398–413.
- Гольдин В. Е., Сдобнова А. П., 1992. Диалектное варьирование в коммуникативно сильных и коммуникативно слабых позициях // Соотношение системности языка и его функционирования. Нижний Новгород : [б. и.]. С. 102–111.
- Крючкова О. Ю., 2022. Диалектная речь в цифровом представлении: научный и культурный потенциал // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. Ч. 1. Гродно : ГрГУ. С. 206–212.
- Крючкова О. Ю., 2024. Некодифицированные лексические элементы в речи диалектоносителей // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 3 (41). С. 213–220. DOI: 10.31912/pvrl-2024.3.16
- Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е., 2008. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). С. 268–273.
- Лопушанская С. П., 2005. Взаимодействие русского литературного языка и нижеволжских говором по данным матричной реконструкции // Взаимодействие русского литературного языка и территориальных диалектов. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 11–22.
- Мартыненко Н. Г., 1992. Категория падежа // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Саратов : Изд-во СГУ. С. 47–64.
- Нещименко Г. П., 2003. Языковая ситуация в славянских странах. Москва : Наука. 279 с.
- Панов М. В., 1966. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. Москва : Наука. С. 55–122.

- Плунгян В. А., 2008. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. № 2 (16). С. 7–20.
- Санджи-Гаряева З. С., 1992. Категория времени // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Саратов : Изд-во СГУ. С. 110–124.
- Сиротинина О. Б., 1974. Современная разговорная речь и ее особенности. Москва : Просвещение. 142 с.
- Сиротинина О. Б., 1993. Разговорная речь // Функциональные стили и формы речи. Саратов : Изд-во СГУ. С. 137–148.
- Столярова Э. А., 1992. Части речи // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Саратов : Изд-во СГУ. С. 4–46.

СЛОВАРИ

- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва : Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья / авт.-сост. Т. Б. Банкова, О. И. Блинова, С. В. Сыпченко. Томск : Том. гос. ун-т, 2003. 370 с.
- Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссоветского. Москва : Наука, 1969. 616 с.

REFERENCES

- Barannikova L.I., 1967. *Russkije narodnyje govory v sovetskij period: (K probleme sootnoshenija jazyka i dialekta)* [Russian Folk Dialects in the Soviet Period: (On the Problem of the Relationship Between Language and Dialect)]. Saratov, SGU Publ. 206 p.
- Barannikova L.I., 1971. O variantnykh jedinitsakh dialektnykh system [On Variant Units of Dialect Systems]. *Problemy istorii i dialektologii slavjanskikh jazykov* [Problems of the History and Dialectology of Slavic Languages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 31-38.
- Buranova A.I., 2015. *Kolichestvennyje priznaki jazykovykh idiomov: dialektnaja rech na fone literaturno-razgovornoj (na materiale russkogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk* [Quantitative Features of Linguistic Idioms: Dialectal Speech Against the Background of Literary and Colloquial Speech (Based on the Russian Language). Cand. philol. sci. diss.]. Saratov. 211 p.
- Getsova O.G., 1999. Mesto obshcherusskoj leksiki v leksicheskikh sistemakh sovremennykh govorov (v svete novykh dialektnykh dannyx) [The Place of Russian Vocabulary in the Lexical Systems of Modern Dialects (In the Light of New Dialect Data)]. *Russkij jazyk i rusistika v sovremennom kulturnom prostranstve* [Russian Language and Russian Studies in the Modern Cultural Space]. Yekaterinburg, Ural. gos. un-t, pp. 186-188.
- Goldin V.Je., 2009. Povestvovaniye v dialektnom diskurse [Narration in Dialect Discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], vol. 9, iss. 1, pp. 3-7.
- Goldin V.Je., 2020. Teoreticheskiye problemy kommunikativnoj dialektologii [Theoretical Problems of Communicative Dialectology]. *Rechevoje soznaniye. Rehevaja kommunikatsiya: izbrannyye raboty* [Speech Consciousness. Speech Communication: Selected Works]. Saratov, Izd-vo SGU, pp. 291-330.
- Goldin V.Je., Krjuchkova O.Ju., 2008. Tekst i znaniye v dialektnoj kommunikatsii [Text and Knowledge in Dialect Communication]. *Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii* [Materials and Research on Russian Dialectology]. Moscow, Nauka Publ., book 3 (9), pp. 398-413.
- Goldin V.Je., Sdobnova A.P., 1992. Dialektnoye varjированиye v kommunikativno silnykh i kommunikativno slabykh pozitsiyakh [Dialectal Variation in Communicatively Strong and Communicatively Weak Positions]. *Sootnosheniye sistemnosti jazyka i jeho funktsionirovaniya* [The Relationship Between the Consistency of Language and Its Functioning]. Nizhniy Novgorod, s.n., pp. 102-111.
- Kryuchkova O.Yu., 2022. Dialektnaja rech v tsifrovom predstavlenii: nauchnyj i kulturnyj potentsial [Dialect Speech in Digital Representation: Scientific and Cultural Potential]. *Slavyanskij mir i natsionalnaja rehevaja*

- kultura v sovremennoj komunikatsii. Ch. 1* [The Slavic World and National Speech Culture in Modern Communication. Pt.1]. Grodno, GrGU, pp. 206-212.
- Kryuchkova O.Yu., 2024. Nekodifitsirovannyje leksicheskiye element v rechi dialektonositelej [Uncodified Lexical Elements in the Speech of Dialect Speakers]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], no. 3 (41), pp. 213-220. DOI: 10.31912/pvrl-2024.3.16
- Kryuchkova O. Yu., Goldin V.Je., 2008. Tekstovyyj dialektologicheskij korpus kak model traditsionnoj selskoj kommunikatsii [Text Dialectological Corpus as a Model of Traditional Rural Communication]. *Kompyuternaja lingvistika i intellektualnyje tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies], iss. 7 (14), pp. 268-273.
- Lopushanskaja S.P., 2005. Vzaimodejstviye russkogo literaturnogo jazyka i nizhnevolzhskikh govorov po dannym matrichnoj rekonstruktsii [Interaction of the Russian Literary Language and Lower Volga Dialects According to Matrix Reconstruction Data]. *Vzaimodejstviye russkogo literaturnogo jazyka i territorialnykh dialektov* [Interaction of the Russian Literary Language and Territorial Dialects]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 11-22.
- Martynenko N.G., 1992. Kategorija padezha [The Category of Case]. *Razgovornaja rech v sisteme funktsionalnykh stilej sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Grammatika* [Colloquial Speech in the System of Functional Styles of the Modern Russian Literary Language. Grammar]. Saratov, Izd-vo SGU, pp. 47-64.
- Neshchimenko G.P., 2003. *Jazykovaja situatsija v slavyanskikh stranakh* [Language Situation in Slavic Countries]. Moscow, Nauka Publ. 279 p.
- Panov M.V., 1966. Russkij jazyk [Russian Language]. *Jazyki narodov SSSR. T. 1. Indojevropejskije jazyki* [Languages of the Peoples of the USSR. Vol. 1. Indo-European Languages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 55-122.
- Plungjan V.A., 2008. Korpus kak instrument i kak ideologija: o nekotorykh urokakh sovremennoj korpusnoj lingvistiki [Corpus as a Tool and as an Ideology: Some Lessons of Modern Corpus Linguistics]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (16), pp. 7-20.
- Sandzhi-Garjaeva Z.S., 1992. Kategorija vremeni [The Category of Time]. *Razgovornaja rech v sisteme funktsionalnykh stilej sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Grammatika* [Colloquial Speech in the System of Functional Styles of the Modern Russian Literary Language. Grammar]. Saratov, Izd-vo SGU, pp. 110-124.
- Sirotnina O.B., 1974. *Sovremennaja razgovornaja rech i jeje osobennosti* [Modern Colloquial Speech and Its Features]. Moscow, Prosveshchenije Publ. 142 p.
- Sirotnina O.B., 1993. Razgovornaja rech [Colloquial Speech]. *Funktsionalnyje stili i formy rechi* [Functional Styles and Forms of Speech]. Saratov, Izd-vo SGU, pp. 137-148.
- Stoljarova Je.A., 1992. Chasti rechi [Parts of Speech]. *Razgovornaja rech v sisteme funktsionalnykh stilej sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Grammatika* [Colloquial Speech in the System of Functional Styles of the Modern Russian Literary Language. Grammar]. Saratov, Izd-vo SGU, pp. 4-46.

DICTIONARIES

- Lyashevskaja O.N., Sharov S.A. *Chastotnyj slovar sovremennogo russkogo jazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo jazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Materials of the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- Bankova T.B., Blinova O.I., Sypchenko S.V., eds. *Slovar dialektного prostorechija Srednego Priobja* [Dictionary of the Dialectal Vernacular of the Middle Ob Region]. Tomsk, Tom. gos. un-t, 2003. 370 p.
- Ossovetskij I.A., ed. *Slovar sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Rjazanskogo rajona Rjazanskoj oblasti)* [Dictionary of Modern Russian Folk Dialect (Deulino, Ryazan District, Ryazan Region)]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 616 p.

Information About the Authors

Olga Yu. Kryuchkova, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Anna I. Buranova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, aburanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2246-6138>

Информация об авторах

Ольга Юрьевна Крючкова, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Анна Игоревна Буранова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, aburanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2246-6138>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.12>

UDC 811.161.1'06:81'373.611

LBC 81.411.2-20

Submitted: 20.01.2026

Accepted: 20.03.2026

DYNAMICS OF WORD EVALUATION IN MODERN MEDIA AND LITERARY TEXTS: LEXICAL AND WORD-BUILDING ASPECTS ¹

Larisa V. Ratsiburskaya

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Marina V. Sandakova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article represents the results of research into pragmalinguistic, semantic, and word-building peculiarities of evaluative words in modern texts. The purpose of the article is to conduct a semantic-and-pragmatic analysis of evaluative lexical units, as well as a structural-and-functional analysis of evaluative word-building means in the structure of media neologisms. The authors use methods of word-building and semantic analysis, as well as a comparative analysis of dictionary entries from lexicographic sources of the 20th – 21st centuries. The research is based on extensive material from print and electronic media, television and radio broadcasts of recent years, as well as works of contemporary fiction. The National Corpus of the Russian Language has also been used. The article describes means and factors of forming evaluation in the modern Russian language. It explores the semantic evolution of a number of words in the 20th – 21st centuries. Metaphorical transfer *локомотив* (*locomotive*) is described as one of the ways of evaluation formation. The article also examines the emergence of semantic neologisms, e.g. *ювелирный* (*jewellery*), in the language of the recent period. It identifies semantic and evaluative enantiosemes in the structure of the meanings of a polysemantic word *прорыв* (*breakthrough*). The article characterizes the evaluative correlation of a word with its contextual environment. The functional dynamism of evaluative word-building means is characterized. Different types of word-building affixes are identified in the aspect of forming evaluation in media neologisms.

Key words: evaluation, semantic derivation, metaphor, enantiosemy, lexicography, word-building derivation, neologisms, word-building affixes.

Citation. Ratsiburskaya L.V., Sandakova M.V. Dynamics of Word Evaluation in Modern Media and Literary Texts: Lexical and Word-Building Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 151-165. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.12>

УДК 811.161.1'06:81'373.611

ББК 81.411.2-20

Дата поступления статьи: 20.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ДИНАМИКА ОЦЕНОЧНОСТИ СЛОВА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЙНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ¹

Лариса Викторовна Рацибурская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Марина Всеволодовна Сандакова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения прагмалингвистических, семантических и словообразовательных особенностей оценочных слов в современных текстах. Цель статьи – семантико-прагматический анализ оценочных лексических единиц; структурно-функциональный анализ оценочных словообразовательных средств в составе медийных новообразований. Используются методы словообразовательного и семантического анализа, сопоставительного анализа словарных статей лексикографических источников XX–XXI веков. Работа выполнена на обширном материале медийных текстов печатных и электронных СМИ, теле- и радиоэфира последних лет, а также произведений современной художественной литературы; привлечены данные Национального корпуса русского языка. Описаны средства и факторы формирования оценочности в современном русском языке. Исследована семантическая эволюция ряда слов в XX–XXI веках. В качестве одного из путей формирования оценочности показан метафорический перенос (*локомотив*). Продемонстрировано возникновение семантических неологизмов в языке новейшего периода (*ювелирный*). Установлена семантико-оценочная энантиосемия в структуре значений многозначного слова (*прорыв*). Охарактеризованы оценочная корреляция слова с его контекстным окружением и функциональный динамизм оценочных словообразовательных средств. Выявлены разные виды словообразовательных аффиксов в аспекте формирования оценочности медийных новообразований.

Ключевые слова: оценка, семантическая деривация, метафора, энантиосемия, лексикография, словообразовательная деривация, новообразования, словообразовательные аффиксы.

Цитирование. Рацибурская Л. В., Сандакова М. В. Динамика оценочности слова в современных медийных и художественных текстах: лексический и словообразовательный аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 151–165. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.12>

Введение

Формированию широкого спектра оценочных средств русского языка, которые активно используются в современных медийных и художественных текстах, способствовали «происходящие на рубеже XX–XXI вв. процессы демократизации языка, повышение эмоциональности и раскованности коммуникации, размывания литературной нормы» [Рацибурская, Сандакова, 2023, с. 69].

В работах С.П. Лопушанской научная доминанта современной лингвистики определяется как «язык мыслящей личности», «чье восприятие действительности находит опосредованное отражение в языке в процессе речемыслительной деятельности» [Горбань, Шептухина, 2011, с. 7]. Развивая идеи представителей Казанской лингвистической школы – И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого – о разграничении синхронии и диахронии в языке, С.П. Лопушанская предложила подход, позволяющий определить некоторые закономерности развития и функционирования лингвистических фактов «с учетом особенностей мышления и восприятия отдельной личности, условно принятой в качестве эталона определенной хронологической, этнической и культурной

отнесенности» [Лопушанская, 1998, с. 338]. Активная речевая деятельность человека ярко проявляется в функционировании и динамике оценочных средств языка, к которым, в частности, относится семантическая структура слова.

Семантическая структура слова понимается в работах С.П. Лопушанской как «единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным образом в соответствии системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (тексте)» [Лопушанская, 1988, с. 5]. Семантическая структура по-разному может реализовываться в контексте и «обнаруживает взаимодействие разноуровневых признаков (лексических, словообразовательных, формообразующих, словоизменительных и словосочетательных)» [Лопушанская, 1990, с. 79].

Оценка, закрепленная в слове, служит одним из основных способов передачи представлений о ценностях посредством языковых единиц. Отражая существующую в общественном сознании систему духовных, нравственных, эстетических ценностей, она изменяется вместе с перестройкой этой системы.

Подвижность оценки языковых единиц в конце XX и в XXI в. стала объектом целого

ряда научных работ (см.: [Васильев, 2014; Марьянчик, 2013; и др.]).

Векторы изменения оценки разнонаправленны. С одной стороны, на рубеже веков многие оценочно нейтральные слова, вместе с семантическими изменениями, получили положительную оценку: *экслюзивный, элитный, глянцевоый, сексуальный* и др. [Кронгауз, 2007; Ермакова, 2008]. С другой – статус нейтральных обрели обозначения реалий, вызывавших в советское время негативное общественное отношение: *карьерист, индивидуалист, амбициозный* [Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2012]. Как было показано в лингвистической литературе, за оценочными трансформациями стоят изменения в аксиосфере.

Исследуя процессы в области глагольного словообразования, С.П. Лопушанская затронула вопросы динамики сочетаемости морфем и валентностных возможностей производящих основ в словообразовательных процессах при формировании семантической структуры новообразований.

Оценочность новообразований формируется различными средствами, и прежде всего деривационными аффиксами. В современных словообразовательных процессах наблюдается функциональный динамизм оценочных словообразовательных средств [Николина, Рацибурская, 2023].

Данная работа представляет собой продолжение наших исследований, проведенных на материале класса оценочных интенсификаторов, формирующихся в результате действия механизмов семантической и словообразовательной деривации (см.: [Коряковцева, Рацибурская, Сандакова, 2021; Рацибурская, Сандакова, 2023]).

Цель статьи – семантико-прагматический анализ оценочных лексических единиц; структурно-функциональный анализ оценочных словообразовательных средств в составе медийных новообразований.

Материал и методы

Материалом исследования послужили медийные тексты печатных и электронных СМИ, теле- и радиоэфира последних лет; художественные произведения XXI века. Привлекаются тексты Национального корпуса

русского языка (НКРЯ), данные толковых словарей русского языка XX–XXI веков.

Работа выполнена с использованием методов словообразовательного, семантического, корпусного анализа; сопоставительного анализа материалов различных лексикографических источников; контекстуального анализа значения слова.

Изучение медийного дискурса позволяет выявить стоящие за активными процессами в современном русском языке форматы знания, ценностные приоритеты и модели коммуникации носителей языка, то есть установить, как сегодня меняются национально-специфичные, традиционные русские способы языкового освоения действительности, насколько серьезны изменения в той концептуальной области, которую принято именовать «русская языковая картина мира» [Маркова и др., 2020].

Результаты и обсуждение

Метафоризация слова и динамика оценки

Образные метафорические значения в современных художественных и медиатекстах репрезентируют фрагменты языковой картины мира, отражают состояние российского социума и происходящие в нем перемены.

Возникновение оценки или смена ее знака на противоположный нередко сопровождает процессы семантической деривации, одним из которых является метафоризация (см.: [Сандакова, 2025]).

Покажем это на примере динамики образных оценочных метафор *прорыв, локомотив, напёрсточник, пещерный, ювелирный* в современных текстах.

Прорыв

У существительного *прорыв* развились два метафорических значения, имеющих противоположную оценочность.

Одно из них базируется на «аварийно-катастрофических» смыслах прямого и метонимического значений (*прорвать плотину, прорыв газопровода, прорыв в трубе*).

Это значение, появившееся в языке в советский период и отражающее реалии социального строя, зафиксировано в толковом

словаре под редакцией Д.Н. Ушакова как семантический неологизм того времени: «*Перен. Невыполнение в срок или с должной полнотой плана, задания (нов.)*» (СУ, т. 3, с. 992). В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой оно также присутствует: «*Перен. Невыполнение в срок задания, плана, отставание*» (МАС, т. 3, с. 517). Для такой метафоры естественно употребление в отрицательно-оценочных контекстах:

(1) У нас **прорыв**: стали две машины. Нет валов (НКРЯ: В. Шукшин. Коленчатые валы. 1958);

(2) Так кто же ты, если, видя завод в **прорыве**, в катастрофе, не задумался о причинах и конкретных мерах...? (НКРЯ: Г. Николаева. Битва в пути. 1959);

(3) Случилось это поздней осенью позапрошлого года, когда район оказался в **прорыве** по льнозаготовкам. Лён не уродил, не вырос, потому что с весны засушило, а сдавать было надо, и мужики сплошь стали недоимщиками (НКРЯ: В. Быков. Знак беды. 1982).

Другое, мелиоративное метафорическое значение, бытует в таких контекстах, как *прорыв в будущее, прорыв человека в космос, духовный прорыв* и под. Лексикографическую фиксацию оно получило позднее негативного, ср. толкование в «Стилистическом словаре публицистики» Г.Я. Солганика: «*Позит. Об открытии, духовном прозрении, крупном достижении, связанных с преодолением значительных трудностей, препятствий*» (ССП, с. 457).

В современных медиатекстах эта метафора частотна при описании крупных социально значимых достижений, выдающихся побед в самых разных областях деятельности. Приведем несколько примеров:

(4) Депутат Виталий Милонов подчеркнул, что тенденция наметилась положительная. И хотя про демографический **прорыв** говорить рано, но положительная динамика имеется (Комсомольская правда. 24.12.2025);

(5) Из серьезных художественных **прорывов** можно назвать разве что социальную драму «Кончится лето», в которой российские традиции были подкреплены свежей творческой энергией кино Якутии. И, пожалуй, «Филателию» – прощальную, очень сильную работу ушедшей в этом году Натальи Назаровой (Российская газета. 20.12.2025);

(6) Ученые Академии наук в условиях эвакуации, блокады, острого дефицита ресурсов совер-

шили **прорывы**, которые спасли страну и заложили основу для послевоенного технологического рывка (Российская газета. 24.12.2025).

На базе данной субстантивной метафоры в языке конца XX – начала XXI в. развилась адъективная метафора *прорывной*, также с мелиоративной оценкой: *прорывные технологии, научные открытия, направления развития экономики*. Ср. в более широких контекстах:

(7) Но когда появляется **прорывная** работа, не всегда ясно, насколько она будет востребована, а ее результаты – использованы в дальнейшем. Когда изобрели полупроводники, то к ним относились как к забавной игрушке. Теперь без полупроводников немислим ни один электронный прибор (Труд. 05.10.2010);

(8) Микрогравитация позволяет создавать экспериментальные модели заболеваний *in vitro*, которые невозможно имитировать в земных условиях. Это обеспечивает беспрецедентные возможности для **прорывных** научных исследований. (Российская газета. 25.12.2025);

(9) Мы считаем, что наша миссия – дать детям тот самый вклад в будущее: не только знания, но и моральный компас, веру в их потенциал и понимание, что самые **прорывные** решения рождаются из стремления сделать мир лучше (Российская газета. 25.12.2025).

Таким образом, развитие метафорических значений существительного *прорыв* породило его семантическую и оценочную энантиосемию; прилагательное *прорывной* унаследовало лишь положительно-оценочную семантику своего субстантивного мотиватора.

Локомотив

У существительного *локомотив* есть метафорическое значение, зафиксированное в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова: «*Перен. Движущая сила*» (СУ, т. 2, с. 86). Оно иллюстрируется единственным примером – высказыванием К. Маркса: «*Революция – локомотив истории*». В «Стилистическом словаре публицистики» Г.Я. Солганика повторяется и толкование, и пример.

Как показывают современные употребления, эта метафора встречается преимущественно в контекстах, выражающих положительную оценку. Она может служить для

обозначения факторов и условий позитивных изменений в какой-либо сфере жизни:

(10) Программа поддержки сельского строительства должна стать **локомотивом** развития села... (НКРЯ: Парламентская газета. 20.05.2021);

(11) Хотя в Ставропольском крае много делается для развития курортов, **локомотивом** позитивных изменений должно стать создание комфортной среды в населенных пунктах по всему региону (НКРЯ: Парламентская газета. 11.08.2021);

(12) В нынешнем росте цен на нефть лежат как раз экономические факторы, в том числе улучшение ситуации в странах, которые считаются **локомотивами** мирового роста (НКРЯ: Парламентская газета. 25.11.2020).

Локомотив может выражать также более конкретное значение – субъектное: ‘тот, кто (то, что) идет впереди в каком-либо социально значимом движении (процессе), является его лидером’:

(13) Как заявил в своем выступлении президент России Владимир Путин, ШОС удалось стать настоящим **локомотивом** многополярности (Российская газета. 19.12.2025);

(14) Более того, по его оценке, Россия и Беларусь подают хороший пример и являются **локомотивом** интеграционных процессов на постсоветском пространстве (Российская газета. 21.12.2025);

(15) Новосибирская область в этом плане является мощным **локомотивом**. В целом, цель проекта «ПИШ» – не просто готовить инженеров, а создавать лидеров, способных отвечать на самые сложные технологические вызовы и обеспечивать конкурентоспособность России на мировой арене... (Российская газета. 18.12.2025).

Напёрсточник

Слово *напёрсточник* развивает отрицательно-оценочное метафорическое значение. Его исходное значение зафиксировано в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова: «Разг. Мошенник, промышляющий азартной игрой, в которой шарик прикрывается маленькими стаканчиками, напоминающими напёрстки» (БТС, с. 592).

Метафорическое употребление сопровождается расширением значения. *Напёрсточником* называют любого мошенника, что было

отражено в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Н.Ю. Шведовой в добавлении к толкованию: «...вообще ловкий мошенник, манипулятор» (СШ, с. 488). Ср.:

(16) Банк ОНЭКСИМ был назван «кидалой», а Потанин – «**напёрсточником**» (НКРЯ: Независимая газета. 02.08.1997);

(17) А громадную разницу между реальной низкой и фиктивной псевдорыночной ценой электроэнергии ловкие «**напёрсточники**» станут присваивать (НКРЯ: Труд-7. 10.09.2004).

Сегодня происходит дальнейшее расширение значения: номинация выходит за пределы обозначений лиц по криминальной деятельности, связанной с денежными, финансовыми, имущественными и другими махинациями, и становится широкой уничижительной характеристикой любых обманщиков. Именно широкое значение сформулировано в «Большом толково-объяснительном словаре русского языка» Л.И. Скворцова: «(Перен.). О ком-л., ведущем себя подобно напёрсточнику» (БТОС, т. 2, с. 482). Примеры употреблений:

(18) В ответе одной из задач «минус» был переправлен на «плюс». Причем ручкой другого оттенка. <...> «**Напёрсточники**» из приемной комиссии с изумлением узнали, что нарушили конституционные права гражданина, несколько федеральных законов, и в их действиях можно усмотреть признаки уголовного преступления... (НКРЯ: Известия. 01.07.2004);

(19) Они всегда были **напёрсточниками**, которые играют на страстях, на русском чувстве солидарности (НКРЯ: Комсомольская правда 07.04.2001).

В современных медиатекстах характеристика *напёрсточник* используется применительно к недобросовестным политическим деятелям, и в связи с этим становится частотным словосочетание *политические напёрсточники*. Ср. употребления:

(20) Мы имеем дело не с политиками, а с **напёрсточниками**. Налицо сделка с малыми партиями. Теперь очевидно, что в Иркутске 30 серебряников – это теплое оплачиваемое место в руководстве заксобраний... (НКРЯ: Коммерсантъ. 24.09.2018);

(21) По официальной статистике, которая основана на новых формулах расчета, число бедных в России резко сократилось. Депутат назвала авторов

этого нововведения «политическими **напёрсточниками**» (https://tsargrad.tv/news/politicheskie-napjorstochniki-deputat-raskritikovala-jekvilibristikurosstata-s-dannymi-o-nishhih_464614);

(22) Она всего одним словом охарактеризовала действия Еврокомиссии (ЕК) по бессрочной блокировке российских суверенных активов, назвав еврочиновников «**напёрсточниками**» (Комсомольская правда. 13.12.2025).

Пещерный

Прилагательное *пещерный*, в исходном значении относительное и безоценочное (*пещерные рисунки, пещерный свод, пещерный лев*), употребительно как отрицательно-оценочная метафора.

Она фиксируется не во всех толковых словарях. Кроме того, показательно, что у лексикографов нет единства в определении данного признака. Ср. фрагменты словарных статей: «*Пещерные нравы (перен.: грубые, дикие)*» (СШ, с. 642); «*Разг. Невоспитанный, некультурный, не отвечающий общественным требованиям морали (о человеке)*» (БТС, с. 830); «*Пещерный человек (перен., разг.: о необразованном, малограмотном человеке)*» (БТОС, т. 3, с. 75); «*Перен., негат. Грубый, жестокий, варварский*» (ССП, с. 400).

Разнобой в формулировках толкований можно объяснить многогранностью данной метафоры. Вероятнее всего, следует говорить не об одном, а о нескольких метафорических значениях. Определение *пещерный* приложимо к разнообразным носителям — к человеку, условиям жизни, поведению, мировоззрению, политике и др. Признаки «пещерности» проявляются также в широком диапазоне: от невоспитанности, бескультуры, грубости, отсталости и примитивности — до жестокости, бесчеловечности и варварства. Все эти характеристики объединяются резкой уничижительной негативной оценкой.

Современные употребления иллюстрируют эту многогранность. Приведем несколько примеров:

(23) Но Ларисе Гузеевой стихи Анны не понравились: «Стихи на **пещерном** уровне», — сказала ведущая (Комсомольская правда. 02.11.2024);

(24) На каждый вид поддержки надо писать заявление, собирать пакет документов. Для века

всеобщей цифровизации это выглядит **пещерным** анахронизмом (Труд. 01.11.2019);

(25) Минобороны назвало «**пещерным** варварством» снос бюста Жукова на Украине. Методы украинских националистов сравнили с методами, бывшими в ходу в нацистской Германии, и напомнили о ее судьбе (Труд. 03.06.2019);

(26) — Да, Военное министерство пытается тормозить выдачу разрешений иностранцам. Но их взгляд узок, военные всегда мыслили **пещерными** категориями (Свечин Н. Кубанский огонь);

(27) Да и какому нормальному человеку в последние времена приспичит читать древние мифы, как, впрочем, вообще читать — эта **пещерная** привычка стала излишней в эпоху, когда одряхлевшие слова уступили место дерзновенным цифрам (Симоньян М. В начале было Слово — в конце будет Цифра).

В медиатекстах можно встретить словосочетания *пещерная русофобия, пещерный русофоб*, несущие яркую образность и оценочность:

(28) Захарова... заявила, что «руководитель боснийской дипломатии инициативно расписался в **пещерной** русофобии, за что теперь стыдно даже сотрудникам в МИД БиГ» (Российская газета. 10.04.2025);

(29) Внешняя политика Евросоюза стала еще более радикальной после замены Борреля на **пещерную** русофобку Каллас (Российская газета. 23.01.2025).

Ювелирный

Прилагательное *ювелирный* также исходно принадлежит к разряду относительных и оценочно нейтральных: *ювелирная мастерская / промышленность / бренд / выставка / украшения*.

При метафорическом переносе появляется качественное значение и положительная оценка. Примеры словарных толкований: «*Перен. Отличающийся искусной и очень тщательной, тонкой отделкой мелочей, деталей*» (МАС, т. 4, с. 773); «*Перен. С тщательной, тонкой отделкой*» (СШ, с. 1131). Примеры употреблений в метафорическом значении — *ювелирное выполнение модели; ювелирно выполнить работу*, а также:

(30) Одни делают свою **ювелирную** литературную работу, другие клепают на конвейере одноразовую книжную бижутерию (Труд. 04.09.2015);

(31) О настоящем, большом Балабанове снят только один фильм – «Балабанов. Колокольная. Реквием» (2022) Любви Аркус. **Ювелирно** сделанный и невыносимо душераздирающий... (Коммерсантъ. 29.10.2025);

(32) **Ювелирно** исполненная роль Леночки Крыловой дала старт большому творческому пути Людмилы Гурченко, сделав ее самой желанной актрисой (<https://www.kp.ru/afisha/msk/obzory/kino/rokovye-krasotki-sovetskogo-kino/>).

В сочетании с именами, обозначающими градуируемые сущности, определение *ювелирный* выражает, помимо качественно-оценочного значения, также и высокую степень интенсивности названного свойства или явления, то есть выполняет функцию интенсификатора с мелиоративной оценкой. Например, *ювелирная тщательность / отточенность / утонченность*) означает высокую степень тщательности.

Отметим, что в последнее время слова *ювелирный*, *ювелирно* встречаются в текстах в функции атрибутов со значением особой точности каких-либо действий, работы. Например, как синонимичные могут быть употреблены фразы: *Пилот посадил вертолет с ювелирной точностью (ювелирно точно) – Пилот ювелирно посадил вертолет*. Еще примеры:

(33) Уже на девятой минуте он **ювелирно**, с рикошетом от штанги положил мяч в ворота Александра Корякина (Коммерсантъ. 05.11.2025);

(34) Я дожидаюсь прилива и **ювелирно** провожу корабль между скалами, так, что острые камни срезают ракушки, успевшие нарасти на бортах за время плавания (Поляков Ю. Советство. Пересменок).

Такая характеристика обычно сопряжена с положительной оценкой. Ср. даже в контексте иронической тональности:

(35) Альфа Омега удивится, но спорить не станет и **ювелирно** высадит Билла Гейтса прямо на спину тельцу. Отец-основатель оседлает его, обнимет, и оба они, телец и делец, просядут... (Симоньян М. В начале было Слово – в конце будет Цифра).

Очевидно, можно говорить о формировании у слов *ювелирный*, *ювелирно* нового

положительно-оценочного значения: 'такой, который выполняется с высокой точностью'; 'исключительно точный / точно'.

Итак, процессы семантической деривации в современном русском языке порождают метафоры с мелиоративной и пейоративной оценкой, несущие актуальные характеристики современных реалий и востребованные авторами медийных и художественных текстов. Среди метафорических значений встречаются семантические неологизмы.

Функциональный динамизм словообразовательных средств оценки

В качестве словообразовательных средств оценочности выступают прежде всего словообразовательные аффиксы. Среди них выделяются в первую очередь аффиксы с присущей им оценочностью, которая отмечается в лексикографических изданиях. Так, негативная оценочность присуща суффиксу *-щин(а)*, который участвует в образовании слов с семантикой «явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом (преимущественно с неодобрительной оценкой)» (Лопатин, Улуханов, с. 700):

(36) **Малаховщина** (заголовок). Как поставить заслон грязи и пошлости на нашем телевидении (Столетие. 23.06.2023);

(37) В девяностые годы он был против **солженицынщины** (Радио «Комсомольская правда». 11.12.2023);

(38) Это такая хлестаковщина вкупе с маниловщиной и прочей **остапобендеровщиной** (1-й канал. 11.02.2025).

В сочинении с некоторыми основами личных имен собственных данный суффикс выступает как средство речевой агрессии.

Следующую группу оценочных аффиксов составляют аффиксы, у которых оценочность сопряжена с их семантикой. К ним, в частности, относится прежде всего префикс *псевдо-* с семантикой неистинности, ложности:

(39) В Молдавии происходят **псевдовыборы**, который на Западе считают настоящими (1-й канал. 29.10.2024);

(40) Намеренное использование **псевдосенсаций** об эмиграции из России (НТВ. 25.10.2024);

(41) Есть грузинские грузины и есть **псевдогрузины**, квазигрузины, которые находятся на площади... (1-й канал. 03.12.2024);

(42) С помощью нелегальной платежной системы **псевдофинансисты** обслуживали... на черных **псевдообнальщиков** силовики давно ведут охоту (Россия-24. 14.01.2025);

(43) Украинские **псевдосвященники** призывают выступать против русских (РЕН ТВ. 01.02.2025);

(44) Что собой представляет это **псевдоправительство** в изгнании? (НТВ. 19.02.2025);

(45) Всю эту **псевдотрагедию** превратили в фарс польские журналисты (1-й канал. 21.09.2025);

(46) Она успешная бизнес-вумен и сама заработала на **псевдозолотой** дворец (Россия-24. 12.05.2025).

В новообразованиях с данным префиксом формируется негативная оценочность.

К словообразовательным аффиксам с негативной оценочностью, обусловленной их семантикой, относится также прежде *недо-*, который в сочетании с именными основами имеет значение «не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом, заключающим в себе его признаки, но не являющийся им в полной мере» (Лопатин, Улуханов, с. 124):

(47) Как можно считать маленьким писателем или **недописателем** человека, который основал несколько жанров (радио «Комсомольская правда». 23.01.2023);

(48) ...очередная авантюра продажного **недопрезидента** (1-й канал. 21.11.2024);

(49) Друзья беспощадной **недоблогерши** (Россия-1. 06.05.2025);

(50) ...**недоизбранный** президент (1-й канал. 25.05.2025).

Негативная оценочность в данном случае сочетается с недостаточной интенсивностью (предметного) признака, на который указывает префикс *недо-*, ср.:

(51) Теперь у нас две звезды: **переВалерия** и **недоПригожин** (НТВ. 19.12.2025).

В сочетании с основами неодушевленных существительных префикс *недо-* указывает на неполноценность лица, названного новообразованием.

Некоторые аффиксы реализуют в медийных текстах амбивалентную оценочность. Так, размерно-оценочные суффиксы *-ик*, *-чик*, *-к(а)* и др. добавляют «к значению мотивирующего слова экспрессию ласкательности или (реже) уничижительности, сопровождающуюся в некоторых сщ. Уменьшительным знач.» (Лопатин, Улуханов, с. 583). Семантика и оценочность диминутивных суффиксов может меняться в зависимости от мотивирующей семантики и контекста. Наряду с положительной оценочностью в медийных текстах реализуется и негативная оценочность. Ученые объясняют активизацию диминутивного словообразования в СМИ усилившейся в последнее время тенденцией к фамильярному умалению и снижению объёмов номинации.

Положительную коннотацию можно отметить в следующих случаях:

(52) ...вживую это выглядит так, что в великую реку Ангара (ширина 1.5км) впадает маленький **Енисейчик** (ширина 0.5км) (<https://zen.yandex.ru/media/kiba/taina-ozera-baikal-5d1549bddb2d3700ada4dad4>);

(53) ...были уничтожены ударом нашего «**Искандерчика**» (радио «Комсомольская правда». 20.05.2023);

(54) Это так **эмоциональненько** (1-й канал. 12.12.2025).

Однако чаще в медийных новообразованиях представлена ироничная, уничижительная оценка:

(55) Не видно моей фигуры, мои **жирочки** (1-й канал. 28.11.2024);

(56) Одуванчики еще ничего. **Борщевички** растут (НТВ. 26.12.2024);

(57) Сложный сегодня **эфирчик** (НТВ. 22.03.2025);

(58) Какой-то он **авторитарненький** (Россия-1. 08.12.2022);

(59) Это **циничненько**, но **возможненько** (Радио «Комсомольская правда». 17.05.2023).

Некоторые префиксы с размерной семантикой могут развивать оценочность в медийных текстах. Так, префикс *супер-* с семантикой высокой или высшей степени чего-либо (Лопатин, Улуханов, с. 229) участвует в образовании дериватов с размерной семантикой:

(60) В этом **суперперегруженном** мире премии могут стать регулятором (1-й канал. 08.09.2024);

(61) ...**суперохраняемая** сольвадорская тюрьма (Россия-24. 03.03.2025);

(62) Россия, безусловно, соберет значительный и **суперзначительный** клуб государств (НТВ. 07.06.2025);

(63) Проводит УЗИ **супермаленькими** датчиками (1-й канал. 23.11.2025);

(64) – Резких перемен не будет? – **Суперрезких** перемен не будет (НТВ. 25.11.2025);

(65) ...чтобы быть не просто энергичными, а **суперэнергичными** (НТВ. 04.12.2025).

Положительная оценочность может быть сопряжена с семантикой префикса:

(66) Сегодня у нас с вами ну просто **супергость!** (1-й канал. 07.02.2023);

(67) Была тетрадь, вся исписанная **супермоднейшими** названиями (1-й канал. 27.12.2025);

(68) Он будет говорить, что у него... **супермассажное** кресло (YouTube. 12.04.2023);

(69) Хочу поблагодарить за то, что меня приняли в этот коллектив **суперспортивных** людей (1-й канал. 28.09.2025).

В последних двух новообразованиях происходит окачествование исходных относительных прилагательных.

Семантика словообразовательных типов с префиксом *супер-* обуславливает и наличие негативной оценочности благодаря семе чрезмерности, нежелательности: «что-кто-л., обладающее(ий) в высшей или высокой (иногда чрезмерно) степени признаками того, что (кто) назван(о) мотивирующим сущ.» (Лопатин, Улукханов, с. 229):

(70) ...и без всяких **суперподач** и прочих изысков (1-й канал. 26.03.2023);

(71) Как отец-вегетарианец сделал из дочери **супердочь** (НТВ. 11.04.2025);

(72) Но никакого **супердвижения** не происходит (НТВ. 30.12.2025).

В указанных новообразованиях присутствует явная ирония, поддерживаемая контекстом.

Аналогично префиксу *супер-* функционирует в медийных текстах синонимичный префикс *мега-*, который указывает на большой раз-

мер денотата, а также на обладание денотатом признаками, качествами namного сверх обычного (Козулина, Левашов, Шагалова, с. 143):

(73) Все дело в главной **мегасделке** (НТВ. 05.10.2025);

(74) **Мегаземлетрясение** этим летом... (НТВ. 27.11.2025).

В медийных текстах возможно формирование как позитивной, так и негативной оценочности новообразований с префиксом *мега-*. Оценочность формируется под влиянием мотивирующей семантики, например:

(75) Это было **мегаорганично, мегауни-кально** (НТВ. 01.11.2025).

Позитивная оценка новообразований связана в данном случае с положительной оценочностью мотивирующих слов.

Оценочность новообразований с *мега-* может создаваться и контекстом, например:

(76) Где гарантия, что **мегамозг** не нацелится на людей? (5-й канал. 04.10.2025),

где текст посвящен негативному влиянию на социум искусственного интеллекта.

Наконец, некоторые аффиксы с безоценочной семантикой развивают оценочность в определенном контекстном окружении (внутрисловном и внесловном). Так, для новообразований с префиксом *экс-* с семой 'бывший' может быть характерна негативная оценочность, обусловленная мотивирующей семантикой и контекстом:

(77) Этой осенью за границей пройдет несколько спектаклей с участием **экс-звезд** нашей театральной сцены и кинематографа (Mail.Ru. 14.09.2024);

(78) Деньги **экс-адвокат** получил, но обещанное выполнить не смог (Вести FM. 17.09.2024);

(79) **Экс-возлюбленный** не просто ее ревновал (НТВ. 26.12.2025);

(80) Германия привыкает жить с приставкой **экс: экс-локомотив Европы...** (НТВ. 10.12.2025).

В последнем случае префикс *экс-* как бы гасит позитивную оценочность словосочетания *локомотив Европы*.

Суффикс *-oid* с семантикой «подобие тому, что названо мотивирующим словом» (Лопатин, Улуханов, с. 583) представлен в узусных словах терминологического характера: *аффиксоид*, *монголоид*, *негроид*, *эллипсоид* (все даны в словаре с пометой *спец.*). Однако в современных медиатекстах данный суффикс развивает негативную оценочность, образуя дериваты со значением ‘умственно недоразвитое человеческое существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой’ [Коряковцева, 2018. с. 42]:

(81) «Осуждение любых фактов насилия со стороны **фашизоидов** должно быть единогласным», – подчеркнул политик (НКРЯ);

(82) Понятно, перед нами ужасный **трампоид**, вдобавок, расистка и мусульманобка (Livejournal);

(83) Слушайте, коллеги, **байденоиды** так самозабвенно несут пургу (от наклона крыши до иранского следа), что я начинаю сомневаться в своей первоначальной версии про «отдельно стоящую» группу радикалов-антифа (<https://svo.pressa24.ru/17/07/2024/slushajte-kollegi-bajdenoidytak-samozabvenno-nesut/>);

(84) Вот именно для таких ситуаций и «подарили» нам эту дубину «**Клинтоноиды**!» (Конт).

Негативная оценочность в новообразованиях с суффиксом *-oid* может быть обусловлена мотивирующими словами, в качестве которых выступают слова, имеющие негативный ореол, – существительные нарицательные, потенциально инвективные (*фашист*), или собственные, называющие известных, социально значимых лиц, которые негативно оцениваются автором или тем социумом, к которому принадлежит автор.

Дериваты с суффиксом *-(из)аци(я)* имеют значение «действие, состояние, сфера занятий, в соответствии со значением мотивирующего слова» (Лопатин, Улуханов, с. 288):

(85) **Насекомизация** общества: возможности мозга позволяют создать социум, где самосознание будет полностью утрачено (<https://dzen.ru/a/YSyg9cLkJEvCv8bY>. 30.08.2021);

(86) ...**рутинизация** сложной деловой политики (1-й канал. 25.02.2022);

(87) ...**афганизация** конфликта на Украине (1-й канал. 27.02.2022);

(88) Байден шутит про **финляндизацию** НАТО (Россия-1. 13.07.2023);

(89) Я думаю, что Франция возглавит процесс **диктатуризации** Европы (Россия-1. 02.07.2024).

Многие подобные дериваты, как отмечают исследователи, номинируют негативные социальные явления, катаклизмы, давая им тем самым негативную оценку, которая скорее всего обусловлена экстралингвистическими факторами и контекстом, поскольку не связана конкретно ни с мотивирующей основой, ни с аффиксом.

В этом плане показательны новообразования с префиксоидом *евро-*:

(90) Другой **еврокриминал** – денежный (1-й канал. 02.11.2025);

(91) **Евродезертирство** охватывает новые страны (5-й канал. 07.12.2025);

(92) В адрес России со стороны **евроястреба** посыпались обвинения (1-й канал. 20.12.2025).

Негативная оценочность данных новообразований, по-видимому, связана с негативным ореолом исходных слов (*криминал*, *дезертирство*, *ястреб*). Вместе с тем негативный ореол в подобных новообразованиях распространяется и на префиксоид *евро-* (ср.: *евроскептики*, *еврочиновники* и под.). В таких случаях можно говорить о наведенном во внутрисловном контексте коннотативно-оценочном и/или культурном фоне [Бусарева и др., 2025, с. 20].

Функциональный динамизм в сфере оценочных словообразовательных средств, таким образом, проявляется в развитии оценочности, обусловленной семантикой аффиксов, в развитии амбивалентной оценочности, а также в формировании оценочности у безоценочных словообразовательных средств.

Заключение

Представленные примеры метафорических значений, не претендующие на широкие обобщения, позволяют сделать некоторые наблюдения над семантическим развитием отдельных слов.

Прежде всего, они подтверждают тесную связь между метафоризацией и появлением у слова оценочности, а также свидетельствуют

о востребованности образной оценочной метафоры в современных медийных и художественных текстах.

Формирование у одного слова двух метафорических значений, имеющих разные основания переноса и разделенных во времени, может вызвать феномен энантиосемии – как семантической, так и оценочной (как это произошло со словом *прорыв*).

Процессы семантической деривации непрерывно порождают семантические неологизмы, еще не получившие лексикографической фиксации и нуждающиеся в дальнейших исследованиях.

В области словообразовательной деривации наблюдается функциональный динамизм словообразовательных оценочных средств, к которым относятся прежде всего словообразовательные аффиксы. В медийных новообразованиях можно выделить несколько видов словообразовательных аффиксов с точки зрения формирования оценочности: аффиксы с при-

сущей им оценочностью (*-щин(а)*), аффиксы с оценочностью, формируемой их семантикой (*псевдо-*, *недо-*), аффиксы с амбивалентной оценочностью (размерно-оценочные суффиксы и префиксы), а также аффиксы с несвойственной им оценочностью, которая обусловлена внутрисловным и/или внесловным контекстом (*экс-*, *-оид-*, *(из)ацц(я)*). В формировании оценочности новообразований участвуют также мотивирующая семантика, контекст, экстралингвистические факторы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FSWR-2026-0016) в рамках базовой части государственного задания.

The authors are grateful to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for financial support through grant (FSWR-2026-0016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бусарева С. Г., Жданова Е. А., Иссерс О. С., Помазов А. И., Радби́ль Т. Б., Радби́ль Н. В., Рацибурская Л. В., Луцеева (Самыличева) Н. А., Сандакова М. В., Широкова Е. Н., 2025. Русский язык интернета: поликодовость, интерактивность, гипертекстуальность / под ред. Т. Б. Радби́ля. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 393 с.
- Васильев А. Д., 2014. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. Москва : ЛЕНАНД. 240 с.
- Горбань О. А., Шептухина Е. М., 2011. Лингвистические идеи С.П. Лопушанской в контексте современной научной парадигмы // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 153, кн. 6. С. 7–15.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д., 2012. Константы и переменные русской языковой картины мира. Москва : Яз. слав. культур. 696 с.
- Ермакова О. П., 2008. Семантические процессы // Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. Москва : Яз. слав. культур, С. 33–99.
- Коряковцева Е. И., 2018. Интернационализация, демократизация и «медиатизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) // Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach. Siedlce : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. С. 33–47.
- Коряковцева Е. И., Рацибурская Л. В., Сандакова М. В., 2021. Динамика оценочных интенсификаторов в русском языке XXI века: словообразовательный и семантический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 5. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.1>
- Кронгауз М. А., 2007. Семантические сдвиги в семантике оценочных прилагательных // Язык в движении : К 70-летию Л. П. Крысина / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. Москва : Яз. слав. культуры, С. 345–356.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 1990. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград : Изд-во ВПИ. 114 с.

- Лопушанская С. П., 1998. Конкретно-пространственное и абстрактно-пространственное восприятие мира человеком как философская основа объяснения эволюции языка // Человек в современных философских концепциях : материалы Междунар. науч. конф. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 337–346.
- Маркова Е. М., Радбиль Т. Б., Рацибуская Л. В., Ручина Л. И. и др., 2020 Лингвокреативные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии / под ред. Л. В. Рацибурской. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 248 с.
- Марьянчик В. А., 2013. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. Москва : ЛИБРОКОМ. 272 с.
- Николина Н. А., Рацибурская Л. В., 2023. Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект : учеб. пособие. Москва : ФЛИНТА. 176 с.
- Рацибурская Л. В., Сандакова М. В., 2023. Словообразовательные и лексические интенсификаторы в современном русском языке: активные процессы // Русский язык в школе. Т. 84, № 6. С. 69–80. DOI: 10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80
- Сандакова М. В., 2025. Адъективная метафора: деривационно-семантическая модель окачества // Филология: научные исследования. № 12. С. 58–71. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77351

ИСТОЧНИКИ

- 1-й канал* – Первый канал : телеканал. URL: <https://www.1tv.ru>
- 5-й канал* – Пятый канал : телеканал. URL: <https://m.5-tv.ru>
- Вести FM* – Вести FM : радиостанция. URL: <https://radiovesti.ru>
- Коммерсантъ* – Коммерсантъ : газета. URL: <https://www.kommersant.ru>
- Комсомольская правда* – Комсомольская правда : газета. URL: <https://www.KP.ru>
- Конт* – Конт : платформа для социальной журналистики. URL: <https://cont.ws/@amurweb/824417>
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new>
- Pressa24.ru* : новостной онлайн-агрегатор. URL: <https://pressa24.ru/>
- НТВ* – НТВ : телеканал. URL: <https://www.ntv.ru>
- Радио «Комсомольская правда»* – Комсомольская правда : радиостанция. URL: <https://www.nnov.kp.ru/radio>
- РЕН ТВ* – РЕН ТВ : телеканал. URL: <https://ren.tv>
- Российская газета* – Российская газета : газета. URL: <https://rg.ru>
- Россия-1* – Россия 1 : телеканал. URL: <https://russia.tv>
- Россия-24* – Россия-24 : телеканал. URL: <https://www.vesti.ru>
- Сетевое издание «Царьград». URL: <https://nn.tsargrad.tv/>
- Столетие* – Столетие : интернет-газета. URL: <https://www.stoletie.ru>
- Труд* – Труд : газета. URL: <https://www.trud.ru>
- Яндекс Дзен* – Яндекс Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru>
- Mail.Ru*. – Mail.Ru : интернет-портал. URL: <https://mail.ru>
- Livejournal* – Livejournal : блог-платформа. URL: <https://kosarex.livejournal.com/3799978.html>
- YouTube. URL: <https://www.youtube.com/>
- Поляков Ю. Советство. Пересменок : роман. 2-е изд., испр. Москва : АСТ : Жанровая лит., 2022. 384 с.
- Свечин Н. Кубанский огонь. Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей : роман. Москва : Эксмо, 2021. 332 с.
- Симоньян М. В начале было Слово – в конце будет Цифра : роман. Москва : АСТ, 2025. 462, [1] с.

СЛОВАРИ

- БТОС* – Скворцов Л. И. Большой толково-объяснительный словарь русского языка : в 3 т. Москва : Мир и Образование, 2023.

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2001. 1536 с.
- Козулина, Левашов, Шагалова – Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. Санкт-Петербург : Нестор-история, 2009. 288 с.
- Лопатин, Улуханов – Лопатин В. В., Улуханов И. С., 2016. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. Москва : Азбуковник. 812 с.
- МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва : Рус. яз., 1985–1988.
- ССП – Солганик Г. Я. Стилистический словарь публицистики. Москва : Рус. слов., 2001. 650 с.
- СУ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
- СШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Азбуковник, 2008. 1175 с.

REFERENCES

- Busareva S.G., Zhdanova Je.A., Issers O.S., Pomazov A.I., Radbil T.B., Radbil N.V., Ratsiburskaya L.V., Lutsejeva (Samylicheva) N.A., Sandakova M.V., Shirokova Je.N., 2025. *Russkij jazyk interneta: polikodovost, interaktivnost, gipertekstualnost* [The Russian Language of the Internet: Polycodeness, Interactivity, Hypertextuality]. Nizhny Novgorod, Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo. 393 p.
- Vasiljev A.D., 2014. *Sovremennoje mifotvorchestvo i rossijskaja televizionnaja slovesnost* [Modern Myth-Making and Russian Television Literature]. Moscow, LENAND Publ. 240 p.
- Gorban O.A., Sheptukhina E.M., 2011. Lingvisticheskiye idei S.P. Lopushanskoy v kontekste sovremennoj nauchnoj paradigmy [Linguistic Ideas of S.P. Lopushanskaya in the Context of the Modern Scientific Paradigm]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Humanities], vol. 153, book 6, pp. 7-15.
- Zalznjak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D., 2012. *Konstanty i peremennyye russkoj jazykovoj kartiny mira* [Constants and Variables of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow, Jaz. slav. kultur Publ. 696 p.
- Jermakova O.P., 2008. Semanticheskiye processy [Semantic Processes]. *Sovremennyy russkij jazyk: Aktivnyye processy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian Language: Active Processes at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. Moscow, Jaz. slav. kultur Publ., pp. 33-99.
- Korjakovtseva Je.I., 2018. Internatsionalizatsiya, demokratizatsiya i «mediatizatsiya» slavjanskikh jazykov v usloviyakh globalizatsii (slovoobrazovatelnyj aspekt) [Internationalization, Democratization and “Mediatization” of Slavic Languages in the Context of Globalization (The Word-Formation Aspect)]. *Globalizacija a jazyki slowianskie. Globalization and Slavic Languages*. Siedlce, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, pp. 33-47.
- Koriakowcewa E.I., Ratsiburskaya L.V., Sandakova M.V., 2021. Dinamika ocenochnykh intensivatorov v russkom jazyke XXI veka: slovoobrazovatelnyj i semanticheskij aspekty [Intensifiers in the Language of the 21st Century: Word-Building, Semantics, Syntagmatics and Dynamics of Evaluation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 5, pp. 6-19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.1>
- Krongauz M.A., 2007. Semanticheskiye sdvigi v semantike otsenochnykh prilagatelnykh [Semantic Shifts in the Semantics of Evaluative Adjectives]. Zemskaya E.A., Kalenchuk M.L., eds. *Jazyk v dvizhenii: K 70-letiju L.P. Krysin* [Language in Motion: On the 70th Anniversary of L. P. Krysin]. Moscow, Jaz. slav. kultur Publ., pp. 345-356.
- Lopushanskaja S.P., 1988. Izmenenije semanticheskoy struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizhenija v processe moduljatsii [Changes in the Semantic Structure of Russian Non-Prepositional Verbs of Movement in the Process of Modulation]. *Russkij glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii)* [Russian Verb (In Comparative Light)]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5-19.
- Lopushanskaja S.P., 1990. *Razvitije i funkcionirovanije drevnerusskogo glagola* [The Development and Formation of the Old Russian Verb]. Volgograd, Izd-vo VPI. 114 p.
- Lopushanskaja S.P., 1998. Konkretno-prostranstvennoje i abstraktno-prostranstvennoje vosprijatije mira chelovekom kak filosofskaja osnova objasnenija evoljutsii jazyka [Concrete-Spatial and Abstract-Spatial Perception of the World by Man as a Philosophical Basis for Explaining the Evolution of Language]. *Chelovek v sovremennykh*

- filosofskikh kontseptsijakh: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Man in Modern Philosophical Concepts. Proceedings of the International Scientific Conference]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 337-346.
- Markova Je.M., Radbil T.B., Ratsibuskaya L.V., Ruchina L.I. et al., 2020. *Lingvokreativnyje aspekty izuchenija natsionalnykh kontseptosfer v sinkhronii i diakhronii* [Linguocreative Aspects of the Study of National Conceptual Spheres in Synchrony and Diachrony. Collective Monograph]. Nizhny Novgorod, Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo. 248 p.
- Marjanchik V.A., 2013. *Aksiologichnost i otsenochnost media-politicheskogo teksta* [Axiological Character and Evaluability of a Media-Political Text]. Moscow, LIBROKOM Publ. 272 p.
- Nikolina N.A., Ratsiburskaya L.V., 2023. *Sovremennoje russkoje slovoobrazovanie: funktsionalno-dinamicheskij aspekt: ucheb. posobie* [Modern Russian Word Formation: A Functional and Dynamic Aspect. Textbook]. Moscow, FLINTA Publ. 176 p.
- Ratsiburskaya L.V., Sandakova M.V., 2023. Slovoobrazovatelnyje i leksicheskiye intensifikatory v sovremennom russkom jazyke: aktivnyje processy [Derivational and Lexical Intensifiers in Modern Russian: Active Processes]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School], vol. 84, no. 6, pp. 69-80. DOI: 10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80
- Sandakova M.V., 2025. Adjektivnaja metafora: derivatsionno-semanticheskaja model okachestvlenija [Adjective Metaphor: Derivational-Semantic Model of Qualification]. *Filologija: nauchnyje issledovanija* [Philology: Scientific Researches], no. 12, pp. 58-71. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77351

SOURCES

- Pervyy kanal: telekanal* [Pervyy Kanal. TV Channel]. URL: <https://www.1tv.ru>
- Pjatyj kanal: telekanal* [Pyatyy Kanal. TV Channel]. URL: <https://m.5-tv.ru>
- Vesti FM: radiostantsija* [Vesti FM. Radio Station]. URL: <https://radiovesti.ru>
- Kommersant: gazeta* [Kommersant. Newspaper]. URL: <https://www.kommersant.ru>
- Komsomolskaja pravda: gazeta* [Komsomolskaya Pravda. Newspaper]. URL: <https://www.KP.ru>
- Kont: platforma dlja sotsialnoj zhurnalistiki* [Cont. Platform for Social Journalism]. URL: <https://cont.ws/@amurweb/824417>
- Natsionalnyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new>
- Pressa24.ru: novostnoy onlayn-agregator* [Pressa24.ru. Online News Aggregator]. URL: <https://pressa24.ru/>
- NTV: telekanal* [NTV. TV Channel]. URL: <https://www.ntv.ru>
- Komsomolskaja pravda: radiostantsija* [Komsomolskaya Pravda. Radio Station]. URL: <https://www.nnov.kp.ru/radio>
- REN TV: telekanal* [REN TV: TV Channel]. URL: <https://ren.tv>
- Rossiyskaja gazeta: gazeta* [Rossiyskaya Gazeta. Newspaper]. URL: <https://rg.ru>
- Rossija 1: telekanal* [Rossiya 1. TV Channel]. URL: <https://russia.tv>
- Rossija-24: telekanal* [Rossiya-24. TV Channel]. URL: <https://www.vesti.ru>
- Setevoye izdaniye «Tsargrad»* [Online Publication “Tsargrad”]. URL: <https://nn.tsargrad.tv/>
- Stoletije: internet-gazeta* [Stoletie. Online Newspaper]. URL: <https://www.stoletie.ru>
- Trud: gazeta* [Trud. Newspaper]. URL: <https://www.trud.ru>
- Yandex Dzen* [Yandex Zen]. URL: <https://zen.yandex.ru>
- Mail.Ru.: internet-portal* [Mail.Ru. Online Portal]. URL: <https://mail.ru>
- Livejournal: blog-platforma* [Livejournal. Blogging Platform]. URL: <https://kosarex.livejournal.com/3799978.html>
- YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/>
- Polyakov Yu. *Sovdetstvo. Peresmenok: roman* [Peresmenok. Novel]. Moscow, AST Publ., Zhanrovaya lit. Publ., 2022. 384 p.
- Svechin N. *Kubanskiy ogon. Proisshestviya iz sluzhby syshchika Alekseya Lykova i yego druzey: roman* [The Kuban Fire. Incidents from the Service of Detective Alexei Lykov and His Friends. Novel]. Moscow, Eksmo Publ., 2021. 332 p.
- Simonyan M. *V nachale bylo Slovo – v kontse budet Tsifra: roman* [In the Beginning There Was a Word, in the End There Will Be a Number. Novel]. Moscow, AST Publ., 2025. 462, 1 p.

DICTIONARIES

- Skvortsov L.I. *Bolshoj tolkovo-objasnitelnyj slovar russkogo jazyka: v 3 t.* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 3 Vols.]. Moscow, Mir i Obrazovaniye Publ., 2023.
- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoj tolkovyy slovar russkogo jazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2001. 1536 p.
- Kozulina N.A., Levashov Je.A., Shagalova Je.N. *Affiksoidy russkogo jazyka. Opyt slovarja-spravochnika* [Affixoids of the Russian Language. Reference Dictionary Experience]. Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2009. 288 p.
- Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. *Slovar slovoobrazovatelnyh affixov sovremennogo russkogo jazyka* [Dictionary of Word-Forming Affixes of the Modern Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p.
- Jevgenjeva A.P., ed. *Slovar russkogo jazyka: v 4 t.* [Russian Dictionary. In 4 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1985–1988.
- Solganik G.Ja. *Stilisticheskij slovar publitsistiki* [Stylistic Dictionary of Journalism]. Moscow, Rus. slov. Publ., 2001. 650 p.
- Ushakov D.N. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1935–1940.
- Shvedova N.Ju., ed. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka s vključenijem svedenij o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information About the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1175 p.

Information About the Authors

Larisa V. Ratsiburskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, racib@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

Marina V. Sandakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, sandamarina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1450-6603>

Информация об авторах

Лариса Викторовна Рацибурская, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, racib@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

Марина Всеволодовна Сандакова, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, sandamarina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1450-6603>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.13>

UDC 811.161.1:81'367.626.1

LBC 81.411.2-51

Submitted: 20.01.2026

Accepted: 20.03.2026

THE POETICS OF THE SEMANTIC CONTRAST “TY – VY” IN THE LOVE LYRICS OF Ye.A. BORATYNSKY AND A.S. PUSHKIN

Anatoly L. Sharandin

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Abstract. The relevance of the topic is determined by its connection with the primary communicative-and-discursive approach, within which the analysis of poetic grammar in the elegies of Ye.A. Boratynsky and A.S. Pushkin is presented exemplified by personal pronouns. The object of the analysis is the new meaning of the pronominal opposition **ty** (2nd person, singular; *you*) – **vy** (2nd person, singular, polite; *You*). It is concisely expressed in Pushkin's poem *Ty and vy*: “the heartfelt *you*” is functionally opposed to “the empty *You*” as being determined by the comprehension and perception of the work on the whole. The subject of the analysis is the poetics of the use of the pronouns **ty** (*you*) and **vy** (*You*). The purpose is to disclose their contextual opposition in relation to a single person, which differs from their systemic grammatical opposition based on number. It has been established that in the context of Pushkin's poem, the personal perception of the transition to **ty** (*you*) is represented, determined by the emotional and psychological interaction of *I* in relation to the addressee (**ty** – *you*, **vy** – *You*). The poetic semanticization of pronouns is determined by the functional referential meanings of *I*, *you*, *You* (the author, the lyrical hero, the beloved as the addressee, etc.) obtained within the framework of the poetic text. Based on a contextual analysis of the poems by Pushkin and Boratynsky, both of which are entitled “Recognition,” common and distinctive characteristics of the pronouns usage have been identified. It is concluded that Boratynsky's love lyrics present Pushkin's perception, primarily in relation to the pronouns **ty** (*you*) and **vy** (*You*), addressing the beloved one.

Key words: Boratynsky (Baratynsky), Pushkin, love lyrics, poetic grammar, personal pronouns, functional meaning, literary text.

Citation. Sharandin A.L. The Poetics of the Semantic Contrast “ty – vy” in the Love Lyrics of Ye.A. Boratynsky and A.S. Pushkin. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 166-177. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.13>

УДК 811.161.1:81'367.626.1

ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 20.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ПОЭТИКА СМЫСЛОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ «ТЫ – ВЫ» В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ Е.А. БОРАТЫНСКОГО И А.С. ПУШКИНА

Анатолий Леонидович Шарандин

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Аннотация. Актуальность темы определяется связью с приоритетным коммуникативно-дискурсивным направлением, в рамках которого на материале местоимений проведен анализ поэтической грамматики в элегиях Е.А. Боратынского и А.С. Пушкина. Ее объектом оказывается новый смысл местоименного противопоставления **ты** – **вы**. Он наиболее лаконично выражен в стихотворении Пушкина «Ты и вы»: «сердечное **ты**» и «пустое **вы**», имеет функциональный характер и задается осмыслением произведения в целом. Предмет анализа составляет поэтика употребления местоимений **ты** и **вы**, цель – выявление характера их противопоставления по отношению к одному лицу, которое отличается от их системного грамматического противопоставления по признаку числа. Установлено, что в контексте стихотворения Пушкина присутствует личностное восприятие перехода на **ты**, зависящее от эмоционального и психологического взаимодействия *я* и адресата (**ты**, **вы**). Поэтический смысл местоимений обусловлен функциональными референтными смыслами *я*, **ты**, **вы** (автор, лирический герой, возлюбленная как адресат обращения и др.) в рамках по-

этического текста. На основе контекстуального анализа стихотворений Пушкина и Боратынского, имеющих общий заголовок «Признание», выделены общие и отличительные черты употребления местоимений. Сделан вывод, что в любовной лирике Боратынского представлено именно пушкинское восприятие, прежде всего в отношении *любовного ты и вы*.

Ключевые слова: Боратынский (Баратынский), Пушкин, любовная лирика, поэтическая грамматика, личные местоимения, функциональный смысл, художественный текст.

Цитирование. Шарандин А. Л. Поэтика смыслового противопоставления «ты – вы» в любовной лирике Е.А. Боратынского и А.С. Пушкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 166–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.13>

*Посвящается 100-летию
со дня рождения профессора
Софии Петровны Лопушанской –
кавалера медали имени А.С. Пушкина*

Профессор София Петровна Лопушанская принадлежит к плеяде ученых России, которые составляют ее славу и гордость. Это Ученый с большой буквы, образец преданности и бескорыстного служения филологической науке и педагогическому труду. Мне уже приходилось неоднократно обращаться к научным проблемам, которые были в центре внимания ее научной деятельности. Несомненно, одной из таких проблем являлась проблема описания системы времен в древнерусском языке [Лопушанская, 1990] и концепта ВРЕМЯ с позиций его языковой объективации [Шарандин, 2011а; 2011б]. При этом важно, что С.П. Лопушанская сумела увидеть в современном языковом времени следы и взаимодействие разных временных эпох, но не как ушедших безвозвратно, а как вошедших органично в современную эпоху и отраженных в языковой картине мира и жизненном опыте носителей русского языка [Шарандин, 2022а]. Этому способствовал созданный ею научный метод, позволивший обосновать концепцию о взаимообусловленности языковых явлений в процессе эволюции *на основе компенсаторных процессов в языке*.

Не менее значимой в жизни С.П. Лопушанской была педагогическая и просветительская деятельность. Это определялось пониманием, что наука востребована тогда, когда она реализуется в практической работе педагогов, которые стремятся учитывать современные знания в русистике. Однако С.П. Лопушанская осознавала, что на этом пути учителя сталкиваются с особой ситуацией, когда методика

как наука часто не успевает адаптировать приращение новых научных знаний к школьному обучению, поскольку нет уверенности в однозначности научных результатов и их научном долголетии. Поэтому ее анализ учебников по истории русского языка стал важным компонентом в профессиональной деятельности учителей, в университетском образовании – «вратами учености» [Лопушанская, 1998]. В связи с этим С.П. Лопушанская много внимания уделяла просветительской работе с учителями, поскольку прекрасно осознавала, что перед наукой и образованием стоят разные задачи, которые сориентированы на учет когнитивных возможностей, психологических особенностей и уровня знаний учащихся на том или ином этапе их развития во время обучения [Шарандин, 2022б].

Особое место в профессиональной и просветительской деятельности она уделяла творчеству А.С. Пушкина [Лопушанская, 1999б], его размышлениям в письмах, поскольку в них она видела лингвокультурологическую значимость, которая определялась связью с жизнью народа [Лопушанская, 1999а]. Естественным и закономерным итогом активной работы в области русистики и просвещения, изучения и сохранения русского культурного наследия стало награждение С.П. Лопушанской государственной наградой РФ – медалью имени А.С. Пушкина. Наша статья в этом плане демонстрирует уважение к ученому, к пушкинской проблематике в научной, профессиональной и просветительской деятельности С.П. Лопушанской.

Введение

Осмысление поэтического наследия Е.А. Боратынского (или в другой орфогра-

фической традиции – Баратынского, которую мы сохраняем в случае ее использования в авторском тексте) не требует широких и пространных рассуждений, в которых дается оценка значимости и уникальности его поэзии. Достаточно привести высказывания А.С. Пушкина, отмечавшего ее отличительные характеристики. По его мнению, «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко» (Пушкин, т. 16, с. 116). Это мнение во многом основывалось на восприятии и оценке элегий Баратынского. Именно этот лирический жанр, представленный любовной тематикой, был основным в ранний период его поэтического творчества и принес ему признание и успех. Венцом восхищения поэтическим даром Баратынского стало высказывание Пушкина относительно его стихотворения «Признание» в письме к А. Бестужеву (12 января 1824 г.): «Баратынский – прелесть и чудо; «Признание» – совершенство. После него не стану печатать своих элегий» (Пушкин, т. 16, с. 185).

Таким образом, оценка Пушкиным элегий Баратынского – это не только эмоциональное восприятие таланта поэта, но и признание того, что в России появился самобытный поэт, который способен внести заметный вклад в развитие такого жанра лирики, как элегия. Что же касается самого Баратынского, то его самооценка опубликованных стихотворений была более сдержанной (*Мой дар убог, и голос мой не громок*) и выразилась в известной строке о том, что «*читателя найду в потомстве я*» («Мой дар убог»). Думается, это справедливо по отношению к более поздней лирике поэта, которую исследователи определяют как *философскую*, тогда как любовная лирика обрела своего читателя уже в ранний период поэтического творчества Баратынского и имела значительный успех. Это было обусловлено важнейшей отличительной чертой его элегий: любовная лирика Баратынского описывала любовь и все, что с ней связано, не статично, а в динамике, которая фиксировала различные конкретные ее проявления в отношениях между автором, выраженным, с одной стороны, *личностным я* или *я-лирическим героем*,

а с другой стороны, возлюбленной, представленной адресатом – *любовным ты / вы*.

Целью статьи является контекстуальный анализ противопоставления местоимений **ты** и **вы**, функциональный (поэтический) смысл которого отличается от их системного грамматического противопоставления в русском языке. При этом отношение А.С. Пушкина и Е.А. Баратынского к возлюбленным в качестве адресата находило свое выражение в выборе местоимений **ты** или **вы**. В качестве основных методов контекстуального анализа текстов использовались описательный и сопоставительный.

Результаты и обсуждение

Противопоставление ты – вы в аспекте поэтики

В самом общем смысле *поэтика* определяется исследователями как наука о словесном (поэтическом) творчестве [Тамарченко, 2001, с. 13–22]. Такое определение позволяет использовать данное понятие и в литературоведении, и в языкознании. В статье термин «поэтика» понимается в широком, объединяющем смысле. Она включает и вопросы литературного анализа произведения, и вопросы его лингвистического анализа с точки зрения выполнения языковыми средствами поэтической (художественной, эстетической, экспрессивной) функции в структуре литературного произведения. При этом в своем единстве они связаны с речемыслительной деятельностью автора произведения, с его когнитивными способностями [Шарандин, 2013]. Такой тройной союз оказывается вполне закономерным, ибо он определяется природой художественного произведения [Шарандин, 2012]. По мнению О.Г. Ревзиной, когнитивная функция «не только “не ослабляется” в поэтическом языке, но поэтический язык для нее и создается...» [Ревзина, 1998, с. 5].

На наш взгляд, *поэтика* – это одна из сфер изучения литературного произведения (художественного текста) в аспекте его взаимосвязи с поэтическим языком, когда они не противопоставляются друг другу, а представляют собой единое целое, в составе которого используются принципы и методы

как литературоведения, так и лингвистики. Их выбор определяется значимостью художественной информации и осознанной ментальной деятельностью писателя или поэта, использующего целенаправленный набор языковых средств и свое авторское мировидение в качестве основы для эстетического восприятия читателем созданного произведения искусства [Шарандин, 2025].

Именно такого рода поэтическое восприятие представлено в **смысловом** противопоставлении личных местоимений **ты** – **вы**. В традиционной (структурно-семантической) грамматике их значение связано с грамматической категорией числа: **ты** – 2-е л. ед. ч., а **вы** – 2-е л. мн. ч. В статье же речь идет об особом смысловом различии, которое выявляется в художественном тексте в рамках указания данными местоимениями отношения к одному лицу, а не по отношению к одному (**ты**) или нескольким лицам (**вы**). Характер противопоставления между ними уже не грамматический, а особый – функциональный, то есть смысл противопоставления определяется текстом, его поэтическим назначением и восприятием. Кстати, особо заметим, что чисто грамматическое противопоставление не составляет предмета поэтической грамматики. Им оказывается тот новый смысл, который формируется в рамках произведения в целом. Поэтому представленный языковой анализ местоимений **ты** и **вы** выполнен в рамках поэтической грамматики, предмет которой не вообще грамматика, а лишь только то, что выполняет в ней поэтическую функцию.

Сферой выявления и описания поэтического смысла оказывается любовная лирика, представленная элегиями Пушкина и Боратынского. Анализируются не все возможные смыслы местоимений **ты** и **вы** в их текстах, а только тот смысл, который исследователями определяется как «*любовное ты*» и «*любовное вы*», то есть **ты** и **вы** – это адресаты отношений «*любовного я*» как адресанта.

Естественно, в употреблении местоимений в элегиях главенствующую роль играет личное местоимение **я**, поскольку «лирика – это, по общему признанию большинства филологов, речь от первого лица»; «это прежде всего особая позиция лирического поэта по отношению к миру» [Ковтунова, 2005, с. 7].

Причем по отношению не только к внешнему миру, но и к своему внутреннему миру и к адресату, которому адресовано авторское **я**-мироощущение или **я**-мировидение.

Отношения между **я** и **ты** как объектами языкового анализа лирических произведений Боратынского имеют исследовательскую традицию. Несомненно, у истоков их анализа, да и поэтической грамматики как особого аспекта описания грамматики, стоял Г.О. Винокур, создавший ряд этюдов о русском поэтическом языке. Одним из таких этюдов стала его статья (к сожалению, незавершенная) «Я и ты в лирике Боратынского» [Винокур, 1990]. При этом Г.О. Винокур (выделим особо) исходит из анализа не отдельных высказываний, составляющих художественный текст, а из отдельного законченного стихотворения. Такой подход, на наш взгляд, следует признать более обоснованным и продуктивным, поскольку в этом случае мы анализируем не столько речевой акт как таковой, сколько преломление (интерпретацию) речевой ситуации в сознании автора художественного произведения. Понятия текста как отражения речевого акта (коммуникативной ситуации) и произведения оказываются хотя и взаимосвязанными, но не тождественными.

С нашей точки зрения, **произведение** – это созданный («произведенный») продукт художественного творчества как речемыслительной деятельности, в которой реализован художественный замысел автора, отражающий его когнитивные способности (мировоззрение и мировидение) в осмыслении реальной или вымышленной действительности, творчески воссозданной им в художественном сознании и объективированной целостным и законченным содержанием текста. Доступность к его восприятию и пониманию обеспечивает язык как многоуровневая система изобразительно-выразительных средств (единиц), коррелирующая с практической (обыденной) системой языковых знаков, представленных прежде всего словами.

Значительную роль в восприятии произведения играет **внетекстовая информация**, позволяющая погрузить анализ художественного текста в сопоставление с личными событиями в жизни автора, чтобы глубже и полнее понять создание и содержание произведений [Шарандин, 2024]. Поэтому произведения, как правило,

представляют собой дискурсивные тексты, то есть произведения поэта – это художественные тексты, «погруженные в жизнь» (Н.Д. Арутюнова). Кроме того, внетекстовая информация, связанная со знанием реальной ситуации, создает своего рода эмоциональный фон текста. В этом случае реализация образа в тексте, его художественная сила «не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя» [Потебня, 1989, с. 167].

В своей совокупности и взаимосвязи собственно текстовое содержание и внетекстовая информация (когнитивный контекст) обеспечивают полноту восприятия смысла (идеи) текста, приближая читателя к пониманию художественного замысла автора или лирического я. «Текст, – отмечал Ю.М. Лотман, – один из компонентов художественного произведения, конечно, крайне существенный компонент, без которого существование художественного произведения невозможно. Но художественный эффект в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» [Лотман, 1972, с. 24–25].

В этом плане содержание, в частности, местоимения «часто оказывается в зависимости от всего понятийного (лексико-семантического) строя произведения в целом» [Лотман, 1972, с. 77]. В художественном тексте грамматические особенности местоимений, связанные с их дейктическим характером, подчинены поэтическому смыслу, вследствие чего они получают референтный смысл. Так, например, местоимение **ты** указывает не столько на слушающего, сколько на конкретного собеседника, восприятие которого лирическим героем или автором оказывается различным (уважительным, неуважительным, социально обусловленным, этикетным).

С этих позиций, то есть с позиций смыслового расширения, обусловленного комплексом текстовых и внетекстовых представлений, в статье анализируются местоимения **ты** и **вы** в произведениях Пушкина и Боратынского. Именно отношения между ними структурируют текст и его содержание, определяют выбор адресантом местоимения **ты** или **вы**. Показательным в этом плане является стихотворение Пушкина «Ты и вы», в котором они получили поэтический смысл, обусловленный

референтным характером отношений между адресантом (автором или лирическим героем) и адресатом (возлюбленной).

Местоимения ты и вы в стихотворении

А.С. Пушкина «Ты и вы»

Пушкинское стихотворение, заголовок которого представлен противопоставлением «Ты и вы», было опубликовано в 1828 г. в альманахе «Северные цветы». Оно посвящено А.А. Олениной, которая была возлюбленной Пушкина в 1828–1829 гг. и к которой он сватался, но получил отказ. Откликом на отказ стало послание Пушкина «Я вас любил», написанное в альбом возлюбленной. По своему содержанию оно отражало не столько художественную, сколько прагматическую цель его автора – прощание с возлюбленной, чувства к которой остались безответными. Однако впоследствии данный текст был напечатан в альманахе «Северные цветы» в 1830 году. В результате письмо-послание оказалось оторванным от конкретной ситуации и приобрело статус художественного текста, восприятие которого отражало чувства уже не столько самого Пушкина, сколько лирического героя произведения [Шарандин, 2024].

В более раннем стихотворении «Ты и вы» отношения между Пушкиным и Олениной были поэтически выражены на основе литературного приема, широко представленного в элегиях, – антитезы: **ты** символизирует восприятие «сердечное», а **вы** – «пустое», то есть как вежливое и общепринятое в светской среде обращение. Ср.: *Пустое вы сердечным ты // Она, обмолвись, заменила*. Языковой особенностью этих сочетаний является то, что местоимения **ты** и **вы** употреблены как существительные, что и позволило им иметь при себе определения, выраженные прилагательными. Собственно личные местоимения такой атрибутивной сочетаемости не допускают. Они сочетаются с прилагательными, которые выполняют функцию предиката, но не определения.

Примечательным в строках о *пустом вы* и *сердечном ты* является дееспричастие *обмолвись*, содержание которого отнюдь не свидетельствовало, что произошел окончательный переход на *сердечное ты* в их общении. Возможно, это была любовная игра со стороны возлюбленной. В силу этой неопределенности

лирический герой, соблюдая общепринятый этикет, продолжает использовать **вы**, внутренне надеясь, что обращение **ты** не обмолвка, а характеризует то состояние, которое окрашено любовным чувством и дает основание для обращения на **ты** (*Я тебя люблю!*). Однако эта надежда впоследствии не оправдалась, о чем и свидетельствовало стихотворение «Я вас любил», посвященное, по мнению большинства пушкиноведов, А.А. Олениной. Кстати, в нем отсутствует местоимение **ты**, а есть лишь противопоставление **я – вы**.

Таким образом, в произведении Пушкина «Ты и вы» мы имеем реализацию противопоставления **ты – вы** в новом, смысловом содержании. Они противопоставлены не по линии числа (**ты** – ед. ч., а **вы** – мн. ч.), а по линии наполнения смысловым содержанием в рамках противопоставления в ед. ч., то есть в отношении одного лица. Данный смысл выражается лексически (прилагательными) и подтверждается контекстом, который характеризует чувства лирического героя в отношении своей возлюбленной.

Тенденция употребления **вы** в отношении одного лица была обусловлена социально-культурными изменениями в этикете. Дело в том, что русская допетровская культура не знала такого употребления: к царю и боярам обращались на **ты**. И только в 1722 г. в известной Табели о рангах обращение на **вы** (**Вы**) к вышестоящему по чину было закреплено официально. За нарушение следовал штраф. В результате, наряду с грамматическим употреблением, в обществе появляется социальное употребление **Вы** как знака почтения, уважения, более высокого социального положения по службе и т. д. При этом форма **ты** оставалась в обращении к Богу: *...да святится имя Твое; Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя...*

В связи с этим обращает на себя внимание наличие допушкинских произведений [Довгий, 2015], в которых оппозиция **ты – вы** вынесена в заголовок. Так, у Я.Б. Княжнина есть стихотворение «Ты и Вы. Письмо к Лизе» (1786). В нем форма **Вы** указывает на высокое социальное положение Лизы, ставшей супругой генерала, что отделило ее от прежнего круга знакомых. При этом обращает на себя внимание орфография местоимения **Вы**, предполагающая написание с прописной буквы. Ср.:

*О ты! которую теперь звать должно – Вы,
С почтеньем, с важностью, с уклонкой*

головы;

*О прежняя Лиза, ты!.. Вы барыня уж ныне.
Скажите, так ли Вы в сей счастливы*

судьбине...

<...>

*Вспомните, как Вы была лишь только ты,
Еще не знающая величия мечты...*

Таким образом, смена местоимений в этом стихотворении отражает смену социальных отношений между собеседниками, оставляя сердечный характер отношений лишь в их памяти и выдвигая на первый план отношения социального статуса – социального неравенства.

В отличие от стихотворения Я.Б. Княжнина, в контексте стихотворения А.С. Пушкина в большей степени представлено личностное восприятие перехода на **ты**, определяемое эмоциональным и психологическим взаимодействием **я** в отношении адресата (**ты, вы**). Однако это взаимодействие также подвержено определенному этикету, существовавшему в обществе в то время. Поэтому Пушкин, согласно этикету, говорит **вы**; однако *говорю: вы, но мыслю: ты*.

Следует отметить, что однозначно определить социальные и культурные роли местоимений **ты** и **вы** без анализа эмоционального и психологического взаимодействия адресанта и адресата достаточно сложно. Показательным в этом плане является стихотворение Пушкина «На холмах Грузии», в котором линия сердечности и пустоты в связи с употреблением в общении местоимений **ты** и **вы** для него сохраняет свою значимость и актуальность. И хотя это стихотворение также связано с безответной любовью поэта, но при этом отношения лирического героя и его возлюбленной не утрачены полностью, а оставляют надежду на их сердечное возобновление при новых встречах. Адресат выражен языковой формой местоимения **ты** (*тобой*), в отличие от выраженности адресата в тексте «Я вас любил» – местоимением **вы** (*вас*). Это дает возможность предположить, что отношение к возлюбленной в тексте «На холмах Грузии» (по мнению большинства пушкиноведов, ею была Н.Н. Гончарова) более нежное, более

чувственное, сердечное, находившее, возможно, больший отклик в ее отношении к поэту.

В элегиях о любви Боратынского линия сердечности и обусловленная этим душевная близость между лирическим героем и его возлюбленной также, на наш взгляд, присутствует и выражена в выборе между местоимениями **ты** и **вы**. Однако, *в отличие от Пушкина*, у Боратынского мы не находим смыслового противопоставления **ты** и **вы** в рамках *одного* текста: употребляется либо **ты**, либо **вы** в самостоятельных художественных текстах.

Отношения **ты** и **вы** определяются Боратынским на основе своего любовного опыта и отношения к нему. Причем, по мнению исследователей, Боратынский рано разуверился в любви, в большей степени видел в ней опыт разочарований и несбывшихся надежд. *В отличие от Пушкина*, сердце которого не может не любить, и поэтому оно вновь и вновь было открыто для любви и, соответственно, для характеристики любовных отношений с позиций их сердечной близости или отчужденности, Боратынский в большей степени был сконцентрирован на утратах в любви, на ее угасании. Поэтому, на наш взгляд, его *сердечное ты* чаще всего отражало отношения в прошлом.

Местоимения ты и вы в стихотворениях

А.С. Пушкина «Признание»

и Е.А. Боратынского «Признание»

Особый интерес в плане восприятия любви вызывают два стихотворения, имеющие у Пушкина и Боратынского один и тот же заголовок – «Признание». В 1826 г. Пушкин пишет свое «Признание» («Я вас люблю, – хоть я бешусь...»), обращенное к А.И. Осиповой, но при жизни поэта не опубликованное (как считается, по причине особой интимности). Такой же заголовок имело и стихотворение Боратынского, но оно было опубликовано в 1823 году. Поэтому естественно предположить, что это не случайно. Вероятно, в этом проявилось стремление Пушкина в какой-то степени полемизировать с Боратынским относительно восприятия любовных отношений *умом и сердцем*. Для элегии Боратынского ум (рассудок) имеет приоритет над сердцем (*Печаль бесплодную рассудком усьмири*). В элегии же Пушкина, на наш взгляд, представлены

иные приоритеты: сердце оказывается сильнее ума. Ср.: *Я вдруг теряю весь свой ум* или *Любуюсь вами, как дитя*. Следует заметить, что, по мнению исследователей, дискуссии между Боратынским и Пушкиным велись лишь в связи с их творчеством. Поэтому ожидать в их общении жизненных откровений в отношении чувств, скорее всего, не приходилось. В этом плане примечательно то, что Пушкин в письме жене от 14 мая 1836 г. написал: «Баратынский очень мил. Но мы как-то холодны друг к другу» (Пушкин, т. 13, с. 84–85).

Таким образом, «Признание» Боратынского и «Признание» Пушкина – это отражение двух разных жизненных позиций и принципов, двух разных восприятий любви. У Пушкина любовь никогда не умирает полностью, она всегда имеет перспективу в отношениях с возлюбленными, поскольку он полагается в большей степени на сердце, чем на ум (рассудок). Ср.: *И сердце вновь горит и любит – оттого, // Что оно не может не любить* («На холмах Грузии»). У Боратынского чаще всего мы воспринимаем угасание любви: *В душе моей одно волнение, // А не любовь пробудишь ты* («Разуверение»). Поэтому в сердце поэта *уж нет прекрасного огня // Моей любви первоначальной* («Признание»). У Пушкина искры любви способны разжечь пламя, а у Боратынского от пламени любви остаются его искры. Ср.: *И пламень мой, слабея постепенно, // Собою сам погас в душе моей* («Признание»). Пушкин воспекает вечную любовь в ее прекрасных мгновениях, которые связаны с его возлюбленными, даже и в случае безответной любви. Боратынский же воспекает кратковременную любовь, к которой часто уже нет возврата.

В стихотворении «Признание» Боратынского в противопоставлении адресанта **я** адресату **ты** представлены разные формы местоимения **ты**: *образ твой, к тебе взывал*. Кроме того, форма **ты** также скрыта в употреблении глагольных форм повелительного наклонения: *нежности не требуй от меня, не завидуй нам, печаль рассудком усьмири, не вступай в суд со мною*. При этом смысл **ты-возлюбленная** порой включен в местоимение **мы** (**я** и **ты**): *мы шли дорогою одною, не властны мы в самих себе, уповевает нас первая любовь, даем поспешные обеты*. Естественно,

по смыслу формы **ты** противопоставлены, прежде всего, **я-лирическому герою**, причем не только в роли субъекта (адресанта), но и в роли объекта самого себя: *Напрасно я себе на память приводил // И милый образ твой и прежние мечтанья*. Особо следует отметить, что в стихотворении Боратынского лирический герой характеризует и свое отношение к нелюбимой женщине, которая, однако, может стать его спутницей в жизни. Но при этом он не обращается к ней на **ты**, а использует местоименную форму 3-го л.: *стану рядом с ней, назову ее моею*, а также местоимение **мы** (я и она): *не завидуй нам, обмена тайных дум не будет между нами, душевным прихотям мы воли не дадим, мы жребию свои соединим*.

Таким образом, в «Признании» Боратынского местоимения выполняют **разные роли** (**я-лирический герой**, **ты-возлюбленная**, **она-потенциальная жена**, **мы – я и возлюбленная**, **мы – я и потенциальная жена**). Отношения с ними воспринимаются лирическим **я** как разные истории: с возлюбленной – это отношения расставания, когда *«не властны мы в самих себе»*, в результате чего *«путь новый я избрал, путь новый избери»*. В отношении потенциальной жены – это отношения с нелюбимой женщиной на новом этапе жизни поэта. Обращает на себя внимание **отсутствие** местоимения **вы** и его форм в отношении бывшей возлюбленной. Можно предположить, что употребление **ты** и его форм свидетельствует о несомненной сердечной близости лирического героя и его возлюбленной, но только уже в прошлом, когда *«Безжизненные мои воспоминанья, // Я клятвы дал, но дал их выше сил»*. Немаловажно и то, что причину расставания лирический герой видит в себе: *Но в бурях жизненных развлекся я душою, // Уж ты жила неверной тенью в ней*.

В отличие от боратынского стихотворения «Признание», пушкинское стихотворение «Признание» не содержит такого разнообразия местоимений. И при этом, главное, в нем широко представлено лишь местоимение **вы** и его формы, а не **ты**. Означает ли это, что линия сердечности отсутствует в связи с отсутствием **любовного ты** в качестве адресата лирического героя? Думается, нет. Потому что их отношения – это, скорее всего, отношение лирического героя, которому *«не к*

лицу и не по летам... воспринимать «болезнь любви в душе» без оглядки («пора мне быть умней»). В результате *«Я в умиление, молча, нежно // Любуюсь вами, как дитя»*. Это признание человека, который осознает, что требовать любви от девушки с девственным, невинным голосом он не смеет. Для восприятия этих отношений важны уже не столько слова или переход в общении на **ты**, сколько взгляд возлюбленной, который *«Все может выразить так чудно!»*.

Таким образом, употребляя местоимение **вы** в общении, лирический герой Пушкина соблюдает этикетные нормы и приличия, поскольку переход на **ты** будет восприниматься светским окружением как нарушающее традиционные формы обращения, которые могли быть интерпретированы (истолкованы) как компрометирующие молодую даму. В качестве же средств выражения отношений, прежде всего, со стороны лирического героя оказываются **лексические средства**, представленные разными частями речи: *люблю, признаюсь, любуюсь; скучно, грустно; легкий шаг, голос девственный, невинный, ревнивая печаль; ангел, болезнь любви, умиление* и т. д. Все эти языковые средства отражают в элегии Пушкина его восприятие любви как дара бесценного, пренебрежение к которому приводит лирического героя у Боратынского, к *«хладу печальному»*, в котором *«уж нет прекрасного огня... любви первоначальной»*.

Существенно в отношениях лирического героя и возлюбленной также то, что **у Пушкина** причина безответной любви чаще всего определяется отношением со стороны возлюбленной, которая не всегда способна понять и оценить чувства лирического героя. **У Боратынского** же сам лирический герой (автор) часто проявляет холодность, называет свое поведение изменой по отношению к возлюбленной. При этом он уходит в пространные рассуждения о смысле жизни и любви, которые свидетельствуют о его нежелании продолжать любовные отношения, хотя при этом они в его душе не угасли совсем.

Показательным в этом плане является стихотворение Боратынского «Уверение» (1824): *Нет, обманула вас молва, // По-прежнему дышу я с вами, // И надо мной свои права // Вы не утратили с годами*. В этом

стихотворении он употребляет личное местоимение **вы** в отношении своей бывшей возлюбленной. Можно предположить, что в выборе между местоимениями **ты** и **вы** Боратынский остановился на использовании местоимения **вы** как отражающего уважительное и преданное отношение к ней, но не дающего повода для дальнейших сердечных отношений. Однако в целом для Боратынского, на наш взгляд, предпочтительнее все же был выбор «сердечного» местоимения **ты** в отношении к любовному адресату. В одном из поздних стихотворений «Когда, дитя и страсти и сомненья...» (1844) именно местоимение **ты** символизирует сердечность, преданность и страсть поэта к любимой женщине: *О, сколько раз к тебе, святой и нежной, // Я прикидал главой моей мятежной, // С тобой себе и небу веря вновь.*

Думается, и у Пушкина смысловое противопоставление **ты** – **вы**, наполненное поэтическим смыслом сердечных отношений между адресантом и адресатом, также в большей степени представлено выбором в пользу употребления местоимения **ты**. Именно оно характеризует страсть поэта, его воспоминания о любви, сердечность и близость возлюбленной. Ср. употребление **ты** в таких стихотворениях, как «В крови горит огонь желанья» (1825): *Лобзай меня: твои лобзанья // Мне слаще мирра и вина;* «Простишь ли мне ревнивые мечты» (1823): *Но я люблю... Наедине со мною // Ты так нежна! Лобзания твои // Так пламенны! Слова твоей любви // Так искренно полны твоей душою!* и др.

Особо следует выделить стихотворения Пушкина, в которых возлюбленная, как и сам лирический герой, обращается на **ты** к нему. Именно в такого рода текстах наиболее действительно воспринимаются отношения собеседников, их сердечная близость. Так, например, в стихотворении «Ночь» (1823) звучит не только голос лирического героя в его общении на **ты** с возлюбленной, но и ее голос: *Во тьме твои глаза блистают предо мною, // Мне улыбаются, и звуки слышу я: // Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..* Ср. также в стихотворении «Желание славы» (1825): *Когда, склонив ко мне томительные взоры // И руку на главу мне тихо наложив, // Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?*

Заключение

Общим для Пушкина и Боратынского в отношении выбора местоимения по линии **ты** – **вы** в рамках любовного адресата является стремление поэтов учесть в своей любовной лирике, представленной жанром элегии, семантическое (смысловое) расширение этих местоимений, используя вторичную концептуализацию в составе поэтического текста в целом, а точнее, лирического произведения. Первичной для **вы** является обозначение обращения к нескольким лицам. Вторичная же концептуализация местоимения **вы** дополняет его новым семантическим (смысловым) содержанием в рамках обращения к конкретному лицу. В результате вторичный смысл **вы** оказался противопоставленным первичному смыслу **ты**, который был в языковом сознании славян наиболее естественной формой обращения к адресату. Учитывая, что в русском сознании обращение на **ты** присутствует и в обращении к Богу, можно предполагать, что **ты** в своем основном референтном значении, называющем Бога, окрашено чувствами верующих, которым присущи сердечность и душевность в общении с Богом. Поэтому, вероятно, что в рамках поэтического текста и другие референтные смыслы **ты** (автор, лирический герой, возлюбленная как адресат обращения) характеризуются сердечным и душевным восприятием.

Что же касается местоимения **вы**, то в обращении на **вы**, заимствованном Петром I из системы обращений других народов, сердечность и душевность оказались нейтрализованными. Это и позволяет в обращении на **вы** воспринимать в той или иной степени формальное (и в этом смысле «пустое») обращение. Наиболее лаконично и художественно ярко это выразил Пушкин в своем лирическом стихотворении «Ты и вы». Именно в ориентации на его восприятие *сердечного ты* и *пустого вы* чаще всего использовалось употребление этих местоимений. В любовной лирике Боратынского представлено, на наш взгляд, в большей степени именно пушкинское восприятие, прежде всего в отношении *любовного ты и вы*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Винокур Г. О., 1990. Я и ты в лирике Баратынского : (Из этюдов о русском поэтическом языке) // Филологические исследования : Лингвистика и поэтика. Москва : Наука. С. 241–249, 357–362.
- Довгий О. Л., 2015. История употребления «ты» и «вы» // Русская речь. № 3. С. 91–95.
- Ковтунова И. И., 2005. Категория лица в языке поэзии // Поэтическая грамматика. В 2 т. Т. 1. Москва : Азбуковник. С. 7–72.
- Лопушанская С. П., 1990. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград : Изд-во ВПИ. 114 с.
- Лопушанская С. П., 1998. О вратах учености : История учебной книги по русскому языку. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 192 с.
- Лопушанская С. П., 1999а. Лингвокультурологическая значимость писем А.С. Пушкина как совокупность проявлений жизни русского народа // Наш Пушкин : IX Междунар. конгр. МАПРЯЛ / отв. ред. А. Червеняк. Nitra : Filoz. fak. UKF v Nitre : Asoc. rusistov Slovenska. С. 201.
- Лопушанская С. П., 1999б. Русское слово в системе языка и в тексте А.С. Пушкина // Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней : материалы конф. и семинаров. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 19–26.
- Лотман Ю. М., 1972. Анализ поэтического текста. Ленинград : Просвещение. 270 с.
- Потебня А. А., 1989. Слово и миф. Москва : Правда. 622 с.
- Ревзина О. Г., 1998. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта : автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Москва. 86 с.
- Тамарченко Н. Д., 2001. Теоретическая поэтика: понятия и определения. Москва : РГГУ. 467 с.
- Шарандин А. Л., 2011а. Лексическая категоризация времени и ментальность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Вып. 2 (14). С. 11–16.
- Шарандин А. Л., 2011б. Языковая категоризация времени как отражение русской ментальности // Слово в языке и тексте : сб. ст. к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. С. 367–383.
- Шарандин А. Л., 2012. Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 10. (144). С. 18–26.
- Шарандин А. Л., 2013. Поэтика как объект междисциплинарного изучения // Экология языка и речи. Тамбов : ТГУ. С. 281–283.
- Шарандин А. Л., 2022а. Особенности эволюции и языковой репрезентации времени в русском языке // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Тамбов : Державинский. С. 232–242.
- Шарандин А. Л., 2022б. Школьные учебники как отражение традиционных и новых знаний (на примере понятия морфемы) // Семантика и функционирование языковых единиц в славянских языках. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 141–149.
- Шарандин А. Л., 2024. Актуальное членение стихотворения А.С. Пушкина «Я Вас любил» // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Тамбов : Державинский. С. 282–291.
- Шарандин А. Л., 2025. Стихотворения А.С. Пушкина «Я вас любил» и «На холмах Грузии» в контексте лингвистического анализа художественного текста // Неофилология. Т. 11, № 3. С. 540–552.

ИСТОЧНИКИ

- Баратынский Е. А. Полное собрание сочинений. Москва : Директ-Медиа, 2014. 516 с.
- Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Ленинград : Сов. писатель, 1961. 710 с.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР. 1937–1949. Т. 13. 1937. 531 с. ; Т. 16. 1949. 503 с.

REFERENCES

- Vinokur G.O., 1990. Ja i ty v lirike Baratynskogo: (Iz etjudov o rusском poeticheskom jazyke) [I and You in Baratynsky's Lyrics: (From Studies on the Russian Poetic Language)]. *Filologičeskije issledovanija: Lingvistika i poetika* [Philological Research: Linguistics and Poetics]. Moscow, Nauka Publ., pp. 241-249, 357-362.
- Dovgy O.L., 2015. Istorija upotreblenija «ty» i «vy» [The History of the Use of “You” and “You Are”]. *Russkaja rech* [Russian Speech], no. 3, pp. 91-95.
- Kovtunova I.I., 2005. Kategorija litsa v jazyke poezii [The Category of Person in the Language of Poetry]. *Poetičeskaja grammatika. V 2 t. T. 1* [Poetic Grammar. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 7-72.
- Lopushanskaja S.P., 1990. *Razvitije i funkcionirovanije drevnerusskogo glagola* [The Development and Functioning of the Old Russian Verb]. Volgograd, Izd-vo VPI. 114 p.
- Lopushanskaja S.P., 1998. *O vratakh učenosti: Istorija učebnoj knigi po rusскому jazyku* [On the Gates of Learning: The History of a Russian Language Textbook]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 192 p.
- Lopushanskaja S.P., 1999a. Lingvokulturologičeskaja znachimost pisem A.S. Pushkina kak sovokupnost projavlenij zhizni rusского naroda [The Linguocultural Significance of A.S. Pushkin's Letters as a Collection of Manifestations of the Russian People's Life]. Chervenyak A., ed. *Nash Pushkin: IX Mezhdunar. kongr. MAPRYaL* [Our Pushkin: The 9th International Congress of the International Association of Russian Language Teachers]. Nitra, Filoz. fak. UKF v Nitre, Asoc. rusistov Slovenska, p. 201.
- Lopushanskaja S.P., 1999b. Rusское slovo v sisteme jazyka i v tekste A.S. Pushkina [The Russian Word in the System of Language and in the Text of A.S. Pushkin]. *Izuchenije i prepodavanije rusского slova ot Pushkina do nashikh dnei: Materialy konferentsij i seminarov* [The Study and Teaching of the Russian Word from Pushkin to the Present Day: Proceedings of Conferences and Seminars]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 19-26.
- Lotman Ju.M., 1972. *Analiz poetičeskogo teksta* [Analysis of a Poetic Text]. Leningrad, Prosveshchenije Publ. 270 p.
- Potebnja A.A., 1989. *Slovo i mif* [Word and Myth]. Moscow, Pravda Publ. 622 p.
- Revzina O.G., 1998. *Sistemno-funktsionalnyj podkhod v lingvističeskoi poetike i problem opisanija poetičeskogo idiolekta: avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk* [System-Functional Approach in Linguistic Poetics and Problems of Describing a Poetic Idiom. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 86 p.
- Tamarchchenko N.D., 2001. *Teoretičeskaja poetika: ponjatija i opredelenija* [Theoretical Poetics: Concepts and Definitions]. Moscow, Izd-vo RGGU. 467 p.
- Sharandin A.L., 2011a. Leksicheskaja kategorizatsija vremeni i mentalnost [Lexical Categorization of Time and Mentality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (14), pp. 11-16.
- Sharandin A.L., 2011b. Jazykovaja kategorizatsija vremeni kak otrazhenije rusской mentalnosti [Linguistic Categorization of Time as a Reflection of Russian Mentality]. *Slovo v jazyke i tekste: sb. st. k 85-letiju so dnja rozhdenija Sofii Petrovny Lopushanskoi* [The Word in Language and Text. Collection of Articles Dedicated to the 85th Anniversary of Sofia Petrovna Lopushanskaja]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, pp. 367-383.
- Sharandin A.L., 2012. Kognitivnaja poetika v sistemnom opisaniij poetičeskogo jazyka [Cognitive Poetics in the Systemic Description of Poetic Language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], iss. 10 (144), pp. 18-26.
- Sharandin A.L., 2013. Poetika kak objekt mezhdistsiplinarnogo izuchenija [Poetics as an Object of Interdisciplinary Study]. *Ekologija jazyka i rechi* [Ecology of Language and Speech]. Tambov, TGU, pp. 281-283.
- Sharandin A.L., 2022a. Osobennosti evoljutsii i jazykovoj reprezentatsii vremeni v rusском jazyke [Features of the Evolution and Linguistic Representation of Time in the Russian Language]. *Slavyanskij mir: dukhovnye traditsii i slovesnost* [Slavic World: Spiritual Traditions and Literature]. Tambov, Derzhavinskij, pp. 232-242.
- Sharandin A.L., 2022b. Shkolnyje učebniki kak otrazhenije traditsionnykh i novykh znanij (na primere ponjatija morfemy) [School Textbooks as a Reflection of Traditional and New Knowledge (On the Example of the Concept of Morpheme)]. *Semantika i funkcionirovanije jazykovykh jedinit v slavyanskikh jazykakh* [Semantics and Functioning of Language Units in Slavic Languages]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 141-149.

- Sharandin A.L., 2024. Aktualnoje chlenenije stikhotvorenija A.S. Pushkina «Ja Vas ljubil» [The Actual Division of A.S. Pushkin's Poem "I Loved You"]. *Slavjanskij mir: dukhovnyje traditsii i slovesnost* [Slavic World: Spiritual Traditions and Literature]. Tambov, Derzhavinsky, pp. 282-291.
- Sharandin A.L., 2025. Stikhotvorenija A.S. Pushkina «Ja vas ljubil» i «Na kholmakh Gruzii» v kontekste lingvisticheskogo analiza khudozhestvennogo teksta [Poems by A.S. Pushkin "I Loved You" and "On the Hills of Georgia" in the Context of Linguistic Analysis of a Literary Text]. *Neofilologija* [Neofilology], vol. 11, no. 3, pp. 540-552.

SOURCES

- Baratynsky E.A. *Polnoje sobranije sochinenij* [Complete Works]. Moscow, Direct-Media Publ., 2014. 516 p.
- Knjazhnin Ja.B. *Izbrannyye proizvedenija* [Selected Works]. Leningrad, Sov. pisatel Publ., 1961. 710 p.
- Pushkin A.S. *Polnoje sobranije sochinenij: v 16 t.* [Complete Works. In 16 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1937–1949, vol. 13, 1937. 51 p.; vol. 16, 1949. 503 p.

Information About the Author

Anatoly L. Sharandin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Russian and Foreign Literature, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, sharandin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Информация об авторе

Анатолий Леонидович Шарандин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия, sharandin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

- комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;
- поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;
- расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;
- повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;
- поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the journal is aimed at achieving the objectives set:

- comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;
- supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;
- expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;
- enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;
- supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The editorial board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

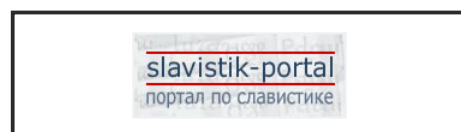
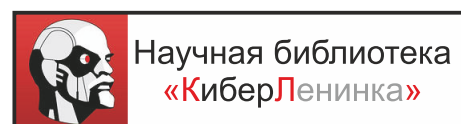
The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

ISSN 1998-9911. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2026. Том 25. № 2. 1–179.